

СНОВИДЕНИЯ
ЕХО

Вся правда
о нас

Annotation

Следует признать, что в названии книги содержится некоторое преувеличение. Вся правда обо всех сразу в одну книгу просто не помещается. Но мы очень старались и рассказали столько правды, сколько смогли: о персонажах, о Море, о магии, о времени, о смерти и бессмертии, о проклятиях, об отчаянии и о любви. Результатом наших усилий стал удивительный эффект: прочитав эту книгу, читатель получит шанс узнать всю правду о себе. Кто-то сразу, кто-то – годы спустя, кто-то во сне, кто-то наяву. Но узнает непременно. Тем лучше: лишняя порция новых устрашающих знаний никогда не повредит.

Книга публикуется в авторской редакции

- [Макс Фрай](#)

-

-

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

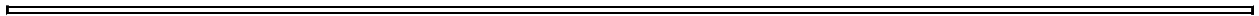
- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

Макс Фрай

Вся правда о нас

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

– И дураку ясно, что путешествия в прошлое абсолютно невозможны, – сказала леди Сотофа. – Потому что никакого прошлого нет. Прошлое – это не тайная комната в подвале под Хуроном, куда при большом желании, ловкости и везении можно пробраться, а просто набор обстоятельств и событий, которые уже завершились, как закончилась камра в этом кувшине. Хороши мы будем, если попытаемся выпить её ещё раз! Нечего там пить, в кувшине пусто. Вот тебе и всё прошлое.

И швырнула кувшин на пол – видимо, для пущей наглядности. Впрочем, он не разбился, а просто исчез, так и не долетев до земли. Хорошо быть могущественной ведьмой, как ни безобразничай, а в доме всегда порядок. В смысле в садовой беседке, где леди Сотофа Ханемер обычно принимает гостей.

– Вот и мне примерно так кажется, – согласился я. – Поэтому все эти разговоры про Мост Времени натурально сводят меня с ума. С одной стороны, не могу же я вам не верить. То есть вообще-то могу, но подозревать, что вы выдумали Мост Времени специально, чтобы оставить меня в дураках, было бы совсем уж странно. А с другой стороны, я совершенно уверен, что идти по этому мосту некуда, потому что прошлого уже нет. И будущего нет – ещё. Время – это текущее мгновение, плюс память и воображение. И всё.

– Это так, – кивнула леди Сотофа. – Идти по Мосту Времени некуда, ты прав. Но некоторые всё же идут. И даже приходят куда, вернее, когда собирались, вот в чём штука. Как бы ты объяснил такой парадокс?

– Наваждение? – предположил я, чувствуя себя последним двоечником. – Галлюцинация, мираж, сон наяву?..

– Нет смысла продолжать, – отмахнулась она. – Холодно. И даже не забавно. Придумай что-нибудь ещё.

– Ладно. Например, существует почти бесконечное число реальностей, совершенно одинаковых во всём, кроме собственно хода времени. То есть каждая отстаёт от соседней на одну секунду. Или долю секунды – неважно. А мы болтаемся где-нибудь примерно посередине. И при определённой сноровке можно путешествовать между этими Мирами, перескакивая в очень далёкие – те, которые отстают от нас на тысячи лет. Или, напротив, опережают...

– Чегооо?! – переспросила леди Сотофа.

Судя по выражению её лица, она ушам своим не верила. Хотя, по идее, знает меня не первый год. И в принципе должна бы понимать, чего от меня можно ожидать.

– Значит, опять холодно, – вздохнул я. – Надеюсь, хотя бы забавно?

– Да не то слово. Бесконечное множество копий одной и той же реальности! И каждая отстаёт от соседней на долю секунды. Браво, сэр Макс! Мне доводилось беседовать про Мост Времени с парой дюжин сумасшедших колдунов и тремя выдающимися математиками. Но никому из них не удалось додуматься до такого кромешного ужаса.

– Это ещё был не ужас, – скромно заметил я. – Вот если оставить меня наедине с этой темой дня этак на два, желательно в полном одиночестве и без срочной работы...

– Не уверена, что готова услышать, до чего ты способен додуматься в столь благоприятных обстоятельствах.

– Шансы, честно говоря, невелики. У меня, сами знаете, полон дом кошек, собак и чудовищ, при этом дня не проходит без вторжения какого-нибудь бывшего Мятежного Магистра, внезапно решившего пожелать мне хорошего вечера. И доброго утра заодно – если засидимся. В такой умиротворяющей обстановке довольно сложно додуматься до чего-нибудь по-настоящему ужасного. Что к лучшему. Потому что когда я начинаю слишком много думать, рано или поздно непременно додумываюсь до очередного конца Мира и начинаю панически соображать, как бы его отме... Почему вы так на меня смотрите?

– Потому что горячо, – сказала леди Сотофа. – Очень горячо. Почти угадал.

Если бы она обрушила мне на голову крышу уютной садовой беседки, в которой мы так замечательно сидели, это был бы гораздо более милосердный поступок. Впрочем, чем-чем, а чрезмерным милосердием леди Сотофа Ханемер никогда особо не грешила. Нелепо было бы на него рассчитывать.

– Пройти по Мосту Времени – это и означает отменить Мир, – сказала

она. – Пока ты стоишь на Мосту Времени, ничего, кроме тебя, нет. И не было, и не будет. Но если у тебя хватит воли и страсти, ты можешь заставить Мир снова начаться, причём с того самого момента, который тебя интересует. Пока ты настолько хозяин ситуации, назначить нужную дату совсем нетрудно, она – всего лишь одна из множества подробностей, которые остаются на твоё усмотрение. Потому что на твоё усмотрение – вообще всё. Именно так обстоят дела, сэр Макс, нравится тебе это, или нет.

– Вы хотите сказать, что Мир рушится всякий раз, когда очередной любитель приключений решает прогуляться по Мосту Времени? А потом снова рождается?

– Разумеется, я не хочу этого говорить. Потому что уже сказала. Глупо было бы продолжать хотеть сделать то, что уже сделано. В утешение тебе могу добавить, что таких, как ты выражаешься, любителей приключений на пальцах пары дюжин рук сосчитать можно. Ну, может быть, третья дюжина понадобится, если мы великодушно согласимся принять на веру совсем уж смутные легенды о подвигах древних магов, не сохранившие ни подробностей, ни имён.

– Пальцы трёх дюжин рук? И на совести каждого хотя бы одно разрушение Мира? С последующим его воссозданием? Ну ничего себе! Чокнуться можно.

– Напрасно ты так драматизируешь. Практика показывает, что нет ничего полезней для равновесия Мира, чем регулярные инъекции небытия. Мне доводилось видеть реальности, так и не породившие ни одного охотника бегать по Мосту Времени. Воздух там, на мой вкус, слишком густой и тяжёлый, дневной свет ослепляет, тьма способна свести с ума, материя жестка и неподатлива, а магия работает так медленно, что проще решить, будто её нет вовсе... Ладно. Я только и хотела сказать: не тревожся.

– После всего, что я услышал?!

– Именно. Просто так не тревожиться любой дурак может. А вот не тревожиться, став обладателем пугающей тебя информации – важнейшее из искусств.

Я невольно улыбнулся.

– Уже хорошо, – одобрительно кивнула леди Сотофа. – Не то чтобы я верю, будто ты так быстро успокоился, но попытка засчитывается, поскольку ценна сама по себе. А теперь выдыхай, сэр Макс. Я не сказала тебе самого главного: Мир исчезает только для того, кто ступил на Мост Времени. С точки зрения оставшихся дома, не происходит ничего из ряда вон выходящего. То есть будем честны, вообще ничего не происходит. Сама

неоднократно оставалась и проверяла. А я, ты знаешь, дотошная.

– Тогда не сходится, – буркнул я.

Впрочем, с облегчением.

– Сходится, если предположить, что ступивший на Мост Времени отменяет не Мир, а себя в нём. Становится несуществующим, никогда не рождённым. А потом создаёт себя заново – когда пожелает. С точки зрения небытия нет не только прошлого и будущего, но и настоящего. Вообще ничего нет, кроме нашей воли, которая способна на всё, особенно если загнать её обладателя в угол. А Мост Времени – очень хороший угол. Там до любого сразу доходит, что «я не могу» означает «меня нет». В таких обстоятельствах мало кто станет упорствовать в немощи.

– Можно я немножко побьюсь головой об стенку? – вежливо спросил я. – Совсем чуть-чуть, до первой крови. Просто чтобы отвлечься.

– Лучше покури, – усмехнулась леди Сотофа. – Эффект тот же, а стены при этом целы.

Хороший совет.

– Слушай, а зачем тебе вообще понадобилась информация про Мост Времени? – спросила она. – Если ты просто искал повод заглянуть в гости, тогда молодец, остроумное решение, под таким предлогом ко мне на кружку камры ещё никто не напрашивался. Хотя я тысячу раз говорила тебе, что нормального человеческого желания повидаться обычно вполне достаточно. А если...

Ох, нет!

У меня натурально в глазах потемнело от её невысказанного предположения, будто информация про Мост Времени понадобилась мне для дела. Только не это. Ну пожалуйста, дорогая моя судьба, не надо! Чего тебе стоит?

– Просто заметил, что эта тема очень меня пугает, – признался я. – Уши готов заткнуть, лишь бы не слушать, когда кто-то в очередной раз заговорит про Мост Времени. А это не дело – так сильно бояться. Я просто не могу позволить себе такой страх. И лучше бы победить его задолго до того, как у него появится хоть малейший шанс осуществиться.

– Хорошо, что ты это понимаешь.

– Обычно причиной страха становится невежество. Оно оставляет простор воображению, а с ним шутки плохи. По крайней мере, с моим. Поэтому я решил расспросить именно вас. Вы очень хорошо знаете, что такое Мост Времени. И совсем его не боитесь. Напротив, любите там гулять. Именно то, что надо, – так мне казалось.

– Ну и как, помогло? – сочувственно спросила леди Сотофа.

– Не знаю, – честно сказал я. – Прямо сейчас кажется, что стало только хуже. Но это как раз нормально, мне всегда нужно время, чтобы примириться с очередной порцией новой информации. Наверное, через полгода внезапно обнаружится, что я больше не вздрагиваю, услышав словосочетание «Мост Времени». Возможно, даже зеваю от скуки. Думаю: «Охота же людям говорить о такой ерунде! Подумаешь – какой-то дурацкий мост...»

– Аж через полгода? – рассмеялась она. – Ты себя недооцениваешь, сэр Макс! Будь я любительницей заключать пари, поставила бы на завтрашний вечер.

Когда леди Сотофа Ханемер берётся прогнозировать моё будущее, она кажется наивной оптимисткой. И поверить ей почти невозможно, сколько ни напоминай себе, что она всегда оказывается права.

И тут оказалась права, по крайней мере, отчасти: на следующий вечер я действительно зевал, да так, что скулы болели. Правда, не от скучных разговоров про Мост Времени, а по куда более естественным причинам: просто очень хотел спать. По досадному недоразумению тело моё при этом обреталось не в постели, а в холле гостиницы в самом центре Нумбаны, крупнейшего и богатейшего города Ландаграда, одной из провинций Соединённого Королевства.

Вместо того чтобы наслаждаться очевидными преимуществами такого положения, я томно сидел на табурете в изысканной позе подтаявшего на солнце студня. И чувствовал себя соответственно. И мыслил. И венцом могущества мне в тот момент казалось вовсе не умение пересечь какой-то там дурацкий Мост Времени, а дивная мистическая способность сделать несколько дюжин шагов, отделявших меня от двери моего номера.

– Ну что, теперь тебе ясно, зачем нужны ярмарки? – спросил Нумминорих, бодро размахивая перед моим носом полуметровой копчёной колбасой, выигранной в так называемой «Обжорной лотерее», где билетами являются гигантские пироги с номерами, выложенными из ягод и орехов, причём, пока не съешь свой пирог целиком, приз не получишь, хоть из бабума в распорядителя стреляй. Но Нумминорих с пугающей лёгкостью преодолел это препятствие.

За пугающей лёгкостью – это вообще к нему. В любое время суток.

Вот и теперь, в финале долгого и чертовски утомительного дня, в голосе Нумминориха звучал неподдельный энтузиазм, способный вызвать справедливое негодование у любого нормального человека с трезвым взглядом на жизнь. Например, у меня.

Я не швырнул в него ближайшей табуреткой только потому, что вовсе не был уверен в своей способности её поднять. Первый же подход к снаряду мог оказаться последним героическим деянием моей бестолковой жизни: вся мебель в этой грешной гостинице была изготовлена из знаменитого ландаландского Каменного дерева, древесина которого считается самой тяжёлой в Мире и такой твёрдой, что практически не поддаётся обработке. Но когда это останавливало настоящих мастеров.

Поэтому я не стал кидаться мебелью, а заговорил человеческим голосом.

– Конечно. Ярмарки нужны затем, чтобы я полночи гнал, как бешеная собака, поутру отправился приятно проводить время в обществе нескольких тысяч орущих весельчаков, всегда готовых как следует пихнуть ближнего локтем в бок, а к вечеру озверел бы окончательно и устроил конец света. Уверен, именно с такой целью некий неведомый мне злодей и организовал в свое время этот крошечный ужас, который тут, в Нумбане, почему-то считается весёлой ярмаркой. Но я не намерен быть слепым орудием в чужих руках. А посему отправляюсь спать. И если ты сделаешь так, чтобы меня никто не беспокоил хотя бы часов десять кряду, я лично буду хлопотать перед Его Величеством о вручении тебе именного ордена за спасение Мира от разъяренного меня.

С этими словами я наконец сполз с табурета с твёрдым намерением немедленно отправиться в свою комнату, оставив Нумминориха восхищаться моим красноречием. Ну или, напротив, крутить пальцем у виска. У всякого, кого угораздило связаться со мной, всегда есть такой выбор.

Однако Нумминорих в любой ситуации пытается договориться. Даже с неодушевлёнными предметами вроде меня.

– Ты же сам захотел ехать сюда в амобилере, – укоризненно заметил он мне вслед. – Хотя я сразу предложил пройти Тёмным Путём и...

– И лишить меня ни с чем не сравнимого удовольствия полночи гнать, как бешеная собака? – возмутился я. – Ну уж нет!

– А ещё я предлагал тебе лечь поспать сразу после приезда, – напомнил он. – Ярмарка никуда не убежала бы.

Кстати, да. Он действительно предлагал. Но я и слушать не стал. Хлебнул бальзама Кахара и понёсся на эту грешную ярмарку – вот интересно, зачем? Нет ответа.

– Надо было не предлагать, а связывать меня по рукам и ногам и запира́ть в подвале, – проворчал я. – Так я вполне мог бы уснуть – просто от безвыходности. Заклинания, освобождающие от пут, я, будешь смеяться,

до сих пор не вызубрил; строго говоря, даже не знаю, есть ли такие.

– Конечно, есть, – заверил меня Нумминорих. – Целая куча! Вот сразу видно, что у тебя детство не в Ехо прошло, и ты в «Догони-свяжи Магистра» ни разу не играл. Взрослым-то подобные фокусы уже как бы и ни к чему, нас такой ерундой, как верёвки, обычно не связывают.

Зная Нумминориха, я не сомневался, что, дай ему волю, он тут же примется обстоятельно объяснять мне правила, а полчаса спустя как-то внезапно окажется, что мы уже подняли на ноги всех гостиничных постояльцев, разбились на команды и начали играть – причём только для того, чтобы я как можно лучше понял его объяснения.

Ну уж нет.

– Давай я всё-таки пойду спать, – предложил я. – И всем будет хорошо. Особенно мне.

– Ой, конечно, иди, – спохватился Нумминорих. – Извини, пожалуйста. Просто я огорчился, что тебе не понравилась ярмарка.

– Да с чего ты взял? – изумился я.

– С твоих слов.

– Нашёл кого слушать.

– Но...

– Просто так моё сознание защищается от переизбытка впечатлений, – объяснил я. – Прикидывается, будто оно всем недовольно. А это всего-то и означает, что у меня просто больше нет сил радоваться и удивляться. Прости. В голову не пришло, что я могу быть убедителен в этом амплуа.

– Более чем, – заверил меня Нумминорих.

Ну да. Я чертовски талантливый трагик. Нельзя об этом забывать.

Что обычно делает нормальный человек, не спавший двое с лишним суток, донельзя утомлённый долгой дорогой и новыми впечатлениями, добравшись наконец до постели? Правильный ответ: падает и засыпает.

Но только при одном условии: если этот человек – не я.

Потому что я в такой ситуации сперва действительно падаю на постель и лежу очень долго, целых пятнадцать секунд. А может быть, даже двадцать. Лежу и разглядываю синий потолок, расписанный жёлтыми репами и белыми звёздами – не потому, что зрелище так уж прекрасно, просто у меня нет сил закрыть глаза. Да и особого смысла в этом действии нет, поскольку, отдав должное потолочной росписи, я с душераздирающим стоном привожу своё бедное тело в вертикальное положение и заставляю его сделать очередной шаг. Правда, всего один. Для того, чтобы оказаться дома, этого совершенно достаточно.

Главная драма моей жизни на сегодняшний день состоит в том, что я научился ходить Тёмным Путём. То есть сам-то по себе фокус чрезвычайно полезный, даже не представляю, как прежде без него обходился. Чего не следовало делать ни в коем случае, так это хвастаться своим новым умением всем подряд. Потому что теперь, с точки зрения этих самых всех, служебная командировка в Ландаланд – да хоть на край Мира – совершенно не повод забить на все остальные дела. «Ну так зайдёшь на полчаса Тёмным Путём, тебе же не трудно», – в один голос твердят мои ближние, коварные злодеи и безжалостные мучители, все как один.

Я всегда умел тщательно подбирать окружение, этого у меня не отнять.

Коварные злодеи и безжалостные мучители, разумеется, уже поджидали меня в засаде. В смысле в гостиной Мохнатого Дома. Затаились там в удобных креслах и ржали так, что стены ходуном ходили – не то от переизбытка злодейства, не то просто для привлечения внимания. В злодейской психологии я до сих пор не шибко силён.

Председательствовал в этом собрании сэр Джуффин Халли, главный виновник моих страданий. В смысле это была его идея – приятно провести вечер в моей гостиной именно сегодня, не дожидаясь окончания нашей с Нумминорихом служебной командировки. Не то чтобы он силой и угрозами заставлял меня проявлять гостеприимство, просто я ещё очень хорошо помню те времена, когда заполучить Джуффина в гости было практически невозможно. И всякое его появление в своём доме до сих пор воспринимаю как чудо – даром, что чудеса такого рода случаются теперь чуть ли не через день.

Чтобы было не так скучно меня дожидаться, Джуффин прихватил с собой сэра Кофу Йоха и Мелифаро. Очень удачный, я считаю, набор. Хотя бы потому, что длинное землисто-бурое лоохи из грубой шерсти, надетое Кофой специально для посещения какого-нибудь безымянного трактира, где режутся в карты высшие чины Канцелярии Больших Денег, ловко замаскировавшиеся под окрестных фермеров, служит совершенно изумительным фоном для охапки полупрозрачных блестящих тряпок, в которые закутан сэр Мелифаро. Подозреваю, бедняга уже и сам не рад, что вменил себе в обязанность исполнение всех требований столичной моды, которая в последнее время как с цепи сорвалась, словно все уцелевшие мятежные Магистры давным-давно разогнанных Орденков тайно вернулись в Ехо и открыли портновские мастерские, чтобы поквитаться за свою загубленную жизнь со всеми нами сразу. Если так, месть их, безусловно, удалась.

Но Мелифаро держится стойко. Он вообще очень мужественный человек, хотя с виду, конечно, не скажешь – пока не разденется.

Если по уму, с ними или даже вместо них здесь сейчас должна была бы сидеть страшно истосковавшаяся по мне за истекшие сутки леди Меламори. Но где это видано, чтобы у нас хоть что-то делалось по уму. Меламори отнеслась к моему отъезду с огромным энтузиазмом. Для неё всякая моя отлучка – дополнительная счастливая возможность запереться дома и, не отвлекаясь на всякую ерунду вроде свиданий и вечеринок, предаться своему любимому занятию. В смысле превращения в какую-нибудь очередную пакость. Собственно, я даже знаю, в какую именно. После того, как сэр Шурф подарил Меламори отлично сохранившийся экземпляр старинной «Энциклопедии устрашающих созданий», она натурально влюбилась в зелёного Муррийского Демона Гнева, существо мифическое, но оттого ничуть не менее привлекательное. Этого следовало ожидать, Меламори романтична и впечатлительна, а у Муррийского демона одних только огромных лиловых глаз несколько дюжин. И каждый окружён тонкими ядовитыми шипами, похожими на длинные ресницы. Арварохский хуб, в которого Меламори недавно выучилась превращаться, ни в какое сравнение с этой пусечкой не идёт.

Не могу сказать, что я в таком уж восторге от её нового увлечения, но не готов становиться между человеком и его сокровенной мечтой. Во-первых, для этого я слишком уважаю чужую свободу воли, а во-вторых, жизнь мне пока дорога.

В общем, Меламори в гостинной не было. Зато рядом с Джуфффином сидела Базилио. И правильно делала, что сидела. Мало что приносит столько пользы и удовольствия неопытным юным барышням, как возможность коротать вечера в обществе взрослых, состоявшихся злодеев. В этом смысле жизнь Базилио удалась окончательно и бесповоротно, причём с самого первого её дня, когда наша общая любимица была ещё не долговязой рыжей девицей, а ужасающей химерой с головой индюка. Вот что значит счастливая судьба! А что наряды ей теперь помогает выбирать сэр Мелифаро – ну так всякая палка о двух концах. К тому же, женская мода у нас гораздо консервативней мужской, поэтому результат их совместных походов по модным лавкам пока выглядит ненамного хуже, чем индюшачья голова.

Честно. Совсем ненамного.

Ржали присутствующие, впрочем, не над нарядами друг друга, что было бы по-человечески понятно, а над отрывками из студенческих сочинений, которые зачитывал им Дримарондо.

– «Из кровавых ран взбесившегося от неконтролируемой магии общества ключом фонтанировала поэзия», – декламировал он, выплюнув из пасти карандаш, которым делал пометки. – Или вот, ещё лучше: «Возвысившись духом над бессмысленной схваткой, не всякому поэту удавалось уберечь от неё своё брненное тело». Каково?!

На мой взгляд, прилюдно насмехаться над собственными студентами некрасиво. Да и неразумно, поскольку все их ошибки – это, в первую очередь, твой личный педагогический провал. Но собакам я готов прощать гораздо больше, чем людям. Даже говорящим собакам, читающим лекции в Королевском Университете, – просто потому, что у них смешные мохнатые уши, хвосты бубликом и трогательные мокрые носы. Ни один человек не может похвастаться таким набором ключей к моему сердцу.

Да, я несправедлив. Как сама жизнь.

Вся эта тёплая компания так замечательно проводила время, что я показался себе совершенно необязательным излишеством, вроде декоративной карликовой пумбы в причёске ярмарочного фокусника, созерцать выступление которого меня нынче вынудили обстоятельства. Они и заметили-то меня далеко не сразу. Но, заметив, тут же перестали веселиться. Даже мой пёс Друппи, законченный балбес и оптимист, хуже Нумминориха, вопреки обыкновению, не стал набрасываться на меня с восторженным лаем, а лёг на пол и жалобно заскулил. Видимо, я представлял собой совершенно душераздирающее зрелище. Хорошо всё-таки, что у меня в гостиной нет зеркал. Я сам когда-то велел их убрать. Как знал, что однажды это спасёт мне рассудок.

– У тебя что-то случилось? – наконец спросил Джуффин.

– Ничего такого, что могло бы тебя профессионально заинтересовать. Просто ненавижу всё живое.

– Вообще всё живое? Или только проявляющее избыточную активность? – деловито спросил Дримарондо.

Как и положено бывшему дворовому псу, чьё благополучие долгое время зависело от непредсказуемого настроения хозяев, он очень внимателен к нюансам.

– Вообще всё, – подумав, честно ответил я. – Но я слишком рад всех вас видеть, чтобы затевать драку. Так что прятаться от меня в чулан совершенно ни к чему.

– Это большое облегчение, – серьёзно кивнул Дримарондо.

– Бальзама Кахара дайте кто-нибудь! – потребовал я, падая в кресло. – А если не поможет, похороните меня, пожалуйста, без почестей. Сил моих

нет ещё и этот ужас напоследок терпеть. Впрочем, сэр Мелифаро может лично заняться обивкой гроба. Надеюсь, это поднимет всем настроение.

Мелифаро молча кивнул, даже не потрудившись улыбнуться, из чего я сделал вывод, что выгляжу ещё хуже, чем себя чувствую.

Каким-то образом у меня в руках появились сразу две рюмки тонизирующего напитка. И едва початая бутылка – на столе, прямо перед моим носом. Что я действительно умею, так это качественно воззвать к милосердию.

– А с чего вдруг такие страдания? – нетерпеливо спросил Джуффин после того, как я опустошил одну из рюмок, а вторую, поколебавшись, поставил обратно на стол. Пока достаточно.

– Просто зверски устал, – объяснил я.

– От посещения ярмарки?

– Ну, можно и так сказать. Хотя справедливости ради следует признать, что ярмарка просто стала последней каплей. Помнишь, как вчера на рассвете я похвалялся благоразумным намерением пойти домой, чтобы как следует выспаться перед поездкой? Так вот, ни хрена из этой затеи не вышло. По дороге меня перехватил Малдо, утащил в свой Дворец Ста Чудес, запер там в тёмной комнате и велел вспоминать полёт над Великой Красной Пустыней на пузыре Буурахри. Я, конечно, сам виноват, наобещал ему с три короба, а теперь расплачиваюсь, потому что больше всего на свете боюсь художников. Очень уж легко их брата обидеть, проще, чем коту на хвост наступить. Я даже отметить успешное завершение совместной работы согласился, вот как он меня затюкал. Затем и нужны человеку друзья, чтобы довести его до цугундера!

– Ты и сам неплохо справляешься, – заверил меня Джуффин.

– Да, но помощь – это всегда приятно. А вчера в этом смысле был какой-то особенно удачный день. Думаешь, посиделки с Малдо – это всё? Как же! Из цепких лап гения меня вырвала леди Сотофа. Заперла в своей садовой беседке и рассказывала такие страшные вещи, что я даже несколько взбодрился. Это оказалось весьма кстати, потому что в тёмной чаще их Орденового сада меня уже поджидал сэр Шурф. И, как ты понимаешь, вовсе не для того, чтобы спеть мне колыбельную. А с гнусной целью накормить и научить становиться невидимым; первое у него получилось блестяще, зато второе, будем честны, не очень. Это его совершенно окрылило, потому что в последнее время бедняге не так уж часто удаётся всласть надо мной поизмываться. И вдруг такая неожиданная удача – я снова непрошибаемо туп и, как в старые добрые времена, обаятельно скалюсь вместо того, чтобы следовать инструкции. И можно

обрушивать на мою пустую башку длинные цитаты из сочинений всех мёртвых философов этого Мира поочерёдно – в воспитательных целях и просто для собственного удовольствия. Как следствие, что было дальше, я помню смутно. Ночь, огни, пляска теней на каменной стене, безумный демонический хохот – подозреваю, что мой – и вдруг посреди всего этого веселья у меня в голове появляется Нумминорих и говорит, что нам уже пора ехать. А я сговорчивый, пора – значит пора. Встряхнулся, вернул себе первоначальный облик, без вот этой кошмарной полупрозрачности рук и ног, вежливо попрощался со своим истязателем, сел в амобилер и поехал.

– Именно поехал? Вместо того, чтобы отправиться в Нумбану Тёмным Путём? – недоверчиво переспросил Джуффин.

– Ха. А то ты сомневался.

– Скорее, наивно надеялся, что за последние годы ты обзавёлся хоть каким-то подобием здравого смысла. Ладно, сам понимаю, что зря.

– Да проблема, собственно, не в поездке. Отлично прокатились. Будь моя воля, гнал бы, не останавливаясь, до самого графства Вук. Очень я по этому делу соскучился. А вот не завалиться спать сразу по приезду – это действительно была плохая идея. Но я опасался, что хитрюга Нумминорих найдёт ярмарочного пророка без меня и сам во всём быстренько разберётся. И никто не будет сбивать его с толку, отдавая сладкий миг прозрения. А так дела не делаются. Талантливой молодёжи ничего не должно даваться легко. Кто ж знал, что сегодня никакого пророка на ярмарке не будет? Только рассказов о его художествах наслушались. Но без них я как раз вполне мог бы обойтись.

– Что-нибудь новенькое выяснили? – оживился сэр Кофа, до сих пор делавший вид, будто во всём Мире нет предмета более достойного внимания, чем его курительная трубка.

– Принципиально – ничего. Всё, как вам рассказывали: человек заходит в палатку, а минуту спустя возвращается совершенно потрясённый. Бормочет что-то глубокомысленное, вроде: «Теперь всё понятно», «Ну надо же», «Кто бы мог подумать!» – и уходит в золотую даль. Или просто домой, это уж кому как сподручней...

– Подробности, – нетерпеливо перебил меня Кофа. – Ты, хвала Магистрам, не первый день в Тайном Сыске. И прекрасно знаешь, что именно я хочу от тебя услышать. Как часто появляется палатка Правдивого Пророка? Всегда ли в одном и том же месте? Как он выглядит? Возможно, для всех по-разному? Какую плату берёт за сеанс? Хотя кто-нибудь рассказал другим, что услышал от пророка? Может быть, есть свидетели того, как вели себя эти люди, вернувшись домой? И так далее.

– Нашли у кого спрашивать, – фыркнул Мелифаро. – Готов спорить на что угодно, этот гений сейчас не вспомнит даже как был одет его спутник. А вы с чего-то решили, будто он внезапно обрёл дивную способность слушать других людей и запоминать, что они говорят.

– Возможно, я действительно жду слишком многого, – меланхолично согласился Кофа.

Один – ноль в их пользу. В смысле я и правда понятия не имею, как сегодня был одет Нумминорих. Но совершенно уверен, что он не ходил по ярмарке голым, в противном случае нам досталось бы гораздо больше внимания. Люди любят пялиться на голых, не знаю уж почему.

Но говорить это вслух я, конечно, не стал. Зачем публично признавать свои слабости, если вместо этого можно обаятельно ухмыльнуться и ласково сказать обидчикам:

– Сами виноваты, что отказались составить нам компанию. А ведь я предлагал вам обоим. Сулил божественную тряску на ухабах ландаландских дорог, тревожный совместный сон на деревенском сеновале, экстатические закупки сушёной репы за казённый счёт, участие в весёлом конкурсе на самое быстрое раздевание и доверительные личные беседы со свидетелями Нумбанского пророка, всё как вы любите. Но вы не поддались искушению, кусайте теперь локти.

– Я-то как раз вполне поддался, – возразил Мелифаро. – Но присутствующее здесь начальство любезно решило, что заниматься делом о пропавшем куанкурохском математике должен человек, способный расшифровать его дорожный дневник, где каждому впечатлению и происшествию соответствует формула, описывающая внутреннюю логику события. И этот удивительный человек у нас, к сожалению, я. Третий день бьюсь над грешными заметками, а разобрал едва ли четверть; впрочем, даже в этих фрагментах меня пока смущают значения некоторых переменных...

– Ну и влип же ты, – посочувствовал я. – Сам виноват, не следовало так хорошо учиться в школе. Всегда знал, что скверная успеваемость по математике – ключ к счастливой и беззаботной жизни, до краёв заполненной музыкой, вином, сушёной репой и другими радостями бытия.

– На самом деле я не жалею, а хвастаюсь, – сухо заметил он. – Вечно забываю, что ты не способен оценить чистый восторг интеллектуального труда.

– Да, – смиренно согласился я, – ты прав, прости. Для меня самого интеллектуальный труд – просто суровая повседневность. Но мне, конечно, следовало бы с большим сочувствием относиться к твоим первым шагам на

этом поприще.

Мелифаро адресовал мне взгляд, который при всём желании трудно назвать дружелюбным. Ему со мной вообще нелегко: бить меня строго-настрого запрещают служебные инструкции, нарушать которые в присутствии чрезвычайно довольного нашей перепалкой начальства было бы несколько некорректно. А руки-то чешутся, это я и сам понимаю. Да так сильно, что мешают быстро сформулировать достойный ответ.

Но тут ему на помощь пришёл сэр Кофа.

– Признавайся, сэр Макс, с кем и на какую сумму ты поспорил, что доведёшь меня до состояния священной боевой ярости? – осведомился он. – Имей в виду, ты уже буквально в одном шаге от выигрыша. Ничего не имею против бессмысленной болтовни, но только не в тот момент, когда я жду конкретных ответов на свои вопросы.

Я надменно вздёрнул подбородок, но пререкаться не стал. На Кофу в состоянии священной боевой ярости я бы, честно говоря, посмотрел, когда ещё доведётся. Но тому, кто внезапно восстал из пепла при помощи волшебных снадобий, следует осознавать, что это удовольствие может закончиться буквально в любой момент. И хорошо бы успеть поговорить о деле прежде, чем от моей способности строить связные предложения снова останутся дымящиеся руины.

– Ладно, Магистры с вами, слушайте. Палатка появляется примерно раз в два-три дня, причём не на одном и том же месте, а в разных, так что торговцы теперь постоянно заключают пари, где её в следующий раз увидят. Я лично говорил с беднягой, уже проспорившим на этом деле четыре мешка грульвы. Зря ржёте, между прочим, грульву в Нумбану везут аж из Гугланда; к тому же, в конце зимы она сильно дорожает, так что четыре мешка – это вполне серьёзный ущерб.

– Приятно убедиться, что ты способен столь глубоко вникнуть в ситуацию на рынке сельскохозяйственной продукции, – похвалил меня Кофа. – Но имей в виду, новый Нумбанский пророк интересуется меня несколько больше, чем сезонные цены на грульву. Поэтому, если тебя не затруднит...

– Не затруднит, – великодушно согласился я. – Поехали дальше. По свидетельствам нескольких дюжин очевидцев, пророк выглядит как немолодой загорелый темноглазый мужчина. Одет, как большинство ландаландцев в это время года – длинное тёплое лоохи, под ним короткая скаба и зимние штаны. Но при этом волосы у него отчётливо зеленоватые, как у некоторых уроженцев островов Банум и заплетены в косу, как у сэра Манги.

– Никогда не предполагал, что папа станет законодателем моды, но, похоже, к тому идёт, – внезапно оживился Мелифаро. – Всё больше мужчин отращивают волосы и заплетают их в косы. Вот и до Ландаграда уже докатилось это поветрие. Видимо, оно как-то связано с постепенным отказом от повседневного ношения тюрбанов?..

Сэр Кофа пресёк его вдохновенный монолог одним ласковым взглядом. Тоже небось Белая магия двести какой-нибудь с хреном ступени. Вот чему надо было учиться в первую очередь вместо всех этих дурацких фокусов.

– На чём мы остановились? – спросил я.

– На косе пророка, – подсказала Базилио, всегда готовая прийти на помощь в самый нужный момент.

– Да, точно. Спасибо, друг. Так вот, коса у этого типа зелёная, почти до пояса, так говорят. Все описания его внешности, которые нам довелось услышать, примерно сходятся – это ответ на ещё один из ваших вопросов, Кофа.

– Я так и понял, – кивнул тот.

– Зато расходятся сведения о расценках на его услуги. Некоторые утверждают, будто пророк вовсе не берёт платы, другие говорят, что он охотно обменивает пророчества на еду, третьи ссылаются на знакомых знакомых знакомых, с которых якобы содрали целую корону. В общем, в этом вопросе единодушия нет.

– Обычное дело, – заметил Джуффин. – В старые времена ни один наёмный колдун, начиная с уличных шарлатанов и заканчивая знаменитостями вроде Табби Махина, Мастера Устроителя Судеб, не работал по фиксированным ценам. Всякий раз сумма назначалась заново, причем в зависимости не столько от сложности работы, сколько от финансовых возможностей клиента, отношений его прадеда с троюродной бабушкой исполнителя, текущего курса короны Соединённого Королевства к Куманской унции, погоды за окном и, конечно же, настроения. Скажу тебе больше, единый преysкурant сразу выдавал дилетанта – какой он, к Тёмным Магистрам, колдун, если не способен определить на глаз, с кого сколько можно содрать? К такому ни один здравомыслящий человек не пошёл бы.

– Ну надо же, какие сложности, – вздохнул я. – Хорошо, что я – не уличный шарлатан.

– Да, это нам всем крупно повезло, – подтвердил Мелифаро.

– Ещё хоть что-то путное расскажешь? – спросил Кофа. Да так сердито, словно это я сам себя перебивал.

– «Путное» – это сплетни? Ладно, слушайте. Говорят, некий пожилой господин, судя по одежде, из уриуландских рыбаков, вышел из палатки, бормоча: «Так вот почему он не захотел возвращаться!» А одна женщина, местная, по крайней мере, многие торговцы с нею знакомы и называют «тётушка Укки», торжественно воскликнула: «Значит, я всё правильно делаю!» – но вдаваться в подробности наотрез отказалась. Ещё мы слышали о девочке-подростке, которая после встречи с Правдивым Пророком громко говорила отцу: «Теперь-то уж точно поеду!» О какой именно поездке шла речь, тоже неизвестно. Но на этом всё. И не потому что мы с Нумминорихом плохие сборщики сплетен. Мы – отличные! С таким количеством незнакомцев, как сегодня, я за всю свою жизнь не трепался. И это при том, что основную часть работы проделал Нумминорих, а он в роли простодушного столичного болтуна, всегда готового оплатить чужую выпивку, совершенно неподражаем. Штука в том, что обычно люди выходят от этого грешного пророка в столь глубокой задумчивости, что даже близким ничего не говорят. Один фермер жаловался нам на жену – как подменили человека, четвёртый день кряду молчит. И улыбается при этом так мечтательно, что даже ссору затеять язык не поворачивается, хотя очень хочется, просто чтобы услышать от неё привычное «ах ты старый дурак» и успокоиться.

– Ну, всё-таки чуть больше, чем ничего, – задумчиво сказал Кофа. – Теперь у нас есть некоторые основания думать, что нумбанский Правдивый Пророк действительно говорит людям если не всю правду о них, как обещает его вывеска, то нечто более-менее на неё похожее, и его слова глубоко задевают людей. И ещё ясно, что в большинстве случаев эта «вся правда», как минимум, не ужасна. Ну, если уж никого не видели рыдающим на пороге палатки, если до сих пор не поползли слухи о слезах, скандалах, душераздирающих семейных сценах и, да хранят нас Тёмные Магистры, самоубийствах. Уже неплохо. Ты меня более-менее успокоил.

– А меня – скорее наоборот, – мечтательно протянул Джуффин.

Мы дружно уставились на него. Общая сумма выражений наших лиц, я думаю, была тождественна восклицанию «здравствуй, жопа, новый год». Но вслух никто ничего подобного, конечно же, не сказал. Так бы и сверлили его вопросительными взорами до рассвета, но ситуацию спасла Базилио, которая, не дождавшись дальнейших объяснений, простодушно спросила:

– А почему вас беспокоит, что никто не плачет и не скандалит?

– Ну, во-первых, потому, что я – злодей, каких мало, – ухмыльнулся Джуффин. – А как ты думаешь, кто научил сэра Макса ненавидеть всё

живое?

– Это шутка, – поспешно сказал я нахмурившейся Базилио. – Ты уже сто раз от нас такие слышала, пора бы и привыкнуть.

– Да, наверное, – согласилась она. – Но порой слова, которые я по сложившейся традиции принимаю за шутку, внезапно оказываются сказанными всерьёз. Хотя произносятся с той же интонацией и, по первому впечатлению, противоречат фактам и здравому смыслу. Иногда вас бывает очень трудно понять! Поэтому приходится хотя бы теоретически допускать все возможные варианты толкования, какие только приходят в голову.

– Очень разумный подход, – похвалил её Кофа.

– ...а во-вторых, – как ни в чём не бывало продолжил Джуффин, – если бы ярмарочный пророк доводил людей до слёз, скандалов и самоубийств, это было бы довольно неприятно, зато очень знакомо. И сразу ясно, как в связи с этим действовать. А так – поди ещё пойми, зачем ему всё это надо. Ощутил себя обладателем сокровенного знания и решил облагодетельствовать человечество, заодно заработав на новенький амобилер? Или вынужден пророчествовать ради собственного блага, потому что иначе у бедняги раскалывается голова? Обычное дело, между прочим, большинство пророков только потому и вошли в историю, что физически не могли молчать... Или, как сразу предположил сэр Макс, этот человек просто спит у себя дома и видит приятные сны о том, какой он великий мудрец, наставляющий на путь истинный всех, кто под руку подвернётся? Или он – учёный, сдуру затеявший психологический эксперимент на живых людях? Или умеренно остроумный шутник? Или амбициозный маньяк, вообразивший себя тайным властелином Мира и теперь изменяющий его по своему вкусу, тщательно продуманными пророчествами перенаправляя векторы отдельных человеческих судеб в желанную ему сторону?.. Кстати, совершенно напрасно вы все так недоверчиво кривитесь. Ясно, что за несколько сеансов на ярмарке ничего существенного не добьёшься, но вообразите, что пророк наш чрезвычайно терпелив и последователен. И в запасе у него, к примеру, лет пятьсот. Уверяю вас, за это время можно сделать очень много, особенно если не ограничиваться одной только Нумбаной. Людных ярмарок в Море полно; их только в Арварохе пока не устраивают, но кто знает, до чего они успеют додуматься за пятьсот лет...

– Ярмарка в Арварохе! – восхищённо выдохнул Мелифаро. – Даже вообразить не могу. Вот до какого события я хотел бы дожить! Хотя разок увидеть своими глазами, а там и помирать можно.

– Если это для тебя так важно, значит доживешь и увидишь, –

совершенно серьёзно сказал Джуффин. – Но, кстати, если после этого ты действительно ляжешь и померёшь, выйдет довольно глупо. Впрочем, у тебя ещё есть время, чтобы изменить позицию по этому вопросу.

На этом месте я совершенно некстати зевнул. Всё-таки очень неудачный мне достался организм. Упрямый, как осёл. Если уж возомнил себя невыспавшимся бедняжечкой, будет гнуть свою линию, сколько бальзама Кахара в него ни заливай. А ведь убойной силы средство – теоретически. До тех пор, пока не попадёт в мой неблагодарный желудок.

Я открыл было рот, чтобы извиниться и заверить своих гостей, что зеваю вовсе не от скуки, но вместо этого зевнул снова. На этот раз совершенно душераздирающе.

– Слушай, а зачем ты вообще сюда притащился? – вдруг спросил Джуффин.

Я даже как-то растерялся.

– Ничего себе постановка вопроса. Вообще-то я здесь живу.

– Тоже мне причина, – отмахнулся он. – Мало ли, кто где живёт. Это совершенно не повод так себя изводить, что даже бальзам Кахара уже практически не действует.

– Ну так ты же сам сказал...

– Это был не приказ, выполнять который следует во что бы то ни стало, – вздохнул он. – И на дворе у нас не какое-нибудь чрезвычайное положение, а до смешного мирное время, которое никакими ярмарочными пророчествами не омрачишь. Просто я прикинул, что было бы неплохо встретиться и поболтать после того, как ты что-нибудь разузнаешь в Нумбане. На подобные предложения нормальные люди, если что, отвечают: «А знаешь, давай завтра, я уже с ног валюсь». И спокойно ложатся спать.

– Так то нормальные. Впрочем, если бы ты позвал меня на срочное рабочее совещание, я бы непременно сообщил, что умираю от усталости. Фиг бы это меня спасло, конечно, но почему не попытаться? Однако когда встреча – не обязанность, она сразу становится практически непреодолимым соблазном.

Присутствующие озадаченно переглянулись.

– Интересные у тебя представления о непреодолимых соблазнах, – наконец сказал сэр Кофа.

– Самому смешно, – согласился я. – Причём посиделки с вами – это ещё ладно бы. Я как решил сдуру в первый же день, что в коллеги мне достались лучшие люди во Вселенной, так и остался при этом заблуждении до сих пор; медицина бессильна, я справлялся. Но подозреваю, что если завтра мне пришлёт зов, к примеру, начальник таможни и предложит

заменить кого-нибудь из его внезапно захворавших подчинённых, ночь напролёт потроша чужие баулы, я тоже сперва с восторгом соглашусь, а уже потом вспомню, что у меня были иные планы. Но всё равно радостно побегу в порт – это же так интересно! Соблазнить меня сейчас можно практически чем угодно. Похоже, я заново влюбился в жизнь – по уши, практически до потери рассудка. И на радостях столько её себе нахапал, что она в меня уже не помещается. А я всё равно тянусь за новой порцией. И вот этот кусочек. И ещё тот. Мне сейчас всё интересно. И нужно позарез.

– Даже не стану говорить тебе, что это глупо, – сказал Джуффин. – Потому что...

– ...это и так очевидно, – снисходительно вставил Кофа.

– Совершенно нормально! – перебил его Мелифаро.

– ...потому что на самом деле у тебя просто нет выбора, – закончил Джуффин. – Любовь такая штука, если уж влип, значит влип.

– Правильно ли я понимаю, что сочинения моих студентов вам больше неинтересны, и я могу убирать тетради? – внезапно спросил Дримарондо.

Морда у него при этом была такая несчастная, что мы все, включая Кофу, не самого большого любителя церемониться с обиженными, тут же принялись заверять пса, что дожидаться не можем продолжения. Буквально извелись.

У меня в этом деле был свой интерес: пока все громогласно ржут над студенческими ошибками, вполне можно немного подремать в кресле. Благо спать сидя я научился давным-давно, без этого навыка я бы в Тайном Сыске просто не выжил. Очевидцы уверяют, что у меня получается не только вовремя кивать в нужных местах, но даже подавать реплики, не просыпаясь.

Впрочем, Джуффин всё равно меня раскусил.

«Почему бы тебе не отправиться обратно в гостиницу и не завалиться спать по-человечески?» – спросил он, воспользовавшись Безмолвной речью, чтобы не перебивать Дримарондо, чьи смешные лохматые уши и хвост бубликом, похоже, имеют над шефом Тайного Сыска такую же страшную власть, как и надо мной.

«Потому что я обещал сэру Шурфу поужинать с ним в полночь или около того... Кстати, а сейчас-то сколько?»

«До полуночи чуть меньше получаса. Но будет лучше, если ты нарушишь обещание. Ужинать с твоим трупом – удовольствие сомнительное. Сэр Шурф, при всей его эксцентричности, боюсь, не оценит».

«Да, – пригорюнился я, – ты прав, он терпеть не может мои трупы. Я

уже отчаялся воспитать в нём хороший вкус».

С этими словами я наконец-то уснул. В кресле, как и намеревался с самого начала. И правильно сделал, потому что даже подумать страшно, куда бы меня сейчас мог завести Тёмный путь. Там всё-таки очень важно чётко знать, где именно намереваешься оказаться. А с чёткостью у меня были большие проблемы. В таком состоянии проще на скорую руку создать новую Вселенную, где всё погружено в вечный сон, и радостно туда устремиться, чем вспомнить название нумбанской гостиницы, в которой мы остановились.

– «Приют молчаливой репы»! – сказал я вслух, проснувшись.

Похоже, во сне я мучительно пытался вспомнить название этой грешной гостиницы. А вспомнив, тут же подскочил – просто от облегчения. Ну и чтобы записать это нелепое словосочетание, пока оно снова не вылетело из головы.

Впрочем, название гостиницы мне теперь было без надобности: я уже и так там находился. Видимо, сердобольный Джуффин меня туда отволок, чтобы я не отравлял им приятный вечер своим жалобным сиротским храпом. Хорошо всё-таки дружить со злыми колдунами. По крайней мере, можешь быть уверен, что поизмывавшись над тобой вволю, они аккуратно положат тебя на место. Потому что порядок в нашем деле – превыше всего. Я хочу сказать, если не приучить себя вовремя убирать использованные жертвы, очень скоро станет некуда девать новые.

Гостиница «Приют молчаливой репы», несмотря на чудовищное название, считается одной из лучших в Нумбане. И, наверное, заслуженно, по крайней мере, комнаты здесь достаточно велики, чтобы столичные жители, привыкшие к просторным апартаментам, не выскакивали в окна, мучимые приступами клаустрофобии. И ванна вполне сносная – не бассейн, конечно, а всё-таки можно вытянуться во весь рост. А что камра, кувшин с которой по утрам появляется на специальной подставке в изголовье кровати, по вкусу больше похожа на воду, в которой постирали кухонные тряпки – так это зло, увы, неизбежное. Чем дальше от Сердца Мира, тем хуже горячие напитки, тут уж ничего не поделаешь.

Отдельный вопрос, зачем нам с Нумминорихом вообще понадобилась какая-то гостиница, когда спать можно дома и камру с утра пить там же, а на ярмарку в Нумбане, если уж так припекло, ходить Тёмным путём.

Официальная версия такова: мы должны выглядеть, как самые обычные приезжие из столицы, каких здесь в любое время года толпы. И вести себя нам следует соответственно: кутаться в блестящие короткие

лоохи; ходить в полуметре над землёй; втридорога, не торгуясь, покупать любую малосъедобную дрянь, упакованную в красивые полотняные мешочки; время от времени рассеянно плевать разноцветными огнями и, конечно же, ночевать в одной из самых шикарных гостиниц Нумбаны, открытых специально для изнеженных угуландских щёголей вроде нас.

Если же мы станем то и дело появляться невесть откуда, интересоваться сплетнями больше, чем покупками, сохранять трезвость даже после обеда, а по вечерам бесследно исчезать, нам, конечно, слова дурного не скажут, но по Нумбане тут же поползут слухи о появлении каких-то важных столичных чиновников.

Не то чтобы наше желание послушать, что болтают о нумбанском пророке, и, по возможности, увидеть его в деле действительно требовало высочайшей секретности, но зачем привлекать к себе лишнее внимание, когда избежать его совсем нетрудно? Всего-то хлопот – минимально изменить внешность, поселиться в дорогой гостинице и заранее продумать, какую именно чушь будешь нести в тот прекрасный момент, когда твои новые приятели сочтут, что ты уже достаточно пьян для откровенного обмена мнениями о смысле жизни и ценах на земельные участки в окрестностях Комуадского леса.

Но это, повторю, просто официальная версия. Я сам её сочинил, пока шёл к начальству договариваться о командировке. Убедительно получилось, до сих пор горжусь. Правда однако заключается в том, что я просто очень люблю путешествовать. Практически всё равно куда, лишь бы по-настоящему: в собственном амобилере, с небольшим запасом дорожных вещей на заднем сидении, с неизбежными гостиничными неудобствами, новыми знакомствами, нелепыми происшествиями и прочими удивительными событиями, которые не то чтобы гарантированы всякому страннику, но обычно всё-таки случаются, стоит только отъехать подальше от дома.

Нумминорих, в целом, одобряет такой подход к делу. Правда, при одном условии: что его пустят за рычаг амобилера. По дороге в Нумбану я так увлёкся, что нарушил наш договор, пришлось пообещать восстановить справедливость на обратном пути. Одна надежда, что он к тому времени наконец-то устанет и проспит свой шанс на заднем сидении. Но она, будем честны, невелика.

Вот да, кстати. Нумминорих. Интересно, чем он занят? В смысле не сбежал ли на ярмарку без меня? Было бы обидно.

«Привет, – сказал я. – Ты сейчас где?»

Всё-таки Безмолвная речь – очень удобная штука. Хоть и утомительная; впрочем, кроме меня, вроде, никто особо не жалуется. А я и по телефону в своё время разговаривать не любил.

«Я сейчас тут», – жизнерадостно откликнулся Нумминорих.

Чрезвычайно информативно.

«Так мы ни до чего путного не договоримся. Хотя бы потому, что, с моей точки зрения, ты вовсе не «тут», а «где-то там». Поэтому давай разбираться дальше. Ты ещё в гостинице? Или уже нет?»

«Не в гостинице, но совсем рядом. В «Лукавой тарелке». Завтракаю. Тебе что-нибудь заказать?»

«Ничего не надо, я ещё не проснулся!» – в панике завопил мой внутренний лентяй, до сих пор наивно веривший, что сейчас мы с ним перевернёмся на другой бок и продолжим увлекательнейший эксперимент под названием «сладкий утренний сон в Нумбане». «Заказывай на свой вкус, я сейчас буду», – с энтузиазмом откликнулось шило, живущее в моей заднице и периодически самовольно берущее на себя функции мыслительного аппарата. Проблема в том, что шило орёт громче всего остального организма, поэтому окружающие слышат только его. А мы с внутренним лентяем расхлёбываем последствия.

Например, неохотно откидываем одеяло, с жалобным стоном выкатываемся из постели и начинаем одеваться.

Я не зря поторопился. Потому что арестовали нас прямо во время завтрака. Обидно было бы пропустить это событие.

В почти пустой по случаю слишком, по мнению местных жителей, позднего для завтрака времени трактир вкатился натуральный колобок с морковно-рыжей шевелюрой. В зубах его была зажата типичная ландаландская трубка, больше похожая на адаптированную для нужд курильщиков сковороду, полы старомодно длинного алого лоохи трепетали на сквозняке и одновременно путались под ногами, а маленькие пухлые ручки сжимали жезл, вроде того, с какими ходят служащие столичной Канцелярии Скорой Расправы. Вернее, ходили до недавних пор, пока жестокосердный сэр Джуффин Халли не лишил их любимых игрушек. И не потому, что любит причинять людям невыносимые душевные страдания, а из сугубо практических соображений, очень уж много драматических судебных ошибок на совести этих магических жезлов, якобы точно определяющих тяжесть содеянного преступления; впрочем, неважно. Важно, что у нас, в столице, эти штуки недавно вышли из употребления, а в провинции, то есть, вдалеке от Сердца Мира они и не работали никогда,

что совершенно не мешает местным полицейским угрожающе размахивать ими перед носами подозреваемых. Считается, что это способствует устрашению.

Мы с Нумминорихом отложили в сторону вилки и восхищённо уставились на рыжего незнакомца. Не заржали вслух только потому, что как раз по дороге в Нумбану обсуждали, как некрасиво получается, когда заезжие столичные невежи начинают снисходительно высмеивать провинциальные обычаи и манеры, даже не потрудившись разобраться в экономических, географических и магических причинах возникновения того или иного жизненного уклада. И, конечно, решили, что мы так себя вести ни за что не станем, вот пусть хоть толпами вокруг нас скачут в своих долгополых одеждах, башмаках с толстенными подошвами и в этих уморительных круглых очках, все как один.

Очки у рыжего толстяка, кстати, тоже были. Просто мы не сразу их заметили, ошеломлённые общим великолепием его облика и солнечными зайчиками, разбегающимися от набалдашника декоративного жезла.

– Капитан Друти Боумблах, Большое Полицейское Войско Нумбаны, Ривви, Дуалонни, Вувакки и Отли, а также окрестностей озера Мунто, – скороговоркой представился толстяк, остановившись возле нашего стола. – Извините, что прерываю вашу трапезу, но я вынужден задержать вас для дознания по делу, не допускающему отлагательств.

Вот теперь мы всё-таки заржали. Просто от неожиданности.

Рыжий капитан, надо отдать ему должное, держался молодцом. В смысле, просто спокойно ждал, когда мы закончим веселиться. И, воспользовавшись вынужденной паузой, пристально нас разглядывал. Из-за стёкол очков его зеленоватые кошачьи глаза казались выпуклыми и круглыми. И взгляд у него был внимательный, спокойный и одновременно отчаянный, как у кота, изготовившегося к прыжку.

Отсмеявшись, я открыл было рот, чтобы гаркнуть: «Малое Тайное Сыскное Войско столицы Соединённого Королевства», – но в последний момент прикусил язык, сообразив, что разглашать столь интимную информацию следует наедине. Трактирщик и несколько уличных зевак, привлечённые появлением бравого капитана, безусловно, будут просто счастливы узнать наш с Нумминорихом маленький секрет. А я не хочу делать их счастливыми. Для этого я недостаточно добрый человек.

Поэтому я адресовал рыжему капитану ангельскую улыбку, поднялся из-за стола и сказал:

– Разумеется, мы к вашим услугам. Не беспокойтесь, мы не будем оказывать сопротивление. Мы сами чрезвычайно заинтересованы в том,

чтобы это недоразумение разъяснилось, как можно быстрее.

Нумминорих с энтузиазмом кивнул. Он был похож на ребёнка, которому только что пообещали карусели и мороженое. Впрочем, и карусели, и мороженое в нашем положении были совершенно неизбежны – если не прямо сейчас, так через несколько часов.

На улице нас ожидал служебный амобилер, на заднем сидении которого удобно устроилась пара совсем молоденьких полицейских, в чьи обязанности, надо понимать, входил присмотр за опасными и непредсказуемыми злодеями в нашем лице. Правда, вместо того, чтобы вцепиться в нас покрепче, ребята деликатно подвинулись и всю дорогу прикладывали немыслимые усилия, чтобы не упираться локтями в наши бока, что, будем честны, совершенно невозможно, когда пытаешься разместиться вчетвером на сидении, предназначенном максимум для троих. Но пришлось потерпеть – целых десять минут, пока мы ехали к местному Управлению Полного Порядка.

– Вы, вероятно, очень храбрый и решительный человек, капитан Боумблах, – сказал я после того, как за нами наконец-то закрылась тяжёлая дверь кабинета. – Но всё равно это, конечно, не дело.

С этими словами я уселся в хозяйское кресло. Нумминорих адресовал мне укоризненный взгляд и был по-своему прав, вежливым такой поступок не назовёшь. Но несколько лет назад я бы ещё и ноги на стол положил, а теперь просто скромно закинул одну на другую. Столь деликатное поведение свидетельствует, что я уже встал на путь исправления, и буквально лет через сто меня можно будет начинать пускать в приличные дома.

– Что – «не дело»? – опешил рыжий.

Я наградил его такой специальной ласковой улыбкой для общения со сваявшими дурака коллегами, позаимствованной у сэра Кофы. Смысл её в том, что чем приветливей ты улыбаешься, тем неуютнее чувствует себя твой собеседник, хотя сам толком не может понять, что именно его нервирует. Не уверен, что у меня получается так же хорошо, как у самого Кофы, но я очень стараюсь.

– Ну как – что? Производить задержание двух подозреваемых в одиночку – это же вопиющее нарушение служебной инструкции. Люди, которые представляют интерес для полиции, обычно не испытывают желания быть арестованными. Ну вот как бы вы выкручивались, если бы мы стали сопротивляться?

– С чего бы это? – буркнул толстяк. – У нас так не принято. Полиция

есть полиция. И уж если я прошу проследовать за мной, лучше так и поступать – это все знают.

– Всё когда-нибудь случается впервые. В том числе неприятности, вроде сопротивления подозреваемых при аресте, с жертвами или без – это уж как повезёт. И для того, чтобы снизить вероятность подобных происшествий, придуманы служебные инструкции, рекомендующие, по возможности, производить задержание группой, число участников которой хотя бы вдвое превышает предполагаемое количество подозреваемых. Следовательно, за нами вам следовало прийти как минимум вчетвером.

– Да где ж я вам четверых возьму? – огрызнулся капитан. – Штат у нас невелик, а работы – прорва. Ярмарка есть ярмарка. Это только для приезжих вроде вас она похожа на праздник, а для полиции – непрерывный аврал. И сколько сил на поддержание порядка ни брось, этого всегда будет недостаточно.

– Ну, справедливости ради, двое-то при вас всё-таки были, – заметил я. – Но ребята почему-то остались сидеть в амобилере, вместо того, чтобы устрашать нас в трактире.

– Да они ещё новички, – простодушно объяснил рыжий. – Только этой осенью на службу поступили. Если вдруг что, ничем мне не помогут. Рано им в неприятности влипать. Совсем несмышлёные мальчишки.

«Тем не менее, регулярно влипать в неприятности – самый эффективный способ быстро стать смышлёным», – подумал я. По крайней мере, меня самого учили именно так; каким чудом я при этом уцелел – отдельный вопрос, но риск – обычная плата, причём не только за обучение, но и за саму возможность быть живым человеком.

Я бы и вслух всё это сказал, да не успел. Толстяк спохватился, что не в меру разоткровенничался с подозреваемыми, комично насупил апельсиновые брови и условно суровым тоном объявил:

– Вам вообще не должно быть дела до моих подчинённых и наших служебных инструкций.

– Ничего себе – не должно быть дела! – взвился я. – Между прочим, чтобы их для вас написать, целых три человека провели бессонную ночь. Ну и я с ними за компанию; впрочем, я-то как раз больше развлекался, чем работал, но сам факт...

Бедняга капитан окончательно растерялся.

– Какие три человека? Почему – ночь? И при чём тут вы?

– Заместитель начальника столичной полиции Трикки Лай, – принялся перечислять я. – То есть подпись на отправленном вам экземпляре, конечно, самого генерала Бубуты Боха, но в момент составления инструкции он

мирно дрых дома, и это ваша большая удача. Поскольку Трикки никогда прежде не работал над подобными документами, на помощь ему любезно пришёл сэр Кофа...

– Сам сэр Кофа Йох? Бывший начальник столичной Правобережной Полиции? – недоверчиво переспросил рыжий капитан. – Но он же теперь в... эээ... другом ведомстве.

– Ну да. Но сэр Кофа никогда не бросает коллег в беде. Ладно, скажем так, не всегда бросает – тех немногих, к кому испытывает симпатию. Говорю же, вам крупно повезло.

– А кто третий? Вы сказали, что не спали три человека, – взволнованно спросил толстяк, уже, похоже, окончательно забывший, что собирался нас допрашивать. Не очень профессионально с его стороны, но на его месте мог оказаться кто угодно, включая меня самого. Даже начиная с меня самого, будем честны.

Бедняга с трепетом ждал моего ответа. Уж не знаю, чьё ещё имя он надеялся услышать. Сэра Джуффина Халли? Великого Магистра Ордена Семилистника? Или самого Короля Мёнина, специально вернувшегося в Мир ради восхитительной возможности принять деятельное участие в создании новых служебных инструкций для провинциальных подразделений полиции Соединённого Королевства?

Однако мне пришлось его разочаровать.

– Одна юная барышня. Её имя ничего вам не скажет, но, уверяю вас, её вклад в работу был воистину бесценен: она внимательно перечитывала каждый абзац и указывала авторам, какие формулировки кажутся ей недостаточно понятными; таким образом, нам удалось сделать текст максимально внятным и избежать любых разночтений. Я говорю «нам», потому что четвертым бодрствующим был я сам. Но ладно, это не в счёт, я просто ждал друга, который обещал появиться ближе к рассвету, и поскольку дело всё равно происходило в моей гостиной...

– В вашей гостиной?!

– Прекращай из человека жилы тянуть, – наконец вмешался Нумминорих. – Ну невозможно вот так сразу взять и догадаться, что ты – сэр Макс из столичного Тайного Сыска. Я и сам ни за что бы не догадался, потому что – ну каких Тёмных Магистров ты мог забыть в Нумбане? И, если уж на то пошло, почему не испепелил всё, что движется, при попытке тебя арестовать?

– А должен был? – изумился я.

– Конечно, нет. Но именно чего-то такого обычно ждут люди, которые никогда в жизни тебя не видели, зато время от времени читают столичную

прессу. «Королевский голос», между прочим, давным-давно по всей стране продаётся. И «Суэта Ехо» тоже. По крайней мере, в крупных городах.

– Столичные газеты исправно привозят с опозданием всего на сутки, – подтвердил рыжий капитан. – Но у нас, в Нумбане, не принято верить каждому напечатанному там слову. Поэтому я вовсе не думаю, будто сэр Макс без крайней на то необходимости станет испепелять невинных людей. Что он воскрешённый из мёртвых древний Мятежный Магистр, чуть было не разрушивший Мир, так это дело прошлое. А на Королевской службе, после принесения присяги так себя не ведут.

– Спасибо, – сказал я. – Очень приятно убедиться, что вы действительно верите не каждому напечатанному слову. А примерно через одно.

Увы, мой собеседник не оценил сарказма. Зато принялся пристально меня разглядывать, даже очки сперва снял, а потом снова надел.

– Хотите сказать, что вы и есть сэр Макс из столичного Тайного Сыска? – наконец спросил он. – Но вы совершенно не похожи на свои портреты.

– Для того и существует искусство изменения внешнего облика, – деликатно подсказал ему Нумминорих. – Оно бывает чрезвычайно полезно, когда отправляешься в людное место с секретным поручением.

– С секретным поручением? – недоверчиво повторил толстяк. – К нам, в Нумбану? Ну и дела... Погодите, а вы что, тоже из Тайного Сыска?

– Тоже, – подтвердил Нумминорих, сияя, как золотой таз для Королевского утреннего умывания.

Парень уже Магистры знают сколько лет служит в Тайном Сыске, но до сих пор в восторге от этого обстоятельства. И ведь не заколдовали мы его, не поработили волю, даже приворотным зельем во имя служебной дисциплины ни разу не поили. Он сам, совершенно добровольно обожает свою работу и страшно ею гордится, вот такой удивительный феномен.

И специальный опознавательный жетон теоретически полагающийся всем Тайным сыщикам, кажется, только он один при себе и носит. В Ехо эти невидимые значки, на несколько секунд проявляющиеся от прикосновения владельца и сияющие ослепительным синим светом, не особо нужны, нас там и так каждая собака в лицо знает. А от появления наших двойников общество надёжно защищено даже не столько строгостью закона, грозящего суровыми карами за придание себе облика любого государственного чиновника высокого ранга, сколько сложностью искусства изменения внешности. Мастеров этого дела и сейчас, после отмены строгих запретов на колдовство, по пальцам пересчитать можно. Я

и сам совсем недавно этому научился, да и то только потому, что очень уж припекло.

Короче говоря, дома опознавательный жетон можно сунуть в ящик письменного стола и с лёгким сердцем забыть там навек. Однако в поездке он может оказаться чрезвычайно полезен, это я вынужден был признать, наблюдая, как вытягивается щекастое лицо капитана, озарённое мистическим сиянием Нумминориховой бляхи.

– А почему вы сразу, в трактире не сказали? – наконец спросил он. – Я же вам, получается, доесть спокойно не дал...

– Потому что никому кроме вас знать о нашем присутствии в Нумбане не следует, – объяснил я. – Вам, строго говоря, тоже не следует. Но тут уж ничего не поделаешь, знайте на здоровье, не лишать же вас памяти из-за такой ерунды.

– Это очень любезно с вашей стороны, – с достоинством сказал толстяк. – В моей памяти хранится много полезных сведений разной степени важности, и их утрата могла бы надолго парализовать работу Нумбанской полиции.

Смешной рыжий капитан Друти Боумблах нравился мне всё больше. Вряд ли я сам на его месте смог бы сохранять невозмутимость. Страшно подумать, как бы меня перекосило, причём дважды – сперва от стыда, что свалил такого дурака, а после всех этих разговоров о лишении памяти – просто с перепугу. А он только озабоченно насупился, как кот, обнаруживший, что его миска уже пуста, а живот всё ещё недостаточно туго набит.

– Если уж мы всё равно тут, выкладывайте, что у вас случилось, – сказал я.

– Покушение на Правдивого Пророка.

– Что?!

Я так удивился, что даже из хозяйского кресла вскочил. Но не потому, что от потрясения у меня наконец-то проснулась совесть, просто когда я волнуюсь, мне трудно усидеть на месте.

– Покушение на пророка, – любезно повторил капитан Боумблах. – Незнакомый мужчина, одетый, предположительно, по какой-то новой столичной моде, зашёл в палатку якобы для получения предсказания и напал на пророка, угрожая ему ножом.

– Ножоооом?! – хором переспросили мы с Нумминорихом.

Давненько мы не слышали о нападениях со столь примитивным оружием. Даже как-то начали забывать, что убить человека обычным ножом, без применения какого-нибудь дополнительного зловещего

колдовства не просто возможно, но и совсем не сложно. Человек – очень хрупкая конструкция, практически чем угодно нашего брата можно порешить.

Капитан истолковал наше изумление по-своему.

– Да не волнуйтесь вы так, – добродушно сказал он. – Пророк жив-здоров и вроде даже не огорчён происшествием. И вообще все живы, обошлось. Единственное, что досадно – задержать нападающего не удалось, хотя один из моих ребят был совсем рядом с палаткой. Мы всегда стараемся брать под особую охрану предсказателей, исполнителей желаний, продавцов талисманов и лотерейных билетов – все они, по понятным причинам, притягивают неуравновешенных людей. Но когда Хлама Клус – так зовут моего дежурного – услышав подозрительный шум, заглянул в палатку, нападающий сделал шаг в сторону и исчез.

Мы озадаченно переглянулись. Похоже, человек, зачем-то напавший на ярмарочного пророка, сбежал с места происшествия Тёмным путём. А прокладывать его самостоятельно мало кто умеет; впрочем, даже чужим Тёмным путём не то чтобы каждый второй ходит. И столь высокий уровень магического мастерства как-то плохо сочетается с попыткой зарезать ближнего обычным ножом. Хотя, конечно, всякое случается. Теоретически можно, наверное, испытывать столь глубокое отвращение к приёмам боевой магии, что даже ради дела невозможно заставить себя их освоить. Ну или просто очень любить холодное оружие. Каких только причуд не бывает у людей.

– Ладно, – наконец сказал я. – Но мы-то зачем вам понадобились? Ну или не мы, а те, за кого вы нас приняли?

– Ну так о вас было известно, что вы вчера утром приехали в Нумбану, сразу же отправились на ярмарку и там расспрашивали всех подряд о Правдивом Пророке, – объяснил капитан Боумблах. – Ничего удивительного тут нет, на него многие приезжают поглазеть. Понятное любопытство, сколько я за свою жизнь ярмарочных предсказателей перевидал, но такого, чтобы обещал рассказать каждому желающему всю правду, у нас до сих пор не было. Если бы не покушение, мне бы в голову не пришло вас беспокоить, но...

– Да, мы в этом деле выглядим главными подозреваемыми, – улыбнулся Нумминорих.

– Не то чтобы главными. Но вполне очевидными. К тому же ясно, где вас искать. Глупо не начать с того, что у тебя прямо под носом.

– А свидетеля покушения можно сюда вызвать? – спросил я. – Этого вашего – как его?..

– Хламу Клуса, – подсказал толстяк. – Вызвать-то можно, только тогда пророк останется совсем без охраны. Не соображу, кем прямо сейчас Клуса заменить...

– Хорошо, тогда давайте пойдём к нему сами, – решил я. – Покажете нам, где сегодня стоит палатка пророка, заодно и со свидетелем познакомите.

Нумминорих адресовал мне удивлённый взгляд и перешёл на Безмолвную речь:

«Слушай, а как ты вообще себе это представляешь – прийти на ярмарку с капитаном полиции, допросить свидетеля и при этом сохранить инкогнито?»

«Да так и представляю: придём, поговорим, попрощаемся и исчезнем навек, – ответил я. – А потом вернёмся. Но с другими рожами. Всё равно после сегодняшнего ареста – без вариантов. Мы теперь знаменитости. Будут пялиться, придумывать, почему нас отпустили и заключать пари, на кого мы решим напасть в следующий раз».

А вслух сказал:

– Только пожалуйста, представьте нас вашему подчинённому как служащих столичной полиции. О том, что по ярмарке слоняются Тайные сыщики, ему знать не надо. И вообще никому. Надеюсь, вы и сами понимаете, что это государственная тайна и отнесётесь к ней с подобающей серьёзностью.

– Но как быть с моим начальством? – озабоченно спросил капитан. – Я обязан предоставлять правдивые отчёты о ходе следствия.

– Этому горю помочь нетрудно. У вас найдётся чистая табличка?

– Разумеется.

– Давайте её сюда, – велел я.

Хотя от одной мысли, что сейчас придётся писать, мне становилось тошно. Самопишущие таблички я ненавижу всем сердцем. Они гораздо хуже, чем Безмолвная речь. Потому что, во-первых, письмо требует гораздо большей концентрации, чем разговор, а во-вторых, от руки-то я пишу вполне грамотно, зато думаю почему-то с чудовищными ошибками. И документ, на изготовление которого ушли все мои силы, приходится переделывать дюжину раз. Вернее, раньше приходилось. В последнее время я более-менее научился справляться с этой напастью. Но так и не смог полюбить процесс письма, или хотя бы с ним примириться.

Тем не менее, в жизни моей то и дело внезапно находится место подвигу. Хочешь не хочешь, а совершай. Вот и сейчас я взял из рук капитана Боумблаха чистую самопишущую табличку, положил на неё руку,

сформулировал в уме текст документа, усилием воли превратил его в сияющую ярко-красную точку, переместил точку в центр ладони и... Уфф. Воображаемый текст проявился на табличке. Его венчала адская кракозябра с условно изящным завитком – официальная подпись, причём не моя, а генерала столичной полиции Бубуты Боха. Мне очень повезло, что мой друг Трикки Лай, вынужденный регулярно подписывать служебные бумаги вместо окончательно обленившегося начальства, предпочитает заниматься подделкой документов в моей гостиной, словно бы специально созданной для лихих дел. А то где бы я ещё подсмотрел, как выглядит Бубутина подпись.

Я критически оглядел результат своего труда. Вроде бы более-менее получилось. Всегда удивляюсь этому, как в первый раз.

Я протянул табличку рыжему капитану. Тот встревоженно уставился на мою писанину, но секунду спустя просветлел лицом.

– Кот сбежал – кормить не надо! – с облегчением сказал он.

Это, как я понял, был местный аналог выражения «баба с возу – кобыле легче». Но на всякий случай я вежливо уточнил:

– Надеюсь, вы не возражаете?

– Да что я, с ума сошёл? Если уж мне так повезло, что полиция столицы Соединённого Королевства берёт на себя расследование этого гиблого дела... – капитан внезапно запнулся и смущённо объяснил: – Когда подозреваемый исчезает вместо того чтобы по-человечески сбежать, спрятаться, отстреливаться или, на худой конец, взять заложников, я теряюсь. Не знаю, что в подобных случаях следует делать. Честно говоря, на моей памяти такое впервые. У нас, в Нумбане, особо не колдуют, разве только воришки, карточные шулеры и прочие жулики, по мелочам, но их-то фокусы я давно знаю. А тут...

– Очень хорошо вас понимаю, – кивнул я. – Идёмте, покажете, где сегодня сидит этот ваш пророк. Надеюсь, он не обиделся на неблагодарное человечество и не покинул Нумбану навсегда.

– Да нет, вряд ли он обиделся, – сказал рыжий капитан. – Когда Клус заглянул в палатку, пророк смеялся.

– Пророк смеялся, как будто оружие в руках незнакомца – это шутка, – говорил Хлама Клус, невысокий жилистый человек с уныло свисающим длинным носом и огромными бирюзовыми глазами, больше похожими на ювелирные украшения, чем на обычные органы зрительного восприятия.

Мы сидели на перевёрнутых деревянных ящиках, практически скрытые от окружающих высоким прилавком – заняли одно из пустующих

торговых мест. Здесь, на самом краю ярмарки, их всегда хватает. Всем хочется стоять в центральных рядах, хотя там за места приходится платить, а с краю можно пристроиться даром. Но и покупателей тут, конечно, гораздо меньше – в основном, ушлые нумбанские обыватели, готовые люто торговаться за каждую горсть.

По словам капитана Друти Боумблаха, Правдивый Пророк всегда ставит палатку где-нибудь с краю. Ну, то есть как – ставит. Просто возникает из ниоткуда вместе со своим маленьким полосатым шатром и скромной неприметной вывеской: «Здесь можно узнать всю правду о себе». Уж ему-то незачем стремиться в центральные ряды, желающие сами его находят. Узнать всю правду о себе – огромный соблазн, за таким обещанием не то что на край ярмарки, на край Мира побежишь. Я и сам сейчас внутренне подпрыгивал от нетерпения, досадуя на дурацкое расследование, вставшее между мной и обещанной правдой. Но тут уж ничего не поделаешь. Если я не вытяну из свидетеля происшествия все подробности, Кофа мне этого не простит.

– Да, мы уже поняли, что пророк – весёлый человек, – кивнул я. – По делу-то он что-нибудь сказал?

– Сказал, что всё в порядке, а потом попросил меня выйти. Пришлось признаться, что я из полиции, но это не особенно помогло. Он только отмахнулся: «Ничего не случилось, не о чем говорить». Но я же сам видел!..

– Вопрос, что именно ты видел и слышал. А что потом сам дофантазировал. Давай-ка ещё раз, с самого начала. И по порядку.

В собственных глазах я в этот момент выглядел крайне неприятным типом. Одним из тех хамоватых мелких начальников, которые небрежно «тыкают» подчинённым и придираются ко всему, что те скажут. Однако на самом деле, я просто изо всех сил старался соблюдать полицейский этикет. Дружба с Трикки Лаем в этом смысле пошла мне на пользу. Именно от него я узнал, что когда старший по званию вдруг начинает обращаться к рядовому полицейскому на «вы», это означает, что грядут крупные неприятности. А пока начальство снисходительно тычет и недовольно бурчит, подчинённые сохраняют спокойствие, земля под их ногами восхитительно тверда, привычный порядок вещей незыблем, а ближайшему будущему ничего не угрожает. Вот и приходится соответствовать – просто чтобы не нервировать ни в чём не повинного человека.

Ну, то есть не повинного ни в чём, кроме полной неспособности связно излагать события и вопиющего неумения отделить факты от

собственных домыслов. Так уж нам с этим свидетелем повезло.

Но бедняга очень старался. Закатил свои бирюзовые глазищи и затараторил как зубрила, вызванный к доске:

– Я прибыл на ярмарку ровно за четыре часа до полудня и отправился на поиски палатки Правдивого Пророка, поскольку в те дни, когда палатка появляется, я должен надзирать за соблюдением порядка в радиусе пяти дюжин шагов от неё...

«Надо же, какая точность, – насмешливо подумал я. – Интересно, а если на шаг дальше что-нибудь стрясётся? Вмешиваться запрещено? Или как?»

Вслух я это говорить не стал, но сопровождавший нас капитан Боумблах заметил моё удивление и счёл нужным пояснить:

– Традиционный уставный размер территории, охраняемой одним сотрудником полиции, унаследован нами от старинного Первого Ярмарочного Закона, который подробно оговаривал взаимные обязанности торговцев и городских властей. Фермеры должны были вскладчину ежедневно поставлять в дом бургомистра Нумбаны телегу сезонных овощей и телегу любого другого провианта, а он за это приказал городским стражникам обеспечить полную безопасность в радиусе пяти дюжин шагов от центрального торгового ряда – такова была в ту пору ярмарочная площадь. Совсем маленькая, сейчас-то даже не верится.

– А от кого охраняли ярмарку? – оживился Нумминорих, всегда готовый поддержать светскую беседу, особенно если обсуждаемая тема не имеет никакого отношения к делу.

– «Хроники Зелёных Лет» сообщают, что леса вокруг Нумбаны в те годы кишели голодными разбойниками, которые быстро сообразили, что грабить окрестных фермеров на ярмарке, где они собираются все вместе, да ещё и еду с собой привозят, гораздо удобней, чем без особого успеха штурмовать хорошо защищённые хутора. Если бы торговцы не договорились с бургомистром об охране, ярмарка не просуществовала бы и полудюжины дней – какой смысл везти товар туда, где его у тебя гарантированно отберут?

– А по дороге на ярмарку разве не проще их грабить? – спросил я. – Или когда обратно с деньгами поедут?

– Не следует недооценивать наших фермеров. На лесных тропах они умеют быть незаметными, сколько бы возов товара ни волокли за собой.

– О древних фермерских тропах в Ландаландских лесах нам на лекциях по истории магии рассказывали, – встрял Нумминорих. – Оказывается, у каждой семьи в этих краях до сих пор есть свои тайные

тропы, неизвестные другим...

– Скажем так, далеко не каждому известные, – самодовольно усмехнулся толстый капитан. Всем своим видом он давал понять, что принадлежит к числу избранных, посвящённых в местные лесные тайны.

– Всё это прекрасно, – сказал я. – Но сейчас-то зачем охранять любой объект в радиусе пяти дюжин шагов, не больше и не меньше?

– Да, в общем, незачем, – неохотно признал капитан. – Это просто дань традиции, которую мы чтим. Нумбана обязана Ярмарочному Закону своим процветанием. Уже всего сто лет спустя после его принятия великий уандукский путешественник той эпохи Хачимарух Брейдони описывал Нумбану как «город сытых и довольных, сокрытый в диких лесах Хонхоны», а со стороны, говорят, виднее. А пресловутые пять дюжин шагов с тех пор так и кочуют из одного документа в другой. И, как видите, добрались до наших служебных инструкций. Никакого особого тайного смысла в указанном расстоянии действительно нет, но число считается счастливым.

– Вот это понятный аргумент, – кивнул я. – Но теперь всё-таки хотелось бы узнать, что стряслось сегодня. И если можно, без ссылок на события тысячелетней давности.

– Семитысячелетней! – любезно поправил меня Друти Боумблах.

– Тем более.

Я повернулся к притихшему рядовому Клусу.

– Что конкретно ты видел и слышал возле палатки пророка? Рапорт по всей форме нам не нужен. Расскажи о покушении простыми человеческими словами, как дома за ужином.

– А дома некому рассказывать, – возразил тот. – Я один живу.

В такие минуты я начинаю жалеть, что не родился жестоким убийцей, испепеляющим всё на своём пути. Практического толку от такого поведения обычно немного, зато удовольствия – море. Мгновенная эмоциональная разрядка всегда обеспечена.

Но нет так нет, ничего не поделаешь. Поэтому вместо того, чтобы откусить непонятливому полицейскому голову, я ласково улыбнулся и сказал:

– Ладно, не дома. Как приятелям в трактире. Например.

Это неожиданно сработало. Свидетель мой заметно оживился, а в бирюзовых глазах появился вполне осмысленный блеск.

– Значит, так, – бодро начал он. – Нашёл я палатку пророка – вот тут же, где сейчас стоит – присел неподалёку, трубку достал, набил. Народу с утра на ярмарке мало, поэтому к нему сразу потянулись торговцы, потом-то

у них уже времени на развлечения не будет. Ну, в общем, везде пусто, а возле палатки пророка дюжины полторы человек стоят, ждут. Я посидел, покурил и тоже подошёл поближе. Интересно же, что он кому скажет. Правда, я пока ещё ни разу ничего толком не разобрал. Пророк совсем тихо шепчет, в самое ухо, хитрый. Но вдруг однажды скажет громко? Имеет смысл крутиться где-нибудь рядом... В общем, встал я возле входа в палатку. И тут вдруг человек с ножом! Вооот таким огромным! – Клус щедро развёл руки чуть ли не на ширину плеч. – И заходит к пророку! А я...

– Погоди, что вот прямо так, размахивая ножом, и вошёл? – изумился я.

– Да почему же размахивая? – удивился Клус. – Ничем он не размахивал. Уж спрятать нож под одежду у любого ума хватит!

– Но почему тогда ты говоришь, что человек вошёл с ножом?

– Ну так потом-то выяснилось, что нож был, – терпеливо, как несмышлёному младенцу, объяснил полицейский. – Я своими глазами его видел!

Нумминорих встревоженно на меня покосился. Он знаком со мной не первый день и хорошо знает, в какой момент пора прятаться в погреб. Я адресовал ему кроткую улыбку мученика – дескать, ладно, потерплю, как-нибудь не взорвусь – и продолжил этот нелепый допрос.

– Опиши, пожалуйста, как выглядел человек, который заходил в палатку, в тот момент, когда заходил?

Услышав от меня слово «пожалуйста», бедняга Клус совершенно сник и уставился в землю. Я же говорю, у младшего полицейского состава свои представления об этикете, и лучше не нервировать их избыточной вежливостью. Хочешь не хочешь, а держи себя в руках.

– Эй, у тебя язык в зубах запутался? – сварливо спросил я.

Это помогло.

– Значит, нож был спрятан под одеждой...

– Да, это мы уже поняли. Под какой именно одеждой?

– Под новомодным костюмом.

– Что за новомодный костюм?

– Да откуда же я знаю, как оно всё называется? Я в нарядах не разбираюсь.

– Просто. Опиши. Словами. – сказал я.

И сам содрогнулся от звуков собственного голоса. Нечеловечески ласкового и всепрощающего.

– Красная! – выпалил Хлама Клус и снова умолк.

– Красная одежда?
– Да. Та, которая сверху. Короткая, выше колен. Что-то вроде ташерской куртки, но не такая широкая и с капюшоном.
– А ещё какая-то одежда на нем была?
– Была, – лаконично ответил полицейский.
– Какая? На что похожа?
– На одеяло. Как будто он замотался одеялом ниже пояса, да так и пошёл.

Так вот значит как жители Нумбаны представляют себе «новую столичную моду». В смысле какими нелепыми полудурками мы им кажемся. Ладно, буду иметь в виду.

«Даже не берусь предположить, где так одеваются», – воспользовавшись Безмолвной речью, сказал мне Нумминорих.

Во дела. Вообще-то, кругозор у него даже несколько шире, чем требуется. Полдюжины высших образований – это всё-таки не кот чихнул. И вдруг на тебе – «не берусь предположить».

– А обувь? – спросил я.

Бирюзовые глаза растерянно моргнули.

– Нннуу... наверное, была какая-то обувь. Не босиком же он по ярмарке ходил.

– Но ты не обратил внимания?

– Не обратил, – признался Клус. – Одеяло уж больно длинное.

– Ладно, – обречённо согласился я. – А лицо? Причёска?

Я заранее приготовился к ответу в духе: «да, наверное, было какое-то лицо». Но Хлама Клус приятно меня удивил.

– Лицо обычное, – уверенно сказал он. – Только очень белое. Не бледное, а как будто краской намазался. Белое – и всё.

– Обычное, – повторил я. – Белое. Ага.

– «Как будто» – это значит, что на самом деле, без краски? – пришёл мне на помощь Нумминорих.

– Ну, вроде, без. Или очень умело намазался, так что даже вблизи от настоящего не отличишь. И губы тоже белые. А брови чёрные и глаза тоже.

– Красиво, наверное, смотрится, – заметил я.

– Да нет, не то чтобы. Так... Обыкновенно, в общем.

– Обыкновенно?!

– Ну да. Я бы внимания не обратил, если бы он просто так по ярмарке гулял. У нас тут ещё и не такое встречается. Недавно ваши столичные студенты приезжали, так у каждого на голове вместо волос горел самый настоящий костёр. А одного вельможу из Куманского Халифата по всей

ярмарке вместе с кроватью носили^[1] – вот это была потеха!

Я был вынужден признать, что в его рассуждениях есть здравый смысл. Просто долгие годы работы на Нумбанской ярмарке формируют свои, особые представления об «обыкновенном», которые даже мне довольно трудно разделить. Хотя казалось бы...

Ладно.

– Ладно, – сказал я, – хорошо. Предположим, с внешностью мы разобрались. Итак, белолицый человек вошел в палатку. Что случилось потом? Почему ты вообще к ним сунулся?

– Ну так шум же был.

Хлама Клус произнёс это таким тоном, что я сразу понял: не было там никакого шума. Любопытный полицейский просто полез подглядывать и подслушивать, как наверняка делал уже не раз, увидел в руках странно одетого посетителя нож и храбро ринулся спасать пророка. Молодец, что тут скажешь.

Да нет, правда молодец.

Я совсем не хотел мучить беднягу новыми придирками, но пришлось.

– Какого рода шум? Крики? Ругань? Падение мебели? Ещё что-нибудь?

– Шум, – упрямо повторил Хлама Клус. – Просто шум.

– Не морочь мне голову, – вздохнул я. – Шум – это звуки. Любые звуки можно как-то описать. Но в палатке было тихо, да? Ты просто так заглянул? На всякий случай? Потому что белолицый человек в одеяле показался тебе подозрительным, и ты решил посмотреть, что там происходит. И, между прочим, правильно сделал, вовремя успел. Злодей испугался и исчез, пророк остался жив. Ты его спас. Но вот шума – шума не было. Так?

– Так, – еле слышно пробормотал полицейский.

– Ну и зачем было выдумывать? – изумился капитан Друти Боумблах.

Похоже, он совершенно не ожидал такого поворота. Это плохо. Свои кадры надо знать. В смысле понимать, кто что способен выкинуть, в том числе, в самый неподходящий момент – например, в присутствии введливого столичного начальства.

– Ну мне же мне не положено просто так соваться в палатку, – скорбно объяснил рядовой Клус. – И вы сами, когда меня инструктировали, говорили: «Только не вздумай ему мешать, зря под руку не лезь...» Зачем мне лишний выговор?

– Ну так ты же, получается, не зря туда полез, – успокоил его капитан. – Спас человека.

– Значит, я всё правильно сделал? – обрадовался Клус.

– В этом конкретном случае – правильно, – подтвердил я. – А вот сочинять отсебятину – это была очень плохая идея. Намеренное введение следствия в заблуждение ради сокрытия своих проступков – вот как это называется. Между прочим, от полугода до восьми лет в Нунде можно получить за такие фокусы, если следователь сердитый попадётся, и нанесённый вред будет признан существенным. Да не смотри ты на меня так, никто тебя в суд не потащит. Был я однажды в этой Нунде с инспекцией, слишком мрачное место, чтобы обычных врунов вроде тебя туда отправлять.

Бедняга уже был ни жив, ни мёртв, так что я почти пожалел о сказанном. С другой стороны, не мог же я оставить всё как есть. Полицейскому, который врёт начальству, чтобы не получить выговор, следует узнать, чем это чревато. Лучше поздно, чем никогда. И лучше от меня, чем от кого-нибудь другого. О моём тяжёлом характере ходят легенды, однако на то они и легенды, чтобы приукрашивать мрачную действительность. И скрывать от широкой общественности моё совершенно непрофессиональное добродушие. Столь шокирующего откровения эта самая широкая общественность, пожалуй, не переживёт.

– Значит так, – подытожил я. – В палатку пророка вошёл белолицый человек в странной одежде. Когда некоторое время спустя ты туда заглянул... Кстати, а какое время спустя? Минуту? Больше?

– Да и минуты наверное не прошло, – признался Клус.

– Замечательно. Ты почти сразу заглянул в палатку и увидел – что?

– У него в руках был нож. Большой, очень хороший. Такой, что даже издалека смотреть на него было страшно, а это верный признак настоящего боевого оружия.

Интересное, кстати, наблюдение. И, скорее всего, верное.

– И что было дальше?

– Да ничего особенного. Человек с ножом стоял, а пророк смотрел на него и смеялся.

– Смеялся? Не кричал, не ругался, не пытался отобрать нож или ещё как-то защититься? А просто смеялся?

Хлама Клус молча кивнул. Воцарилась тягостная пауза.

– Послушай, – наконец сказал я, – а с чего ты вообще взял, будто это было покушение?

– Ну, он же исчез, когда увидел меня. То есть сбежал. Значит, замыслил плохое. С ножом в руках!

– Да он мог просто смутиться. Или испугаться. Или решить, будто ты подслушал какую-нибудь ужасную правду о нём, и предпочёл скрыться

подальше от такого свидетеля. А ты, толком не разобравшись, наплёл невесть чего, так что уже дело о покушении на пророка заведено. При том, что сам пророк не пострадал и никаких жалоб не приносил. Какая нелепость!

– Так вы думаете, не было покушения? – недоверчиво спросил капитан Друти Боумблах.

– Не знаю, – честно сказал я. – Будем разбираться, что там на самом деле произошло. В любом случае, это больше не ваша проблема.

– Да, точно, – оживился он. – Спасибо, что забрали это дело себе. Чем дальше, тем меньше мне хочется с ним разбираться.

– Пошли знакомиться с пророком, – сказал я Нумминориху. – Если хочешь, можешь зайти первым. А то от всей правды обо мне у кого хочешь нервы сдадут, ищи его потом по всем Приютам Безумных.

Нумминорих деловито кивнул и рванул в хвост очереди, хвала Магистрам, довольно небольшой. Я вчера думал, будет гораздо хуже.

Я пошёл было за ним, но напоследок всё-таки спросил Хламу Клуса:

– А ты сам просил пророка рассказать всю правду о тебе?

– Никак нет! – гаркнул тот и зачем-то подскочил, стукнувшись при этом об край прилавка. Отличный ход: это позволило ему зажмуриться от боли и, таким образом, избежать моего испытующего взгляда.

Но я и так уже понял две вещи. Во-первых, он, конечно же, расспросил пророка. Готов спорить, в первый же день, причём наверняка в обход очереди, воспользовавшись своим служебным положением. А во-вторых, ничего мне не расскажет. И вообще никому. Даже под пытками.

Ладно, чёрт с ним. Имеет полное право.

Очередь к пророку двигалась довольно быстро. Перед нами было чуть больше дюжины человек, и мало кто из них задерживался в палатке хотя бы на минуту. Выходили практически сразу, выглядели при этом задумчивыми, иногда озадаченными, но всё же скорее довольными, чем нет. Одна юная девица в диковинной шапке из кусочков меха, ткани, кожи и цветного стекла вышла, улыбаясь до ушей и убежала вприпрыжку, явно чрезвычайно воодушевлённая правдой о себе. Мрачным, испуганным или хотя бы просто огорчённым от пророка не выходил никто. По крайней мере, при нас такого не было.

Наконец пришла наша очередь, и я пропустил Нумминориха первым, как и обещал. Причём вовсе не из великодушия, просто его обоняние – самый безошибочный способ отличить спящего от бодрствующего. Мерцают они всё-таки далеко не всегда, опытные сновидцы умеют

прикидываться своими в любой приснившейся им реальности, а вот от запаха собственного сна поди избавься. Впрочем, как я понимаю, никто и не пытается. Нюхачей вроде Нумминориха исчезающе мало, а что сновидение имеет ярко выраженный, отличный от всех прочих аромат, никому кроме нюхача и в голову не придёт.

В общем, храбрый первопроходец Нумминорих переступил порог полосатой палатки Правдивого Пророка, а минуту спустя вышел обратно. И это было незабываемое зрелище. В своём роде.

Перед поездкой в Нумбану мы оба изменили внешность. Я – самостоятельно, а Нумминорих с помощью сэра Кофы. Не то чтобы он совсем не владел этим искусством, просто опытный мастер, если необходимо, может внести изменения надолго; говорят, даже сто лет – не предел. А работа начинающего продержится хорошо если полдня. Моих усилий сейчас хватает максимум на трое суток, и это считается очень крутым достижением. То есть вызывает такое уважение окружающих, что они наотрез отказываются мне помогать. Говорят: «Отстань, ты уже и сам отлично справляешься», – и умывают руки, садистски ухмыляясь в усы, вне зависимости от их наличия. Я уже говорил, что меня окружают исключительно коварные злодеи и безжалостные мучители? Ничего, значит повторяюсь.

Зато Нумминорих у нас по-прежнему считается почти беспомощным новичком, что, будем честны, уже давным-давно не соответствует истинному положению дел. Но, подозреваю, такое отношение к нему сохранится до тех пор, пока в Тайном Сыске не появится новый сотрудник. Тогда вся снисходительная забота старших коллег обрушится на новичка, а Нумминориху придётся привыкать к полной самостоятельности.

Но пока этого не произошло, и все мы заботливо опекаем Нумминориха. Вот и сейчас, перед поездкой в Нумбану, вместо того, чтобы часами потеть перед зеркалом, добиваясь мало-мальски сносного результата, который ещё поди закрепи, он просто пошёл к Кофе, и тот разукрасил его как следует. Сэр Кофа Йох, как все нормальные люди, не особо любит работать за других, а когда всё-таки приходится, старается превратить рутинный труд в развлечение. Я хочу сказать, что выйти из его рук хотя бы умеренно привлекательным человеком можно только по специальному заказу начальства, если приятная внешность нужна для дела. Но так случается довольно редко.

На этот раз Нумминорих был осчастливлен отвисшими бульдожьими щеками, утопающим в них носом-кнопкой, небольшими круглыми глазками и мощной квадратной челюстью. Впрочем, сам пострадавший остался

доволен своей новой внешностью, он вообще любит разнообразие.

Но дело, конечно, не в этом. А в том, что сейчас, когда Нумминорих вышел из палатки Правдивого Пророка, его новое комичное лицо стало полупрозрачным и зыбким, как озёрная вода. На дне этого водоёма явственно просматривалась настоящая физиономия Нумминориха, неописуемо довольная, хоть и порядком озадаченная, как у всех его предшественников.

«Ого как», – подумал я.

А больше ничего подумать не успел, потому что стоящие позади деликатно подтолкнули меня к входу – дескать, иди давай, не задерживай очередь. Нумминорих посторонился, пропуская меня. Сказал, воспользовавшись Безмолвной речью: «Пророк совершенно точно не спящий».

«Интересные дела», – откликнулся я. И вошёл в палатку.

...Притом, что внешность Правдивого Пророка нам вчера описывали неоднократно и все показания более-менее сходились, я всё равно был заранее готов увидеть всё что угодно – хоть обещанного пожилого джентльмена с зелёной косой, хоть толстую старуху вроде той, что торгует пророческими снами у нас в Новом Городе, хоть бородатого младенца, хоть огненный шар. Чем-чем, а разнообразием форм в Мире никого не удивишь. Единственное, к чему я не был готов – к отсутствию хозяина палатки. Поэтому, не застав там никого, удивился. Но не слишком сильно, всё-таки возможность становиться невидимым доступна многим мало-мальски сносным колдунам. Я и сам уже почти выучился... ну, то есть до настоящего «почти» мне ещё пахать и пахать, но какая разница, это же не я сейчас так беспардонно исчез.

Я открыл было рот, чтобы вежливо спросить, в какую филейную часть обитаемого Мира столь невовремя провалился уважаемый пророк, но меня опередили. Негромкий мужской голос сказал прямо мне в ухо, так что я почувствовал его дыхание, прохладное и явственно пахнущее свежескошенной травой:

– Правда о тебе заключается в том, что ты – сэр Макс из Ехо. И явился сюда, чтобы меня разбудить. Ничего не поделаешь, ладно, просыпайся.

– Эй, так нечестно! – возмутился я, сообразив, что, во-первых, мне не сообщили ничего нового о моей выдающейся персоне, а во-вторых, похоже, и не собираются.

Не успев договорить, я обнаружил, что никакой палатки больше нет, и на меня, разинув рты, глазеет небольшая толпа свидетелей её исчезновения.

– Что «нечестно»? – растерянно спросил кудрявый юноша, стоявший за мной в очереди к пророку.

– Куда всё подевалось? Где пророк? Что случилось? – вступил нестройный хор взволнованных граждан, лишённых долгожданного мистического откровения.

Поскольку у меня не было ни малейшего желания отвечать на все эти вопросы, а потом ещё и доказывать, что я не обижал, не пугал и не ел пророка, пришлось тоже исчезнуть. Одна надежда, что столько исчезновений сразу хоть немного развлечёт этих добрых людей, оставшихся сегодня без своей порции душераздирающей правды. Так уж им не повезло. И мне с ними за компанию.

Исчезнуть в моём случае означало просто уйти куда-нибудь Тёмным путём. Оригинальностью мышления я, увы, не блещу, поэтому мое «куда-нибудь» оказалось всего лишь гостиничным номером, где я незамедлительно рухнул на застеленную кровать, после чего понял, что изнываю вовсе не от усталости, а от досады. Похоже, я и правда рассчитывал услышать от некстати исчезнувшего пророка что-нибудь интересное. И это притом, что той правды, которую я о себе уже знаю, вполне достаточно, чтобы сойти с ума раз пять. Или даже шесть. Трудно вот так сразу точно подсчитать.

Какой же я, однако, жадина.

«Хорошо хоть Нумминориха вперёд пустил, – подумал я. – А то было бы одним разочарованным правдоискателем больше».

Вспомнив о Нумминорихе, я тут же сообразил, что мы с ним не сделали самого главного. Какое всё-таки счастье, что в Мире есть Безмолвная речь.

Нумминорих, судя по всему, рассуждал так же. По крайней мере, тут же прислал мне зов. И задал совершенно закономерный в сложившихся обстоятельствах вопрос: «Куда ты подевался?»

«Я-то просто в гостиницу. А вот куда подевался Правдивый Пророк – это интересный вопрос. Можешь пойти за ним по его запаху?»

«В том-то и дело, что нет! Я как раз хотел тебе пожаловаться: он исчез вместе с запахами. Не только со своим, а вообще со всеми, включая запахи полотна и принесённых ему подарков. Хоть носом в землю заройся, а ничего не учуешь. Никогда раньше с подобным не встречался. Даже испугался сперва, что Пророк применил какое-нибудь очередное старинное зелье против нюхачей, но хвала Магистрам, вроде пронесло. Остальные запахи я по-прежнему различаю».

«И на том спасибо, – вздохнул я. – Ладно, тогда дуй сюда, пойдём домой переодеваться. С этими рожами нам в Нумбане больше делать нечего».

– Он точно не пах сновидением? – спросил я, когда Нумминорих появился на пороге моей комнаты.

– Кто, пророк? Нет. А почему ты сомневаешься?

– Потому что он сказал мне: «Ты – сэр Макс, пришёл меня разбудить, ладно, просыпаюсь». После этого сразу исчезла палатка. Причём, по твоим словам, вместе с запахами. Как будто её владелец и правда проснулся. Получается, нет?

– Получается, – растерянно согласился Нумминорих. – Понимаешь, я совершенно уверен, что пророк – нормальный бодрствующий человек. И родом он из нашего Мира. Там такой букет легко опознаваемых ароматов, что ошибиться невозможно. Например, он явно провел предыдущую ночь на морском побережье, возможно даже купался, а сегодня на завтрак ел здешнюю фруктовую колбасу и какие-то сласти, скорее всего, по куманскому рецепту, на меду. Что касается постоянных привычек, он почти не ест мяса и кладёт в еду гораздо больше пряностей, чем принято в наших краях, не мёрзнет и не потеет, не держит в доме ни животных, ни птиц, в последнее время умывается белым песочным мылом, которого полно тут на ярмарке, наверное, получил его в качестве платы... Продолжать?

– Да, конечно. А ещё лучше запиши всё это, пока не забыл. Никогда заранее не знаешь, что может оказаться важным. Фруктовая колбаса, мыло или морские купания? Кстати о морских купаниях, получается, ночует он не в Нумбане?

– Именно, – кивнул Нумминорих. – И вряд ли на Гугландском или Уриуландском побережье: там сейчас довольно холодно, топят печи и жгут костры, а дымом от пророка практически не пахло. Только тем, что от ярмарочных кухонь до его палатки долетел, но это не в счёт... Ну и вообще маловероятно, что он откуда-нибудь из Хонхоны. И вряд ли из Чирухты. Пряности, мёд – всё это наводит на мысль об Уандуке. Но тогда получается, он живёт не в городе. И даже не в селении. Они же там благовония на себя льют практически ведрами. И постоянно жгут их – не только в домах, но и на улицах, хочешь не хочешь, а насквозь пропитаешься местными ароматами, даже если сам никогда их не используешь. Я бы не удивился, если бы выяснилось, что пророк живёт отшельником, причём скорее на острове, чем на материке...

– Острова Банум подойдут? – спросил я. – Если уж у него волосы

зелёные, как у тамошних уроженцев.

– Ну да, точно! – обрадовался Нумминорих. – Там, насколько я знаю, народу мало, и все живут довольно обособлено. Чужими благовониями не пропитаешься, если только с утра до ночи в гостях не сидишь... Но учти, он совершенно точно не тамошний уроженец. Родился и вырос где-то в Угуланде, близость к Сердцу Мира влияет на состав крови, а состав крови, соответственно, на запах тела, это факт. Плюс ещё некоторые нюансы. Готов спорить, что среди предков Правдивого Пророка были фаффы^[2] и, скорее всего, хлеххелы^[3], но тут я не так уверен, потому что потомков хлеххелов встречал довольно мало... Ладно, не стоит пока тебя путать, да и вряд ли информация о предках пророка имеет значение. Просто имей в виду, что по происхождению этот предполагаемый житель Банумских островов – определённо наш.

– Интересно у некоторых складывается жизнь, – завистливо вздохнул я, забыв, что у меня она, строго говоря, сложилась ещё интересней. И умолк, чтобы не отвлекать Нумминориха, который достал самопишущую табличку и принялся конспектировать информацию о запахах пророка.

– Но, кстати, как минимум один сновидец в этой палатке сегодня всё-таки побывал, – неожиданно сказал Нумминорих, пряча табличку в карман.

– Ну здрасьте! – огорчился я. – После всего вдруг выясняется! Приехали.

– Да куда мы не приехали. Если ты подумал, что я мог перепутать, то совершенно зря. Запах человека, который стоит рядом, гораздо сильнее, чем запахи людей, которые уже покинули помещение. Тут сомнений быть не может. Если я говорю, что сновидец заходил в палатку какое-то время назад, значит, так оно и есть.

– Ну, будем надеяться, – вздохнул я.

Не то чтобы я не доверял Нумминориху. Наоборот, его чуткий нос кажется мне одним из самых надёжных приборов во Вселенной. Просто очень трудно иметь дело с информацией, которую ты физически не способен перепроверить лично. Я-то сам ничего не унюхал в той палатке, разве только дыхание невидимого собеседника, явственно пахнувшее свежескошенной травой. Причём вполне возможно, просто от какой-нибудь местной жевательной конфеты, которую пророк сунул за щёку перед моим приходом – такая ничего не значащая ерунда, что Нумминорих даже упоминать об этом не стал.

– Я бы, кстати, не удивился, если этим сновидцем был незнакомец с ножом, всполошивший местную полицию, – заметил Нумминорих. – И

тогда ясно, почему пророк смеялся. Это же действительно очень смешно: в очереди обычных клиентов вдруг появляется человек, которому ты просто приснился. И почему он внезапно исчез, тогда тоже понятно – просто проснулся, когда сон перестал ему нравиться. Я бы на его месте тоже так сделал, если бы мне приснилось, как полицейский застукал меня с огромным ножом. Обычно ничего хорошего от таких сновидений ждать не приходится... Ладно, не буду зря гадать, но сам Правдивый Пророк – совершенно нормальный бодрствующий человек. Это я тебе гарантирую.

– Договорились, – кивнул я. – Значит, я всё-таки продул Джуффину полдюжины корон. Не надо было соглашаться на это дурацкое пари. С таким азартным начальством никакого жалования не хватит. Зато теперь у нас есть отличная дополнительная загадка: зачем пророк меня обманул? Если он действительно видит всех насквозь, должен был понимать, что обман быстро раскроется. А если шарлатан...

– Мне кажется, Правдивый Пророк совсем не шарлатан, – возразил Нумминорих. – Просто наверное знает о людях не всё, а только самое главное. Ну, то, что кажется главным ему. Во всяком случае, он не сказал мне, что я нюхач. И о том, что я из Тайного Сыска – ни слова. С другой стороны, зачем лишний раз сообщать человеку, что тот и сам о себе распрекрасно знает? По идее, пророки нужны, чтобы открывать нам тайны.

– А это будет совсем бесцеремонное свинство, если я спрошу?..

– Что сказал мне Правдивый Пророк? Да ну, совершенно никакого не свинство. Потому что, во-первых, я всё-таки на службе, и должен делиться полученной информацией с коллегами. А во-вторых, мне не кажется, что это такой уж великий секрет. Ты же всё равно знаешь, как я родился.

Ох, да. Знаю.

Нумминорих родился только потому, что его мать пожалела свою подругу, чей единственный сын погиб в начале Смутных Времени, не оставив наследников. Будучи одной из лучших учениц Великого Магистра распущенного к тому моменту Ордена Часов Попятного Времени Мабы Калоха, леди Лайса сумела помочь этому горю. Пересекла Мост Времени, разыскала и соблазнила обречённого, а забеременев, вернулась домой, в смысле, в своё «сегодня» и родила сына – в положенный природой срок и при этом шесть, что ли, дюжин лет спустя после смерти его отца. Вот так выглядит безупречное сострадание мага: если не можешь махнуть рукой на чужое горе, действуй, а если выяснится, что помочь совершенно невозможно, действуй всё равно.

– Так что, пророк просто пересказал тебе историю твоего рождения? – спросил я.

Нумминорих отрицательно помотал головой.

– Он сказал другое. Что из-за этого я...

Он запнулся и умолк. Ишь, нахватался дурных манер от начальства. Пауза в самом интересном месте – фирменный стиль сэра Джуффина Халли. Единственное его умение, которое, на мой взгляд, никому не следовало бы перенимать.

Нумминорих явно догадался, о чём я думаю. Улыбнулся и поспешно сказал:

– Я не специально тяну. Просто не знаю, как сформулировать. Когда пророк говорил, это совершенно нормально прозвучало, а теперь, у меня в голове, как будто глупое хвастовство...

– Говори как есть, – посоветовал я. – По крайней мере, тогда я не умру у тебя на руках от любопытства. И тебе не придётся часами околачиваться в кабинете нашего нового приятеля, выпрашивая у него официальное разрешение на перевозку трупа в открытом амобилере.

– Пророк сказал, что я могу быть проводником по Мосту Времени, – выдохнул Нумминорих. – Для тех, кто ушёл в другое время и хочет вернуться туда... в тогда, когда уходил. Вроде бы, потому, что я проделал этот путь ещё до рождения, не обладая ни сознанием, ни волей... В общем, я сам толком не понимаю, как это всё устроено. Но если у нас кто-нибудь вдруг заблудится во времени, имей в виду, что я – вот такой полезный талисман. Мне даже делать ничего особенного не надо – просто сидеть и ждать. И не сомневаться, что ушедший вернётся. Но не сомневаться, ты знаешь, я как раз неплохо умею.

– Надеюсь, лично мне ты в этом качестве никогда не понадобишься, – сказал я. – Жуткая всё-таки штука этот ваш Мост Времени. Совершенно невозможная! Некуда по нему ходить, потому что никакого прошлого нет. И, тем более, будущего.

– Но маме же удалось, – заметил Нумминорих. – И не только ей.

– Вот именно. В том и ужас, что некоторым удаётся! Притом что, как мне недавно объяснили, ступивший на Мост Времени отменяет сам факт своего существования. Исчезает – отовсюду, целиком, навсегда. А потом усилием воли заставляет себя появиться снова, там и тогда, когда необходимо. Кто и кого заставляет – это, конечно, отдельный интересный вопрос... Ну уж нет! Даже думать об этом не хочу.

– А по-моему, в такой формулировке как раз очень здорово получается, – обрадовался Нумминорих. – Отменить себя, ну точно же! Сразу стало понятно, почему путешествие во времени всё-таки возможно. А то раньше и у меня в голове это совершенно не укладывалось.

– А теперь, значит, укладывается? – вздохнул я. – Ну-ну. Всегда знал, что моё общество не доведёт тебя до добра. Если так, придётся тебя его лишить. Жди меня здесь, я скоро вернусь.

– Так мы же вроде вместе домой собирались?

– Собирались. И продолжаем собираться. В смысле скоро туда пойдём. Просто сперва мне придётся совершить небольшое путешествие во времени, чтобы исправить одну роковую ошибку. Всего на полчаса назад, не о чем говорить.

– Что?!

– На самом деле я просто собираюсь вернуться на ярмарку. Я там кое-что не сделал. Так растерялся, что забыл. Но это, надеюсь, поправимо.

Место, где стояла палатка предсказателя, уже было, как и следовало ожидать, оцеплено Нумбанской полицией в лице рыжего капитана Боумблаха и его малахольного подчинённого. Увидев меня, эти двое вздохнули с явным облегчением. Я так понимаю, они как раз пытались сообразить, как следует трактовать моё исчезновение, последовавшее сразу за исчезновением Правдивого Пророка. Бегство с места преступления? Мистическая отлучка по служебной надобности? Или, чего доброго, внезапная гибель от рук неведомого и невидимого врага? И тут вдруг я снова объявляюсь собственной персоной. Такая удача!

– Всё в порядке, не о чем беспокоиться, – сказал я полицейским. – Ваш пророк исчез, потому что не захотел со мной разговаривать. Надеюсь, вернется после того, как я уберусь из Нумбаны.

– Но почему?.. – растерянно спросил капитан.

– Может быть, ему открылась такая ужасная правда обо мне, что вслух говорить неловко? – предположил я.

Рядовой Хлама Клус уставился на меня с нескрываемым интересом, а его начальник, напротив, тактично отвёл глаза. Уж не знаю, что там они оба нафантазировали, но я не дал им опомниться.

– Так или иначе, расследование предполагаемого покушения на Правдивого Пророка по-прежнему остаётся за нами. А больше тут расследовать нечего. Пророк, как я понимаю, и раньше исчезал вместе со своей палаткой. А потом опять появлялся. Верно?

– Ддда, ннноооо... – неуверенно протянул толстый капитан, по-прежнему не решаясь встретиться со мной взглядом.

– Он по вечерам исчезал, когда ярмарка закрывалась, и люди расходились, – пояснил рядовой Хлус. – А чтобы среди бела дня, пока к нему очередь стоит – не было до сих пор такого.

– Ну, просто день у него не задался, – объяснил я. – Так иногда бывает. Сперва ты клиента с ножом спугнул, потом ещё я со своими ужасными тайнами припёрся. Чем не повод закончить работу пораньше? В общем, на вашем месте я бы занялся другими делами. Подозреваю, их у вас полно.

Полицейские удивлённо заморгали, но уходить явно не торопились.

– Ладно, если хотите, оставайтесь, – великодушно согласился я. – Мне вы, в любом случае, не мешаете. Палатка стояла прямо тут, я правильно запомнил? Ага, сам уже вижу, что правильно.

Удивительная всё же штука материальный мир. Ярмарочная палатка колдуна появляется по его воле из ниоткуда и исчезает потом тоже в никуда, а следы от державших её колышков остаются, как миленькие. Такие пустяки почему-то удивляют меня гораздо больше, чем самые эффектные чудеса, к ним-то я как раз быстро привык.

Но сейчас мне было не до чудес. Надо было поискать след Правдивого Пророка. Если он, как утверждает Нумминорих, бодрствовал, значит, скорее всего, просто ушёл с ярмарки Тёмным Путём. И палатку с собой как-нибудь прихватил. Я так не умею, но я вообще довольно много чего не умею, особенно когда речь заходит об Очевидной магии. Не с того учиться начинал.

Но важно сейчас не это. А тот факт, что бодрствующие люди, в отличие от тех, кому мы просто снимся, обычно оставляют следы. А по следу можно найти кого угодно, даже если он ушёл Тёмным Путём. Вот это я как раз умею очень хорошо. И отличить след могущественного человека от прочих обычно тоже вполне способен. То есть, проблем с поисками Правдивого Пророка у меня, по идее, не должно было возникнуть.

Но они всё равно возникли. Причём по причине настолько простой, что даже я сразу всё понял. Следы пророка и всех его сегодняшних посетителей, исчезли вместе с самой палаткой. Потому что находились на её матерчатом полу, а не на земле под ним.

Ладно, хорошо. По крайней мере, теперь окончательно ясно, что палатка была настоящая. Не иллюзия, созданная умелым сновидцем, а нормальный ярмарочный шатёр из дешёвой полосатой ткани, каких здесь великое множество. Нос Нумминориха – это, конечно, серьёзный аргумент, но лишнее доказательство подлинности пророка, полученное при помощи собственных органов чувств, всё равно не повредит.

На этом месте я послал зов шефу и сказал: «Поздравляю, я продул тебе шесть корон. И в связи с этим требую немедленно собрать совещание».

«Чтобы всей оравой прокутить мой выигрыш? – возмутился Джуффин. – Ну уж нет!»

«Это будет совершенно аскетическое совещание, – пообещал я. – Впрочем, могу прихватить с ярмарки пару бутылок местного вина позапрошлогоднего урожая. Ходят слухи, оно настолько не удалось, что это даже своего рода успех – произвести столь феерическую дрянь. Некоторые сообразительные виноделы прилепили к бутылкам этикетки «Ландаландская жуть», и его тут же стали раскупать столичные любители экзотики и любопытные иностранцы».

«Уговорил, – согласился шеф. – «Ландаландская жуть» – серьёзный повод для экстренного совещания».

– Не такая уж она и жуткая, эта твоя жуть, – сварливо сказал сэр Кофа, пригубив свою порцию.

– Не моя, а Ландаландская, – педантично уточнил я. – Своей жутью ни за что не стал бы с вами делиться.

– И хвала Магистрам, – встрепенулся Мелифаро. – Не хотелось бы погибнуть во цвете лет вот прямо сегодня. Хотя, с другой стороны, скоро конец года^[4], так что может быть зря я так цепляюсь за жизнь...

– Просто не надо никогда никому ничего обещать, – невинно посоветовал я. – А если всё-таки случайно сорвалось с языка, лучше сразу же сделать, выдохнуть и забыть.

– Кому, интересно, ты пообещал превратиться в чудовищного зануду? – огрызнулся он. – И до конца года тянуть не стал, молодец. Сразу всё получилось.

– Да, – кротко согласился я. – Нам, гениям, всё легко удаётся.

– Ну, положим, не всё. Пророк-то от тебя смылся, – заметил Джуффин. – Да и твоя попытка нас отравить позорно провалилась. «Ландаландская жуть» совершенно не оправдывает своё название. Хотя кислятина конечно редкостная, кто бы спорил.

– А мне нравится, – сказала Меламори.

Обвела всех присутствующих надменным взглядом последнего воина всех времён и мелкими медленными глотками, какими принято пить только редкие коллекционные вина, выдула свою порцию ярмарочной бурды. Ужасно смешно, но следует понимать, что для девушки из аристократической семьи, которую с детства учили отличать «Муримахский огонь» урожая второго года Эпохи Кодекса от «Зелёного пламени» двенадцатого и показательно падать в обморок при виде неправильно подобранных бокалов для дегустации, подобное надругательство над винодельческими канонами – не просто дурацкая выходка, а по-настоящему мужественный поступок, как всякое

преодоление себя.

– С тобой ещё поделиться? – ласково спросил сэр Кофа, добрейшей души человек, злодей, каких мало.

Меламори и бровью не повела.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила она. – Это чрезвычайно великодушное предложение, но было бы несправедливо лишать вас шанса насладиться изысканными нюансами вкуса этого уникального в своём роде напитка.

В такие моменты я испытываю почти непреодолимое желание гордо сообщать всем присутствующим: «Это моя девушка!» И повторять, пока они не позеленеют от зависти, которую сами обычно ошибочно принимают за сострадание. Но правила хорошего тона вынуждают меня держать себя в руках.

Тем более, присутствующие вообще-то и так в курсе.

– Слушайте, – внезапно сказал Нумминорих, – а о Правдивом Пророке вам совсем-совсем неинтересно говорить?

Мы озадаченно переглянулись. Балаган вроде текущего – обязательная часть наших рабочих совещаний. Просто потому что человек так устроен: в несерьёзном настроении соображает лучше, чем в серьёзном. Может быть, не всякий человек, но сотрудники Тайного Сыска – определённо. И всякий раз, когда прискорбные обстоятельства не давали нам как следует развеселиться, мы искали правильное решение гораздо дольше. И далеко не всегда находили его с первой же попытки, хотя очень старались – такой вот парадокс.

Нумминорих, по идее, давным-давно должен был к этому привыкнуть.

– Просто меня распирает от любопытства, – признался он. – Кто этот человек, который знает обо мне такие удивительные вещи? Можно ли ему доверять? И, самое главное, почему он сказал мне именно эту правду, а не какую-нибудь другую? Правду о любом человеке можно говорить годами, но Правдивый Пророк справляется за минуту. Значит, говорит только то, что считает самым важным? Интересно, он сам выбирает, кому что сказать? Или у него в голове звучит одна фраза, и пророк её повторяет, не задумываясь? Хотел бы я всё это знать!

– Да, я тоже хотел бы знать, почему он сказал тебе именно то, что сказал, – кивнул Джуффин. – Всё остальное как раз более-менее понятно.

И снова умолк. Говорю же, паузы в разговоре – его любимый пыточный инструмент.

Ну зато все сразу примолкли. И приготовились слушать. Даже Кофа прекратил разглядывать свой бокал так сосредоточенно, словно под его

тяжёлым взглядом вино могло устыдиться и самостоятельно повисить своё качество.

Впрочем, я бы совершенно не удивился, если именно так и происходит всякий раз, когда сэру Кофе Йоху попадается небезупречный напиток.

– Магистр Хонна к нам пожаловал, – наконец сказал Джуффин. Будничным таким тоном, каким обычно сообщают о возвращении из отпуска шеф-повара соседнего трактира.

– Кто?! – не веря своим ушам, переспросил я.

Больше никто не стал задавать этот вопрос вслух. Ограничились взглядами. Будь на месте Джуффина менее могущественный колдун, от него небось и пепла не осталось бы. Но шеф Тайного Сыска – существо чрезвычайно живучее.

– Хонна, Великий Магистр Ордена Потаённой Травы, – флегматично повторил он.

– Ну ни хрена себе поворот! – восхитился я.

Дружный вздох коллег свидетельствовал, что мне удалось выразить общее отношение к этой новости.

– Согласен, – кивнул Джуффин, – довольно неожиданно. В своё время Магистр Хонна поклялся, что ноги его в Соединённом Королевстве больше не будет. Но, получается, передумал. Интересно, почему?.. Ладно, в любом случае, имеет полное право. Решение Канцелярии Скорой Расправы о пожизненном изгнании для всех членов Ордена Потаённой Травы мы аннулировали сразу же после отъезда Нуфлина в Харумбу^[5]. Этого требовала элементарная справедливость: деяний, наносящих сколь-нибудь существенный вред Соединённому Королевству, они никогда не совершали. Защищались так, что земля дрожала, это да, но право защищать свою жизнь и имущество священно во все времена.

– А почему тогда?.. – начал было Нумминорих.

Джуффин отмахнулся от вопроса, даже не дослушав.

– Ну а как ты сам думаешь? Общеизвестно, что Нуфлин люто ненавидел Хонну; говорят, натурально рыдал от злости, когда узнал, что тот распустил свой Орден и отправился неведомо куда, лишив Великого Магистра Семилистника сладкой надежды на публичную казнь соперника когда-нибудь в будущем. Ну хоть к пожизненному изгнанию заочно приговорил, отвёл душу. Все понимали, что это несправедливо, но сделка есть сделка.

– Сделка? – благоговейно переспросил Нумминорих.

Кому-нибудь другому Джуффин сейчас наверняка велел бы не отвлекаться на ерунду и не мешать работать всем остальным. Но

совершенно невозможно противостоять Нумминориху, когда в нём просыпается вечный студент, алчущий знаний из первых рук и не способный ими пресытиться.

Поэтому Джуффин начал объяснять:

– Главным камнем преткновения при создании Кодекса Хрембера была смертная казнь. Его Величество Гуриг Седьмой придерживался мнения, что закон, допускающий смертную казнь, навлекает проклятие на правителей и, в конечном итоге, приводит государство к гибели, а Нуфлин Мони Мах настаивал, что в некоторых исключительных случаях высшая мера наказания бывает необходима. Я, разумеется, понимал, что дай Нуфлину волю, и «исключительными» будут объявлены вообще все случаи, включая несанкционированную попытку какой-нибудь бедной сиротки понюхать цветы, выросшие за оградой Иафаха, поэтому твёрдо держал сторону Короля, но наше единодушие только раззадорило старика. К счастью, против смертной казни выступала ещё и леди Сотофа, а раскол внутри Ордена пугал Нуфлина куда больше, чем перспектива новой гражданской войны. Благодаря Сотофе нам удалось прийти к компромиссу: мы с Королём получили полный и безоговорочный запрет смертной казни, а Нуфлин – согласие на бессрочную ссылку всех его заклятых врагов, кроме, разве что, меня. Но это уже совсем другая история.

– Всё это хорошо, – нетерпеливо сказал Кофа. – Но с чего вы вообще взяли, будто ярмарочный пророк – Великий Магистр Ордена Потаённой Травы? Вы с ним уже виделись?

– Да нет, конечно. Просто описания запаха вполне достаточно.

– Запаха? Погодите, но разве в Смутные Времена на вас работали нюхачи?

– Чего не было, того не было. Отчёт Нумминориха чрезвычайно интересен, но узнать Хонну по этим приметам я бы не смог. Зато когда Макс сказал, что дыхание его невидимого собеседника было холодным и пахло свежескошенной травой, я сразу понял, с кем он повстречался. Великий Магистр Ордена Потаённой Травы собственной персоной, причём в чрезвычайно приподнятом настроении. Когда Магистр Хонна спокоен, его дыхание становится тёплым, как у всех нормальных людей, а травяной запах пропадает, во всяком случае, делается неразличимым для людей с обычным обонянием. Такая вот у него особая примета. Удивительно, кстати, что вы не знали.

– Ну так я никогда не встречался с ним лично. Великим Магистрам не было дела до начальника Правобережной полиции, а мне – до них. Нашему ведомству всё больше с несмышлёной орденской молодежью приходилось

разбираться, одни только развесёлые налёты юных послушников на винные лавки чего стоили... Ладно, дело прошлое. Теперь их выходки интересны только историкам. Хотел бы я сказать то же самое о нашем высоком госте! Что мы с ним делать-то будем?

– Делать? – переспросил Джуффин. – Боюсь, пока ничего. Если Великому Магистру Хонне угодно развлекаться, пророчествуя на ярмарках, это его частное дело. Конечно, лицензии на занятия магией у него нет. И крепко сомневаюсь, что он намерен в ближайшее время исправить это досадное недоразумение. Но это может стать проблемой, если Хонна заявится в Ехо, а в провинции лицензия относится к разряду желательных, но не обязательных документов для практикующего колдуна.

– А я вам с самого начала говорил, что подобное послабление для провинций – большая ошибка, – заметил Кофа.

– Возможно, вы были правы. А возможно, всё-таки нет, – пожал плечами Джуффин. – Время покажет. Что касается Магистра Хонны, лично я не испытываю ни малейшего желания портить ему удовольствие. Честно говоря, я рад, что он вернулся.

– Надо же. А он вас, помнится, здорово недолюбливал.

– Ещё бы! И вы, кстати, тоже, – ухмыльнулся шеф. – И правильно делали, оба. За что меня было любить?

– Может быть, и дед теперь нас навестит? – вдруг сказал Мелифаро. – Здорово было бы с ним наконец познакомиться.

Его дед, Фило Мелифаро, был Старшим Магистром Ордена Потаённой Травы, всеобщим любимцем, героем множества завиральных городских легенд и, насколько я мог судить, несколько раз переночевав в обустроенной им спальне их семейного дома, совершенно восхитительным колдуном, чрезвычайно полезным для моего душевного здоровья. Слов нет, как прекрасно мне спалось в комнате Магистра Фило! И просыпался я потом в отличной форме, как бы худо мне ни было накануне. Собственно, затем я и напрашивался время от времени в гости к семейству Мелифаро – спастись в дедовской спальне от всех своих бед, главной из которых всегда был я сам, а от такого горяшка захочешь, не отмахнёшься.

– Всё может быть, – согласился Джуффин. – Но я бы на твоём месте не особо на это рассчитывал. Тот факт, что ребята из Ордена Потаённой Травы дружно рванули искать своего Великого Магистра, совершенно не означает, что они его в итоге нашли. И, тем более, что, отыскав, так и бегают за ним хвостиком.

– Конечно, не означает. Но вдруг? Я бы хотел.

– Интересно, за какой драной собачьей задницей этот искатель

приключений притащился на ярмарку? – сердито спросил Кофа.

Судя по возведённым к потолку глазам, ответа он ждал не от присутствующих. Но Джуффина это не смутило.

– На что я готов спорить прямо сейчас, не сходя с места, это должна быть совершенно удивительная задница, – мечтательно сказал он.

Я уже давно не видел шефа Тайного Сыска в настолько приподнятом расположении духа. Всё-таки с тех пор, как Мир окончательно раздумал рушиться, а столица Соединённого Королевства вдруг принялась процветать с утроенным энтузиазмом, в жизни сэра Джуффина Халли стало гораздо меньше азарта. Большая игра, как ни крути, закончилась, а что его победой, так это дело десятое. Он из тех игроков, которые самый большой выигрыш кладут в карман с досадой, недоумённо спрашивая себя: «Как, и это всё?!»

И тут вдруг такая удача – сам Великий Магистр Хонна собственной персоной пожаловал. На национальное бедствие его возвращение, конечно, не тянет. Но всегда остаётся надежда, что за время скитаний у старика мог испортиться характер. Или, к примеру, проснулись политические амбиции, и он решил захватить власть над Миром, патриотично начав грядущие завоевания с Соединённого Королевства. А даже если не так, всё равно любой могущественный колдун – что-то вроде бомбы с часовым механизмом. Никогда не знаешь, чего ждать от человека, способного завязать узлом все дороги Угуланда, или на сутки поменять местами центральные улицы столицы, а Магистр Хонна, говорят, ещё и не такое вытворял.

Именно поэтому сэр Кофа Йох, который любит, чтобы всё вокруг было в порядке, теперь сидит мрачнее тучи. А Джуффин, того гляди, засияет, как гигантский гриб в светильнике. Тогда, кстати, имеет смысл перенести его письменный стол на крышу, и проблема недостаточного освещения улиц Старого Города, о которой с неукротимой страстью пишет в последнее время столичная пресса, будет, таким образом, решена раз и навсегда.

Что касается меня, я искренне разделял чувства обоих. Потому что мне нужно всё сразу – и полный порядок в Мире, и новая большая игра. И пирожков на сдачу. Причём пирожков желательно вот прямо сейчас. Завтрак-то мне доесть не дали, а с тех пор вечность уже прошла.

– Самое интересное – это конечно его намерения, – говорил, тем временем, Джуффин. – Хонна, сколько бы ни судачили о его легкомыслии недоброжелатели, очень умён и, что гораздо важнее, чрезвычайно эффективен. В отличие от большинства своих коллег, он ничего не делает просто так, даже когда развлекается. В любом его действии есть

практический смысл. Чего бы мне сейчас хотелось, так это выслушать людей, которые побывали у него в палатке. Что за правду он им открыл? Судя по тому, что узнал о себе Нумминорих, это должна быть очень интересная правда. И сумма разных правд могла бы приоткрыть нам его карты. Да где ж её возьмешь, эту сумму? В мирное время право граждан на личные тайны охраняется законом и может быть нарушено только в интересах официального расследования преступления. Я сам когда-то настоял на внесении в Кодекс Хрембера соответствующей статьи, и не мне её нарушать. А жаль! Повода для официального расследования у нас пока нет; подозреваю, что и не будет. А загадка есть. И что, спрашивается, делать?

– Во-первых, послать заказ в «Обжору», если моя жизнь всё ещё представляет хоть какую-то ценность для общества, – сказал я. – А потом ещё раз послать, причём всех сразу. В Нумбану, за пророчествами. Если, конечно, пророк, в смысле, Магистр Хонна вернётся на ярмарку. Надеюсь, я его своим появлением не особо ужаснул. Когда мы виделись в прошлый раз, он выдурил у меня меч Короля Мёнина в обмен на жизнь Магистра Нуфлина, лично для меня совершенно бесполезную и к тому моменту практически завершившуюся^[6]. По-моему, после этого логично было бы прийти к выводу, что иметь со мной дело легко и приятно...

– Так, стоп, – потребовал Джуффин. – Не тараторь. «Всех сразу» – это кого?

– Да нас, конечно. В смысле вас, потому что я в Нумбане уже был, и ничего хорошего из этого не вышло. А то я бы всю правду о себе вам сейчас выложил, вслед за Нумминорихом. Не уверен, что мне бы этого хотелось, но крепко подозреваю, что в отличие от граждан Соединённого Королевства, моё право на личные тайны Кодексом Хрембера не очень-то охраняется. И ваше тоже. Служба есть служба, в интересах дела можно и всю правду о себе рассказать. Вас шестеро, плюс Нумминорих, с которым уже всё ясно. Семь правд – лучше, чем одна. Возможно, после этого стратегия Магистра Хонны станет нам более-менее понятна?

– Очень разумно, – поддержал меня Кофа. – Плюс у меня на сегодняшний день несколько дюжин постоянных осведомителей; не факт, что все согласятся ехать в Нумбану, а потом открывать мне свои секреты, но за половину, пожалуй, поручусь.

– Очень хорошо. И мне тоже найдётся, кого попросить о такой услуге, – задумчиво кивнул Джуффин.

– Я могу поехать в Нумбану с женой, – предложил Мелифаро. – Думаю, Кенлех согласится нам помочь. И может быть, мама с папой тоже

захотят? И Бахба? Я их спрошу. Жалко, Анчифа сейчас в море, он бы точно к нам присоединился. Он такие штуки любит.

– И Хенна любит, – подхватил Нумминорих. – Можно её позвать?

– Нужно, – решительно сказал Джуффин. – Чем больше народу отправится к пророку за правдой, а потом любезно перескажет её мне, тем лучше. А теперь шагом марш обратно в Нумбану. Как только палатка Правдивого Пророка снова появится на ярмарке, дай мне знать.

– Сейчас съем что-нибудь, и сразу отправимся, – пообещал я.

– Ну уж нет. Нумминорих как-нибудь сам справится. Сам видишь, от тебя уже Великие Магистры шарахаются. С такими талантами к устрашению лучше дома сидеть.

– Ладно, – согласился я, – буду сидеть, мне же лучше. Я, как в очередной раз выяснилось, всё-таки не создан для массовых увеселений.

– Да, – авторитетно подтвердил Джуффин, – у тебя несколько иная специализация.

– Вот она, моя специализация, – нежно сказал я, приветствуя первое блюдо с пирогами, влетевшее прямо в распахнутое окно Зала Общей Работы.

Всё-таки нынешняя доставка еды из трактиров – это нечто. Именно так я всю жизнь и представлял себе настоящие чудеса.

Час спустя всё было кончено. То есть с пирогами кончено, остальные участники совещания уцелели, а Нумминорих ещё и дивным образом преобразился. В смысле получил новую рожу взамен прежней, уже не такую ужасную. То ли Кофе надоело издеваться над людьми, то ли известие о пришествии Великого Магистра Хонны внезапно пробудило в нём кротость и сострадание к ближним; по крайней мере, Нумминорих стал пожилым, но вполне симпатичным зажиточным ремесленником – о последнем, конечно, свидетельствовали не черты лица, а скромный консервативный костюм из хорошей туланской шерсти, полустёртый цеховой герб на старинной булавке для лоохи и специальные перчатки с отверстиями на кончиках пальцев, удобными для мелкого прикладного колдовства прямо на улице.

Важно, впрочем, не это, а тот факт, что в Нумбану Нумминорих отправился Тёмным путём. Сам, без меня. Ну, то есть не совсем сам, а по моему запаху, точно так же, как я когда-то ходил по чужому следу, любой Мастер Преследования так начинает знакомство с Тёмным путём, а для нюхача запах – тот же след, ничего особенного тут нет. Собственно, Нумминорих уже сто раз это проделывал, но всегда в моём обществе, под

присмотром. А тут – один. За полторы, что ли, секунды, прошедшие между его исчезновением и отчётом: «Всё в порядке», – я не посидел только потому, что от переживаний на самом деле вообще никто не сидит, это просто миф, дурацкий, но на удивление живучий.

Потом мы все старательно делали вид, будто спокойно занимаемся своими делами. Ну, то есть какими-то делами мы действительно занимались, но до «спокойно» нам было очень далеко. С одной стороны, ясно, что палатка Правдивого Пророка снова появится на ярмарке, в лучшем случае, завтра, а ещё вероятнее, только через несколько дней, поэтому ждать сообщения от Нумминориха сегодня явно не стоит. А с другой, всё равно больше ни о чём толком думать не могли. И не потому, кстати, что мы такие уж нервные и впечатлительные; я-то, положим, да, но мои коллеги, мягко говоря, не слишком. Просто все по-настоящему могущественные маги обладают удивительной способностью притягивать к своей персоне чужое внимание. Вспомнишь кого-нибудь из них случайно, просто к слову, а потом весь день только о нём и думаешь, совершенно невозможно выкинуть из головы. Я не раз замечал подобный эффект, и все, с кем я его обсуждал, включая Джуффина и сэра Шурфа, чья дисциплина сознания находится на запредельном по моим меркам уровне, подтверждают: так оно и есть.

А если учесть, что к Великому Магистру Хонне у всех нас теперь был особый интерес, потому что сдохнуть же от любопытства можно, гадая, что за правду он расскажет тебе и остальным, неудивительно, что мысли о нём заняли всё свободное пространство в наших бедных головах.

В общем, лично я на нервной почве освоил таки трюк с превращением в невидимку, хотя ещё два дня назад мне казалось, я и за год этому не научусь. Изнывавший от нетерпения Мелифаро между делом благополучно расшифровал дневник куанкурохского математика, выяснил, что тот специально прибыл в Соединённое Королевство с целью научиться превращаться в какой-нибудь неодушевлённый предмет и на собственном опыте выяснить, что при этом происходит с сознанием; вычислить, какой из сундуков в гостиничном номере лишний и помочь ему вернуться в исходное антропоморфное состояние после этого открытия оказалось совсем несложно. А Джуффин потом по секрету признался мне, что в одиночку подготовил черновик грядущего годового отчёта, что в прежние годы занимало у него не меньше полудюжины дней. Удивительно всё же, на какие чудеса мы оказываемся способны, когда берёмся за них только для того, чтобы отвлечься от более насущных проблем.

Страшно подумать, сколь невиданных высот Очевидной Магии я достиг бы за оставшуюся часть вечера, но на пути моего стремительного духовного роста встал сэр Кофа. Он всегда готов помочь немного притормозить. Например, прислать зов и сказать волшебное слово: «Пошли». В Кофиных устах это заклинание обычно сулит небывалое блаженство. В смысле, какой-нибудь новый или просто неизвестный мне прежде трактир с совершенно сногшибательной кухней.

Поэтому я не стал переспрашивать: «Куда?» – или, упаси боже: «Зачем?» А просто встал и пошёл как миленький. На Сияющую улицу. Потому что Кофа предложил встретиться именно там.

Сияющая улица находится буквально в двух шагах от Мохнатого Дома. Довольно забавно себя чувствуешь, когда проходишь мимо собственной двери и шагаешь дальше, как совершенно посторонний прохожий, который с лёгкой завистью косится на высокий красивый старинный домик, неуверенно думает: «Наверное, для жизни он всё-таки великоват», – и сам себе не верит. Хотя «великоват» – это ещё мягко сказано.

– Давно мы с тобой вместе не ужинали, – сказал Кофа, появляясь передо мной, на первый взгляд, буквально из ниоткуда, а на второй – из-под не приметной арки, венчающей вход в маленький тёмный двор.

К моему удивлению, выглядел он именно как сэр Кофа Йох. В смысле вообще без намёка на маскировку, даже свою старомодную курительную трубку из драгоценной древесины бонхи, с которой его постоянно рисуют газетчики, демонстративно держал в руках. В Кофином исполнении это всё равно что выйти на улицу с плакатом, на котором гигантскими буквами, чёрным по белому будет написано: «ДА, БЛИН! ЭТО Я!»

Ну надо же.

– Давно – не то слово, – согласился я.

– Просто ты перестал дежурить по ночам, – объяснил он. – Раньше было очень удобно: если вдруг среди ночи захочется провести время в приятной компании, ясно, что ты сейчас всё равно клюёшь носом на службе и открыт к любым предложениям. А теперь поди угадай, когда ты обрадуешься приглашению, а когда просто согласишься из вежливости и будешь потом втайне досадовать, что тебе оторвали от более интересных дел. Я этого не люблю.

– Давайте договоримся, что я никогда не буду соглашаться из вежливости, – предложил я. – Сам терпеть не могу, когда удовольствие превращается в обязательство.

– Не пойдёт, – ухмыльнулся Кофа. – Получать отказы я не люблю даже

больше, чем вежливое враньё. Сам понимаю, что глупо, но есть у меня такая слабость. Поэтому ничего не поделаешь, будем и впредь ужинать вместе реже, чем в старые времена. В тех редких случаях, когда я твёрдо уверен, что ты не знаешь, куда себя деть. Вот сегодня я практически не сомневался.

Я растерянно кивнул, не зная, что тут можно сказать.

– И специально на этот случай у меня припасено отличное местечко. Прямо здесь, в двух шагах от твоего дома, но готов спорить, ты о нём не знаешь. Они совсем недавно открылись, в конце осени. Пошли.

Я свернул вслед за Кофой во двор, который только с улицы казался тёмным, а на самом деле был освещён разноцветными фонариками, совсем маленькими, размером с дикую сливу. Они не столько освещали путь, сколько поднимали настроение. Впрочем, в городе, почти всё население которого прекрасно видит в темноте, поднимать настроение – это и есть основная функция осветительных приборов.

В разноцветных пятнах света я едва разглядел небольшую скромную вывеску, на которой аккуратными округлыми, как у старательной школьницы буквами было написано: «Свет Саллари».

– Саллари – маленький приморский городок в Урдере, – объяснил Кофа. – Впрочем, там все городки маленькие. И почти все приморские. Тебя ждёт знакомство с урдерской кухней, сэр Макс. И только попробуй сказать, что не удивлён.

– Урдер – это где-то на севере Чирухты? – спросил я, призывая на помощь жалкие крупицы знаний, осевшие в дырявой моей башке после чтения восьмитомной «Энциклопедии Мира» хрен знает сколько с хвостиком лет назад. Но крупицы ловко уворачивались, видимо тоже усвоили фокус с превращением в невидимку, над которым я бился весь день.

– На берегу Великого Крайнего моря, – кивнул Кофа. – Можешь не особо краснеть, про Урдер вообще никто ничего толком не знает, даже сэр Манга в своей энциклопедии уделил этой стране всего полторы страницы. Как я понимаю, он тогда рвался поскорее поглядеть на куанкурохские зеркальные города, а может быть, просто устал от путешествий и хотел поскорее вернуться домой. Во всяком случае, с его лёгкой руки Урдер стал считаться очень скучным местом. В хорошем смысле скучным, где люди просто живут – долго, спокойно и с удовольствием. Приятно, но не совсем то, ради чего имеет смысл ехать на самый край Мира. Хотя природа там, говорят, хороша. С другой стороны, а где она плоха?.. Давай, заходи. Экзамен по географии тебе там устраивать не будут, обещаю. Только

кормить. Если повезёт, очень неплохо. Но заранее не угадаешь, повар непредсказуем, как погода на Крайнем побережье.

– Звучит интригующе, – улыбнулся я и толкнул тяжёлую с виду дверь, которая на самом деле оказалась невесомой и податливой.

Трактир был совершенно не похож на то, что в столице Соединённого Королевства принято считать трактиром. При том, что считать трактиром у нас принято практически всё. Чего я только на своём веку ни насмотрелся! Однако помещение за дверью выглядело как самая обычная гостиная жилого дома. Просторная, обставленная громоздкими старинными шкафами, с огромным круглым столом в центре. Вокруг стола стояли новенькие стулья с высокими спинками и мягкими сидениями; по моим прикидкам, здесь преспокойно могли бы разместиться дюжины две человек. Однако пока за столом сидели – не вместе, а порознь – только трое мужчин в остроподстриженных блестящих лоохи и чрезвычайно симпатичная женщина средних лет, круглолицая, темноволосая и черноглазая. Мужчины сосредоточенно ели; двое коротко поздоровались с Кофой, третий даже не поднял на нас глаз.

«Мастер, Ласкающий Пристальным Взором блюда, приготовленные в полдень; иными словами, третий старший помощник второго шеф-повара Королевской кухни, – воспользовавшись Безмолвной речью, сообщил мне Кофа. – Никудышный кулинар, как все Королевские повара, зато страстный гурман и большой любитель экзотической кухни. Проводит здесь почти каждый свой свободный вечер. Второй – его приятель и постоянный спутник в такого рода экспедициях. А третьего я не знаю, но судя по выражению его лица, это просто любопытствующий сосед, заглянувший на огонёк и пока не понимающий, куда попал».

«На самом деле, это вы сейчас меня описали, – откликнулся я. – Ничего не понимающий любопытствующий сосед – в точку!»

Тем временем женщина улыбнулась, привстав нам навстречу, да так сердечно, что мне захотелось её обнять. Хотя это совершенно нехарактерное для меня желание. В смысле мне крайне редко вот так сразу хочется лезть обниматься с незнакомыми леди, как бы мило они ни улыбались.

– Хвала свету зримому за всякого гостя. Как же я рада вас видеть! – сказала она, и тогда я понял, что улыбка адресовалась не столько нам обоим, сколько лично Кофе.

Удивительно, впрочем, не это, а то, что мой спутник не просто приветливо поздоровался в ответ, а натурально засиял. Я, в общем, довольно часто видел сэра Кофу Йоха в прекрасном расположении духа. И

ухаживающим за женщинами – тоже не раз. Но до сих пор на моей памяти его радость проявлялась куда более сдержанно.

Надо же, а.

– Вы уже знаете, что, по моему мнению, лучший подарок хозяйке – новый клиент, – сказал женщине Кофа. – Получайте. Это сэр Макс, и он только с виду такой тощий. На самом деле, аппетит у него совсем неплохой.

Вот теперь улыбка досталась персонально мне. И чудесный тёплый взгляд, какой обычно адресуют старому другу, который невесть куда запропастился на много лет, а сейчас наконец объявился, давно бы так! Я даже невольно задумался, не виделись ли мы с этой леди раньше. Но нет. Явно нет.

От этого я почувствовал себя немного самозванцем и смутился. Но виду не подал. Спросил:

– Так это всё-таки трактир? Или мы в гости пришли?

– Все почему-то так спрашивают! – рассмеялась черноглазая леди. – А у нас самый обыкновенный трактир.

– Да, вполне обыкновенный, – подтвердил Кофа. – Только на урдерский манер. В урдерских трактирах все клиенты едят за большим общим столом, как будто они одна семья. И кто-нибудь из хозяев непременно сидит вместе с ними, ведёт беседу, если считает, что гостей надо развлекать, или просто следит, чтобы всем хватило хлеба и вовремя подали напитки. Здесь эту роль обычно выполняет леди Лари Яки Ла.

Женщина кивнула, подтверждая, что именно так её и зовут, прикрыла глаза, но не одной ладонью, как у нас принято, а обеими руками сразу, улыбнулась ещё шире, произнесла звонко и отчётливо, как школьница, вызванная к доске:

– Вижу вас, как наяву!

И тут же повернулась к Кофе:

– Я всё правильно сделала?

– Почти, – ласково сказал он. – Только вы опять забыли, что одной руки совершенно достаточно.

– Да, – вздохнула леди Лари. – Но почему-то трудно заставить себя следовать этому вашему правилу. Одна рука – очень уж несимметрично. И выглядит недостаточно сердечно, как будто мне ради нового знакомого лень вторую руку поднять. А мне не лень!

– И что с ней будешь делать? – подмигнул мне Кофа.

– Соглашаться, – сказал я. – Что ж нам, вторую руку ради прекрасной леди поднять жалко?

Закрыв глаза обеими руками, произнёс приветственную формулу и

снова повернулся к Кофе:

– По-моему, так действительно лучше. Великое дело – симметрия. Наши правила хорошего тона давным-давно пора пересмотреть. Кто вообще этим занимается?

– Хороший вопрос, – ухмыльнулся он. – Вроде бы все понемножку – поколения Королевских церемониймейстеров, сочиняющих ритуалы, придворные, способствующие утечке информации из дворца, горожане, которые подхватывают новшества или, напротив, упорно их игнорируют, хоть убей. Но, конечно, главная работа лежит на плечах времени. В итоге всё решает оно. И коррективы вносит, какие само пожелает... Кстати, если уж речь зашла о правилах хорошего тона, почему мы все стоим?

– Потому что я до сих пор не предложила вам сесть, – рассмеялась леди Лари. – Из меня совсем неважная хозяйка трактира. В жизни за это дело не взялась бы, если бы не братец.

У неё была совершенно чудесная ямочка на одной щеке – левой. И трогательная манера, смеясь, прикусывать нижнюю губу.

– Вы прекрасная хозяйка, – галантно возразил Кофа. – Просто пока неопытная. Но это быстро проходит. Скажите мне самое главное: Кадди сегодня готовит?

– Да, – просияла леди Лари. – С полудня на кухне и вроде пока не устал.

Я тем временем, не дожидаясь дополнительного приглашения, уселся на стул. И принялся оглядываться. Отсутствие тарелки перед носом обычно пробуждает во мне интерес к незнакомцам, интерьерам, пейзажам, архитектурным памятникам и прочей окружающей действительности.

Пялиться на едоков мне не позволяла обычная неловкость голодного человека, внезапно оказавшегося на чужом пиру, поэтому я сперва отдал должное узорам на скатерти, потом оценил обивку соседнего стула и наконец возвёл глаза к потолку, чтобы полюбоваться люстрой или, что вероятней, её отсутствием – в Ехо считают, что люстрам место во дворцах, а обычные квартиры следует освещать настенными и напольными светильниками.

Люстры действительно не было, зато я наконец-то увидел, что на потолке сидит девчонка.

Ну как – девчонка. Юная леди, примерно как наша Базилио. Уже не подросток, ещё не молодая женщина. Темноглазая, как леди Лари, с чересчур крупным для её лица носом, по-детски маленьким ртом и упрямым подбородком. Одета она была, как ташерский купец – широкие штаны, просторная куртка, длинные волосы связаны на

затылке небрежным узлом, и всё это обильно перемазано краской. Что, в общем, не удивительно: когда рисуешь, сидя, вопреки всем законам природы, на потолке, не обляпаться с ног до головы – высший пилотаж. Я бы точно не смог.

Счастье ещё, что расположилась она не над столом, а в стороне. А то и нам бы досталось.

Рисовала барышня, надо сказать, очень здорово. Большая часть потолка, благодаря её стараниям, уже превратилась в цветущий луг, причём цветы выглядели не плоскими, а трёхмерными, так что зрителю в моём лице казалось, будто они болтаются в воздухе. Удивительный эффект.

– Ничего себе! – присвистнул я.

– Ой, – сказала художница и с любопытством уставилась на меня. – Откуда ты взялся?

– С улицы зашёл.

– Надо же! Я не заметила.

– Я тебя тоже не сразу заметил.

– И удивился, да? А ты умеешь, как я?

– Рисовать? Да ну, что ты!

– Нет, не рисовать, сидеть на потолке. Лари и Кадди не умеют. А Ди говорит, что умеет, но всё равно никогда со мной не сидит. Считает, что это глупости.

– Конечно, глупости, – согласился я. – Совершенно прав твой Ди. Я тоже так думаю.

Встал со стула, подошёл к стене в том месте, где её не загораживали хозяйские шкафы – а то, не ровен час, ещё что-нибудь сломаю или стекло раздавлю – вспомнил нужное заклинание, неторопливо поднялся на потолок, подошёл к художнице и сел чуть поодаль, чтобы не размазать свежую краску. Сказал:

– Хорошая новость: глупости я делаю часто и с удовольствием. Привет.

Здорово всё-таки, что, вернувшись в Ехо, я с остервенением пропустившего учебный год отличника принялся осваивать наиболее эффектные приёмы Очевидной магии. Практической пользы от них гораздо меньше, чем может показаться, но производить впечатление на юных девиц – самое то.

– Ой, так вы взрослый, – смущённо сказала впечатлённая девица. – Извините, что я на ты, просто мне сперва показалось, вы младше меня. Наверное, потому что кверху ногами вас видела.

– Да, это чрезвычайно омолаживающий ракурс, – согласился я. И

закрыв глаза обеими руками, специально чтобы доставить удовольствие леди Лари, благожелательно взиравшей на нас снизу. – Вижу тебя как наяву.

– Моё имя Арра Иш Ваду, – объявила девица.

– Очень красиво звучит. А я просто Макс. Совсем короткое имя, всего один слог. Раз – и всё уже сказано. Зато меня, если что, можно очень быстро позвать.

Арра Иш Ваду хихикнула.

– На самом деле, меня тоже можно быстро, – призналась она. – Дома обычно так и зовут: Иш.

– Учти, сэр Макс, ужин на потолок тебе не подадут, – сказал Кофа. – В урдерских трактирах принято есть, сидя за столом, и точка.

– Ничего, если я вернусь вниз? – вежливо спросил я художницу. – Жрать очень хочется, а они, сама видишь, какие вредные.

– Не очень-то вредные, – вступилась за старших Иш. – Просто есть на потолке действительно неудобно, особенно суп, а у нас он сегодня главное блюдо. Поэтому обязательно идите за стол. А я потом к вам спущусь, когда дорисую, ладно?

– Не вопрос, – согласился я. – Работай спокойно. У тебя здорово получается.

А спустившись и заняв своё место, шёпотом, чтобы не смущать художницу, сказал леди Лари:

– Слушайте, не то чтобы я великий знаток, но, по-моему, она потрясающе рисует.

– Невежливо хвалить свою родню, но наш племянник и правда молодец, – подхватила леди Лари. – Хотя никогда специально этому не учился, просто рисует с раннего детства...

– Племянник? – растерянно переспросил я.

Что за чёрт. Не мог же я перепутать. И потом, он... она сама говорила: «не заметила», «видела». Как это понимать?!

– Ой, нет, конечно, – спохватилась леди Лари. – Сегодня – племянница. Я не хотела сбивать вас с толку, просто сама уже внимания не обращаю, а люди, конечно, поначалу удивляются...

– Эээ... – протянул я.

Сам не знаю, какой фразой собирались стать эти звуки; в любом случае у них ничего не вышло, и я озадаченно умолк.

Сэр Кофа пришёл мне на помощь.

– Иногда Иш просыпается девчонкой, а иногда мальчишкой, – объяснил он. – От её – его – желания это, как мне объяснили, не зависит. Преображение происходит во сне, но не каждую ночь и не по

определённому расписанию, а совершенно непредсказуемо. Так бывает. Довольно редко и, кажется, только среди жителей побережья Крайнего моря. Я и сам впервые вижу такое собственными глазами, раньше даже не особо в это верил, потому что сэр Манга в своей Энциклопедии ни слова о подобных превращениях не написал, а свидетельства остальных путешественников, по моему опыту, следует делить примерно на триста...

– Надо же, какая непростая у человека жизнь, – вздохнул я.

– Что ж тут непростого? – удивлённо спросила с потолка Иш. – Мне даже ничего делать не надо, всё само собой происходит. Так интересно!

– То есть, тебе нравится? – удивился я.

– Конечно, – подтвердила она. – А как может не нравиться возможность то и дело превращаться в кого-нибудь другого?

– У меня дома живёт чудовище, которое превратилось в девушку, – сказал я ей. – И ещё девушка, которая постоянно превращается в разных чудовищ. Обе очень этим довольны. Но они превращаются по собственному желанию, а ты, как я понимаю, ничего не решаешь?

– Так это же здорово – не решать! – воскликнула Иш. – Только проснулась, и уже сюрприз!

Нннуу... да. Можно и так смотреть на вещи.

– А с ними можно познакомиться? – спросила она. – С вашими девушками-чудовищами? Я бы хотела! Дома у меня было полно друзей, а здесь пока никого. Мы совсем недавно приехали.

Вот, кстати, да. Отличная идея. Не знаю, что скажет на это Меламори, у неё и на меня-то время далеко не всегда находится, а вот Базилио определённо не повредит нормальная человеческая подружка. Ну или друг, это уж точно без разницы. Несколько чокнутых колдунов, заместитель начальника городской полиции, говорящая собака, четвёрка малахольных поваров и регулярно посещающий наш дом инкогнито Король – прекрасная компания для юной леди, кто бы спорил. Но мне всё-таки кажется, что для нормальной счастливой и беззаботной юности человеку необходимо общество ровесников. В некоторых вопросах у меня до смешного консервативные взгляды.

– Подумаю, как это устроить, – пообещал я.

Хотя чего тут думать? Мы даже живём по соседству. Можно было бы прямо сейчас...

Но в этот момент наконец случилось долгожданное событие: к нам пришла еда.

То есть сперва явился повар. Дверь, ведущая в кухню, открылась, и оттуда вышел человек, одетый в длинный кожаный сарафан – своеобразный

гибрид скабы и передника, какие в последнее время стали чрезвычайно популярны среди столичных шеф-поваров. Высокий, смуглый, зеленоглазый и такой красивый, что я даже растерялся – зачем мне такое показывают? Как это вообще возможно? Кто допустил? Откуда внезапно взялась столь ослепительная красота, да ещё так невовремя, когда мы сидим, никого не обижаем и хотим просто спокойно пожрать?

Впрочем, вообще-то уже, наверное, не хотим. Какая может быть еда после такого зрелища.

На фоне этого удивительного тонкого лица, обрамлённого копной кудрявых тёмных волос, кое-как собранных в узел на макушке, даже арварохцы, которые справедливо считаются самыми красивыми людьми в Мире, показались бы просто обычными симпатичными ребятами. Как на его фоне выглядит всё остальное человечество, включая меня, даже думать не хочу. Ну их к Тёмным Магистрам, такие мрачные мысли.

Тем не менее, неописуемо красивый человек пришёл вовсе не с целью явить нам наше ничтожество. И даже не для того, чтобы завоевать Мир одной своей улыбкой. Он принёс нам миски. Просто пустые миски, чёрт их дери.

Поставив миски на стол, красавец с достоинством удалился, а несколько секунд спустя снова вернулся с огромным керамическим горшком, над которым поднимался пар. Водрузил его перед нами, приветливо улыбнулся и сказал неожиданно резким хриплым голосом:

– Ешьте с радостью.

Развернулся и ушёл обратно. И дверь за собой закрыл.

– Это был наш повар, Кадди Кайна Кур, – сообщила мне леди Лари.

– Невероятно красивый человек, – сказал я. Почему-то шёпотом.

Кофа только отмахнулся – дескать, какая ерунда. А леди Лари с энтузиазмом закивала:

– Кадди редкостный красавчик, это да. Мог бы жениться на главной куанкурохской Ночной Стражнице и жить припеваючи, она ему от всего сердца предлагала. Но Кадди не захотел. Ему нравится быть холостяком, жить в разных странах и заниматься, чем в голову взбредёт. Лет пять назад он увлёкся кулинарией и быстро стал хорошим поваром. Это же из-за Кадди мой брат открыл трактир в Ехо. Вернее, для него.

– Вот оно как.

– Ну да! Они старые друзья, всегда друг за друга горой. И тут вдруг Кадди стало интересно научиться готовить с вашей магией. Предложил: «Поехали со мной в Сердце Мира, вместе веселей». А мы с Ди только рады были. И то сказать – в детстве мечтали, как вырастем и станем

путешественниками, а на деле никуда дальше Куанкуроха в жизни не уезжали. Зачем тогда вообще было взрослеть? А когда приехали и осмотрелись, решили снять дом побольше и на первом этаже открыть трактир, чтобы у Кадди была хорошо оборудованная кухня. Может, ещё и заработаем немного, если дело пойдёт.

– Вот и молодцы, – веско сказал Кофа. – Пожить какое-то время в Ехо само по себе интересный опыт. Родись я сам в другой стране, непременно переехал бы сюда как минимум на пару дюжин лет, просто из любопытства. И с трактиром у вас, думаю, дело пойдёт. Насколько я знаю нашу публику, «Свет Саллари» имеет все шансы стать популярным заведением. Ещё и записываться заранее на ужин будут, чтобы без мест не остаться, попомните мои слова. У нас ценят хорошую кухню, а у Кадди уже сейчас неплохо получается. Бери ложку, сэр Макс. Потому что я тебя ждать не стану. Дружба дружбой, а суп с не-муяги каждый ест за себя.

– Как-как, говорите, называется этот суп? – спросил я после того, как распробовал.

Готовил этот красавчик примерно так же, как выглядел. То есть божественно. Сногшибательно. Даже немного слишком, на мой вкус. Я впечатлительный, мне трудно пережить столько совершенства сразу.

Кофа увлечённо ел, поэтому отвечать пришлось леди Лари.

– Сливочный суп с не-муяги.

– С... чем?

– С не-муяги. Поскольку рыбу муяги, обитающую в Великом Крайнем Море, в ваших краях ни за какие деньги не достать, в ход идёт любая другая, лишь бы свежая. Супу это, по-моему, только на пользу, но сохранить первоначальное название «сливочный суп с муяги» означало бы пойти на обман. А мы не так воспитаны.

– Муяги, значит, – повторил я. – И, соответственно, не-муяги. Ладно. Надо запомнить на всю жизнь и требовать при всяком удобном случае.

– При всяком удобном случае – это пока только у нас, – улыбнулась леди Лари. – И только в те дни, когда у Кадди есть настроение готовить. Когда нет, его на кухне заменяем мы с Иш, а это, положила руку на сердце, совсем не то.

– Ну, положим, давешний тёплый ореховый салат с дичью был вполне ничего, – снисходительно заметил Кофа.

Тоже мне комплимент. Куда только подевалась его галантность? Пришлось объяснять:

– Когда сэр Кофа говорит «вполне ничего», это...

– Практически высочайшая похвала, – подхватила хозяйка. – Это я

уже, хвала свету зримому, усвоила.

Третий или какой он там по счёту старший помощник Королевского шеф-повара и его приятель тем временем покончили с едой. Один из них достал из кармана специальные перчатки, предназначенные для манипуляций с деньгами, аккуратно извлёк из кошелька несколько мелких монет, положил их на стол, второй громко и многословно поблагодарил хозяев за ужин, а всех присутствующих – за компанию, и они ушли.

– В прошлый раз эти господа спросили меня, как принято вежливо покидать трактир в Урдере. Я объяснила, и смотрите-ка, всё запомнили, – сказала леди Лари. – Вроде бы, пустяк, а мне почему-то так приятно!

Она улыбнулась, снова продемонстрировав нам чудесную ямочку на левой щеке, и спросила Кофу:

– Никак не могу взять в толк, почему некоторые люди надевают перчатки прежде, чем расплатиться, а другие нет?

Ради неё Кофа даже от супа оторвался – поступок для него, прямо скажем, не самый характерный.

– Потому что это старинная угуландская примета – якобы прикосновение к деньгам убивает в человеке способность любить. Примета общеизвестная, но верят в неё далеко не все. И ведут себя сообразно своим убеждениям.

– А вы верите?

– Да нет, конечно, – отмахнулся Кофа. – Полная ерунда, а не примета. Впрочем, я, пожалуй, догадываюсь, откуда она взялась.

– Правда? – удивился я. – Здорово! Лично у меня никаких идей.

– Ну естественно. Для этого ты недостаточно хорошо знаешь историю. Штука в том, что долгое время самыми богатыми людьми в Соединённом Королевстве были прямые потомки кейифайев^[7], пришедших сюда с Уандука за компанию с Ульвиаром Безликим. А у этих ребят известно какой темперамент: им всё на свете интересно, и любовь – просто одна из великого множества занимающих их вещей. Причём далеко не самая важная. К тому же им решительно всё равно, кого тащить в постель: с кем попало готовы что угодно попробовать, а потом, не потрудившись договориться о новой встрече, бежать дальше – в жизни ещё столько увлекательных дел! С точки зрения местных уроженцев, страстных, простодушных и очень привязчивых крэйев^[8], потомки кейифайев и правда выглядели людьми, не способными на сильное чувство – все подряд, не только богачи. Но богачи всегда в центре внимания. Вот и провели связь там, где её нет.

– Похоже на то, – согласился я. – Здорово вы объяснили. А то я не знал, что и думать. С одной стороны, лично на меня деньги вроде бы никак не действуют, но я всё-таки... эээ... не совсем местный. А с другой, в таком деле никогда нельзя быть уверенным. А вдруг всё-таки действуют? И я сам не замечаю, как превращаюсь...

– Да тебе и превращаться не надо. Всё и так хуже некуда, – ухмыльнулся Кофа. – С точки зрения нормального чистокровного драхха^[9], ты – на редкость бездушное существо. Как и все мы, способные хотя бы изредка думать о чём-то, кроме своих сердечных страстей. И, к примеру, по доброй воле проводить свободное время с людьми, которых не планируем ни тащить в постель, ни даже убивать за то, что они этого не хотят. Ты, насколько мне известно, грешишь этим непрерывно.

– Вот настолько всё сурово?! – изумился я. – Правда?

– Теоретически я, конечно, мог наспех это выдумать, чтобы отвлечь тебя от супа, – ухмыльнулся Кофа. – Но у меня алиби: всё это время я тоже его не ел. Терпеть не могу говорить с набитым ртом.

– Наверное, очень трудно жить на свете таким страстным людям, – покачала головой леди Лари.

– Да не то чтобы, – беззаботно отозвался Кофа. – Вы сейчас говорите в точности как Макс, когда он решил, будто Иш должно быть тяжело жить, не зная, кем она завтра проснётся – девочкой или мальчиком. Большинству из нас непросто принять тот факт, что другие могут быть устроены не так, как мы сами. И сильные люди, вроде вас с Максом, сочувствуют тем, кто на них не похож, а слабые хотят, чтобы непохожих не было вовсе; впрочем, это уже крайность, граничащая с безумием. А на самом деле быть каким-то другим – просто нормально. Как нам собой... Впрочем, что касается чистокровных драххов и прочих крэйев, их в столице Соединённого Королевства уже практически не осталось. Как, собственно, и чистокровных кейифайев или людей. Все мы тут потомки смешанных браков и просто случайных связей. Даже в моём роду переселенцев из Чирухты, чьи предрассудки предписывали жениться только на своих, затесались какие-то крэйи, причём, кажется, фаффы, если мать ничего не перепутала, когда составляла свою родословную. Но кстати, это бы отчасти объяснило, почему мне так легко даётся именно искусство перевоплощения... Что тут скажешь, спасибо нашим далёким предкам, что были столь неразборчивы в связях. Неплохо в итоге получилось.

В этот момент дверь кухни снова открылась, и оттуда вышла здоровенная птица ярко-синего цвета. До сих пор я видел такую только однажды, в графстве Хотта, и теперь глазам своим не поверил – откуда бы

здесь взяться птице сыйсу? В наших краях они не водятся. Ближайшую, по слухам, видели в Магахонском лесу, да и то не факт, знаю я тамошнего лесничего, с него станется индюшек с чужой фермы стащить и перекрасить, чтобы соседи не догадались^[10].

Сэр Кофа, похоже, тоже удивился.

– Это что ещё такое? – спросил он с хорошо знакомой мне сдержанной, а на самом деле сердитой интонацией, которая появляется в Кофином голосе всякий раз, когда жизнь перестаёт соответствовать его представлениям о нормальном ходе вещей.

– Птица, – сказала леди Лари. – Очень красивая, правда? Мы назвали её Скрюух, в честь её первого крика в нашем доме, но она пока на это имя не откликается.

– Но откуда она взялась? – продолжал допытываться Кофа. – Я же вчера у вас ужинал и никаких птиц не видел. Или она просто мне не показывалась?

– Вчера отсиживалась на кухне. А прежде её и не было. Ди третьего дня откуда-то притащил. Говорит, охотники случайно подстрелили, сами огорчились, потому что этих птиц не едят, а просто так убивать жалко. Принёс еле живую, но Кадди стал кормить её мясом и ничего, быстро пошла на поправку. Ходит теперь всюду за ним, только крыло видите, как оттопырено? Плохо дело, с таким не летаешь. Надо бы какого-нибудь знахаря поискать. Как раз собиралась спросить: у вас тут лечат птиц?

– А вот даже не знаю, – сказал Кофа.

Я, кажется, впервые в жизни услышал, что Кофа чего-то не знает про Ехо. И был совершенно потрясён этим открытием.

– Но примерно представляю, кого расспросить, – тут же добавил он. – Зверей-то несколько городских знахарей точно лечат. Может быть, и за птиц кто-нибудь из них берётся. Я наведу справки.

Синяя птица, тем временем, прошествовала прямо ко мне, остановилась рядом, внимательно посмотрела сердитым оранжевым глазом, словно бы прикидывая, заклевать меня прямо сейчас, или приберечь на будущее.

– Вы там осторожно, Скрюух злющая! – крикнула с потолка Иш.

Я-то думал, она так увлеклась работой, что уже забыла о нашем существовании.

Птица тем временем нерешительно топталась, разглядывая мои ноги. Наконец положила мне на колени голову с крупным орлиным клювом и издала совершенно ужасающий скрежещущий звук, действительно немного похожий на «скрюух» – если бы это слово попытался произнести

обладатель железного языка, заржавевшего от долгого бездействия.

Я осторожно погладил синие перья, птица скрежетнула ещё раз и умиротворенно прикрыла глаза. Всякий, кто имел дело с кошками, расшифровал бы её поведение как: «А ну давай чеши дальше». Судя по довольными поскрипываниям моей новой подружки, я угадал.

– Да уж, сердитая – спасу нет, – ухмыльнулся я.

– Ух, надо же, как Скрюух тебя сразу полюбила! – воскликнула Иш.

От волнения она снова перешла на ты. Это было так же приятно, как доверчивость синей птицы.

– Меня вообще звери обычно любят, – сказал я. – Не знаю почему.

– Потому что газет не читают, – предположил Кофа.

Это он зря. Потому что о газетах я могу говорить бесконечно, постепенно закипая и переходя на нецензурную брань.

Дело, конечно, не в том, что многочисленные идиотские статьи возбуждённых моим внезапным возвращением в Ехо журналистов действительно так уж испортили мне жизнь. Честно говоря, они на неё вообще никак не повлияли. Просто для ощущения полноты бытия мне необходимо быть хоть чем-нибудь недовольным. А найти повод для недовольства в моей нынешней жизни – та ещё задача. Первое время я натурально места себе не находил. Но потом появились глупые статьи, и мне сразу полегчало. Поэтому сердиться на журналистов я буду ещё, как минимум, сотню лет. С превеликим удовольствием. Где я ещё такое прекрасное горе найду.

Плохо тут то, что, стоит при мне упомянуть газеты, я тут же начинаю ругать их так многословно и пространно, что кого угодно могу задолбать. И испортить хороший вечер, вроде текущего – запросто. Но, к счастью, на этот раз меня отвлекли.

Красивый повар Кадди Кайна Кур снова вышел из кухни. На этот раз с пустыми руками.

Синяя птица тут же вероломно покинула меня и устремилась к своему кормильцу. Ухватила его клювом за край лоохи – дескать, всё, теперь не отпускаю, останешься со мной навек. Кадди расплылся в улыбке и уставился на свою питомицу влюблёнными глазами. Ну надо же. Говорят, будто птицы сыйсу не приручаются; возможно, так оно и есть, зато, похоже, они отлично умеют приручать людей.

Повар погладил птицу по встрёпанной голове. Сказал:

– Что-то я устал, Ларичка. Супа ещё примерно четыре порции осталось, два больших слоёных морских пирога и ягодный танг в почти неограниченных количествах. Не буду сегодня больше готовить, ладно?

– Как скажешь, Каддичек, – улыбнулась ему хозяйка. – Посидишь с нами?

– А это допускается местными правилами? – спросил он. – Здесь принято, чтобы повара отдыхали в том же помещении, где едят клиенты?

– Нет, не принято, – ответил ему Кофа. – Но и дурным тоном тоже не считается. Просто никому в голову не приходит так поступать. Обычно у поваров есть свои комнаты отдыха, где им никто не мешает. Но именно поэтому я бы посоветовал вам делать по-своему. Будет неплохо, если ваш отдых в обеденном зале станет традицией. Глазеть на заморские обычаи у нас любят чуть ли не больше, чем пробовать чужую еду.

– Тогда хорошо, – кивнул повар. – Я-то как раз среди людей отдыхаю лучше, чем в одиночестве. Когда остаюсь один, сразу начинаю что-нибудь обдумывать. А как придумаю, тут же берусь это делать. Добро ещё, если это просто рецепт нового блюда. А если, к примеру, ремонт крыши? Или сравнение философских считалок Бахлаты Мучоя с творчеством современных ему авторов надгробных баллад? Вот вы смеётесь, а я однажды трое суток писал совершенно никому не нужную статью, не обладая при этом ни должным багажом знаний, ни даже специальным научным языком. Однако это меня не остановило. Так увлёкся, что даже поесть не отлучался!

– Любому другому я сейчас сказал бы, что это недопустимое пренебрежение своим здоровьем, – заметил Кофа. – Но в вашем случае гораздо более драматичным мне представляется то обстоятельство, что всё это время вы ничего не готовили. Страшно вообразить, сколько народу вы лишили удовольствия.

– Спасибо. Нет ничего приятней, чем подобный упрёк. Но справедливости ради следует признаться, что в ту пору я ещё не умел готовить еду. Тогда от моего внезапного вдохновения пострадала только посудная лавка, которую я, конечно, забыл вовремя открыть; впрочем, к тому времени торговля мне изрядно надоела, так что всё к лучшему.

– Главное, чтобы готовка вам подольше не надоедала, – строго сказал Кофа.

– Так я специально для этого сюда приехал. В наших краях, сами знаете, готовка – простая работа. А у вас над едой принято колдовать. Ваша магия – сложная штука, быстро не научишься. А пока не всё получается, мне обычно интересно. Поэтому, думаю, я ещё долго буду готовить.

– А можно попросить добавки? – спросил я. – Вы сказали, там ещё суп остался. И пироги морские, и ягодный танг.

Потому что Кофа хоть и разглагольствовал вроде бы, не закрывая рта, а

досталась мне всё равно хорошо если четверть принесённого нам на двоих горшка, так что я по-прежнему ощущал в себе воинственную готовность съесть, как минимум, бегемота – при условии, что его приготовит Кадди Кайна Кур, величайший кулинар всея Чирухты и нашего квартала.

– Сейчас! – спохватилась леди Лари. И остановила привставшего было повара: – Сиди, дружок, я сама подам.

– Спасибо, Ларичка, – улыбнулся он.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы, которые я, мягко говоря, недолюбливаю, звучали в исполнении этих взрослых людей трогательно и даже как-то удивительно уместно. Такая уж умиротворяющая тут была атмосфера. Главное, конечно, не расслабиться в такой обстановочке до полной потери рассудочка и сэра Кофу «Кофочкой» случайно не назвать. Говорят, традиция кровной мести в наших краях окончательно угасла вместе с прочими интересными и поучительными обычаями Эпохи Орден, но это ничего, Кофа её одной левой возродит.

Впрочем, после того, как я попробовал ещё горячий слоёный пирог, который по какой-то загадочной причине назывался «морским», хотя ни рыбы, ни водорослей с моллюсками в его начинке не было, опасность миновала. В смысле я вообще никого никакими словами не называл, умолк окончательно и бесповоротно, потому что оторваться от этого пирога даже на несколько секунд было выше моих сил. Совершенно немыслимо.

– Тихой ночи, мои дорогие. Летел к вам, как птенец йорли на свет.

Я вздрогнул от неожиданности. Хотя довольно глупо сидеть в трактире и совершенно не ожидать, что сюда ещё кто-нибудь когда-нибудь войдёт. По идее, трактир – это как раз такое специальное место, где дверь вообще не закрывается. То и дело кто-то входит и выходит. Но домашняя атмосфера «Света Саллари» сбивала меня с толку. Ну и морской пирог сделал своё дело, лишил остатков разума. Но теперь надо было возвращаться к действительности. Для начала, например, посмотреть, кто к нам пришёл. И, если получится, выяснить, кто такие «йорли» и на кой чёрт их птенцы летят на свет, как какие-нибудь неразумные бабочки. В «Энциклопедии Мира» сэра Манги Мелифаро об этом, вроде, не было ни слова. Впрочем, я всё-таки очень давно её читал, мог забыть.

Человек, вошедший в трактир, представлял собой выдающееся зрелище. Один только костюм чего стоил – длинная широкая стёганая юбка до пят и короткая, чуть ниже пояса, малиновая куртка с просторным капюшоном, под которым помещалась какая-то сложная причёска, смахивающая на фортификационное сооружение.

К счастью, незнакомец был не настолько красив, как здешний повар, второго эстетического потрясения кряду я бы, пожалуй, не пережил. Но красота ему и не требовалась. Щедрая природа выписала этому человеку столько обаяния, что хватило бы населению пары-тройки небольших городов, вроде Богни^[11] или Авалы^[12]. А настоящим козырным тузом оказалась его улыбка, исполненная нежности, граничащей с растерянностью: неужели всё вокруг и правда настолько прекрасное и хрупкое, и я это хрупкое так сильно люблю?

Мне хорошо знакома эта разновидность счастливой обречённости, иначе я вряд ли её опознал бы. А опознав, невольно проникся к незнакомцу почти иррациональной симпатией, неизбежной при встрече с кем-то очень похожим на тебя самого.

Когда он улыбнулся, я сразу понял, что это и есть брат леди Лари: у него была точно такая же ямочка, одна, на левой щеке. И такое же круглое смуглое лицо, и чёрные глазищи. И фамильный упрямый подбородок, доставшийся по наследству художнице Иш, которая чуть с потолка не свалилась на радостях.

– Ди! Ура! – восторженно завопила она, а потом всё-таки спустилась с небес на землю, одним грациозным прыжком.

Вошедший был не слишком велик ростом, а Иш, напротив, оказалась довольно долговязой барышней, но это совершенно не помешало ей совершенно по-детски повиснуть у него на шее, а ему – подхватить племянницу и закружить, как совсем маленького ребёнка.

– А у нас! – выкрикивала счастливая Иш. – Самые лучшие в Мире! Гости! Им очень нравится Каддина еда! А Скрюух! Дала Максусе себя погладить! Вот так!

– Какие замечательные новости, – ласково сказал черноглазый человек, перестав кружиться. – Но главную ты сказать забыла, а я и сам вижу: разрисован ещё здоровенный кусок потолка. Когда только успела?

– Это ещё не настоящая новость, – возразила Иш. – Настоящая будет, когда я закончу всё.

Спрыгнула с его шеи, торжествующе оглядела нас и сообщила:

– Мой дядя Ди пришёл!

Ну, не то чтобы мы не заметили.

– Дигоран Ари Турбон, – представился вошедший. – Простите, если помешал вашей трапезе. У нас в семье принято радоваться друг другу при встрече и не скрывать своих чувств, но не удивлюсь, если в ваших краях этот обычай считается варварским.

– Не считается, – успокоил его Кофа. – Что же тут варварского, если

люди радуются друг другу?

– День прошёл хорошо, – сказала леди Лари, обнимая брата.

– А у тебя, дружище? – спросил повар Кадди. – Всё вышло, как ты хотел?

Смуглое лицо Дигорана Ари Турбона вдруг стало лиловым. Я сперва глазам своим не поверил, моргнул, отвернулся и снова уставился на него. Лицо по-прежнему было лиловым, как лепесток фиалки. Что за чёрт?

– А, ясно. Не совсем, – печально констатировал Кадди. – Прости. Не надо было лезть к тебе с расспросами.

Леди Лари ободряюще улыбнулась брату:

– Плюнь с высокой скалы. Сегодня не заладилось, а завтра, глядишь, ветер переменится.

Мы с Кофой озадаченно переглянулись. Похоже, изменение цвета лица нашего нового знакомого совсем не удивило его родных. И более того, сообщило им какую-то информацию о состоянии его дел.

– Понимаю ваше удивление, – сказала нам леди Лари. – И высоко ценю вашу деликатность, обычно люди сразу же кидаются выпрашивать, что, да как, мы уже привыкли. Иногда цвет лица Ди меняется в соответствии с его настроением. Таково уж проклятие нашего рода; передаётся оно только по мужской линии, поэтому со мной, хвала свету зримому, ничего подобного не происходит. И с Иш, вроде, тоже всё в порядке, даже когда он мальчишка. А вот Ди лишён возможности скрывать от нас свои подлинные чувства.

– Примите мои искренние соболезнования, – серьёзно сказал Кофа. – Могу вообразить, как это неудобно!

У него даже голос дрогнул. Видимо, он невольно примерил ситуацию на себя и ужаснулся.

– Спасибо, – поблагодарил его Дигоран Ари Турбон, усаживаясь рядом со мной. Он уже снова улыбался, а лицо его постепенно приобретало прежний вид. – На самом деле, это скорее забавное недоразумение, чем настоящее несчастье. Штука в том, что наш с Лари далёкий предок, прапрапрапра и ещё раз, если не ошибаюсь прапрадед Шери Авада Лос был исключительным лжецом. Врал всем подряд, причём обычно без особой выгоды для себя, просто ради удовольствия не произносить лишний раз правду.

– Да, бывают такие люди, – подтвердил Кофа. – Сам не раз встречал.

– И всё бы ничего, но однажды нашего предка угораздило наврать с три короба очень могущественному колдуну по имени Туффалей Фаюм Хаг, а тот так рассердился, что проклял не только самого Шери Аваду, но и

всех его потомков. К счастью, сила проклятия с каждым поколением постепенно ослабевает. У меня, как и у отца, цвет лица изменяется только под влиянием очень сильных чувств, а вот на прадедушку Хойри Аки Вера, которого я застал в живых, порой смотреть было больно, так краски мелькали.

– А смысл? – спросил я. – В чём смысл такого проклятия? Просто сделать вас... эээ... – Я чуть не сказал «посмешищем», но, к счастью, вовремя опомнился: – ...очень заметными?

– Заметными? Ну да, пожалуй. Но как я понимаю, подлинный замысел чародея состоял в том, чтобы не оставить нашему семейству ни единой возможности солгать. Хотя на самом деле именно это у него не получилось. Мы можем продолжать врать, сколько душе угодно, потому что окружающие не знают, какой именно цвет какому настроению соответствует. Нет у них такого списка. А если спросят, я могу дать любое объяснение, поди меня проверь. Штука в том, что желание солгать – не настолько сильное чувство, чтобы изменить цвет моего лица. Строго говоря, обычно это вообще не чувство, а просто прагматическое соображение. В детстве, конечно, было не так, и родители часто ловили меня на вранье, увидев, как пламенеют мои щёки – причём не от самого желания обмануть, а от страха, что меня выведут на чистую воду. Красный цвет, по замыслу Туффалея Фаюм Хага, означает испуг. Но с возрастом обычно обретаешь независимость от окружающих, перестаёшь их бояться, и тогда поди тебя раскуси.

– Думаю, этот колдун позаботился только о собственных интересах, – заметил я. – Ему было важно, чтобы обмануть не могли именно его, а остальные пусть сами выкручиваются, как знают.

– Да, похоже на правду. С другой стороны, когда с детства все твои чувства вот так явственно отражаются на лице, поневоле вырастаешь предельно откровенным человеком – а что ещё остаётся? По крайней мере, так случилось и с дедом, и с отцом, и со мной. Поэтому я не делаю тайны из цвета своего лица. В частности, лиловый, как вы и сами Наверное поняли, означает досаду. На самом деле ничего по-настоящему плохого со мной сегодня не случилось, просто я не люблю, когда нарушаются мои планы. А признаваться в этом и вовсе ненавижу.

– О да, это я могу понять, – кивнул Кофа.

И я кивнул. Потому что тоже могу. Как, прямо скажем, очень мало кто.

При этом меня так и подмывало пуститься в расспросы: «А какие планы? Что именно у вас не вышло? Чем вы вообще тут занимаетесь, пока ваши домашние хлопочут в трактире?» Но я прикусил язык. Искренность

собеседника, конечно, великий соблазн, но лезть в чужие дела всё-таки невежливо.

Поэтому я задал другой вопрос:

– А какие ещё бывают цвета? Если уж вы сами сказали, что не делаете из этого тайны, расскажите, пожалуйста.

– Ну, например, синий цвет означает, что я чрезвычайно удивлён, жёлтый обычно сопутствует смеху, оранжевый – восхищению. А самый замечательный – зелёный. Это цвет безмятежной радости. В детстве моё лицо зеленело так часто, что многие соседи думали, это и есть его обычный цвет; с годами он появляется всё реже – такова, надо полагать, цена взросления. Но иногда всё-таки...

– А белый? – нетерпеливо спросил я. – Бывает у вас белый цвет?

Причём сперва спросил, а потом уже сообразил, почему меня интересует именно белый. Вспомнил наконец давешнюю историю о человеке с ножом и белым лицом, вломившемся в палатку Правдивого Пророка, а потом исчезнувшем неизвестно куда. И, кстати, одет он был похоже – малиновая куртка в устах бестолкового нумбанского полицейского вполне могла превратиться в красную, а пёстрая стёганая юбка – напомнить ему деревенское одеяло. Всё сходится! Ясно теперь, почему меня так насторожила внезапная смена цвета лица нового знакомого. У меня настолько дырявая память, что организму пришлось отрастить недюжинную интуицию, при помощи которой удаётся кое-как латать эти прорехи, вот как сейчас – сперва беспокоиться неведомо о чём, а уже потом запоздало понимать, откуда растут ноги у этого беспокойства.

Дигоран Ари Турбон надолго задумался – не то прикидывал, стоит ли оставаться откровенным, то ли просто вспоминал. Наконец сказал:

– Честно говоря, даже не знаю, бывает ли такое со мной. Согласно семейному преданию, белый цвет соответствует подлинному мужеству. То есть безупречной готовности принять свою судьбу, какой бы она ни была. До столь совершенной мудрости мне пока, к сожалению, далеко.

– Не наговаривай на себя, – сказал ему повар Кадди. – Как по мне, именно таков ты и есть. Я бы не удивился, если бы ты вообще всё время был белолицым. Просто наверное это у тебя не внезапное сильное чувство, а привычное состояние души.

– Ну, не знаю, – нахмурился Дигоран Ари Турбон. – Твоими бы устами... – и тут же повеселев, обернулся ко мне: – Зато доподлинно известно, что чёрным моё лицо становится, когда я влюблён. В юности я был влюбчив, как все нормальные мальчишки, за что и получил прозвище «Чумазый Ди». А прекрасные девицы, ясное дело, разбегались от меня, кто

визжа от страха, кто хохоча. Вот когда проклятие Туффалея Фаюм Хага действительно здорово портило мне жизнь! И кстати не факт, что такое больше никогда не повторится. Что-что, а уж эта опасность остаётся с нами до последнего вздоха.

– Ваша правда, – авторитетно подтвердил Кофа.

Хотя откуда бы ему знать. До последнего вздоха сэру Кофе Йоху, как и прочим могущественным колдунам, по моим прикидкам оставалось ещё, как минимум, несколько тысячелетий.

Впрочем, он так выразительно смотрел на леди Лари, что мне явно не следовало вступать со своими комментариями.

Леди Лари явно смутилась и поспешила сменить тему.

– Ягодный танг, – объявила она. Голос её звучал решительно, я бы даже сказал, неумолимо. – Мы с вами совершенно забыли о ягодном танге! Неужели вы думаете, что я позволю ему остаться несъеденным?

Мы, разумеется, так не думали. Тем более, что странное на вид густое желеобразное бело-лиловое месиво оказалось одним из самых вкусных десертов, какие я когда-нибудь ел. А я хоть и не записной гурман вроде сэра Кофы, но верный его последователь, практически юный оруженосец. Иногда.

В общем, ягодный танг уписывали все присутствующие, включая синюю птицу Скрыух, хотя она, по идее, хищная и ягоды жрать не должна. Но плевать она хотела на такие идеи.

Клиент, всё это время тихо сидевший над давно опустевшей тарелкой на дальнем краю стола, тоже получил порцию ягодного танга – угощение за счёт заведения, объявила леди Лари – и он, восторгаясь, смёл его как миленький. А доев, наконец поднялся. Положил на скатерть монету и смущённо сказал:

– Спасибо за всё. Извините, что так засиделся. Очень уж мне у вас понравилось. Как дома в детстве, хотя ничего подобного в моём детстве не было, я осиротел в Смутные Времена и жил с тёткой, служившей стражницей в Нунде. Можно сказать, вырос на каторге – только не подумайте, будто я жалуясь, там было очень неплохо, и с тёткой мы отлично ладили, просто совсем не похоже на уютную семейную жизнь, вроде вашей. А всё равно здесь у меня возникло такое чувство, словно не в трактир зашёл, а вернулся домой, потому и не хотелось от вас уходить. – Он окончательно смутился и добавил: – Я, наверное, ещё приду, если можно.

– Да где же вы видели трактир, в который нельзя вернуться? – улыбнулась леди Лари. – Обязательно приходите. Мы будем вас ждать.

– Как дома в детстве, хотя ничего подобного в моём детстве не было, – задумчиво повторил Кофа после того, как клиент вышел. – Да, пожалуй, это наиболее точное описание впечатления от посещения вашего трактира. Что-то похожее здесь испытываю и я.

«И я», – сказал я ему, воспользовавшись Безмолвной речью. Сам не знаю, почему не решился произнести это вслух. Ни за что не угадаешь, когда на тебя нападёт очередной приступ застенчивости. Хотя, казалось бы, давным-давно пора им пройти насовсем.

– Ради этого всё и было задумано, – улыбнулся Дигоран Ари Турбон. – В этом основной смысл «Света Саллари».

– Объясните, – потребовал Кофа.

– Ну, я же не знал заранее, что наш Кадди так быстро научится вкусно готовить, – признался тот. – Думал, уж чем-чем, а простой едой жителей Ехо точно не удивишь. И спрашивал себя: зачем нам вообще открывать трактир? Что мы можем предложить людям – такого, чтобы им у нас понравилось и даже захотелось вернуться? И тогда мне пришло в голову, что может быть им – то есть, вам – будет так же хорошо рядом с нами, как нам друг с другом? Дома, в Саллари, соседи часто приходили к нам в гости, чтобы скоротать вечер за разговорами и игрой в «Злик-и-злак». Говорили: уж больно славно с вами сидится. Спокойно и душевно. Вот я и подумал – может быть, в Ехо такого тоже не хватает? Мест, куда можно прийти, как домой и отдохнуть сердцем.

– Да, это был правильный расчёт, – кивнул Кофа. – Готов спорить, к вам все клиенты возвращаются. Даже те, кто впервые зашёл сюда, когда Кадди был не в настроении. Я сам, если помните, так влип.

– А я в тот вечер как раз умудрилась испортить бутерброды, – рассмеялась леди Лари. – Бутерброды! Это был провал такого масштаба, что его, думаю, можно считать своего рода успехом.

– Но как? – изумился я. – Съедобные бутерброды даже я сделать способен, хотя о моей кулинарной бездарности слагают легенды. Как их вообще можно испортить?

– Да проще простого. Взяла по рассеянности сладкое масло вместо обычного, и всё отлично получилось. Видели бы вы своё лицо в тот момент, когда распробовали эту гадость, – ласково сказала она Кофе. – Я была уверена, что сейчас вы или хлопнитесь в обморок, или просто отправитесь за полицией и потребуете арестовать меня за попытку отравления. Но вы были так снисходительны, что даже заплатили за свои страдания. И вернулись на следующий же день – вот уж чудо так чудо! К

счастью, Кадди тогда испёк отличный омлет Отшельника и сгладил первоначальное впечатление.

– На самом деле я тогда вернулся с подарком, – ухмыльнулся Кофа. – Принёс вам нормальное масло. Собирался объяснить, что оно у нас продаётся в любой лавке и стоит втрое дешевле сладкого. Жалко вас стало, подумал: наверняка бедную чужестранку обманули недобросовестные торговцы, и вы с их слов решили, будто никакого масла, кроме сладкого в наших краях нет. Пока сами поймёте свою ошибку, трактир трижды успеет разориться, а это будет досадно, место-то славное, где ещё в столице вот так за общим столом, как в деревенском доме посидишь... Но всё это вылетело у меня из головы, стоило учуять запахи, долетавшие с кухни. Я даже масло из кармана не вынул, так и ходил с ним потом до утра. Околдовал меня ваш повар, не иначе.

– Спасибо, – сказал ему Кадди. – Так приятно получать похвалы из ваших уст! На рынке мне рассказали, что вы очень строгий ценитель.

– Только не вздумайте заключить, будто у вас уже всё получилось, и придумать себе новое занятие. Пока вы всего лишь немного усовершенствовали некоторые традиционные блюда урдерской кухни. Все ваши настоящие кулинарные достижения ещё впереди.

– Ох, я на это надеюсь!

Синяя птица, задремавшая было у ног своего любимца, внезапно пробудилась и огласила трактир душераздирающим скрежетом. Вероятно, это означало, что пришло время снова её покормить.

– Видишь, всё у тебя будет отлично, – сказала повару леди Лари. – Птичий крик – всегда добрый знак.

– Тогда надо приучить Скрюух орать почаще, – предложила Иш. – Чтобы от добрых знаков уже просто некуда было деться!

– У вас щёки позеленели, – шепнул я своему соседу. – Зря вы говорили, что с годами всё реже.

– Ну всё-таки не каждые полчаса, как в детстве, – улыбнулся он. – Но хвала свету зримому, иногда случается. Обычно дома, по вечерам, когда все мои собираются за столом. – И с простодушной откровенностью добавил: – Очень их люблю.

– Ни на миг не сомневался, что тебе понравится, – говорил мне Кофа полчаса спустя, когда мы всё-таки покинули гостеприимный «Свет Саллари».

– Да, отличные у меня соседи. И с причудами, всё как я люблю. Спасибо, что открыли мне это место. Можно теперь хоть каждый вечер

бегать из одного приюта безумных в другой, от говорящей собаки к скрипучей птице и обратно. И Базилио обязательно надо к ним отвести. Хозяйкой дома она у нас уже стала, пусть теперь учится быть гостьей, которой всегда рады.

– Это чрезвычайно полезный навык, – согласился Кофа. – У юной барышни развлечений должно быть хотя бы вдвое больше, чем обязанностей, особенно если она склонна путать одно с другим.

– Слушайте, а чем занимается глава семейства? Ну или не глава...

– Ди? Да, он, пожалуй, именно что глава. Лари его младшая сестра. Иш – племянница, а значит, дочь, или сын, как хочешь, так и назови, ещё одного их брата или сестры. Понятия не имею, почему она живет не с родителями, а с дядей и теткой, но вместе им хорошо, а это главное. И повар, хоть формально им не родич, тоже явно на положении члена семьи – ну, ты сам видел. Они же, получается, из-за его учёбы сюда переехали, а так даже ради любимых братьев и сыновей мало кто готов поступить. Кстати, дом под трактир арендован на имя Ди, я уже справлялся, а значит, и деньги его, в этом смысле у выходцев из Чирухты всегда всё прозрачно: кто платит, тот и ставит подпись. Когда арендуют или покупают вскладчину, то и подписей обязательно несколько, для них очень важно полное соответствие документов истинному положению дел. Так что да, Ди у них старший, с какой стороны ни посмотри.

– Ясно, – нетерпеливо кивнул я. – Но чем он всё-таки занимается? Наверняка вы уже выяснили.

– Да насколько я знаю, ничем особенным. По утрам помогает своим в трактире, а после полудня просто гуляет. Изучает город и окрестности, – пожал плечами Кофа. – Как наверняка поступили бы и мы с тобой, окажись в чужой стране, где никогда прежде не были, с деньгами на карманные расходы и кучей свободного времени.

– Но когда человек говорит, что дела пошли не совсем так, как планировалось, вряд ли речь идёт просто о познавательных прогулках.

– Ну, смотря, какой человек. Для некоторых упрямцев не найти заинтересовавшую их достопримечательность или нарваться там на сторожа-грубияна – грандиозное нарушение планов, практически катастрофа... Но Ди, по моему впечатлению, совсем не таков, а значит, ты прав. Попробую разузнать подробности. Это, по меньшей мере, любопытно.

– Вот! – обрадовался я. – А ещё мне интересно, почему он до сих пор не сменил костюм. Леди Лари носит лоохи, хотя как хозяйка урдерского трактира как раз могла бы покрасоваться в традиционной одежде для

привлечения публики.

– Я ей то же самое советовал, – улыбнулся Кофа. – Но Лари – модница. Говорит, глупо переехать в другую страну и не носить местные наряды, тем более, когда они тебе к лицу. И Кадди туда же – решил, что если он будет одеваться как наши повара, то и готовить станет легче. Впрочем, в каком-то смысле он прав. Костюм, хотим мы того или нет, влияет на наше душевное состояние, поэтому когда пытаешься освоить угуландскую кухню, одеться соответствующим образом – не самая глупая идея.

– Ну видите, – подхватил я. – А Ди почему-то ходит в урдерском костюме, как путешественник, который здесь проездом. Хотя они же, как я понял, надолго приехали?

– Вроде надолго, – задумчиво согласился Кофа. – Но кстати, Ди не всегда ходит в своих заморских нарядах. На рынок за продуктами для трактира – только в лоохи с капюшоном, под которым прячет причёску. Говорит, чтобы не пытались обсчитать. А гулять, по его словам, гораздо удобней, когда выглядишь приезжим. Потому что если случайно, по незнанию, нарушишь какие-нибудь местные правила хорошего тона, всем сразу станет понятно, что ты не хам, а просто иностранец. И никаких проблем.

– Жаль, мне такая идея в своё время в голову не пришла. Впрочем, Мантия Смерти выполняла примерно ту же функцию... Слушайте, а про белое лицо вы уже сами всё поняли и ждёте, когда я спрошу?

– А что именно я должен был про него понять? – удивился Кофа.

Причём, насколько я успел его изучить, совершенно искренне удивился. Хотя, конечно, возглавлять список самых проницательных знатоков человеческих душ мне пока, мягко говоря, рановато.

– Ярмарочный полицейский доложил, что у человека, которого он потом застукал в палатке пророка с ножом, было полностью белое лицо. Я же рассказывал на совещании.

– Ах вот ты о чём, – оживился Кофа. – Слушай, а возможно это и есть ответ на вопрос, куда подевался отец Иш. При условии, что он – именно отец, а не мать...

– Что?!

– Не притворяйся болваном, сэр Макс. Если проклятие распространяется на всю мужскую часть семьи, человек с лицом необычного цвета имеет неплохие шансы оказаться близким родственником наших трактирщиков. Неужели тебе самому не очевидно?

– Но он же потом исчез, – напомнил я. – Как будто Тёмным путём ушёл или просто проснулся.

– Ну а почему бы человеку, о котором нам с тобой ничего не известно, не ходить Тёмным путём? И, уж тем более, не вижу никаких препятствий для его прогулок по Нумбане во сне, – пожал плечами сэр Кофа. – Мало ли чем он занимается, пока его родня нам с тобой суп варит? От Урдера до Тубура, насколько я припоминаю, несколько дюжин дней пути. Не близко, конечно, но и не то чтобы такое уж серьёзное препятствие. Наверняка тамошняя молодёжь грезит о сновидческих подвигах и копит деньги на учёбу в Тубуре, в точности, как ребята из Бахри и Лохри мечтают попасть к нам, в Угуланд... Всё, сэр Макс, вот твой дом, а у меня встреча на улице Маленьких Генералов всего через полчаса. И хотелось бы добраться туда собственными ногами, потому что Тёмным путём я сегодня уже находился, больше не хочу, а амобилер ждать дольше, чем потом ехать.

– Можете взять мой, – предложил я. – Мне сегодня вряд ли понадобится.

– Спасибо, это очень кстати.

Кофа развернулся было к амобилеру, но я его остановил.

– Ещё остаётся птица.

– А что не так с птицей? – нетерпеливо спросил Кофа.

– Где Ди взял птицу сыйсу, если гулял по Ехо? Ну или ладно, предположим, он добрался до пригородных лесов. Но там тоже никто никаких сыйсу отродясь не видел.

– Во-первых, откуда такая уверенность? Может, и видели, да нам с тобой не сказали. А во-вторых, она скорее всего домашняя, вон какая ручная. Скорее всего, жила в чьём-нибудь саду в пригороде, сбежала от хозяев, тут же сдуру нарвалась на охотников, вот и всё.

– Ну, может быть, – неохотно согласился я.

– Эй, а ты чего вообще к Ди прицепился? – рассмеялся Кофа. – То тебе подозрительно, это тебе не так. А мне показалось, он тебе понравился.

– Очень понравился, – кивнул я. – Но это тоже не свидетельствует в его пользу. Если учесть, что самое сильное впечатление на меня в своё время произвёл Лойсо Пондохва, одной моей симпатии достаточно, чтобы, не задумываясь, упечь человека в Холоми – найдётся за что.

Сэр Кофа одобрительно ухмыльнулся, пожелал мне хорошей ночи и укатил по своим делам. Однако выражение его лица мне очень понравилось. Обычная маска благодушия сменилась благодушной же заинтересованностью. Следовательно, есть надежда, что уже буквально завтра мой коллега будет знать о прогулках владельца урдерского трактира всё, что только можно выяснить. А что нельзя – тоже будет, конечно, просто не так скоро. Послезавтра, например. И тогда я... А что, собственно, тогда?

По крайней мере, тогда я буду точно знать, что этот славный человек с разноцветным лицом – настоящий. В смысле, не притворяется таким замечательным ради каких-нибудь неведомых целей, а действительно такой и есть. Это важно. Когда мне кто-то так сильно нравится, он должен быть настоящим. Просто обязан. В этом вопросе мне лучше не перечить, я – опасный воинствующий идеалист.

Впрочем, переступив порог Мохнатого Дома, быть опасным я тут же перестал. Сложно представлять собой хоть какую-то опасность, лёжа на спине и с переменным успехом отбиваясь от собственного пса, который только что повалил тебя на пол специально для того, чтобы в спокойной обстановке как следует облизать твой ловко уворачивающийся нос.

Многие мои друзья считают, что я плохо воспитал свою собаку. По их мнению, любая овчарка Пустых Земель с детства должна понимать, что с хозяином следует обращаться почтительно и аккуратно. И на пол его не ронять.

Но на самом деле я прекрасно воспитал Друппи. И в процессе воспитания неоднократно объяснял ему, что валять меня по полу нельзя. Чрезвычайно доходчиво объяснял, в том числе, через переводчика, которым любезно вызвался быть его приятель, говорящий пёс Дримарондо. Друппи внимательно выслушал нас обоих, всё понял, согласился, что падать на пол с высоты человеческого роста должно быть довольно неприятно, и пообещал соблюдать правила техники безопасности.

Беда в том, что всякий раз, увидев меня, бедняга теряет голову от радости и совершенно не может держать себя в руках. Ну, то есть в лапах. Короче, ни в чём не может. Лезет обниматься, и хоть ты тресни. А его габариты не оставляют мне ни малейшего шанса устоять на ногах.

Во всём этом, впрочем, есть один положительный момент: изваяв меня как следует по полу, Друппи обычно спохватывается, исполняется стыда и всё остальное время ведёт себя как ангел. Буйный жизнерадостный четвероногий ангел с прекрасным аппетитом. Если это плохое воспитание, то даже не знаю, как выглядит хорошее. И сомневаюсь, так ли уж оно необходимо.

Обычно радуется мой пёс не только бурно, но и долго, поэтому подняться на ноги мне удаётся далеко не сразу. Однако на этот раз меня чудесным образом спас голос, раздавшийся с небес. Ну то есть как с небес, просто откуда-то сверху. Когда лежишь на полу, даже какие-то несчастные два метра кажутся заоблачной высью.

– Как не стыдно нарушать договор, – укоризненно сказал голос.

Друппи как ветром смело. Секунду спустя он уже сидел под столом в гостинной и вид имел самый невинный – а я что? Я ничего.

Окажись фамильное проклятие Дигорана Ари Турбона заразным, я бы сейчас пожалуй позеленел. Потому что прийти поздно вечером домой и застать там своего лучшего друга, у которого, по идее, и на сон-то времени почти нет с тех пор, как его припахали исполнять обязанности Великого Магистра Ордена Семилистника – это всё-таки очень радостное событие. Насчёт безмятежности я, впрочем, не так уверен, а проверить всё равно не получится, поскольку моего пра-пра-пра-прадеда никто не проклинал. У меня в этом Мире вообще никаких родственников отродясь не было, что, пожалуй, только к лучшему. А то переругались бы со всеми местными колдунами, а я потом расхлёбывай, влача бремя фамильных проклятий. Ну уж нет!

– Круто, что ты тут, – сказал я, поднимаясь на ноги и отряхиваясь. – А почему зов не прислал? Я бы раньше пришёл.

– Я так понял, ты от меня намеренно прячешься, – объяснил сэр Шурф. – А когда от меня кто-то прячется, мой долг – устроить засаду в наиболее подходящем для этого месте. Я, сам знаешь, воспитанник Джуффина Халли, и первое, чему он меня научил – никогда не сообщать жертве, где именно ты её поджидаешь. Такое поведение, по его мнению, непрофессионально.

– Издеваешься! – восхитился я. – Такую ерунду даже ты всерьёз не можешь говорить.

– Боюсь, ты меня недооцениваешь. Я всё могу.

– Но откуда идея, будто я от тебя прячусь? То есть тебе, безусловно, виднее, но всё-таки с чего ты взял?

– Ты сегодня вернулся в Ехо вскоре после полудня, – объяснил мой друг. – Совещание, которое ты собрал, продолжалось максимум час, после чего Нумминорих снова отправился в Нумбану, а ты остался в столице. И при этом до сих пор не прислал мне зов с ультимативным требованием немедленно бросить всё, распустить Орден и стереть Иафах с лица земли, чтобы все эти нелепые люди и их незначительные дела не помешали нам с тобой спокойно пообедать. Подобная деликатность настолько не в твоём духе, что я начал беспокоиться. Но потом сообразил, что ты просто скрываешься от меня, чтобы не продолжать занятия. Конечно, ты сам попросил научить тебя становиться невидимым и был чрезвычайно настойчив, но когда это подобные аргументы казались тебе существенными? Я, собственно, затем и пришёл, чтобы сказать: не хочешь – не учись. Честно говоря, я сам не думаю, что это умение тебе так уж

необходимо. В крайнем случае, сэр Кофа наверняка согласится одолжить тебе свой плащ, как уже не раз...

– Ха! – надменно сказал я.

А больше ничего не стал говорить. Потому что внезапно наступил момент моего торжества. Всё-таки не зря я весь день осваивал этот дурацкий трюк. А что не по причине врождённого трудолюбия, а просто на нервной почве, так кому какое дело, когда есть результат.

Надеюсь, исчез я достаточно эффектно. Трудно судить, когда не видишь себя со стороны, зато я видел лицо сэра Шурфа. Если бы он несколько лет кряду издевался надо мной, непедагогично обзывая бездарью и грозя побить палкой за очередную неудачу, я и то почувствовал бы себя отмщённым. А поскольку он ничего подобного не делал, торжество моё оказалось даже несколько неуместным. Но мне всё равно понравилось. Я бы, пожалуй, ещё повторил.

– Просто не хотел приходить к тебе, не сделав уроки, – скромно сказал я.

А потом снова стал видимым, не дожидаясь окончания действия заклинания. Это почему-то считается особым шиком, хотя, как по мне, ничего сложного тут как раз нет. Ломать – не строить.

К другу моему наконец вернулся дар речи.

– Тебя как подменили.

– Да нет, вроде не подменили, – вздохнул я, падая в кресло. – Просто после исчезновения нумбанского пророка все были как на иголках, и я за компанию. Тем более, что исчез он, похоже, из-за меня. Надо было как-то отвлечься... Ты уже знаешь эту историю?

– О предполагаемом возвращении Магистра Хонны? Знаю, конечно. Мне такие новости, как ты понимаешь, сразу же докладывают. Принудительно докладывают, я бы сказал. Захочешь – не отвертишься. Любимая формулировка сэра Джуффина Халли: «Прости, но сейчас я вынужден заставить тебя обязать меня немедленно предоставить всю информацию по делу...»

– Смешно, – согласился я. – Ладно, хорошо, что ты в курсе, а то я бы до утра рассказывал... Интересно всё-таки, почему он не стал мне ничего говорить? Ещё и наврал, то есть притворился сновидцем, которого я якобы пришёл разбудить. Это-то зачем? Не может же правда обо мне быть настолько ужасной.

– Во-первых, может, – флегматично сказал Шурф. – И ты сам это знаешь. А во-вторых, Хонна в бытность свою Великим Магистром Ордена Потаённой Травы прекрасно разбирался в людях. И вряд ли утратил это

ценное качество за прошедшие годы.

– И что?

– Да то, что лично я тоже поостерегся бы выкладывать тебе какую-нибудь тайную правду, если бы вдруг её узнал. Потому что для начала ты просто не согласишься с услышанным. Нет, нет и нет. Отстаньте от меня со своими бреднями! Потом, какое-то время спустя, ты обдумашь полученную информацию и непременно попытаешься сделаешь из неё трагедию, причём совершенно вне зависимости от того, нравится она тебе или нет...

Я рассмеялся. Хотя, конечно, с гораздо большим удовольствием швырнул бы в него что-нибудь тяжёлое. Но это совершенно бессмысленно: во-первых, Шурф увернётся, а во-вторых, он терпеть не может беспорядок. И мне же самому придётся собирать раскиданные предметы. А заниматься уборкой мне лень – сейчас и вообще всегда.

– ...а потом ты Мир наизнанку вывернешь, лишь бы сказанная тебе правда стала неправдой, – закончил он. – Просто чтобы настоять на своём. И какой, скажи на милость, во всём этом смысл? Нет уж, додумывайся до правды о себе самостоятельно. Так всем будет спокойнее.

– Ужасный ты человек, – вздохнул я. – Какой гнусный поклёп ни возведёшь на ближнего, всё равно оказываешься прав. Особенно если этот ближний я. И что с тобой, спрашивается, делать?

Шурф задумался.

– Главное – не кормить, – наконец сказал он. – Всё остальное на твоё усмотрение.

– А почему это вдруг не кормить?

– У меня за плечами ужин со Старшими Магистрами. То ещё испытание, потому что по моему аппетиту эти наблюдательные люди определяют степень моего доброго к ним отношения. А поскольку никаких претензий к их поведению у меня в последнее время нет, пришлось приводить свои действия в соответствие со смыслом невербального высказывания, в которое по общей негласной договорённости превратилось совместное употребление пищи. Всё-таки множественность коммуникативных слоёв порой доставляет изрядные неудобства. Я бы предпочёл объясняться со своими подчинёнными только словами. Но, к сожалению, чужое восприятие невербальных сигналов и их интерпретация – не та область, где можно быстро установить свои порядки. На такие изменения требуется время.

– Да уж, – растерянно подтвердил я, судорожно пытаюсь вспомнить хотя бы одно умное слово, достойное украсить нашу беседу. И чтобы в нём

было не меньше пяти слогов!

Не получилось. Но не потому что у меня такой уж бедный словарный запас. Просто нас отвлекли.

Дальняя дверь, ведущая в коридор, приоткрылась, и в гостиную вперевалку вошли кошки. Ну, то есть кошка и кот, Элла и Армстронг, здоровенные мохнатые обормоты, которые, если говорить о физическом развитии, всё ещё являются котятами и, следовательно, продолжают расти.

Штука в том, что в Мире коты, собаки и другие звери живут подолгу и взрослеют, соответственно, очень медленно. Последнее обстоятельство до сих пор совершенно не укладывается у меня в голове; к счастью, моё активное интеллектуальное участие в постепенном росте кошек не требуется, и я могу позволить себе сколько угодно ничего не понимать без всякого ущерба для процесса. Каких размеров мои домашние питомцы достигнут ещё полдюжины лет спустя, когда наконец станут считаться взрослыми, я даже думать не хочу. Но заранее рад, что Мохнатый Дом – одно из самых просторных жилых помещений в Ехо. Есть надежда, что в нём всё-таки останется немного места для меня. Например, кабинет в башне. Туда они к тому времени, пожалуй, просто не протиснутся.

Вслед за кошками, как и следовало ожидать, появилась Базилио. Армстронг и Элла – её неотлучная свита. До появления Базилио котята не особо привязывались к людям, но в неё влюбились с первого взгляда, причём ещё в ту пору, когда девочка наша выглядела как ужасающий василиск.

Строго говоря, она и есть ужасающий василиск, вернее, изрядно смахивающая на василиска овеществлённая иллюзия с головой индюка, рыбьим туловищем, лисьим хвостом и самым дружелюбным в Мире нравом. Симпатичной рыжей девицей Базилио выучилась быть гораздо позже, при помощи леди Сотофы. Самое удивительное, что чудесное превращение совершенно не испортило её характер. А ведь быть хорошим человеком гораздо труднее, чем славным чудовищем.

Но чего только не бывает.

Вот и сейчас, застав нас в гостиной, Базилио исполнила свой коронный трюк – обрадовалась. Ничего особенного она при этом не сделала и не сказала, но даже если бы мы с Шурфом были двумя спившимися портовыми нищими, давным-давно утратившими смысл жизни, мы бы незамедлительно обрели его снова. Мы его, впрочем, и так обрели – дополнительно, в довесок к уже имеющемуся. Но не то чтобы я был против, лишний смысл жизни никогда не повредит.

Следующим номером программы стало появление на столе напитков.

Этот процесс у Базилио отработан в совершенстве. Стоит ей войти в комнату и увидеть гостей, можете быть уверены, что и минуты не пройдёт, как появится слуга с напитками, причём именно теми, которые по душе собравшимся. Что в моём доме – та ещё задача, народу здесь бывает много, и вкусы у всех разные. Однако все всегда остаются совершенно довольны. И это касается не только напитков. Прежде в Мохнато́м Доме, как и в любом из моих жилищ, царила обаятельная атмосфера предапокалиптического хаоса, но вскоре после появления Базилио здесь как-то незаметно установилась почти пугающая идиллия. Теперь у нас всё происходит вовремя, без сбоев и как бы само собой. При Базилио даже дворцовые повара, бывшие прежде главным неизбежным злом моей здешней жизни, стали готовить не то чтобы шедевры, но нормальную вкусную еду. А это уже попрание основ, в своей возмутительности граничащее с чудом.

Не то чтобы я взваливал на Базилио организацию нашей жизни. Мне бы такое и в голову не пришло. Я из тех мягкосердечных злодеев, которым проще проглотить человека живьём, чем заставить его тяжело трудиться – при том, что я терпеть не могу сырое мясо. Базилио взялась за хозяйство Мохнатого Дома совершенно добровольно. Думаю, дело в том, что она слишком часто оставалась дома одна, вот и нашла себе развлечение – собирать из разрозненных деталей быта идеальную домашнюю жизнь, как сложную головоломку. И весьма в этом преуспела, что неудивительно, головоломки – её конёк. Один из множества.

В общем, Базилио немного замешкалась на пороге, тут же отступила в сторону, пропуская слугу с подносом, а потом наконец спросила:

– Можно я с вами немножко посижу?

Вот интересно, кем надо быть, чтобы сказать ей «нельзя»?

Когда Базилио уселась в кресло рядом со мной, я заметил, что веки у неё подозрительно красные. А глаза как-то немного чересчур ярко блестят. И рыжие кудри уныло свисают вдоль лица вместо того, чтобы задорно торчать во все стороны. Всё это означало, что она совсем недавно ревела. Меня не проведёшь.

– Что стряслось, дружок? – спросил я. – Кто тебя обидел? Кому голову откусить?

Уменьшительно-ласкательные суффиксы всё-таки прокрались в мой лексикон. Но это не беда, когда в доме обитает столь подходящий объект для их применения.

Честно говоря, я заранее не сомневался, что никто Базилио не обижал, сама какое-нибудь горькое горюшко себе сочинила. Просто всякой юной

барышне полезно твёрдо знать, что она всегда под надёжной защитой – от кого и чего угодно. Я бы и сам от подобного знания не отказался, но мне оно по ряду причин не положено. А ей – да.

Базилио смущённо замотала головой.

– Не надо никому ничего откусывать, ты что! Меня никто не обидел. Просто, понимаешь, никак не отучусь реветь из-за любого пустяка. Вроде умом понимаю, что ничего плохого не случилось, а всё равно плачу. И остановиться не могу. Наверное, у меня просто нет силы воли?

– Всё в порядке, тебе пока даже положено много плакать, – неожиданно сказал Шурф.

В его устах это прозвучало, мягко говоря, несколько неожиданно. Меньше всего мой друг похож на человека, готового пропагандировать эмоциональную распушенность среди молодёжи.

– Ты выглядишь как вполне взрослая девушка шестидесяти лет^[13]. – продолжил он. – А ума и знания жизни у тебя, пожалуй, даже побольше, чем у твоих ровесниц, поскольку их ты унаследовала от своего невольного создателя, взрослого, опытного и чрезвычайно разумного человека. Тем не менее, не следует забывать, что на самом деле ты родилась всего полгода назад. Совсем младенец. А младенцы обычно довольно много плачут. Видимо, на первоначальном этапе жизни плач – самый простой и естественный способ установить контакт с реальностью, сообщить ей о своём недовольстве и дать возможность исправиться. Поэтому тебе пока вовсе не обязательно сдерживаться. Ещё дюжину лет можешь рыдать, сколько душе угодно. А потом, я думаю, желание лить слёзы пройдёт само. У тебя, по моим наблюдениям, довольно уравновешенный характер.

Базилио озадаченно моргнула.

– Слушай, а ведь он совершенно прав, – сказал я. – Так что реви на здоровье. Можешь начинать прямо сейчас.

– Спасибо, но мне уже не хочется, – улыбнулась она.

– Тогда выкладывай, что у тебя стряслось. Ты меня знаешь, я не отстану.

– Просто сэр Умара Камалкони не смог прийти в гости, – смущённо сказала Базилио. – Мы заранее договорились, и я специально раздобыла на Сумеречном Рынке новую игру, называется «Злик-и-злак». Большое поле и много разноцветных кубиков. В «Злик-и-злак» играют только в Чирухте; если бы не Трикки, который родом из Тулана, даже не знаю, как бы я разузнала правила... Ладно, это всё неважно. Просто сэр Умара Камалкони заранее радовался новой игре, а потом взял и не пришёл! Он, конечно, придёт, когда сможет, и мы ещё поиграем. Просто я очень ждала и всё

приготовила, а он не смог, и мне теперь таааааак обидно!

На этом месте Базилио всё-таки шмыгнула носом и благополучно разревелась. А мы с Шурфом понимающе переглянулись. Бедный ребёнок, нелегко дружить с Королём. Особенно если при этом не знаешь, с кем связался.

Под личиной седого и согбенного Старшего Помощника Придворного Профессора овеществлённых иллюзий Базилио навещает Его Величество Гуриг Восьмой. Вообще-то, изначально он затевал этот маскарад как одноразовый: захотел посмотреть на поселившееся в моём доме чудовище, а гулять и заходить в гости к подданным, не прихватив с собой свиту из как минимум полусотни придворных бездельников с паланкинами и оркестром, монархам, к сожалению, не положено. Поэтому наш Король вынужден изменять облик и сочинять соответствующую легенду всякий раз, когда его посещает желание развлечься на стороне. И к нам в гости он тогда появился, прикинувшись забавным дотошным старичком. Кто же знал, что они с Базилио так подружатся, что один будет раз в несколько дней превращаться в придворного профессора, а другая – в ужасное чудовище, которое тот якобы обязан изучать. На самом деле «изучение» обычно состоит из совместного разгадывания головоломок и болтовни чуть ли не до утра. Его Величеству, как я понимаю, здорово не хватает такой счастливой, почти детской дружбы, так что они с Базилио очень удачно друг друга нашли.

Хотя Базилио всё-таки гораздо труднее. В глубине души я уверен, что она в этого несуществующего придворного профессора немножко влюблена. Ну, то есть я всем сердцем надеюсь, что именно «немножко». Но мрачно подозреваю, для неё это очень даже всерьёз.

– Твоё огорчение понятно. Никто не любит, когда нарушаются его планы, – рассудительно сказал Шурф. – Но когда связываешься с придворными, это совершенно неизбежно. Думаю, твоему другу сейчас ещё трудней. Ты, по крайней мере, сидишь дома, с друзьями и кошками, а он вынужден стоять, вытянувшись по струнке, на Королевском приёме в честь прибытия делегации из Графства Хотта. Жизнь во дворце полна таких неприятных моментов, а хуже всего, что придворных никогда не предупреждают о прибытии очередной делегации заранее. Да и сам Король не застрахован от подобных неожиданностей: иногда высокие гости задерживаются в пути, а иногда, как сегодня, являются на день раньше оговоренного срока, и это, к сожалению, не повод не пускать их во дворец...

– А, так вот почему! – Базилио сразу перестала плакать. – Я-то думала,

сэр Умара Камалкони не пришёл, потому что ему интересней познакомиться с хоттийскими гостями, чем играть со мной в «Злик-и-злак». А его, получается, просто не отпустили из дворца? И даже не предупредили заранее, что сегодня вечером он будет занят?

– Не сомневаюсь, именно так оно и было, – заверил её Шурф.

Он ещё что-то хотел добавить, но в этот момент окно распахнулось настежь, и в гостиную влетело существо размером с платяной шкаф и настолько кошмарного вида, что Базилио, взвизгнув, выскочила из кресла, где сидела, свернувшись уютнейшим клубком, и спряталась за мою спину. Хотя, по идее, должна бы понимать, что ничего особо страшного в чудовищах нет. Если уж сама тоже оно.

Но оправдать её поведение всё-таки можно. Посетившее нас создание обладало удивительным телом цвета безмятежной радости – то есть если называть вещи своими именами, ярко-зелёной бесформенной тушей, оборудованной пучками волосатых щупальцев, несметным числом выразительных лиловых глаз, окружённых длинными ядовитыми шипами и примерно таким же количеством хищных зубастых ртов, которые вопили, визжали и изрыгали проклятия, перебивая друг друга. По замыслу, это хоровое выступление должно было устрашающе воздействовать на любую потенциальную жертву. И, в общем, получалось неплохо. У меня самого нервы бы сдали, если бы я увидел эту красоту в первый раз.

Но я к ней уже привык.

Гораздо важнее, впрочем, что к ней привык Друппи. А то даже не знаю, во что превратилась бы сейчас моя гостиная, если бы он бросился нас защищать. Но Друппи только приветственно взмахнул ушами. Я же говорю, в большинстве случаев он очень воспитанный пёс. А что сердце его исполнено любви, которая периодически затмевает разум – так с кем из нас, положив руку на сердце, не случалось ничего подобного?

– О, а вот и Муррийский Демон Гнева к нам пожаловал, – одобрительно сказал Шурф. – И очень неплохой демон, гораздо более цельный, чем в прошлый раз. Посиди с нами, демон. Только не ори так, пожалуйста. Насколько я помню из «Энциклопедии устрашающих созданий», молчаливое состояние тебе тоже присуще.

– По крайней мере, в процессе переваривания только что съеденной жертвы, – подсказал я. – Если это совершенно необходимо, можешь попробовать проглотить меня. Но я, честно говоря, совсем не уверен в собственной съедобности.

– Ой, – пискнула у меня из-за спины Базилио. – Так это...

– Ну да, – улыбнулся я. – А ты не узнала? Думала, настоящий демон к

нам вот так запросто вломился, а мы даже не пытаемся призвать его к порядку? Ну ты даёшь!

Зелёная туша попробовала втиснуться в кресло, у неё предсказуемо не получилось. Кресла у нас в гостиной большие, но всё же не настолько. Поэтому Муррийскому Демону Гнева пришлось плюхнуться на диван. Одно из щупалец подгрело к себе стакан с укумбийским бомборокки, после чего демон растерянно замер, явно пытаясь вспомнить, какая из пастей у него настоящая. Но это ему не удалось. Иногда снова превратиться в человека проще, чем разобраться, откуда у тебя что теперь растёт.

Поэтому пару секунд спустя на диване сидела Меламори, растрёпанная, в пушистом домашнем лоохи для ванной и чрезвычайно недовольная собой. Сделала пару глотков бомборокки и сердито сказала:

– Столько ртов отравила, а на месте настоящего почему-то внезапно оказался глаз. И вот как с этим бороться?

– Практикой, разумеется, – пожал плечами сэр Шурф. – Впрочем, это ты и без меня знаешь.

– Зато все твои пасти орали, как самые настоящие, – утешил её я. – И наверняка могли укусить.

– Насчёт укусить ты мне льстишь. Я пока даже не начала понимать, как это делается, – призналась Меламори. – И орали, кстати, далеко не все, а только шестьдесят две из восьмидесяти.

Она мрачнела на глазах.

– Шестьдесят две из восьмидесяти – это считай уже почти все, – твёрдо сказал я. – А всего дюжину дней назад ты вообще не знала, как заставить это тело издавать хоть какие-то звуки. Фантастический прогресс!

– Спасибо, – буркнула Меламори. И, помолчав, добавила: – По-моему, я занимаюсь полной ерундой.

В глубине души я был совершенно с нею согласен. Но прекрасно понимал, что это далеко не тот случай, когда соглашаться следует вслух.

– Так или иначе, но ты занимаешься магией, – заметил Шурф. – А это всегда на пользу. Даже если конкретные навыки тебе никогда в жизни не понадобятся, тело в процессе их освоения приучается к колдовству. Его готовность к изменениям себя и Мира увеличивается с каждой новой попыткой. И, что гораздо важнее, готовность Мира измениться по твоей воле тоже растёт.

– Ну разве что так, – меланхолично кивнула Меламори. И внезапно призналась: – Я только сейчас поняла, что просто пытаюсь взять реванш.

– В каком смысле? – удивился я.

– Занимаюсь магией, как я её представляла себе в детстве: чудесные

превращения, все вокруг орут от ужаса, я – царица Мира, могу откусить голову, кому захочу. При этом о чём-то подобном я могла только мечтать: родители постоянно твердили, будто никаких особых способностей к колдовству у меня нет. Это мы сейчас понимаем, что в Эпоху Кодекса магия, выходящая за рамки пары-тройки первых ступеней, была под строжайшим запретом, а поди такое ребёнку объясни, особенно упрямому вроде меня. Проще сказать: «У тебя ничего не получится, даже и не пробуй». И я им верила. Даже потом, когда не верила во всех остальных вопросах, думала: «Ну, если бы у меня были способности к магии, хоть что-нибудь иногда получалось бы само собой!» Тосковала, конечно, не знала, куда себя деть, но особо не рыпалась. Глупо пытаться учиться делу, в котором ты всегда будешь среди худших, как ни старайся. Когда сэр Джуффин позвал меня в Тайный Сыск, я сперва думала, он надо мной смеётся. А потом решила, это Корва ему заплатил, чтобы взял меня к себе и хоть чему-нибудь научил. А скандалит и запрещает поступать на службу, чтобы я не догадалась о сделке. Уж я-то знаю, на какие хитрости способен мой отец! Довольно долго так думала, кстати. Смешно, да?

– Смешно, – подтвердил Шурф. Без тени улыбки.

Меламори залпом допила бомборокки и принялась набивать трубку. Наконец сказала:

– На самом деле я только в Арварохе поверила, что магия – моё призвание. Когда тамошние буривухи пригласили меня остаться у них. Такие невероятные существа! Наши из Большого Архива всё-таки слишком очеловеченные. Мало их тут, а людей много, поэтому они похожи на нас и с ними легко договориться. А арварохские совсем другие. Не просто мудрые птицы с идеальной памятью, как мы привыкли думать. Они... Даже не знаю, как объяснить! Как свет, который пронизывает весь Мир. Вроде бы ничего особенного не делают, и в то же время на них всё держится, и это каким-то образом сразу становится ясно, когда оказываешься рядом с ними. И вдруг эти удивительные существа решили, что я подхожу для изучения их магии! У меня тогда всё разом из головы вылетело. Отмелось, отменилось, утратило смысл. Какая-то дурацкая прошлая жизнь, все эти мои убогие победы и достижения, нелепая любовь, из-за которой я примчалась в Арварох, – да было ли всё это вообще? И если было, то с кем? Со мной?! Ну, знаете!..

– Так бывает, когда впервые встречаешься с той частью себя, которая предназначена для магии, – согласился Шурф. – Кажется, вот это почти незнакомое, новое, исполненное силы существо – и есть я. А всё остальное не в счёт, единственный смысл этих декораций был в том, чтобы как-то

дожить до сегодняшнего дня. Очень счастливое чувство, я хорошо его помню. Ну, правда, со временем выясняется, что для обретения подлинного могущества надо снова собрать себя целиком, и значение имеет любая из деталей, когда-то с восторгом отброшенных прочь. Но это уже совсем другая история. К такому пониманию каждый приходит сам – если, конечно, не заблудится по дороге. Что тоже вполне обычное дело.

– Да, наверное, – нетерпеливо сказала Меламори. – Но сейчас речь не об этом. Просто именно тогда до меня наконец дошло, что я и правда что-то могу. И всегда могла. Джуффин меня не обманывал, отец ему не платил. Всё правда... А всё равно, сами видите, вместо того, чтобы продолжать учиться чему-то путному, я снова сижу дома и пытаюсь взять дурацкий реванш. Исполняю собственные детские мечты. Зелёный Муррийский Демон Гнева к вашим услугам! Но ладно, ничего, я его всё-таки добыю. Все пасти будут орать, как миленькие. И пить, что дают. И кусаться. Не смотри на меня так, Макс, я не собираюсь тренироваться на тебе и кошках. Мебель погрызу. А там поглядим.

И на этой торжественной ноте леди Меламори Блимм шмыгнула носом. Я смотрел на неё с благоговейным ужасом: неужели заревёт?

– Что мне по-настоящему нравится, так это твоё намерение довести бесполезный трюк до совершенства, – сказал ей Шурф. – С таким подходом ты точно не пропадёшь, как бы тебе этого ни хотелось.

– Что?! – возмущённо переспросила она. – С чего ты взял, будто мне хочется пропасть?

Но слёзы уже текли по её щеке. Две штуки, одна за другой. Из правого глаза. Левый оказался более стойким.

– Удивительно удачно складывается день, – заметил я. – С утра я был арестован, потом обратил в бегство самого Магистра Хонну, вернулся домой, проведя вечер в чудесном урдерском трактире, а тут все режут в три ручья. Поневоле почувствуешь себя самым настоящим Мятежным Магистром...

– Что за урдерский трактир? – хором спросили Шурф и Меламори. С такой характерной возмущённой интонацией, предполагающей продолжение: «И какого чёрта ты ходил туда без меня?» Можно подумать, они оставляют мне выбор.

А Базилио ничего не спросила. Но встрепелась так, словно я новенькую шиншийскую трёхмерную головоломку из рукава достал.

Есть всё-таки вечные темы, всегда способные отвлечь здравомыслящих людей от обсуждения экзистенциальной катастрофы любой степени тяжести.

– «Свет Саллари» на Сияющей улице, – ответил я. – Очень славное место.

– Вот здесь, прямо у нас под носом? – уточнила Меламори.

Голос её звучал почти сердито, словно никаких славных мест у нас под носом быть не должно. А эти пройдохи как-то просочились!

– Да. Но если бы не Кофа, мы бы вряд ли узнали о таких отличных соседях. Вход к ним во дворе, с улицы и не поймёшь, что там какой-то трактир. Очень хорошо замаскировались, ничего не скажешь. Но Кофа всё равно обнаружил их укрытие. И меня туда привёл. А там, слушайте, полный конец обеда! Большой круглый стол, один на всех, разрисованный потолок, самый красивый в Мире повар, сливочный суп с не-муяги и...

– С чем?

– С не-муяги, – повторил я. – Потому что по традиционному рецепту там должна быть рыба муяги, которую в наших краях не достать. А какой у них ягодный танг! Уууууу! Нет, тут не слушать меня надо, а пробовать. Но сегодня уже ничего не выйдет, ребята закрыли трактир и пошли спать.

Меламори и Шурф переглянулись.

– По-моему, он над нами издевается, – сказала она.

– Издеваюсь, – подтвердил я. – Хочу, чтобы в этом доме снова лились слёзы. Мне понравилось... Ладно, ладно, не смотрите на меня так! Тоже мне, почётные члены братства вечно голодных людоедов.

Я сунул руку под стол, вернее, в Щель между Мирами и вытащил оттуда яблочный пирог. Вернее, Яблочный Пирог – именно так, с большой буквы. Просто я точно знаю, где пекут самые крутые во Вселенной яблочные пироги. И время от времени их оттуда таскаю. Хозяин, надеюсь, не против; в любом случае, пока я там жил, его пироги исчезали в моей пасти с куда большей скоростью. А теперь совсем изредка, не о чем говорить.

– Чего-то такого я и опасался, когда просил меня не кормить, – флегматично сказал сэр Шурф. – Есть вещи, устоять перед которыми довольно затруднительно, даже когда этого требует здравый смысл.

А Меламори ничего не сказала. Просто отрезала примерно четверть пирога и сразу отправила в рот. У неё это называется «маленький ломтик». Удивительно, впрочем, не это, а то, что я последовал её примеру. По идее, после пирушки в «Свете Саллари» мне даже смотреть на еду не полагалось – примерно до послезавтра. Однако чувствовал я себя так, словно все эти супы, пироги и танги случились со мной давным-давно, а то и вовсе примерещились.

Базилио, глядя на нас, заметно приуныла. В её жизни есть одно

существенное неудобство: будучи овеществлённой иллюзией, бедняга не может есть нормальную человеческую пищу, в том числе, добытую из иных Миров. Ей наколдованную подавай. Из той же иллюзорной материи, что она сама.

– Прости, друг, – сказал я. – Делать еду для тебя я так до сих пор и не научился. Но вроде ты и сама уже неплохо справляешься?

– Да, справляюсь, – печально согласилась Базилио. – Но иногда ужасно хочется попробовать именно ту еду, которая у остальных.

– Сья ё уе! – с набитым ртом пообещала Меламори. – Сейчас всё будет, – повторила она, дожевав.

И эффектным жестом ярмарочного фокусника извлекла из воздуха точную копию нашего яблочного пирога.

– Четверть часа, по идее, должен продержаться, – сказала она. – И вкус я максимально старалась приблизить к оригиналу, чтобы всё честно. Надеюсь, получилось. Лопай давай, время пошло.

С едой для Базилио ещё и такая проблема, что она крайне недолговечна. Не успеешь опомниться, как исчезла, начинай колдовать заново. Четверть часа – это уже много. Меламори большая молодец. Ещё в начале зимы их с Трикки Лаем творения жили не дольше пары минут, бедняга Базилио порой только руку протянуть успевала.

Но теперь и это дело пошло наконец на лад.

... – А что вы знаете про Урдер? – спросил я. Как бы всех собравшихся, но на самом деле, конечно, Шурфа, назвать которого «ходячей энциклопедией» у меня язык не повернётся, потому что он – тысяча энциклопедий сразу. Как минимум.

– Что он находится на берегу Великого Крайнего Моря, – ответила Меламори. – И там живут люди, которые едят суп из рыбы муяги; впрочем, это уже не утверждение, а научная гипотеза, основанная на полученных от тебя сведениях. Мне просто стало стыдно, что я так мало знаю!

– Зря вы так на меня смотрите, – сказал Шурф. – Мои сведения об Урдере настолько скудны, что мне самому удивительно это осознавать. Никогда специально не интересовался этой страной. Знаю только, что она находится на севере Чирухты, на берегу Великого Крайнего Моря, граничит с Кирваори, Шимпу и Пустой Землёй Йохлимой, которая формально считается территорией Куанкуроха, а на практике принадлежит только местным ветрам, чей нрав столь тяжёл, что неподготовленный человек и нескольких минут рядом с ними не выдержит; впрочем, не о них сейчас речь. Урдер почти не привлекает путешественников из других стран,

поскольку не может предложить им ни исторических достопримечательностей, ни экзотических развлечений, ни заслуживающих внимания культурных событий, ни даже более-менее интересной архитектуры; впрочем, по моим предположениям, там должны быть совершенно уникальные ландшафты: лишённые растительности синие каменные скалы побережья, контрастирующие с ними пышные городские сады, заросли вечноцветущих северных кустарников по берегам рек и дикие леса предгорий на границе с Шимпу. Даже не представляю, как выглядит сумма перечисленных мною особенностей, но предполагаю, впечатление от их созерцания должно быть небезынтересное. Теоретически, Урдер должен был подарить Миру великое множество интересных художников и поэтов, на практике же такого не произошло; возможно, впрочем, они всё же есть, просто реализуют свои амбиции дома, довольствуясь признанием среди сограждан, и не спешат знакомить остальное человечество со своими шедеврами. Форма правления в Урдере, как и в большинстве государств Чирухты, условно меритократическая^[14], с элементами тимократии^[15] и даже, я бы сказал, демархии^[16]. То есть управителей городов и посёлков выбирают местные жители, обычно безошибочно останавливаясь на самых достойных кандидатурах, что довольно легко в небольших населённых пунктах, где все знакомы друг с другом с детства. Ну а на общегосударственном уровне – как пойдёт. Сейчас, если не ошибаюсь, наибольший вес в Урдере имеют Собрание Каменщиков и Гильдия Лесничих, представители которых составляют Большой Урдерский Совет, наименее значительные должности, вроде Главного Надзирающего за красотой маяков, или Почётного Председателя Департамента защиты интересов прибрежных птиц разыгрываются в ежегодной лотерее, а формальным правителем, назначенным на это место за безупречное происхождение, привлекательную внешность, звучный голос и прекрасные манеры, является Мастер Кон Решори, младший сын покойной адмиральши Ялы Шори, главы Великой Крайней Флотилии, которая на протяжении двухсот лет держала Урдер в железных руках и сделала его благополучной процветающей страной с небывало низким уровнем преступности. Ниже он, разве что, только в Тубуре, да и то лишь потому, что тамошнее население спит практически круглосуточно, а в таком состоянии довольно сложно нарушить какой бы то ни было закон.

– И это называется «скудные сведения», – восхищённо вздохнул я.

– Ну, обширными их при всём желании не назовёшь, – отмахнулся Шурф. – Не думаю, что я смог удовлетворить твоё любопытство.

– Конечно, не смог, – подтвердил я. – Только раздражил. А ты ещё что-нибудь для меня разузнаешь? Я, конечно, и сам могу попробовать, но пока я сниму с полки и открою одну книгу, ты прочтёшь дюжину, от корки до корки. И перескажешь мне простыми человеческими словами, без всей этой вашей академической терминологии, от которой у меня лоб судорогой сводит.

Наградой мне стали сияющие глаза моего друга. Честно говоря, если бы Урдер был мне до лампочки, я бы всё равно попросил Шурфа разузнать об этой стране как можно больше, а потом слушал бы так внимательно, будто от полученной информации зависит чья-нибудь жизнь.

Таково веление моего сердца.

Штука в том, что сэр Шурф Лонли-Локли опасный маньяк – в целом, по складу характера, но особенно ярко это проявляется в его отношениях с книгами. И главная драма его нынешней жизни состоит в том, что, с одной стороны, в полном распоряжении Шурфа внезапно оказалась библиотека Ордена Семилистника, лучшее собрание книг в Соединённом Королевстве. А с другой стороны, времени на чтение для удовольствия у него сейчас нет. Поэтому я со своими регулярными просьбами что-нибудь разузнать – натурально его спасение. Чувство долга, которое не позволяет моему другу пренебрегать делами ради собственных прихотей, вполне допускает пренебрежение одними делами ради других, более важных. А уж правильно расставить приоритеты – дело нехитрое. Всегда можно вовремя вспомнить, что формально я – чиновник высшего ранга, отвечающий за безопасность столицы Соединённого Королевства, а не просто любопытствующий друг, слишком ленивый, чтобы собирать нужную информацию самостоятельно.

Вследствие всего вышесказанного, я постоянно нахожусь в поиске хоть сколько-нибудь интересующих меня вопросов, за ответами на которые сэр Шурф сможет с чистой совестью отправиться в библиотеку и быть там абсолютно счастливым – целых полчаса кряду, а то и больше, если задача окажется по-настоящему сложной. Но настолько ему, конечно, не каждый день везёт.

В общем, очень удачно подвернулся этот урдерский трактир. Сам бы я до столь богатой темы, пожалуй, не додумался.

– И ещё обязательно разузнай, кто такие йорли, – попросил я. – Как-то не сообразил сразу спросить, а теперь...

– Ну, это я могу сказать тебе прямо сейчас. Йорли – мелкие хищные птицы, обитающие в некоторых областях Чирухты. Замечательны тем, что выводят потомство в глубоких подземных пещерах, выкармливают до

определённого возраста, а потом покидают, предоставляя птенцам самостоятельно искать путь наружу. Те, кто находит, присоединяются к родителям, а остальные...

– Гибнут?

– Может, и так. Хотя некоторые зоологи утверждают, что такие птенцы просто остаются жить под землёй. Еды там достаточно, естественных врагов нет, условия для выведения собственного потомства прекрасные. Правда, под низкими сводами подземных пещер особо не летаешь, но у всякого образа жизни свои недостатки. Так или иначе, но птица йорли – традиционно популярный образ в творчестве поэтов Чирухты. Оно и понятно. Вечная необходимость выбора между светом неведомой новой жизни и вырастившей тебя безопасной уютной тьмой, притягательный сюжет. На мой вкус, чересчур прямолинейный, зато узнаваемый и близкий многим.

– Да уж, – вздохнул я. И поспешно добавил: – Но йорли – это так, пустое любопытство. А вот про уклад жизни в Урдере мне действительно надо узнать побольше. По самым разным причинам. Потом расскажу.

– Ладно, – согласился Шурф. – Договорились. Ты мне причины, я тебе информацию. Завтра же.

– Отлично. И учти, я не очень обижусь, если ты уйдёшь прямо сейчас. Скорее, удивлюсь, если ты этого не сделаешь.

Он деловито кивнул и исчез, не вставая с кресла.

Пижон.

Утро моё началось чересчур рано, зато с хорошей новости. Строго говоря, из-за неё и началось: Нумминорих прислал мне зов и сообщил, что палатка Правдивого Пророка снова появилась на краю Нумбанской Ярмарки, на этот раз за винными и цветочными рядами. И стоит там, как ни в чём не бывало, и очередь уже собралась.

«Отлично, дружище, – сказал я. – А теперь убирайся из моей бедной головы. И расскажи то же самое Джуффину, в это время суток он – более благодарная публика».

Однако заснуть мне больше не удалось. Иногда хорошие новости с утра действуют на меня даже хуже, чем плохие. В смысле, беспокойства от них больше. От неприятностей вполне можно сбежать обратно в сон, а тут лежишь, ворочаешься, думаешь: «Интересно, что теперь будет? Что за правду он им всем скажет? И неужели так и не согласится поговорить со мной? Может быть, зов ему послать? Невежливо, кто бы спорил, но любопытство – серьёзная причина наплевать на вежливость. Ладно, пусть

сперва все наши к нему сходят, а там поглядим».

В общем, через два часа я уже был в Доме у Моста. Думал, что застану там суматоху, что-то вроде непрерывного вялотекущего совещания, где все распределяют очерёдность посещения Нумбаны и раздают друг другу неизбежные в таких случаях практические советы – как одеться, что непременно следует попробовать на ярмарке и какие гостинцы везти домой. Но, к моему удивлению, Джуффин сидел в своём кабинете один. Вернее, с Курушем.

Буривух сэра Джуффина Халли – великий дрессировщик людей. По крайней мере, от меня ему удалось добиться того, что никому больше не по силам – стабильности и предсказуемости. То есть всякий раз, отправляясь в Дом у Моста, я стабильно покупаю пирожное для Куруша. И предсказуемо ему отдаю. И до сих пор не свихнулся от такой праведной жизни – сам не знаю, как это возможно. Всё-таки права была Меламори, буривухи – удивительные существа.

Вот и сейчас, что бы там ни творилось в дурацкой моей голове, но в кондитерскую я по дороге зашёл. А войдя в кабинет шефа Тайного Сыска, первым делом распаковал свёрток и положил перед Курушем здоровенный кремовый шар. Убедившись, что буривух благосклонно принял подношение, я наконец обратил взор к Джуффину и нетерпеливо спросил:

– Какие у нас новости?

– Пока ты дрых, все сотрудники Тайного Сыска, их родственники и друзья, а также осведомители сэра Кофы, общим числом сто тридцать два человека, успели отправиться в Нумбану, посетить там палатку Правдивого Пророка, вернуться и сообщить мне его предсказания, на основании анализа которых я пришёл к неопровержимому выводу, что Великий Магистр Хонна вернулся в Соединённое Королевство с целью посвятить свою дальнейшую жизнь торговле антикварными сувенирами, похищенными из времён эпохи правления Халлы Махуна Мохнатого. Сейчас он начал подготовку к вербовке агентов, потенциально способных пересекать Мост Времени и одновременно склонных к мелкому воровству...

– Что?!

В таких случаях говорят: «Я так и сел». Но я даже не сел. Просто не подумал о такой возможности.

– Рад, что ты все ещё не утратил чудесную способность верить в любую чушь, если она исходит из моих уст, – ухмыльнулся Джуффин. – Ну сам подумай, какие у нас могут быть новости? Нумминорих всего пару часов назад обнаружил пророка на ярмарке. Что само по себе отличная

новость, но её ты, не сомневаюсь, знаешь и без меня. А ещё ты, по идее, должен бы знать, что поездка в Нумбану – дело не одного часа и даже не одного дня. Не забывай, Тёмным путём туда только мы с тобой можем отправиться. И ещё Кофа, но хотел бы я посмотреть на человека, который уговорит его променять долгое приятное путешествие в Ландаланд на самый ненавистный способ перемещения в пространстве. Я, конечно, надеялся, что этого человека мне покажут в зеркале, но номер не прошёл. Кофа отобрал у меня мешок денег на проезд своих агентов и отбыл в неизвестном мне направлении, пообещав на прощание, что, возможно любезно согласится выслушать всю правду о себе, но не сегодня, не завтра и даже не послезавтра, потому что у него великое множество гораздо более неотложных дел. Что, к сожалению, чистая правда. Я сам их на него взвалил.

– Ещё Меламори может, – сказал я.

– Что именно она может?

– Отправиться в Нумбану Тёмным путём. По следу – моему или Нумминориха, неважно. Она хороший Мастер Преследования, а Нумбана не так уж далеко.

– Совершенно с тобой согласен, – кивнул Джуффин. – Она, кстати, и отправилась. Вызвалась быть первой. Но ещё не вернулась.

– А говоришь, никаких новостей, – укоризненно сказал я, усаживаясь наконец в кресло. – И, кстати, насчёт путешествия в Нумбану. Ты же можешь провести туда кого угодно – раз, и всё. И я могу. Но ладно, я буду смирно сидеть дома, как договорились, вдруг Магистру Хонне не понравится, что я постоянно где-то поблизости мельтешу...

– Совершенно не факт, что моё мельтешение ему понравится больше, – пожал плечами Джуффин. – Возможно, я его всё-таки навещу, но потом, на сладкое. Когда побольше информации соберём. Так что пускай добиваются кто как может, своим ходом. Это будет выглядеть гораздо более естественно. Мы же, в сущности, никуда не торопимся. Так, любопытствуем.

Согласиться с этим утверждением мне было довольно непросто. Хотя на самом деле торопиться и правда особо некуда, факт.

– Я о другом хотел с тобой поговорить, – сказал Джуффин. – О несостоявшемся убийце пророка. Или не убийце, просто клиенте с ножом. Во-первых, мне интересно – просто как теоретику и знатоку человеческих душ – осознаёшь ли ты тот забавный факт, что повесил на ни в чём не повинную столичную полицию совершенно гиблое дело? Да ещё и путём грубой подделки межведомственных документов; впрочем, это как раз

ладно бы, имеешь право...

– Ой! – отвечивал я.

Больше сообщить по данному вопросу мне было нечего. Кроме обычных в таких случаях малосодержательных реплик: «Я как-то не подумал», «совершенно об этом забыл» и «прабабку мою хворостиной через три лисьих норы!» Но всё это Джуффин слышал уже неоднократно – от меня и сотен других растяп. Зачем повторяться.

– Твоё счастье, что Трикки у нас – как ты говоришь в подобных случаях? – а, вспомнил, «святой». Если я правильно понимаю значение этого слова, святость означает, в частности, готовность безропотно принимать удары судьбы, нанесённые руками наших ближних. Бедняга только и спросил меня, должен ли он теперь отправлять в Нумбану специальную следственную группу, или мы всё-таки намерены заниматься этим покушением сами.

– Можно написать ещё одну бумагу, согласно которой Тайный Сыск забирает это дело у полиции, – предложил я. – И дело с концом.

– Не можно, а нужно. Собственно, всё, чего я хотел, – выяснить, из каких удивительных стратегических соображений ты не сделал это ещё вчера?

– Угадай с трёх раз, – мрачно ухмыльнулся я.

На самом деле все знают, что подобные вещи вылетают у меня из головы со скоростью, наверняка превышающей световую; впрочем, точных замеров пока никто не производил.

Джуффин вытащил из ящика стола чистую самопишущую табличку и протянул мне:

– Сделай это прямо сейчас.

Заставлять меня составлять официальный документ – это, конечно, жестоко. Но справедливо, это я и сам признаю.

– Можешь подделать мою подпись, – невинно заметил Джуффин. – Чем я хуже генерала Бубуты?

Страшный человек.

– Правильно ли я понимаю, что ваш диалог следует пометить как сверхсекретный и никогда, ни при каких обстоятельствах и ни по чьей просьбе его не воспроизводить? – деловито спросил Куруш, отрываясь от пирожного.

– Спасибо, милый, – поблагодарил его Джуффин. – Именно так и следует поступить. Твоя предусмотрительность выше всяких похвал. Как бы мы без тебя обходились?

Куруш – единственное живое существо, к которому шеф Тайного

Сыска столь явно подлизывается.

– Вот, – мрачно сказал я, положив на стол оформленный по всем правилам документ. – И прежде, чем начать придирается, вспомни, как умирают настоящие арварохцы.

– В смысле самостоятельно себя удушают? – оживился Джуффин. – И ты так сможешь? Да ну, не заливай.

– Так – вряд ли, – честно признал я. – Но сесть в углу, уставиться в одну точку и какое-то время спустя тихо скончаться от невыносимой печали я, пожалуй, вполне способен.

– Ладно тебе, – отмахнулся шеф. – Всё в порядке с документом. Ну, пару запятых пропустил, с кем не бывает. В полиции на это никто внимания не обратит. Для них сам факт существования запятых – примерно такая же заумная мистика, как, скажем, изнанка Тёмной Стороны Сердца Мира.

Утешать сэр Джуффин Халли умеет не хуже, чем издеваться, этого у него не отнять.

– С важным покончено, можно переходить к интересному, – сказал он, пряча документ в ящик стола. – Тут такое дело...

И умолк. Но даже мне было ясно, что на этот раз Джуффин молчит не из вредности, а просто прикидывает, с чего следует начать.

– У меня есть подружка, – наконец сказал он.

Такого начала я, честно говоря, не ожидал.

– Всё-таки, пожалуй, «подружка» – не совсем точное определение, – невозмутимо продолжил Джуффин. – Скажем так, коллега, несколько раз помогавшая мне в непростых расследованиях. Я с огромным удовольствием встречаюсь с ней, когда попадаю в Кумон, и у меня остаётся достаточно времени на дружеский ужин. То, есть, крайне редко. Однако это не мешает нам поддерживать добрые отношения и время от времени обращаться друг к другу за помощью или советом.

Я пока не умею превращаться в гигантский знак вопроса. Иногда это довольно досадно.

– Речь о Старшей Хальфагуле^[17] Несравненного Покоя Столицы, иными словами, начальнице полиции Кумона Цияне шуан Файирите, – пояснил Джуффин. – Удивительная в своём роде дама. По традиции, на эту должность может быть назначена только женщина из знатной семьи; важна, строго говоря, не сама по себе знатность, а наличие среди её предков большого числа упиатов.

– Именно упиатов? – переспросил я, пытаюсь припомнить, что я о них знаю. – Это же, вроде бы, самые ленивые из кейифайев?

– Именно. Очень ленивые и очень могущественные, причём у женщин

эти качества, как правило, выражены более ярко. Поэтому начальница столичной полиции всегда выбирается из их числа и назначается волей Халифа, а это означает, что возможности отказаться от такой чести у избранной счастливой нет.

– А если она настолько не хочет работать, что пальцем не пошевелит?

– Ну так именно это от неё и требуется. Считается, что естественное стремление начальницы столичной полиции к спокойной комфортной жизни, помноженное на унаследованную от предков несокрушимую волю, приведёт к тому, что преступления в городе сами собой сойдут на нет.

– Ого. И это работает?

– Будешь смеяться, да. То есть, некоторые неприятные происшествия всё-таки случаются, но гораздо реже, чем, по идее, должны бы. Причём в большинстве случаев преступники действуют столь бестолково и нерасчётливо, что поймать их не составляет никакого труда. А жертвы, в свою очередь, несут жалобы в полицию столь неохотно, словно наказание грозит им самим. Хотя о дурном обращении с жалобщиками в Кумоне, можешь мне поверить, и речи нет. Просто желание начальницы полиции не иметь никаких проблем удивительным образом влияет не только на преступников, но и на поведение пострадавших.

– Ну надо же! – восхитился я.

– Так вот, когда я говорю, что Цияна шуан Файирита – дама в своём роде удивительная, я имею в виду, что она и в любой другой стране соответствовала бы занимаемой должности. Потому что, кроме унаследованных от предков лени и могущества, Цияна обладает ясным умом и храбрым сердцем. Забавно, что эти её качества совершенно не принимались в расчёт при назначении. И, кстати, зря: с тех пор, как она возглавила Кумонскую полицию, число преступлений в столице Куманского Халифата заметно возросло, причём не каких попало, а заковыристых, потому что Цияне интересно их распутывать. Иногда любовь к загадкам может оказаться сильнее лени, такой вот удивительный парадокс... Ладно, не о том речь. Я только и хотел сказать, что хальфагула Цияна – большая умница. И Безмолвной речью владеет, скажем так, не хуже тебя. Вдалеке от Сердца Мира даже азы Очевидной Магии даются с трудом, но для потомков кейифайев это не то чтобы неразрешимая проблема.

– Ага, – сказал я, всем своим видом выражая нетерпение.

– Всё это я к тому, что Цияна присылает мне зов довольно редко, когда причина представляется ей достаточно веской. Как и ты, она совсем не в восторге от Безмолвной болтовни, но если припечёт, будет терпеть, сколько

понадобится. Последний наш разговор состоялся сравнительно недавно, и речь шла вот о чём: примерно в конце осени в Кумоне появился очень странный убийца с красным лицом. По свидетельствам очевидцев, лицо у него не румяное, не налитое кровью, не обожжённое, а ровного насыщенного ярко-красного цвета, при этом на раскрашенное или загримированное оно не похоже даже вблизи – по крайней мере, таково общее впечатление.

– Я правильно понимаю, что расы, для которой это обычный цвет кожи, в Море нет? – на всякий случай уточнил я. Потому что читал «Энциклопедию Мира» так давно, что вполне мог забыть даже настолько удивительную подробность.

– Правильно понимаешь. А кстати, было бы забавно, если бы в Море жили люди разного цвета. Я бы на всех нас тогда посмотрел!.. С другой стороны, рано или поздно кому-нибудь пришло бы в голову, будто один из цветов лучше прочих, у него тут же нашлись бы оппоненты, и всё, пошло веселье. Такая отличная причина лишний раз повоевать с соседями. Синий превыше зелёного, оранжевый – цвет врага, смерть краснорожим! Ну уж нет, спасибо.

– Давай поговорим о чём-нибудь более приятном, – предложил я. – Например о странном куманском убийце. А кстати, его странности ограничиваются цветом лица? Или есть ещё что-то?

– Есть – не то слово. Ходит по людным улицам, одетый, по словам Цияны, как пугало, ни от кого не скрывается, демонстративно размахивает здоровенным ножом, нападает на прохожих и, что особенно замечательно, действует при этом крайне неумело. В большинстве случаев жертвы краснолицего отделяются легким ранением, или вообще только испугом. Однако несколько нападений всё-таки закончились смертью жертвы. Что, в общем, неудивительно. Если достаточно регулярно тыкать в людей ножом наугад, рано или поздно можно случайно попасть в уязвимое место.

– И что, Кумонская полиция до сих пор не поймала этого придурка? – изумился я. – У них там все служащие прямые потомки упиатов? Включая возлежащих на уладасах рядовых?

– Не всё так страшно, – улыбнулся Джуффин. – Рядовым полицейским уладасы не положены. Кстати, Трикки с ребятами на их месте тоже сели бы в лужу. И совсем не факт, что наши с тобой задницы остались бы сухими. Штука в том, что, нанеся удар, краснолицый убийца сразу же исчезает. Мгновенно. Как будто ушёл Тёмным путём. Впрочем, тогда его можно было бы отыскать, благо у халифа Нубуйлибуни Цуан Афии есть свои Мастера Преследования; техника у них несколько иная, но результат

примерно тот же, что у наших. Но никакого следа они не обнаружили. Из чего Цияна, как и мы с тобой насмотревшаяся в последнее время на разгуливающих по городу сновидцев, сделала вполне логичный вывод, что таинственный убийца с красным лицом тоже спит и видит приятные сны о том, как нападает на ни в чём не повинных жителей Кумона, а ударив жертву ножом, тут же просыпается у себя дома. Собственно, затем она и присылала мне зов – посоветоваться. Узнать, может ли такое быть, хотя бы теоретически. А я сказал, что шансов на это немного.

– Но почему? – удивился я. – Если он исчезает, не оставляя следа, то...

– Ну ты даёшь, – изумился Джуффин. – Думаешь, это так просто – убить человека в своём сновидении так, чтобы он от этого умер наяву?

– Вообще-то ровно это однажды со мной и случилось^[18], – напомнил я. – Всех эльфов Шимурэдского леса одним махом извёл, до сих пор как вспомню, так вздрогну.

– Ай, брось, – отмахнулся Джуффин. – Сам знаешь, Шимурэдское приключение тебе устроил меч Короля Мёнина. Строго говоря, он просто вытянул тебя в свои дела на правах невольного соучастника.

Я не стал напоминать, что и без всякого меча устраивал подобное веселье. Правда, никого не убил, только капитана Фуффлоса, бывшего заместителя генерала Бубуты изувечил и трактир «Джубатыкский фонтан» спалил, но лиха беда начало^[19]. Джуффин и сам прекрасно всё помнит. Именно он в ту пору всеми силами препятствовал развитию моего таланта, спасибо ему за это, по крайней мере, теперь мы можем быть совершенно уверены, что в Кумоне развлекался не я. Уже облегчение.

– В любом случае, ты – это ты, – примирительно сказал Джуффин. – Если у тебя что-то когда-то получилось, это не означает, что на подобное способен каждый второй. Хотя, конечно, убийство в сновидении – дело не то чтобы совсем невозможное. Просто мастеров, переживших Смутные Времена, по пальцам можно пересчитать. И все они именно мастера. Не станут панически тыкать ножом в плечо жертвы в надежде, что там каким-то чудом обнаружится жизненно важный орган, вот что я имею в виду. Именно по этой причине я не могу заподозрить в причастности к убийствам в Кумоне ни одного из героев Смутных Времён. И, тем более, никого из Королевских Сонных Стражей. Я бы скорее предположил, что там куролесит обычный человек, никогда в жизни не учившийся убивать, но оказавшийся очень талантливым сновидцем. И по какой-то причине чрезвычайно агрессивным во сне.

– Ты ведешь к тому, что мне пора отправляться в Кумон и разбираться

там с этим красавцем? – спросил я.

Но Джуффин, к моему удивлению, отрицательно покачал головой.

– Даже не мечтай. Халиф Нубуйлибуни Цуан Афия не позволит своим подданным принять нашу помощь. Его можно понять: сегодня иностранные колдуны любезно ловят для тебя убийц, а завтра внезапно выясняется, что все твои советники и генералы заколдованы до полной утраты рассудка и покорно выполняют волю Его Величества Гурига Восьмого. Не то чтобы нам такое счастье действительно позарез необходимо, но Халифа не переубедишь. Поэтому максимум, чем я могу помочь своей подружке Хальфагуле Цияне – добрым советом. Да и этот факт ей придётся тщательно скрывать.

– Ясно, – кивнул я. – Но тогда зачем весь этот разговор? Просто интересно?

– Вот именно. Просто интересно. Особенно после того, как вчера в Нумбане вам рассказали о человеке с ножом и белым лицом. Белый цвет, конечно, несколько отличается от красного, но тем любопытней! То ли наш Мир посетила целая компания людей с ножами и разноцветными физиономиями, то ли у одного цвет лица постоянно меняется...

– Можешь включить в свою коллекцию человека с лиловым лицом, – сказал я. – Правда, без ножа, но нож – дело наживное. Сегодня есть, завтра нет...

– С лиловым?! Где ты его выискал?

– В «Свете Саллари». Очень милый новый трактир на Сияющей улице. Урдерская кухня. Спасибо сэру Кофе за то, что настоящая жизнь не всегда проходит мимо меня.

– Урдерская? – недоверчиво переспросил Джуффин. – А что, и такая есть?

– Ну а почему нет? Страна существует? Существует. Жители там имеются? Имеются. Хоть что-нибудь они жрут? Определённо жрут. Вот тебе и кухня. Кстати, отличная. Сливочный суп из не-муяги потряс меня до глубины души.

– А человек с лиловым лицом? – нетерпеливо перебил меня Джуффин.

– Дигоран Ари Турбон, хозяин заведения. Впрочем, лицо у него лиловое не всегда, а только когда он огорчается. Такое уж у них фамильное проклятие, все сильные чувства мгновенно проявляются вот таким наглядным образом. Красным, кстати, лицо становится от страха. А белым, если я правильно запомнил, когда обладатель лица готов спокойно принять свою судьбу. Видишь, как всё интересно сходится?

– Сходится – не то слово, – подтвердил Джуффин.

Вид у него при этом был изрядно озадаченный, что на моей памяти случалось хорошо если раза четыре. Да и то я не уверен.

Я торжествующе добавил:

– Проклятие, как я уже сказал, фамильное, распространяется на всех мужчин семьи. А с Ди и его сестрой живёт племянница. Впрочем, говорят, иногда она племянник, но к делу это отношения не имеет... Не смотри на меня так, я не завираюсь. Просто вот такие интересные у меня знакомства. Важно не то, что эта девчонка время от времени просыпается мальчишкой, а потом – снова наоборот. А то, что у неё должны быть родители. Возможно, её отец – брат Ди. Впрочем, на нём свет клином не сошёлся, у Дигорана Ари Турбона может быть сколько угодно родственников мужского пола, о которых мы ничего не знаем...

Я бы ещё говорил и говорил, но в этот момент дверь кабинета открылась, и на пороге появилась Меламори. Судя по выражению её лица, видеть нас она была не особенно рада. Ну или только меня, всё-таки присутствие Джуффина в собственном кабинете вряд ли стало для неё такой уж большой и неприятной неожиданностью.

– Ну, с чем вернулась? – нетерпеливо спросил её шеф.

– Я... – она замялась, потом решительно помотала головой. – Ни с чем. Там очередь к пророку огромная. Я больше часа простояла, рассердилась, плюнула и ушла. Потом ещё раз попробую. Извините. Я пойду. У меня срочное дело. Я обещала. Хорошего дня.

И вышла прежде, чем я успел её остановить. А Джуффин и не порывался.

– Интересно, что такое удивительное Хонна ей сообщила? – наконец сказал он. – Девочка на себя не похожа.

– Очень даже похожа, – заверил его я. – Просто выяснила что-нибудь такое, чего мне, по её мнению, не следует знать. А попросить меня выйти почему-то не решилась. Или не догадалась. Второе – вероятнее.

– Да, похоже, что так.

– Давай я пока куда-нибудь пойду, – предложил я. – А ты зови её обратно. В любом случае, я уже рассказал всё, что знал. Попробую выяснить ещё что-нибудь. Например, как выглядит завтрак в урдерском стиле.

– Договорились, – кивнул Джуффин.

И я ушёл.

«Лишь бы не оказалось, – думал я по дороге, – что этот красавец сказал Меламори, будто с магией ей ничего не светит. Всё остальное мы

переживём. Впрочем, мы и это переживём, Джуффин наверняка сможет убедительно доказать, что пророк соврал. Или не разобрался. Или какую-нибудь не ту магию имел в виду. Докажет, докажет, а то я его не знаю. Но, конечно, не сразу. И надо будет как-нибудь дотерпеть до того дня, когда Меламори наконец ему поверит. Вот это – да, задача не из простых...»

– Наверное, ты уже перестал верить, что я действительно совершенно случайно сталкиваюсь с тобой на улице. Я и сам скоро перестану. Очень уж часто это происходит.

– А? – переспросил я, недоумённо разглядывая невысокого человека в шляпе, застывшего мне путь.

Впрочем, секунду спустя я его всё-таки узнал. И даже понял, что означают сказанные им слова, сперва показавшиеся мне какой-то диковинной тарабарщиной. Что я действительно умею делать безупречно, так это мгновенно терять связь с реальностью, задумавшись о чём-нибудь своём – совершенно необязательно, кстати, о важном, как сейчас. Можно, к примеру, просто анекдот какой-нибудь дурацкий вспоминать, ровно с тем же результатом.

– Если бы я не знал, кто ты такой, подумал бы сейчас, что ты поэт и сочиняешь стихи на ходу, – сказал Малдо Йоз.

Это очень деликатный способ сообщить человеку, что он выглядит, как полный придурок. Я оценил.

– Сочиняю, – согласился я. – Но не стихи, а свою дальнейшую жизнь.

– В смысле? – опешил тот. – Вот прямо идешь и сочиняешь, как сказку? И как придумаешь, так всё и будет?

Беда в том, что Малдо художник. Ну, то есть, архитектор. Но всё равно художник, с большой буквы «Г». В смысле гений. И поэтому склонен переоценивать окружающих – судит о нас по себе. А я порой склонен подыгрывать людям, которые переоценивают меня. Вот и сейчас с энтузиазмом кивнул:

– Именно так. К сожалению, у меня не слишком развитое воображение. Сочинитель из меня хреновый. К тому же, мне быстро надоедает придумывать. Поэтому сочинить удаётся буквально ближайшие час-полтора жизни, не больше. И ничего особенно оригинального. Скажем, вот прямо сейчас я сочинил себе завтрак в трактире с урдерской кухней. Предварительно сочинив сам трактир. Отличный трактир, смешной. Хочешь покажу? Здесь недалеко. Тебе понравится.

Малдо восхищённо кивнул. У меня было нехорошее подозрение, что он принял мой вдохновенный гон за чистую монету. Но ладно, пусть. Разочаровать его можно и после завтрака.

– Там такой потолок разрисованный, – сказал я, сворачивая по направлению к Сияющей улице, – закачаешься.

Нам повезло, «Свет Саллари» был открыт. На это я очень надеялся, но наверняка не знал. Забыл вчера спросить, когда они начинают работать.

В обеденном зале было пусто; впрочем, из кухни раздавались возбуждённые голоса. Причём судя по интонациям, там пытались играть в баскетбол и всё время мазали мимо кольца.

– Привет, – раздался голос с потолка.

– Привет, – откликнулся я.

Задрал голову, увидел, что Иш выглядит ровно так же, как вчера, то есть девчонкой, и очень этому обрадовался. Не то чтобы мне не нравились мальчишки, просто к этому облику я за вчерашний вечер уже привык и ощущал юную художницу чуть ли не старинной подружкой. А с мальчишкой пришлось бы знакомиться заново. В принципе ничего страшного, но только не сегодня. По крайней мере, не прямо сейчас. Моё правило «никаких душевных потрясений до завтрака» и так уже было довольно грубо нарушено. Не хотелось бы усугублять.

Малдо Йоз тоже уставился на потолок. И восхищённо выдохнул:

– Ух ты!

Я думал, он, как знаток искусства, оценил проделанную работу. Но тут он добавил:

– Надо же! Вы не просто сидите на потолке, а ещё и что-то при этом рисуете! И краска из банок не проливается!

– Ничего себе – «что-то»! – возмутился я.

Вообще его изумление можно понять. В последние годы Малдо занимался исключительно возрождением древнего способа строительства. И на всю остальную магию, включая пустяковые фокусы вроде сидения на потолке, у него не хватало ни времени, ни сил.

Ну, зато Иш была ужасно довольна.

– Дома, в Урдере, у меня так не получалось, – скромно сказала она. – Но тут у вас очень легко колдовать, было бы желание. А вы так умеете?

Малдо помрачнел.

– Попробуй, – посоветовал я. – Ничего особенного тут нет. Всего-то, если не ошибаюсь, сорок какая-то ступень Чёрной магии. У некоторых вообще с первого раза получается.

Я не стал признаваться, что эти «некоторые», к сожалению, не я. А просто прошептал ему на ухо заклинание. И заодно пару практических советов. Например, не ходить по стенным шкафам. Дверцы у них обычно

хрупкие, на человеческий вес не рассчитаны. Магия магией, а раздавишь всё в кашу, и привет. Неловко может поучиться.

Первая попытка провалилась, но Малдо не из тех, кто сдаётся. Неудачи его только раззадоривают. А эта раззадорила настолько, что со второй попытки он на потолок всё-таки попал. Уселся там рядом с Иш и тут же завёл с ней светскую беседу о принципиальных отличиях тарунских красок, которые считаются лучшими в Море, от дешёвых мурийских, которыми рисовала она. Считается, что последние выцветают очень быстро, буквально за какие-то сто лет. Причём факты свидетельствуют об обратном: известно великое множество прекрасно сохранившихся картин и настенных росписей, сделанных мурийскими красками более тысячи лет назад. Но на общественное мнение по данному вопросу факты почему-то никакого влияния не оказывают.

Некоторое время я сидел, задрал голову, и с интересом прислушивался к их беседе. Но она оказалась не настолько захватывающей, чтобы компенсировать полное отсутствие еды. Поэтому я спросил Иш:

– А где все остальные?

– На кухне, где же ещё? Кадди учит Лари и Ди печь блинчики по-кумийски. Я чудом спаслась, сославшись на необходимость закончить потолок. А если вы хотите научиться, идите к ним! Они обрадуются.

Я содрогнулся. Но всё равно пошёл на кухню. Потому что любопытство во мне сильнее первобытного хтонического ужаса, просыпающегося всякий раз, когда кто-то грозит поставить меня к плите.

Едва я переступил порог кухни, мне в рот прилетел блин. Ну, на самом деле, не только в рот, для этого блин был чересчур велик. Он накрыл практически всё моё лицо, как гигантский носовой платок. К счастью, блин оказался не горячим, а тёплым. И тонким до прозрачности. И чертовски вкусным – это я выяснил, потому что не дал блину упасть на пол. У меня хорошая реакция.

– Видывал я на своём веку чудеса гостеприимства, – сказал я окаменевшей от неожиданности и смущения троице, – но чтобы настолько!..

Они виновато потупились, но я заметил, что лицо Ди на мгновение пожелтело. Это, насколько я помнил, означало, что на самом деле ему очень смешно.

– Светлого вам утра, – наконец выдавил повар Кадди. И поспешно добавил: – Мы не нарочно!

– Всё в порядке, – улыбнулся я. – Вы не представляете, насколько этот

блин был вовремя. Я ещё не завтракал. И зашёл к вам в надежде изменить это прискорбное обстоятельство. Заранее печалился, что еду придётся ждать. Но не пришлось.

– Как досадно! Вы пришли завтракать, а мы к этому совершенно не готовы, – сказала леди Лари. – По утрам у нас, сами видите, никого. Вот ближе к вечеру непременно появляются гости. Некоторые приходят почти каждый день – значит им у нас нравится? Но завтракать – ни в какую. Не знаю почему.

– Просто многие любят завтракать дома, – объяснил я. – Если сами не готовят, отправляют заказ в ближайший трактир. К тому же, по утрам людям обычно хочется чего-нибудь привычного. А ваша кухня всё-таки по нашим меркам экзотическая...

– Но вы же, хвала свету зримому, всё-таки пришли, – заметил Ди.

– Ну так то я. У меня всё не как у людей. Я, кстати, ещё и друга привёл. Правда, он попал под дурное влияние Иш и теперь сидит на потолке. Надеюсь, вы не против?

– Мы не против! – хором сказала вся троица.

А леди Лари добавила:

– Сейчас придумаем, чем вас накормить. Кадди, ты сможешь?..

– Ох, даже не знаю, – печально откликнулся повар. – Я уже взялся учить вас печь блины. И пока не добился успеха. Мне трудно так быстро перестроиться на другую задачу!

– Но зачем что-то придумывать? – спросил я. – У вас уже есть блины – вон, целая стопка.

– Но эти блины не удались! – трагически заламывая руки, поведала леди Лари.

– Да ладно вам, – отмахнулся я. – Один из них я вынужденно съел, и он был прекрасен.

– На вкус – возможно, – скорбно согласилась она. – Но...

– Какие могут быть «но», если они вкусные? От еды больше ничего и не требуется.

– Просто это не настоящие блинчики по-кумирийски, – скорбно признался повар. – В Кумири считается, что блинчик, перекувыркнувшийся в воздухе меньше трёх раз, на стол подавать неприлично.

– Что?! Зачем им вообще кувыркаться в воздухе?

– Когда блинчик хотят перевернуть, его подбрасывают, – объяснил Ди. – У нас, в Саллари, да и в большинстве других городов не придают значения числу переворотов, лишь бы необжаренной стороной на сковородку упал. Но повара из Кумири считают, что от вращения блинчик

насыщается воздухом, изменяет плотность, приобретает летучесть и другие чрезвычайно важные качества. Три переворота – это допустимый минимум, который позволителен, когда готовишь у себя на кухне для собственной семьи. Профессионализм начинается где-то с полудюжины. Наш Кадди учился у мастера из Кумири, так у того блинчик порой раз сорок успевал перевернуться прежде, чем падал обратно на сковородку. Каддины результаты гораздо скромней, семь-восемь полных оборотов, но для нас с Ларичкой и это – недостижимое мастерство. Иногда Кадди пытается нас научить, но результаты, увы, не впечатляют. Тот блин, который достался вам, перевернулся у меня всего два раза, и вы сами видели, как далеко он при этом улетел от сковороды...

– А я вообще толком подбросить не могу, – пожаловалась леди Лари. – Сковородка тяжёлая. Так что спасибо вам, конечно, за похвалу, но блины наши нынче не удались, и с этим ничего не поделаешь.

– Так, стоп, – сказал я. – Погодите. Предположим, блинчики покумирийски вам и правда не удались, согласен. Зато у вас получились отличные блины по не-кумирийски. Чем они хуже супа с не-муяги? Помоему, эти две строчки отлично будут смотреться рядом в меню.

Урдерцы переглянулись. Похоже, эта простая идея и правда не приходила им в голову.

– Их можно подавать с чёрным чангайским вареньем, – наконец сказал повар Кадди. – Во-первых, это даст интересное сочетание вкуса и цвета. Во-вторых, я давно искал достойное применение нашим запасам. А в-третьих, чем дальше мы отойдём от классического рецепта, тем меньше отыщется желающих нас осуждать.

Я хотел было сказать, что в Ехо вряд ли отыщется хоть один человек, способный осудить его за изготовление поддельных кумирийских блинов. Но решил побереечь репутацию столичных гурманов. Завтрак-то я уже в любом случае выцыганил, чего ж мне ещё.

Когда я вернулся в обеденный зал, Малдо Йоз сидел на потолке с таким видом, будто провёл в подобном положении большую часть своей жизни. И даже шляпа с него не падала, хотя с головными уборами обычно у всех новичков проблемы. Но ему я это говорить не стал. Получается – вот и хорошо.

– Ну как там дела? – спросила Иш.

– Для начала мне дали блином по морде, и мы решили на этом не останавливаться, – сказал я.

– То есть, сейчас нас всех будут избивать блинами? – восхитился

Малдо. – В Урдере так принято?

– Неправда! – возмутилась Иш. – Никого у нас блинами не бьют.

– Да, – подтвердил я, – никого, кроме меня. Поэтому я до сих пор никогда не был в Урдере. И вообще в Чирухте. Осторожничаю. Впрочем, с твоими родичами мы уладили миром. Они согласились отдать нам на завтрак неудавшиеся блины. В смысле перекувыркнувшиеся в воздухе меньше трёх раз. Подозреваю, это означает – все.

Иш хихикнула. Она явно была посвящена в эту семейную драму.

– Правда, Кадди грозит подать к блинам чёрное чангайское варенье, – добавил я. – В связи с чем моё сердце сжимается от недобрых предчувствий.

– Оно совсем не такое ужасное, как можно подумать, – утешила меня Иш. – Правда, довольно солёное...

Чёрт. Так и знал, что тут какой-то подвох.

Впрочем я зря переживал. Во-первых, повар Кадди не стоял над нами с палкой, проверяя, едим ли мы его чёрное варенье, а во-вторых, оно оказалось очень вкусным. Солёное вообще обычно вкуснее сладкого, мне не следовало об этом забывать.

На десятом примерно блине я наконец почти придумал, под каким предлогом завести с Ди непринуждённый разговор о его родне, однако именно в этот момент мне прислал зов сэр Шурф. И сказал: «Если хочешь послушать про Урдер сегодня, то лучше прямо сейчас. Ну или ближе к ночи, но это уже, сам понимаешь, без гарантий. Мало ли что успеет стрястись».

Ох. Это да.

– Отнимите у меня, пожалуйста, деньги, – попросил я леди Лари, которая, воспользовавшись присутствием клиентов в нашем с Малдо лице, дезертировала из кухни и теперь взирала на нас с неподдельной благодарностью. – А то уйду сейчас Тёмным путём, не расплатившись, что тогда будете делать?

– Нет-нет, что вы, платить не нужно, – запротестовала она. – Вы и сами знаете, что блины... Ну, что Кадди считает их неудавшимися. Если бы не ваша идея изменить название, он в жизни не позволил бы мне подать их гостям. И нам пришлось бы есть эти блины самим – на завтрак, обед и ужин. Хвала свету зримому, что вы так вовремя пришли на помощь!

– А чангайское варенье? – строго спросил я. – Уверен, что это настоящий деликатес и стоит соответственно. А я практически полбанки извёл.

– Нам его подарили, – рассмеялась леди Лари. – Вернее, не нам, а

Кадди. Подружка из Чангайи сварила ему на дорогу аж восемнадцать дюжин банок! Кадди страшно ругался, поскольку не слишком высоко ценит чангайскую кухню в целом и чёрное варенье в частности, а места в багаже и без того уже не было. Но пришлось взять. У нас не принято отказываться от подарков. А будучи поваром, Кадди не может выбрасывать еду, по крайней мере, пока она не испортится так, что её уже невозможно спасти никакой готовкой. Это важнейшее правило Восьмой Великой Гильдии Урдерских поваров, в которую он вступил незадолго до отъезда.

Я так умилился, что даже не стал подшучивать над «восьмой великой гильдией», хотя язык, конечно, чесался.

Вместо этого я укоризненно сказал:

– Хозяйке трактира не следует быть столь откровенной с богатым клиентом. Запомните на будущее: всё что угодно можно объявить редким дорогим деликатесом – при условии, что гость только что уминал это за обе щеки.

– Да, наверное, – смутилась леди Лари. – Я вам уже говорила, я плохая хозяйка трактира.

– Вы просто отличная! И вообще всё тут у вас, – вмешался Малдо, сидевший за столом с абсолютно счастливой рожей и совершенно не порывавшийся удрать на свою стройку века. А ведь обычно дольше получаса он за пределами Дворца Ста Чудес не выдерживает, начинает нервничать, поминутно вскакивать с места и объяснять, что у него бездна работы, а время летит. Если бы мы с Кофой ещё вчера не обсудили удивительное воздействие урдерского трактира на психику посетителей, я бы, пожалуй, начал беспокоиться – что это с гением стряслось? А так ясно: просто ещё одна жертва неотразимого и, в общем-то, необъяснимого обаяния «Света Саллари». Нашего полку прибыло.

– Я уже сыт, а уходить не хочется. Можно я ещё немножко просто так посижу? – спросил он – не то меня, не то хозяев.

– Нужно! – сказала с потолка Иш. – Вы же ещё Скрюух не видели. Она по утрам спит, но вскоре после полудня обычно выходит поесть.

«Ну надо же, – подумал я. – Птица, а понимает, как следует организовывать свою жизнь. Родная душа».

Достал из кармана корону, положил на стол. Сказал:

– Не хотите говорить, сколько мы должны за еду, сами виноваты. Мучайтесь теперь с этой «большой деньгой». Ищите, где её разменять.

– Но это слишком много! – запротестовала леди Лари.

– Сам знаю. Но, во-первых, вы наказаны за несговорчивость. А во-вторых, в моих интересах платить вам побольше, чтобы не вздумали

разориться и закрыть трактир. Лично я заинтересован в вашем процветании как никто.

– Почему? – просияв, спросила она.

– Да потому что я ваш сосед. И кроме вас возле Мохнатого Дома, как назло, больше ничего интересного.

Месть леди Лари была страшна: она всучила мне целых две банки чёрного чангайского варенья. В подарок. И тут уж её взяла, отвертеться мне не удалось.

– Это что за... удивительное вещество? – спросил сэр Шурф, когда я поставил на его письменный стол банку с чёрным вареньем.

– Яд, конечно. А что ещё я мог тебе принести?

– Весьма любезно с твоей стороны. Мне очень давно не делали подобных подарков. Потому что все остальные, в отличие от тебя, прекрасно знают, что яды на меня обычно не действуют.

Мой оптимизм был несокрушим.

– Это тебе только кажется. Просто ты чёрное чангайское варенье пока не пробовал. Страшная вещь. Представляешь, оно солёное!

– Рад за него, – сухо сказал Шурф. – Если бы я сам был вареньем, то, вполне вероятно, избрал бы для себя именно такую судьбу. Но почему ты решил, будто мне необходимо стать обладателем чёрного чангайского варенья? Какой от него толк?

– Да никакого особенного толка, – честно признал я. – Просто оно вкусное. К тому же, мне только что подарили целых две банки. Одна худобно помещается в мой единственный карман. А вторую девать уже некуда.

– А. То есть это мольба о спасении, наспех замаскированная под великодушный жест. Ладно, тогда можешь оставить банку тут.

– На самом деле оно действительно вкусное, – сказал я. – Очень странное, но вкусное. Я подумал, может быть, тебе будет интересно. Как учёному, я имею в виду.

– Как учёному мне, в первую очередь, интересно, намерен ли ты выслушать мой рассказ об Урдере, – флегматично заметил мой друг. – Или необходимость в сведениях о нём уже отпала, пока я сидел в библиотеке?

– Ох, нет, что ты. Какое там отпала. Наоборот. Вчера мне было просто любопытно. А сегодня с утра выяснилось, что возможно мне и правда следует узнать про этот грешный Урдер побольше. Потому что... Нет, лучше потом расскажу. Чтобы не сбивать тебя с толку.

– Если бы меня было возможно сбить с толку, ты бы уже сделал это

одной левой. В тот момент, когда поставил на мой стол банку со странной чёрной смесью, а потом объявил, что это яд. Я, каюсь, в первый момент почти поверил. Подумал – не можешь же ты так нелепо шутить. Порой я тебя недооцениваю.

– На самом деле обычно не могу, – вздохнул я. – Просто сейчас я на взводе. И развлекаюсь, чтобы отвлечься. Всем, кроме тебя, это обычно нравится.

– Мне бы тоже нравилось, если бы я не понимал, что за этим стоит твоё «на взводе». И вот оно мне не нравится совсем.

– Да мне тоже не очень. Но тут уж ничего не поделаешь. Правдивый Пророк снова объявился в Нумбане. Впрочем, это ты уже и без меня наверняка знаешь.

– Разумеется, знаю. И не понимаю, почему эта новость так тебя взволновала. Ты сам оценивал это событие как желательное и одновременно довольно вероятное.

– Просто Меламори уже успела смотаться в Нумбану. И что-то настолько интересное там о себе узнала, что наотрез отказалась рассказывать в моём присутствии. Вернее, соврала, что там очередь была большая, и она не стала ждать. Но ясно же, что...

– Ну да, – кивнул мой друг. – Ясно. Довольно неприятно, когда близкие люди не хотят открывать нам свои секреты, но, строго говоря, ничего необычного в этом нет. Всем нам есть что скрывать друг от друга. И далеко не всегда по причине недоверия. Ты и сам это знаешь.

– Знаю. Пусть скрывает на здоровье. Просто я беспокоюсь: а вдруг пророк сказал, что Меламори не следует тратить время и силы на магию, всё равно ничего путного не выйдет, и...

– Но с чего бы Магистру Хонне говорить настолько нелепые вещи? – перебил меня Шурф. – Надеюсь, ты не думаешь, будто это может оказаться правдой?

– Конечно, нет. Мне даже справку от арварохских буривухов можно не показывать. И так ясно. Но мало ли какие соображения могут прийти в голову человеку, о котором лично я знаю только, что он был одним из серьёзнейших игроков в Смутные Времена, а потом внезапно распустил свой Орден и умотал на край Мира в поисках какой-нибудь новой разновидности могущества. И судя по тому, что творил, когда решил прихлопнуть оставшегося на моём попечении Магистра Нуфлина, у него всё получилось. Тогда же он по случаю выдурил у меня меч Короля Мёнина^[20] – собственно, на здоровье, рад за них обоих, а за себя – ещё больше. Но всё, что я понял после этой встречи – от Магистра Хонны

можно ожидать чего угодно. Как, впрочем, и от любого из нас. Почему бы ему не обмануть Меламори?

– Зачем, скажи на милость?

– Да откуда же я знаю. Из каких-нибудь недоступных мне хитроумных стратегических соображений – например.

– Что-то в таком роде вполне могло бы случиться в Смутные Времена, – задумчиво сказал Шурф. – При условии, что леди Меламори обладала бы достаточными талантами, чтобы, выучившись, стать по-настоящему опасным врагом. Заранее обрезать крылья потенциальному сопернику – вполне разумный ход, хотя благородным его не назовешь, да и сработает такая стратегия далеко не с каждым. Где один сразу наложит на себя руки, там другой с удвоенным рвением набросится на учёбу – просто назло предсказателю и самой судьбе. Впрочем, я совершенно уверен, что Магистр Хонна даже в ту пору не пошёл бы на подобный обман. Он, насколько я знаю по рассказам очевидцев, не то чтобы не умел, скорее брезговал хитрить с врагами. Предпочитал просто держать их на подобающем расстоянии. А для этого хитрость не нужна, если силы достаточно. У него, как ты понимаешь, достаточно – было уже тогда. И даже вообразить не могу, сколько её теперь. Таким образом, хитроумные стратегические соображения можно смело отмести. Не мог он ей ничего подобного сказать. Если ты действительно боишься только этого, можешь успокоиться.

– Не то чтобы только этого, – честно сказал я. – Но всё остальное вполне можно пережить. Всё, кроме утраты смысла. Врагу такого не пожелаю.

– Это так, – согласился мой друг.

А я вдруг подумал: здорово, наверное, быть людьми, которые рассуждают на подобные темы исключительно теоретически. Изрекают какие-нибудь высокопарные премудрости, козыряют цитатами. Такие счастливые безмятежные дураки, понятия не имеющие, о чём на самом деле речь.

С другой стороны, это были бы уже не мы. Поэтому ладно, пусть всё остаётся как есть.

А вслух я сказал:

– Давай, рассказывай про Урдера. И если можно, начни с самого интересного. Чтобы я так и сел. И больше ни о чём уже думать не мог.

– Ладно, – невозмутимо кивнул Шурф. – Тогда начну сразу с Закона Рроха.

– С чего?

– Закон Сухураха Рроха о праве мага. Не стану утомлять тебя дословным воспроизведением этого шедевра урдерского законотворчества, но суть его в том, что никакое действие не может быть объявлено преступным, если доказано, что для его совершения использовалась магия.

– Ого! – присвистнул я. – Какой-то Кодекс Хрембера наоборот.

– Справедливости ради, вынужден заметить, что это не совсем так. Какие бы строгости вокруг магии у нас в своё время ни разводили, а всё-таки авторам Кодекса хватило ума не снимать с граждан ответственности за преступления, совершённые без применения колдовства.

– Ну да, – нетерпеливо отмахнулся я. – Но ты же всё равно понял, что я имею в виду.

– Разумеется. Просто мне по-прежнему физически неприятна любая неточность. Думаю, я мог бы избавиться от этой особенности психики, но при моей нынешней бюрократической работе пользы от неё много больше, чем вреда.

– Но слушай, это что же получается? – спросил я. – В Урдере можно безнаказанно убивать, грабить и вообще творить всё, что в голову взбредёт? Главное при этом немножко поколдовать, и порядок?

– Теоретически это так.

– Ха! Отличное место. Почему мы с тобой до сих пор не там?

– Вероятно, потому, что мы не настолько заинтересованы в возможности безнаказанно грабить и убивать, чтобы, сломя голову, нестись ради неё на край света? – предположил Шурф.

– Чёрт. Боюсь, ты прав. И одновременно начинаю понимать, почему по статистике в Урдере чуть ли не самая низкая в Море преступность. Большая часть злодейств просто не считается!

– Это тебе только кажется. Прежде, чем воображать ужасающие картины кровавых магических преступлений, прикинь, каково расстояние от побережья Великого Крайнего Моря до нашего Сердца Мира. И подумай, много ли там можно наколдовать.

– Но на Очевидной магии свет клином не сошёлся.

– Это, конечно, так. Однако именно Очевидной магии сравнительно легко и быстро может обучиться чуть ли не каждый второй – при условии, что поселится поближе к Сердцу Мира. Все остальные способы колдовства требуют врождённого таланта и долгого труда, а результат столетних усилий, как правило, куда менее эффектен, чем у наших новичков, наскоро освоивших сорок – пятьдесят самых первых ступеней. Поэтому на практике сообщество урдерских магов состоит из пары сотен знахарей и заклинателей погоды, примерно такого же числа укротителей штормов и

нескольких дюжин мастеров сна, прошедших обучение в соседнем Тубуре. И ещё Гильдия Лесничих, но о ней отдельный разговор. В любом случае, сомневаюсь, что кто-то из них способен при помощи чар хотя бы сундук с соседским добром присвоить, тем более, что обижать соседей, а также странников, торговцев, моряков, государственных чиновников, ремесленников, родственников, возлюбленных, включая бывших, старших, младших, животных, деревья и птиц урдерам не велят традиции, а они в Урдере гораздо сильнее официальных законов. Как, наверное, в любом государстве, состоящем в основном из небольших поселений, жители которых знакомы с детства и заинтересованы в том, чтобы ладить друг с другом.

– Ясно, – растерянно кивнул я. – Но тогда зачем вообще понадобился этот закон Рроха? Просто чтобы местным колдунам было приятно?

– Совершенно верно. Чтобы выразить им уважение и доверие. Закон был принят после того, как Глашатай Воли Старших Деревьев по имени Сухурах Ррох сумел договориться с Великим Крайним Морем и убедить его отказаться от ежегодных больших приливов, в результате которых под водой всякий раз оказывалась значительная часть урдерского побережья. Это делало невозможным строительство портовых городов, в которых остро нуждается всякая страна, имеющая выход к морю. Урдерам приходилось ограничиваться временными поселениями, а это, как ты понимаешь, крайне неудобно. Договор с морем способствовал процветанию всей страны, а когда Большой Урдерский Совет предложил Сухураку Рроху любую награду, тот попросил о привилегиях для всех своих братьев по магии. И сформулировал это так: «Сила возрастает от доверия ей. Если доверие к людям, обладающим силой, будет узаконено, она возрастёт тысячекратно, и мы сможем защитить вас от многих бед».

– Думаешь, это правда? – оживился я.

– В некоторых случаях да, в некоторых нет. Всё зависит от природы силы и характера людей, через которых она проявляется. Единого правила для всех не существует. Впрочем, что касается магов Урдера, им закон Рроха явно пошёл на пользу. После его принятия заклинатели погоды научились защищаться от ветров Пустой Земли Йохлимы, которые прежде не раз разрушали приграничные поселения, знахари преуспели в лечении каменной лихорадки, долгое время бывшей настоящим бичом тех мест, укротители штормов вошли в силу настолько, что плавание по морю стало считаться более безопасным способом передвижения, чем поездки по суше. С другой стороны, за два с лишним тысячелетия полной вседозволенности было совершено всего четырнадцать убийств при помощи магии;

в одиннадцати случаях это была явная самооборона, ещё в трёх – битвы между повздорившими колдунами. Плюс несколько сотен мелких нарушений вроде подделки документов, результатов голосований и розыгрышей лотереи. Полагаю, официально зафиксированы далеко не все случаи, но всё равно ясно, что Урдер вовсе не захлестнула волна магических преступлений. Как и следовало ожидать.

– И ещё не стоит забывать о проклятиях, – заметил я. – Добрыми поступками их, пожалуй, не назовёшь.

– Согласен, что не назовёшь, но ни одного упоминания о каких бы то ни было проклятиях я не нашёл, хотя, можешь быть уверен, ознакомился со всеми книгами и документами, содержащими сведения об Урдере, какие есть в Орденской библиотеке. Возможно, проклятие в тех краях – вещь совершенно невозможная? Или, наоборот, настолько обычная, что не заслуживает специального упоминания?

– Тогда уж второе. Потому что как минимум одно урдерское семейство до сих пор ходит проклятым из-за лживости своего пра-пра-пращура. Правда, не могу сказать, что они так уж страдают. Просто у всех мужчин в роду цвет лица изменяется под влиянием сильных чувств.

– Это они открыли трактир на Сияющей улице, которым ты вчера нас дразнил?

– Ну да. Когда хозяин стал лиловым от огорчения, я здорово удивился. И не то чтобы перестал удивляться, выслушав его историю о фамильном проклятии, распространяющемся на всех мужчин семьи.

– И теперь тебя интересует, есть ли какая-то связь между лиловым лицом трактирщика и белым лицом незнакомца, предположительно покушавшегося на Правдивого Пророка?

– Именно. И красным лицом кумонского убийцы заодно. Тебе Джуффин о нём рассказывал?

– Да. Но до вчерашнего дня эта история не казалась мне заслуживающей внимания. Где мы, и где Кумон.

– Нумбана поближе будет, да?

– Совершенно верно. А Сияющая улица всего в получасе быстрой ходьбы от моего Явного Входа. Это кое-что меняет.

– У Дигорана Ари Турбона – так зовут трактирщика с разноцветным лицом – наверняка есть такие же проклятые родственники, о которых нам пока ничего не известно... – начал было я, но Шурф меня перебил:

– Как, ты сказал, его зовут?

– Дигоран Ари Турбон, а что?

– Скорее всего, ничего. Просто довольно необычное имя для урдерца.

Сколько их хроник за ночь перечитал, а ни одного человека с именем, состоящим из трёх частей, не встретил. Всегда из двух. Более того, существует определённое правило их образования: одна часть имени берётся у отца, вторая у матери; их можно оставлять неизменными, а можно переделывать, используя только один или несколько слогов и добавляя другие на своё усмотрение. Если имя отца или матери по какой-то причине неизвестно, можно позаимствовать его у любого другого человека, но непременно с его согласия; собственно, добрая половина подделанных документов, которые я упоминал в качестве примеров магических преступлений, связана как раз с тяжбами об именах. Впрочем, пожалуй, это действительно неважно. Наверное, в семействе, с которым ты познакомился, какая-то своя особая традиция. Так часто бывает.

– Наверняка. Тем более, что у них у всех тройные имена. Сестру хозяина зовут Лари Яки Ла, племянницу – Арра Иш Ваду, повара – Кадди Кайна Кур... хотя повар, вроде, им не родственник, просто близкий друг семьи. И, кстати, колдуна, наложившего на них проклятие, тоже как-то так сложносочинённо звали... погоди... вот же три дырки в небе над моей башкой!

– Щелчок Аттах, – сочувственно напомнил Шурф.

– А, точно. Спасибо.

Щелчок Аттах – это такой полезный магический приём, позволяющий быстро вспомнить ускользающий фрагмент информации, но только очень короткий – имя, дату, номер дома, название улицы. Прочитанную в юности поэму, или даже полученное год назад деловое письмо с его помощью не воспроизведёшь. Но, положив руку на сердце, имена, адреса и даты гораздо важнее писем и поэм.

Для рассеянного балбеса вроде меня этот простенький, всего-то четырнадцатая ступень Белой магии, фокус – истинное спасение. Вот и сейчас я щелкнул себя по лбу и выпалил:

– Туффалей Фаям Хаг! А предка-вруна, которого он проклял, звали Шери Авада Лос. Все как на подбор из какого-то другого Урдера. Не того, о котором ты читал.

– Или просто из какой-нибудь его области, удалённой от центра, а потому практически никогда не фигурирующей в хрониках, – предположил Шурф.

– Из Саллари, – сказал я. – Их трактир называется «Свет Саллари» в честь родного городка.

– Значит, скорее всего, я угадал. Саллари упоминается в прочитанных мною текстах всего единожды – как место тех самых судьбоносных

переговоров с морем. Больше ничего интересного за последние несколько тысяч лет в Саллари не происходило. Насколько я понял, городок был выбран для переговоров из-за рекордно большого числа прибрежных деревьев, произрастающих в окрестностях...

– А при чём тут деревья?

– О, это и есть самое любопытное. Вероятно, слушая меня, ты не обратил внимания, что договорившийся с морем Сухурах Ррох был вовсе не одним из укротителей штормов, а Глашатаем Воли Старших Деревьев. Неудивительно, я и сам не сразу понял, насколько важен этот факт, и какими удивительными обстоятельствами он обусловлен.

– Какими?

– Похоже, переговоры с морем вели именно деревья. Они просили землю для себя и своего потомства. А человек просто транслировал их волю. Поэтому, собственно, всё получилось. Море не стало бы идти на поводу у человеческих капризов. Но нет такой стихии, которая откажется вступать в переговоры с деревьями – при условии, что те достаточно велики и стары.

– Ну прям – нет! А огонь?

– Повторяю: при условии, что деревья достаточно велики и стары. Могущество всякого дерева напрямую зависит от его возраста. Прожить первую тысячу лет дереву довольно непросто, тут ему может помочь только удача. Зато потом наступает время его силы. Поэтому в лесах, где растут старые деревья, не бывает пожаров. А если и случится такое несчастье, огонь быстро угаснет, а ущерб от него окажется невелик.

– Ничего себе! Слушай, а как так получилось, что я до сих пор даже краем уха об этом не слышал?

– Список фактов, о которых ты никогда не слышал, практически бесконечен. Причём то же самое можно сказать о любом из нас, включая самых прославленных эрудитов. Поэтому выбранная тобой стратегия представляется мне чрезвычайно разумной: ты получаешь знания по мере того, как они становятся тебе необходимы. Неплохой способ совладать с бесконечностью.

– Если бы не ты, я бы ни за что с нею не совладал, – мрачно сказал я.

– Ну так я всё равно есть, никуда не денусь, а значит, и сокрушаться тебе не о чем.

Ну, кстати, да. Этот факт действительно внушает оптимизм.

– Значит, с морем договорились деревья, – наконец резюмировал я. Просто чтобы не затягивать паузу.

– Да, именно. И тут перед нами внезапно открывается очередная

удивительная тема: прибрежные деревья Урдера. Ещё вчера я не знал о них ничего и, признаться, до сих пор нахожусь под впечатлением от своего запоздалого открытия.

– То есть о больших старых деревьях ты тоже вот только что узнал?

– Нет, о них я уже читал прежде. И даже был знаком с двумя очень старыми деревьями; впрочем, недостаточно близко, поскольку они оказались не слишком заинтересованы в общении с людьми. Ну или только лично со мной; впрочем, сейчас это совершенно неважно. По-настоящему удивительным для меня стал тот факт, что в той части побережья Великого Крайнего Моря, где расположен Урдер, деревьев теоретически вообще быть не может. Тем не менее, они там растут.

– Погоди, как это – быть не может? Почему? Там настолько холодно?

– Холодно? – удивился Шурф. – Да нет, я бы не сказал. Зимы примерно такие же, как у нас, с поправкой на морской ветер, а летом несколько прохладней, особенно в прегорьях, но в целом, особой разницы нет. Дело не в климате, а в почве. Вернее, в её отсутствии. Большая часть Урдерского побережья представляет собой синие каменные скалы и такие же каменные равнины; нормальная плодородная почва начинается на некотором расстоянии от моря – примерно от трёх до шести миль. Собственно, этот камень – основная и, пожалуй, единственная причина процветания Урдера, их главное сокровище. Ближайшие соседи, куанкурохцы, издавна закупали его для строительства своих городов, а адмиральша Яла Шори, которую в Урдере по сей день считают величайшей правительницей всех времён, тем, в первую очередь, и славна, что существенно расширила рынок, когда на свой страх и риск привела в Капутту целую торговую флотилию, гружённую синем камнем и сумела убедить куманских подрядчиков, что это – наилучший материал для строительства роскошных дворцов. И не сказать, что обманула. Синий урдерский камень весьма красив и легко поддаётся обработке, к тому же, обладает рядом необычных свойств: если его намочить, светится, пока не высохнет, заметно нагревается в холодные дни и, что лично мне кажется особенно привлекательным, издаёт негромкие звуки, похожие на шум морского прибоя. Теперь урдерским камнем выложены не только полы дворца Куманских Халифов, но и некоторые залы нашей Летней Королевской резиденции Анмокари. Скажу тебе честно, не окажись казна моего Ордена практически пуста после оплаты пребывания Магистра Нуфлина в Харумбе, я бы и сам не отказался отделать им свою спальню. Засыпать под шум прибоя должно быть очень приятно; впрочем, ладно, к моим услугам все моря этого Мира – если не прямо сейчас, то очень скоро, а значит, в каком-то смысле, всегда.

– Это самые лучшие планы на будущее, какие мне доводилось слышать, – улыбнулся я. – Но деревья? Что там с урдерскими деревьями?

– Ты прав, я существенно отклонился от темы. Прости. На самом деле только и хотел сказать, что на каменном побережье деревья расти теоретически не могут. Но некоторые всё же прорастают – вопреки собственной природе, обстоятельствам и вообще всему. Если не погибают в первые столетия жизни, вырастают огромными и мощными. И, как я понимаю, наделёнными колоссальной созидательной волей. Поэтому урдерцы считают, что с прибрежными деревьями следует поддерживать добрые отношения. Отсюда и профессия Глашатая Воли Старших Деревьев – чрезвычайно почётная, но очень редкая. Вообще-то людей, наделённых способностью налаживать контакт с деревьями, рождается довольно много, ничего особенного тут нет. Загвоздка в том, что прибрежные деревья соглашаются иметь дело далеко не с каждым. Их надо заинтересовать. Ну, строго говоря, в этом смысле они ничем не отличаются от нас – мы тоже не готовы дружить с кем попало.

– Охренеть! – резюмировал я. И, конечно, тут же поймал себя на желании немедленно отправиться в Урдер, перезнакомиться со всеми тамошними прибрежными деревьями и обсудить с ними все волнующие вопросы бытия.

А то мне, бедняжке, дома поговорить не с кем.

Шурф, конечно, сразу понял, о чём я думаю.

– В Урдер тебе, пожалуй, всё-таки лучше пока не ездить, – заметил он.

– Да я и не собираюсь... Но почему?

– Велик риск, что, познакомившись с тобой, тамошние прибрежные деревья самостоятельно выкорчуются из скал и побредут в Ехо. Могу вообразить ноту протеста, которую по этому поводу предъявит Его Величеству Большой Урдерский Совет. Что, впрочем, полбеда по сравнению с необходимостью как-то утешить и вернуть на родину деревья, слоняющиеся по улицам Ехо в поисках тебя. Заранее предвижу, эта задача ляжет на мои плечи – и что я им буду говорить?

– Да ладно тебе. Можно подумать, настолько всё страшно, – польщённо ухмыльнулся я.

– Именно настолько. Людям вроде тебя не следует недооценивать силу своего обаяния. И по мере возможности беречь от него окружающих. Особенно, если они – деревья.

– А что ещё ты о них узнал?

– Считаю, почти ничего. Свои отношения с прибрежными деревьями урдерцы окружают тайной и никому о них не рассказывают. Тем более, не

записывают. Если и есть какие-нибудь секретные архивы урдерской Гильдии Лесничих, в нашу библиотеку они не попали. Собственно, даже те скудные сведения, которыми я теперь обладаю, вычитаны между строк. Не будь у меня столь большого опыта работы с информацией, я бы вообще ничего не узнал, кроме того, что на каменных скалах урдерского побережья иногда каким-то чудом вырастают деревья. Вот и всё.

Мы помолчали. Я обдумывал услышанное, пытаюсь сообразить, содержат ли добытые моим другом сведения ответ на хотя бы один из множества вопросов, возникших у меня после знакомства с хозяевами «Света Саллари». По всему выходило, что нет. Разве что природа обаяния этого семейства стала мне немного понятней, словно бы в их родном доме, построенном где-нибудь на границе между прибрежной каменной пустыней и цветущими садами городских окраин, побывал.

С другой стороны, не это ли самое главное?

– По правде сказать, я и сам теперь хочу познакомиться с деревьями Урдерского побережья, – неожиданно сказал Шурф. – Но это, конечно, тоже планы на отдалённое будущее. Чему я действительно научился за последние полтора столетия, это постоянно говорить себе: «Не сейчас». И быть при этом достаточно убедительным.

– Просто сейчас такое трудное время, когда сбываются твои дурацкие юношеские мечты о власти и могуществе, – вздохнул я. – Его надо как-то перетерпеть. Кто ж тебе виноват, что ты всегда поворачиваешь всё по-своему? С другой стороны, это значит, что сбудется и всё остальное. Никуда оно от тебя не денется. К счастью, в отличие от власти и могущества, шум моря вряд ли может стать в тягость. Как и всё остальное, чего тебе теперь хочется.

– Ты почти столь же убедителен, как я сам, – усмехнулся мой друг. – Практически один в один. И это отлично. Потому что иногда бывает нужна внешняя опора. Тот, кто говорит вслух то же самое, что ты думаешь, оставшись наедине с собой. Зеркало. Подтверждение. Знак, что ты не сбился с пути. Да как ни назови. Впрочем, ты сам знаешь.

«Знаю, – подумал я. – Ещё бы мне не знать».

А вслух сказал:

– Удивительное всё-таки место этот Урдер. Стоит зайти в открытый его уроженцами трактир, как тут же превращаешься в одно большое глупое сердце. И от разговоров о нём примерно тот же эффект. Ещё немного, и я начну употреблять уменьшительно-ласкательные суффиксы. Трепещи.

– Тогда, пожалуй, нам лучше на какое-то время расстаться. Не хотелось бы внезапно убедиться, что моя выдержка вовсе не столь

безгранична, как мне до сих пор казалось.

– Да ладно, не бойся, – фыркнул я. – Солдат ребёнка не обидит.

– Это была попытка пошутить, – хладнокровно заметил мой друг. – Боюсь, не самая удачная в моей жизни, но плохо не это. А то, что мне и правда пора тебя выпроваживать. Через несколько минут сюда заявятся мои Старшие Магистры и помощницы леди Сотофы. Мне предстоит в очередной раз объяснить им, что адепты одного Ордена должны эффективно сотрудничать, а не бездарно сутяжничать, сражаясь за право единоличного пользования одной из множества дверей, ведущих в сад.

– А леди Сотофа им этого объяснить не может? – изумился я.

– Может, разумеется. Но ей гораздо больше нравится наблюдать, как это делаю я. К тому же, мои Старшие Магистры слишком её боятся и пойдут на любые уступки из страха, а не из соображений целесообразности. А это совсем не дело. Страх – наихудшее наследство, оставленное мужчинам этого Ордена покойным Великим Магистром. Ребятам просто не повезло – состоять в Ордене и не попасть под влияние старшего невозможно, а у Нуфлина в последние столетия были, прямо скажем, не лучшие времена.

– Да уж, – подтвердил я. – Но теперь же, получается, они попали под твоё влияние? Ну так все проблемы, считай, решены.

– Не следует меня идеализировать. Моё влияние само по себе тоже не сахар. К тому же, если просто ждать, сложа руки, существенные перемены наступят хорошо если лет через сто, а так долго я в этой должности оставаться не собираюсь. Поэтому приходится форсировать события. Избавить людей от страха насильно я, разумеется, не могу; впрочем, даже если бы мог, не стал бы. Такую работу каждый делает самостоятельно. Моя задача – организовать для этого подходящие условия. В частности, успешные переговоры с представительницами леди Сотофы насчёт пользования этим грешным выходом в сад. Девочки пойдут на уступку, если мои Магистры будут вести себя правильно, об этом мы договорились заранее.

– Интрига века, – невольно улыбнулся я.

– Просто один из множества крошечных шагов, которые необходимо сделать. Каждый день – какой-нибудь новый шаг. Похоже на работу учителя начальной школы, согласен. Но иначе нельзя.

– Ты очень крутой учитель начальной школы, – сказал я. – Это я как многократная жертва твоей педагогической системы готов подтвердить. Повезло твоим Магистрам! Ну и мне тоже грех жаловаться. И не испепеляй меня пламенным взором, я уже ухожу.

И ушёл. Тёмный путь имеет ещё и те преимущества, что в коридоре ни с кем не столкнёшься. Как будто и не приходил никогда.

В гостиной Мохнатого дома, куда я отправился просто, чтобы не раздумывать полчаса, где именно хочу сейчас оказаться, было совершенно безлюдно. И бессобачно. И бескошечно. То есть вообще никого. Зато на столе стоял кувшин с камрой, а на столе – три кружки, все до единой чистые. Всё это настолько нехарактерно для моей гостиной в любое время суток, что впору задуматься, не начались ли у меня галлюцинации – от чангайского чёрного варенья, например.

Но я человек практичный. Когда мне мерещатся столь приятные вещи, как пустая гостиная и отличная свежая камра, буду галлюцинировать, пока всё не выпью. И только потом позову на помощь, если к тому времени само не пройдёт.

Вот и сейчас я удобно устроился в кресле, налил себе полную кружку камры, закурил и решил, что самое время собраться с мыслями. И понять, чего я хочу – ладно, не от жизни в целом, а от своих новых знакомых, урдерских трактирщиков. Например, выяснить, сколько родственников мужского пола у них на сегодняшний день имеется в наличии, расспросить о каждом; Ди и его сестра производят впечатление откровенных людей, вряд ли откажутся удовлетворить моё любопытство. И может быть, тогда круговерть разноцветных лиц...

– Привет, – сказала Меламори.

Она стояла на пороге гостиной и выглядела довольно мрачной. И это, конечно, оказалось для меня гораздо важнее, чем все разноцветные лица вместе взятые. Примерно как падающий на голову потолок – в первый же миг забываешь, что у тебя были ещё какие-то проблемы.

Но виду я, конечно, не подал. Долгие годы знакомства с леди Меламори сделали меня титаном духа и почти сносным актёром. По крайней мере, мне хотелось бы верить, что это так.

Вот и сейчас я приветливо улыбнулся и сказал:

– Здорово ты угадала, что я дома. Всего пару минут тут сижу.

– Да я не то чтобы угадала, – вздохнула она. – Шла мимо и случайно сюда свернула. Просто по инерции. Сама не знаю зачем. Дурацкий сегодня день. Как начался с огромной очереди к пророку, так и... Ну чего ты так на меня смотришь? К нему действительно была невообразимая очередь.

– Не сомневаюсь, – кивнул я. – Сам там вчера был, своими глазами видел гигантскую толпу возле этой грешной палатки. Нам с Нумминорихом минут пять ждать пришлось, если не все семь. Совершенно невыносимо!

Очень хорошо понимаю любого, кто не способен так долго томиться ради какого-то дурацкого, никому не интересного пророчества. А вот чего я не понимаю, так это с чего ты вдруг решила, будто я стану силой выколачивать из тебя подробности разговора с Магистром Хонной? Не хочешь рассказывать, что за правду от него услышала – имеешь полное право. Я перебуюсь.

– Тебе что, неинтересно? – взвилась Меламори. От возмущения она сразу забыла, что должна бы, по идее, отстаивать свою версию о гигантской очереди, вставшей между нею и Правдивым Пророком.

Один – ноль в мою пользу. Или даже тысяча и один – ноль. Но я не стал использовать это преимущество. Честно сказал:

– Мне так интересно, что больше ни о чём толком думать не могу. Но моё любопытство – это неважно. По крайней мере, не настолько важно, чтобы любой ценой добиваться правдивого ответа. И даже не настолько, чтобы на тебя обижаться. Не хочешь – не говори. Я бы дорого дал за твёрдую уверенность, что так называемая «вся правда» не лишила твою жизнь смысла – того, что кажется тебе смыслом прямо сейчас. Но и на этот вопрос ты отвечать не обязана. Не факт, что я на твоём месте стал бы. Совсем не факт.

– А я пока сама не понимаю, лишила или не лишила, – внезапно призналась Меламори. Села на подлокотник моего кресла. Спросила: – Камрой поделишься?

– Разумеется нет, – ответил я, протягивая ей полную кружку. – Щедростью я никогда не отличался, ты знаешь.

Меламори почти улыбнулась, но на полдороге передумала и снова помрачнела.

– «Зря ты не доучилась у арварохских буривухов, из тебя мог бы выйти большой толк», – сказала она. – Вот и вся правда обо мне, сэр Макс. И ведь не то чтобы я сама её не знала. Просто надеялась, что это не очень важно. Не настолько непоправимо. Не полный тупик.

– Ну, непоправимым это обстоятельство назвать довольно сложно, – заметил я. – Тупиком – тем более. Скорее наоборот. Тебе внезапно человеческим голосом сказали, как надо действовать. Не самый простой путь, но это гораздо лучше, чем вовсе никакого.

– Это гораздо труднее, чем никакого, – откликнулась она. – А ведь могла бы жить здесь, рядом с тобой долго и счастливо. Превращаться в очередное чудовище всякий раз, когда снова покажется, что чего-то не хватает. Считать, будто всё это и есть моя судьба. Хорошая, грех жаловаться. Да мне бы и в голову не пришло! А теперь... Что мне делать

теперь?!

– Не думаю, что ты должна решить это прямо сейчас, – мягко сказал я. – Всегда можно дать себе ещё один день на раздумья. Или год, или даже несколько лет. Человек имеет право откладывать трудное решение до тех пор, пока оно не примет себя само, и какой-то из вариантов не станет единственным, а все остальные – совершенно неприемлемыми.

– Как же плохо ты меня, оказывается, знаешь, – улыбнулась Меламори. – Мои решения никогда не принимают себя сами. Это могу сделать только я, предварительно получив от судьбы по голове – раз двести, как минимум. Потому что тянуть я могу не годами – столетиями. И даже тысячелетиями, если, конечно, столько проживу. И всё это время будет невыносимо – мне и рядом со мной.

– Ничего, – пообещал я, – переживу.

– Знаю. И это хуже всего.

Я не стал спрашивать, с какой стати хуже. Сам знал, что она совершенно права.

Спросил:

– Если я запрещу тебе возвращаться к арварохским буривушкам, это поможет? В смысле тебе будет проще сделать это мне назло?

Меламори задумалась.

– Не уверена, – наконец сказала она. – Возможно, окажется, что я настолько тобой дорожу, что послушаюсь. Такой риск определённо есть.

– Какой ужас, – усмехнулся я. – Никакой от меня пользы, один только вред.

– Да не то чтобы только вред. Но у тебя действительно есть два очень серьёзных недостатка.

– Как, всего два?

– Серьёзных – два. А все остальные не имеют значения. В смысле всё равно ничего не меняют.

– Ты меня заинтриговала, – сказал я, изо всех сил стараясь выглядеть беззаботным болваном, не понимающим, что происходит. Потому что настоящий умный я, прекрасно понимающий, что происходит, – не лучшая компания для девушки, которой и так непросто. С ним она совсем пропадёт.

Поэтому я ухмыльнулся ещё шире и добавил:

– Судя по выражению твоего лица, сейчас ты скажешь, что я людоед. Причём настолько трусливый, что опасаюсь нападать даже на школьников. Поэтому мне приходится воровать остатки добычи у более решительных коллег. Пару дней назад меня как раз застукали с недоеденным трупом в

чужой гостиней; я, конечно, сбежал, но теперь весь город об этом судачит, и твоей маме стыдно перед знакомыми...

На этом месте Меламори всё-таки улыбнулась. Вымученно, но лиха беда начало.

– Это было бы просто прекрасно, – сказала она. – Закрывать глаза на трусость, людоедство и воровство – раз плюнуть. Я бы и бровью не повела.

– Ого! – присвистнул я. – Спасибо, буду знать, до какой степени у меня развязаны руки. Но что же это за недостатки такие прекрасные у меня выискались, что на них даже твои глаза не закрываются?

– Во-первых, с тобой очень хорошо, – суровым прокурорским тоном объявила Меламори.

– Прости, – кротко сказал я. – Это действительно чудовищно. Я так старался испортить тебе жизнь! И вроде бы даже иногда получалось, но...

– Да ни хрена у тебя не получалось, – отмахнулась Меламори. – Никогда. Ни разу за все эти годы мне не захотелось сбежать от тебя на край света.

– Но хотя бы выйти, хлопнув дверью, тебе хотелось? – оживился я. – Признайся! Не преуменьшай мои достоинства.

– Выйти, хлопнув дверью, мне хочется практически всегда. И даже вот прямо сейчас. А что толку? Выйти-то хочется максимум до завтра. Но уж точно не навсегда.

– А навсегда-то зачем? – опешил я.

– Затем, что у тебя есть второй недостаток, гораздо худший.

– Гораздо худший? Чем тот ужасающий факт, что со мной хорошо? Ты меня пугаешь.

Напрасно я кривлялся. Не помогло. Меламори только ещё больше помрачнела.

– Просто ты – очень могущественный человек, – объяснила она. – И с тобой постоянно происходят всякие невероятные вещи. Что, конечно, само по себе отлично. Но штука в том, что пока я рядом, мне кажется, будто эти невероятные вещи происходят и со мной тоже. Или даже в первую очередь со мной. А это очень опасная иллюзия. Твоя судьба – только твоя. И эта удивительная весёлая сила, переполняющая всякого, кто подойдёт к тебе поближе, тоже только твоя. Просто её так много, что бьёт через край. Ты-то, я уверена, даже не подозреваешь о собственной щедрости, как не подозревает о ней Сердце Мира – оно просто есть. И ты тоже просто есть, со всеми вытекающими последствиями. Быть рядом с тобой и пользоваться этим преимуществом – невероятный соблазн! Уже хотя бы поэтому следовало бы убежать от тебя подальше, как когда-то бежал из Угуланда

Магистр Хонна. Уж он-то знал, что делает, отказываясь от могущества Сердца Мира ради того, чтобы обрести собственное. Но не тут-то было, потому что – возвращаемся к первому пункту: с тобой очень хорошо. Совсем надо рехнуться, чтобы добровольно от такого удовольствия отказаться. А я, к сожалению, совершенно нормальная здравомыслящая барышня, всегда такой была. И очень прагматичная, как видишь. Всё понимаю, но свой жирный кусок счастья из рук не выпущу. Совершенно никчемная ведьма, зато личная жизнь удалась, как мало у кого...

– Так, стоп, – сказал я. – По-моему, тебя куда-то не туда занесло. Никчемная ты моя. Скажи ещё, что в буривуха я за тебя превращался. И летал во сне сперва между материками, а потом между Мирами тоже я? И спасал себя совершенно самостоятельно. А...

– Вот я тоже долго думала, что сделала всё это сама, такая молодец, – вздохнула Меламори. – Величайшая ведьма всех времён, можете начинать кланяться. А что повторить фокус потом не удаётся – ну так, наверное, просто по неопытности.

– Ну да, подтвердил я, – так и есть.

– Полная ерунда! На самом деле мои чудесные превращения и полёты между Мирами происходили не со мной, а с тобой, сэр Макс. В смысле для тебя. Они были частью твоей чудесной судьбы, а я – просто инструментом. Подозреваю, даже не самым подходящим, просто ближе всех лежал, под рукой. Так, знаешь, иногда хватаются за нож, чтобы забить гвоздь его рукоятью, потому что лень идти в кладовую за молотком...

– Ну слушай, – сердито сказал я, – это несерьёзно. Можно, конечно, объявить меня центром мироздания и первопричиной всего происходящего, я только за, люблю комплименты. Но от этого твой опыт не перестанет быть твоим.

– Это правда, – согласилась она. – Опыт великое дело. Большая удача, что он у меня теперь есть. Проблема в другом, Макс. У меня не получается уснуть и стать птицей, путешествующей между Мирами, когда это не нужно для твоего спасения. И вообще довольно мало чего получается, будем честны. Без тебя я даже в гости к старине Франку не могу попасть, хотя другим, кто навещал тебя там, это удаётся, я же знаю. Собственно, я даже Тёмным путём до сих пор только по чужому следу могу пройти. А ведь столько лет уже учусь. Столько лет! И никакого прогресса. В магии я, к сожалению, туповата. Ну или мне так просто кажется, потому что я невольно сравниваю себя с тобой. И с той собой, какой становлюсь при твоём участии.

– Ну так моё участие никто не...

Меламори не дала мне договорить.

– Я знаю, – сказала она. – Знаю, что всегда могу на тебя рассчитывать. И если даже завтра мне взбредёт в голову сбежать от тебя с дюжиной новых любовников одновременно, твоя готовность помогать никуда не денется. Ты очень хороший друг и верный человек – по самому большому счёту. Но это совершенно не гарантирует... Впрочем, дело не в каких-то гарантиях. Просто очень глупо будет с моей стороны профукать свою судьбу и положенную мне порцию силы, прельстившись счастливой возможностью стоять в твоей тени.

Я смотрел на неё, совершенно не представляя, что тут можно сказать. Аргументы у меня закончились, а эмоции ещё не начались. И я очень надеялся, что они не станут торопиться. Это было бы очень некстати.

– Всё сказанное, к сожалению, не означает, будто я готова прямо сейчас сбежать от тебя на край Мира, – вздохнула Меламори. – Совершенно не готова. Потому что – снова возвращаемся к пункту первому – с тобой хорошо. А человек слаб, особенно если этот человек я.

– Ладно, – кивнул я. – По крайней мере ты даёшь мне время исправиться. Уже неплохо.

– Как, интересно, ты собираешься исправляться?

– Попробую максимально испортить тебе жизнь. Чтобы легче было сбегать от меня к буривушкам, когда окончательно укоренишься в своём безумии. Скорых результатов не обещаю, но буду очень стараться. А потом, пару дюжин лет спустя, ты вернёшься и знатно со мной покваитаешься. Всегда предчувствовал, что умру молодым. И теперь примерно понимаю, при каких обстоятельствах это произойдёт.

Меламори рассмеялась. Ну наконец-то. Не представляю, чем это может нам помочь, но так определённо лучше.

– Можно с вами немножко посидеть? – спросила Базилио.

Она была почти так же печальна, как вчера, из чего я сделал вывод, что делегация из Графства Хотта по-прежнему оккупирует Замок Рулх и алчно пожирает там всё свободное время Его Величества, которое можно было бы с гораздо большей пользой потратить на новую чирухтскую игру «Злик-и-злак». Например.

– Конечно, – ответила Меламори. – С каких это пор ты начала сомневаться?

– Просто у вас лица такие... – Базилио задумалась, подбирая нужное слово. – Умные! – наконец выпалила она. – Как будто сложную задачу решаете. А в таких случаях людям нельзя мешать.

Мы с Меламори изумлённо переглянулись. Умные лица! Это у нас-то. Дожили. Вот что экзистенциальный кризис с людьми делает.

Впрочем, практика показывает, что если меня окружить печальными барышнями, я действительно начинаю гораздо лучше соображать. Даже одна печальная барышня способна породить в моей голове условно разумную мысль. Две барышни повышают качество этой мысли до уровня полноценной неплохой идеи. И заранее страшно подумать, какие чудеса интеллекта я явлю Миру, если довести число окружающих меня расстроенных леди хотя бы до полудюжины. Надо запомнить на будущее – если когда-нибудь захочу посвятить себя умственной деятельности, ясно, с чего начинать.

Но прямо сейчас в моём распоряжении были всего две печальные барышни. А в голове – ровно одна идея. Простая, зато очень хорошая. И убивающая сразу множество зайцев, начиная от гарантированного улучшения настроения всех присутствующих и заканчивая очередным шансом узнать что-нибудь новое о проклятом урдерском семействе, чьи разноцветные лица не давали мне покоя всего четверть часа назад, а значит, когда-нибудь снова явятся по мою душу. Как только я переварю всё, что услышал от Меламори, лягу на пол, умру от горя, а потом воскресну, наделённый новой чудесной сверхспособностью как-то со всем этим жить.

То есть насколько я успел себя изучить, примерно к завтрашнему утру.

– Пошли в трактир, девчонки, – предложил я, мысленно размахивая перед их носами всеми своими мёртвыми зайцами. Для пущей убедительности.

– Что?! – хором спросили они.

Меламори при этом выглядела возмущённой – какой может быть трактир, когда у нас тут моя жизнь не то рушится, не то просто не имеет смысла? А Базилио – крайне удивлённой. До сих пор никто никогда не звал её в трактир – ну а что, собственно, делать в трактире человеку, который не может есть нормальную еду? То-то и оно.

– В «Свет Саллари», – сказал я. – Во-первых, там каким-то непонятным мне образом поднимается настроение. Само, без усилий. Вообще ничего делать для этого не надо, пришёл – молодец, садись и жди, сейчас всё будет. Во-вторых, там можно не только бездуховно жрать, но и возвышенно сидеть на потолке. То есть у нас дома, конечно, тоже можно, просто повода нет. А там сразу появляется, потому что потолок разрисовывает очень славная художница, она всех зовёт составить ей компанию. Ну и потом, в «Свете Саллари» живёт синяя птица. В смысле птица сыйсу.

– Да ладно! – оживилась Меламори. – Не заливай. Они же не приручаются. Ты наверное перепутал.

– Честное слово, самая настоящая сыйсу. Выглядит один в один как та, из-за которой мой амобилер навсегда остался в графстве Хотта, когда эту красотку угораздило свить в нём гнездо^[21]. Птицу зовут Скрюух. Считается, что она злющая, а на самом деле очень дружелюбная, только орёт противно. В точности как я – в смысле репутации.

Почему-то именно этот аргумент оказался решающим. По крайней мере, обе барышни немедленно покинули кресла и встали у двери, испепеляя меня нетерпеливыми взорами. Как будто уже целый час никто никуда не может пойти – исключительно по причине моей нерасторопности.

Отлично.

Я ожидал, что в урдерском трактире будет царить идиллия, но ошибся – в том смысле, что там царило несколько идиллий сразу.

Идиллия номер один: сэр Кофа Йох, усевшийся рядом с леди Лари и взирающий на неё примерно с такой же нежностью, как на поставленный перед ним дымящийся котёл с прекрасной неизвестностью, в лицо которой я бы, честно говоря, тоже с радостью заглянул. Вот прямо сейчас, не откладывая.

Идиллия номер два: красавчик Кадди Кайна Кур в обнимку со своей синей птицей, нежно раздирающей клювом полу его кожаного поварского сарафана.

Идиллия номер три: улыбчивый Дигоран Ари Турбон учит красивую немолодую леди играть в какую-то неизвестную мне игру с применением чуть ли не дюжины разноцветных кубиков. Разложили игровое поле на пол-стола, дама решительно отодвинула в сторону тарелку с недоеденным пирогом, глаза у обоих блестят, как у сэра Джуффина Халли при виде новенькой карточной колоды, страшно смотреть. Ну, в смысле приятно.

Идиллия номер четыре, самая для меня удивительная: Малдо Йоз, уже не просто восседающий на потолке, а довольно бойко перемещающийся по нему на четвереньках вслед за Иш, да ещё и с банкой краски. Чокнуться можно.

Я так ему и сказал:

– Чокнуться можно, ты всё ещё тут?

– Как видишь, – жизнерадостно подтвердил он. – Подумал: должен же и у меня быть День свободы от забот? По-моему, давно пора.

Надо же, совсем околдовали беднягу.

– К тому же, мы с Иш заключили сделку, – добавил Малдо. – Если я помогу ей закончить потолок, она вспомнит для меня своё детство в Саллари. И во Дворце Ста Чудес будет совершенно уникальный урдерский павильон. В Урдере вообще почти никто не был, а тут ещё и глазами ребёнка, представляешь?!

Ага. Не так уж его и околдовали. Можно не беспокоиться.

– Хвала свету зримому, у нас ещё осталось Полуночное жаркое и Ледяной Горный рулет. Вы вовремя успели! – сказала леди Лари, вставшая, чтобы поприветствовать нас.

– Ледяной Горный рулет – это что? – встрепелась Меламори.

Больше всего на свете она любит мороженое и способна распознать его под любым названием. Сердцем видимо чувствует. Ну или не сердцем, неважно. Главное, чувствует. И практически всегда угадывает. Вот и сейчас Кадди, чья красота, как я в глубине души опасался, должна была сразить Меламори наповал, метнулся в кухню и вернулся оттуда с огромным подносом, на котором покоилось что-то вроде дубины. Или даже небольшого бревна. В общем, здоровенный брусок какой-то замороженной массы. В итоге, Меламори зачарованно уставилась не на красавчика повара и даже не на синюю птицу сыйсу, следовавшую за ним по пятам, а на содержимое подноса.

– По-моему, это то что надо, – наконец сказала она. И приступила к дегустации. С каждым куском замороженного бревна лицо её приобретало всё более довольное выражение.

Базилио присела рядом и печально уставилась в её тарелку. Меламори сразу всё поняла, пробормотала: «Сейчас, погоди», – и, буквально секунду спустя извлекла из воздуха точную копию своего бревна.

– Извини, что без подноса, – сказала она. – Посуда мне редко удаётся, ты знаешь. Дорогие хозяева, а нет ли у вас случайно чистой тарелки?

Повар Кадди снова побежал в кухню, а леди Лари смущённо заметила:

– Вы, наверное, неправильно поняли, это вовсе не самая последняя еда в доме. Вам необязательно было колдовать.

– Обязательно, – сказал я. – Эта юная леди не может есть обычную человеческую еду. Так уж она устроена.

– Спасибо за вашу заботу, – вежливо поклонилась хозяйке Базилио. – Вышло так, что я – овеществлённая иллюзия. Поэтому, к сожалению, ем тоже только овеществлённые иллюзии. Пожалуйста, не обижайтесь.

– Ну что вы, – всплеснула руками леди Лари. – Конечно нет! Просто мы совсем недавно в Ехо и не успели привыкнуть к местным обычаям. Будем теперь знать, что и такое здесь случается. И постараемся тоже

освоить это кулинарное колдовство.

– Я вас научу, – великодушно пообещала Меламори. – Доем и сразу же научу. Это очень просто. У всех получается, кроме разве что Макса. Но я подозреваю, он просто притворяется тупицей, чтобы поменьше работать.

– А можно мне попробовать эту вашу наколдованную еду? – восхищённо спросила Иш, свешиваясь с потолка. – Ужасно интересно!

Мы с Меламори растерянно переглянулись. До сих пор нам как-то не приходило в голову узнать, что будет с человеком, рискнувшим попробовать иллюзорную еду Базилио. Нам и своей, неиллюзорной вполне хватало.

К счастью, на помощь пришёл сэр Кофа.

– Да можно, конечно, – авторитетно сказал он. – Вреда от неё никакого. Правда, и толку не больше. Даже вкуса не почувствуешь. Но если интересно – почему нет? Вперёд! Только поторопись, такая еда существует недолго. Пару минут – и всё, исчезла.

– Чеверяса! – с набитым ртом пробурчала Меламори. – Четверть часа, минимум, – гордо повторила она, проглотив мороженое. – А может быть и больше, посмотрим.

– О, да ты делаешь успехи, – похвалил её Кофа.

Меламори просияла от его комплимента. Она вообще падка на похвалы, когда речь заходит о колдовстве. И способна подолгу хвастаться всяким своим достижением. Меня это раньше всегда смешило. В голову не приходило, что за этим может стоять самая настоящая драма, а не просто желание лишний раз повыпендриваться, как у меня самого.

Я вообще плохо разбираюсь в людях. Особенно в тех, которых люблю. В этом смысле я – какой-то дурацкий наивный варвар, твёрдо уверенный, что пока мы живы, целы и даже не разбросаны по разным концам Вселенной, а вполне себе есть друг у друга, всё у нас отлично. И искренне изумляюсь всякий раз, когда вдруг выясняется, что этого может оказаться недостаточно.

Иш тем временем успела спрыгнуть с потолка, усесться рядом с Базилио, вооружиться ложкой и деликатно отломить от её порции небольшой кусочек иллюзорного мороженого. А потом ещё один. И ещё. Наконец удивлённо заключила:

– А я почему-то чувствую вкус. Примерно такой же, как у нашего ледяного рулета, только, может быть, чуть послаще. Или нет?.. А можно ещё?

– Конечно, – улыбнулась Базилио. – Не стесняйтесь. Всё равно оно исчезнет прежде, чем я успею доесть.

– Ух ты! – восхитилась Меламори. – Это что, у меня настоящая еда нечаянно получилась? Надо же! А ну-ка... Извини, дорогой друг, я не от жадности, а только из научного любопытства, – и тоже полезла ложкой в тарелку Базилио.

Попробовала, нахмурилась, покачала головой:

– Нет, настоящая всё-таки не получилась. Лично я не чувствую ни вкуса, ни холода – вообще ничего.

– Совершенно ничего, как и должно быть, – подтвердил сэр Кофа, ради такого дела не поленившийся встать со своего места.

– А мне – вкусно! – упрямо повторила Иш. – И даже язык замёрз.

– Это потому что ты настоящий художник, – сказал ей с потолка Малдо. – У тебя восприятие гораздо острее, чем у остальных. Обычное дело!

Его объяснение удовлетворило всех, кроме Меламори, которой, конечно, было очень обидно, что нечаянного чуда не вышло. Ну и я, понятно, тоже огорчился – даже не столько за компанию, просто уже успел представить, как здорово будет, если Меламори вдруг начнёт совершать какие-нибудь нелепые, избыточные чудеса, одно за другим, в точности как я сам в первые годы жизни в Ехо. Такой поворот здорово поднял бы ей настроение, ну и поездку к арварохским буривушкам отсрочил бы на долгие годы. Что, по большому счёту, конечно, никуда не годится, но по малому, для нас обоих, здесь и сейчас, было бы фантастически хорошо.

Даже полчаса и полкотла Полуночного жаркого спустя, печаль моя не развеялась. Впрочем, и так ясно, что это приобретение надолго. Никуда от него не денешься, как и от себя самого.

Зато все остальные были вполне довольны жизнью. Базилио сидела на потолке вместе с Иш и Малдо и благоговейно вертела в руках кисточку, которую ей дали поддержать, Меламори, зажмурившись от счастья, гладила синие перья Скрюух, которая не то чтобы блаженствовала, но мужественно терпела непрошенную ласку, пожилая незнакомка, похоже, была близка к тому, чтобы обыграть своего учителя, а леди Лари и повар Кадди отправились в кухню, пообещав напечь там на скорую руку сырных оладий – если уж мы все так хорошо сидим, что смели всё дочиста.

После её ухода сэр Кофа тоже поднялся из-за стола. Сказал небрежно:

– Сэр Макс, я твой амобилер вчера в соседнем переулке оставил, не уверен, что ты найдёшь. Пойдём, покажу, мне как раз по дороге.

И я, конечно, пулей вылетел за ним из трактира, сообразив, что у Кофы появилась пара-тройка ответов на мои давешние вопросы. Вот и хорошо.

Голова у меня не слишком вместительная, и если как следует занять её делом, печальным мыслям придётся поискать себе другой приют, в этом я убеждался уже не раз.

– Странная история с нашим другом Ди, – сказал Кофа, когда мы вышли на улицу. – Сегодня весь день расспрашивал о нём в городе, надеясь встретить множество свидетелей его прогулок по Ехо, благо костюм делает Ди довольно заметной персоной. И знаешь что? Никто его не видел. Конечно, я отдаю себе отчёт, что пара сотен опрошенных мною человек – это далеко не всё население столицы. Но всё-таки удивительная статистика. У меня, сам знаешь, неплохие агенты. Глазастые. Всё необычное подмечают. А что может быть необычней человека в урдерском наряде? Разве что, арварошеч в полном боевом вооружении. Но их, хвала Магистрам, в Ехо пока нет.

– Действительно странная история, – согласился я. – Но может быть, всё гораздо проще, и Ди ходит по городу в лоохи? А перед возвращением домой переодевается... Хотя даже предположить не могу, как он это устраивает. И где? И зачем?

– То-то и оно, – кивнул Кофа. – Впрочем, я не стал морочить себе голову и прямо спросил у Ди, где он обычно гуляет. Сказал, возможно я могу что-нибудь интересное присоветовать. Или, напротив, предостеречь.

– И?..

– Он сказал, что гуляет в основном в пригородах, – пожал плечами Кофа. – Дескать, любит природу гораздо больше, чем городские улицы. И это можно понять. Но вопрос, как он пробирается туда незамеченным из самого центра Старого Города, остаётся открытым. Хоть слежку за ним устраивай.

– А я бы так и сделал.

– Ты серьёзно?

– Вполне, – кивнул я. – Просто из любопытства. Мы же с вами теперь изведёмся, пока не поймём, как ему удаётся оставаться незаметным. Хотя вряд ли в этом есть какой-то криминал. Любой человек имеет право выбираться из города задворками и огородами. А всё-таки хотел бы я знать, что это за маршрут!

– Твоя правда, – задумчиво кивнул Кофа. – Ладно, покончу с мошенничествами на рынке благовоний и коррупцией среди младших служащих таможни, и сам прослежу за его прогулками. Когда удовлетворяешь любопытство, следует смотреть собственными глазами, не полагаясь на помощников. Надеюсь, за пару дней Ди не успеет изменить свои привычки.

– А родственники? – спросил я. – Вы уже расспросили их о родственниках? У Ди и Лари есть какой-нибудь брат?

– Не успел пока, – отмахнулся он.

И так выразительно на меня посмотрел, что я устыдился. Сам мог бы сообразить, что когда сэр Кофа видит леди Лари, он временно перестаёт быть профессионалом и становится нормальным живым человеком. Конечно, покинув гостеприимные стены «Света Саллари», он сразу приходит в себя, но расспрашивать в этот момент уже некого. Да и по-прежнему неохота, чего уж там.

– Ладно, – сказал я, – сам попробую. Извините. Больше не буду к вам приставать. Я, если что, и за Ди могу сам проследить, благо быть невидимым уже научился.

– Ну уж нет, слежку я тебе не уступлю. Ты же потом даже маршрут не сможешь мне описать. «Сперва мы шли по какой-то улице, забыл название, но там где-то рядом один неплохой трактир, не то «какая-то роза», не то «ветер из откуда-то там», что-то в таком духе; потом свернули направо, потом, кажется, налево, а может быть не сворачивали, не помню, потому что я тогда о чём-то задумался, и мы как-то сразу оказались рядом с таким смешным зелёным домом, вы наверняка знаете, где это... как – нет?!»

Кофа так похоже меня изобразил, что я рассмеялся.

– Ладно, крыть нечем. Раз так, слежка за вами, я и попытаюсь не стану.

– Рад, что с тобой по-прежнему легко договориться, – улыбнулся сэр Кофа. – Не беспокойся, я не стану затягивать. По моим расчётам, буквально послезавтра я снова буду более-менее свободен и смогу заниматься всякой ерундой.

Он ушёл, а я вернулся в трактир. И сразу же угодил в поле зрения нашего непонятно в чём подозреваемого. В смысле Ди.

Дама, с которой он играл, как раз встала, собираясь уходить, а Ди явно хотелось продолжения.

– А давайте я научу вас играть в «Злик-и-злак»? – предложил он.

Сперва я хотел отказаться, но вовремя сообразил, что это та самая загадочная чирухтская игра, которую притащила в дом Базилио с намерением соблазнить ею вечно занятого Короля. А значит, рано или поздно это счастье обрушится на меня. В один прекрасный вечер, когда я приду домой с целью запереться в башне и отдохнуть там от всего Мира сразу, а Базилио перехватит меня на пороге, посмотрит этим своим фирменным печальным взглядом, способным растопить любое сердце, и с неубедительным безразличием спросит, не хочу ли я совершенно случайно

изучить правила одной занимательной новой игры? Это, конечно, необязательно, но вдруг мне как раз нечем заняться?

И я, как всегда, сдамся почти без боя.

Поэтому лучше уж научиться заранее. Проще будет потом примириться с неизбежным. Да и позориться, как с головоломками, лишний раз не придётся.

– Давайте, – обречённо сказал я.

И, как ни удивительно, ни капли об этом не пожалел.

Игра оказалась необыкновенно захватывающей. Даже не ожидал.

Штука в том, что у каждого игрока в «Злик-и-злак» не одна фишка, а от четырёх до дюжины – их количество всякий раз специально оговаривается перед началом игры. Считается, что чем больше фишек, тем сложнее игра, но по моему опыту, это далеко не всегда так. Каждой фишке соответствуют два кубика; один из них показывает, сколько ходов можно сделать вперёд, второй – на сколько придётся отступить назад, но в некоторых случаях это можно изменить по своему усмотрению. Игрок кидает все кубики одновременно и может передавать ходы одних своих фишек другим, когда это кажется ему стратегически выгодным. Смысл игры состоит в том, что фишки обоих игроков добиваются по клеткам к заветной цели, по дороге убивая, задерживая или наоборот, подгоняя друг друга. То есть, когда фишка попадает на клетку, где уже стоит чужая, игроки кидают специальный спорный кубик, грани которого раскрашены в разные цвета; таким образом, становится ясно, что именно произошло при встрече. И когда подобным образом сталкиваются фишки, принадлежащие одному игроку, они при определённых обстоятельствах тоже могут оказаться «убитыми», а их владелец – проигравшим всю партию, как бы хорошо ни складывались его дела до рокового момента. Таким образом, каждый играет не только с другими, но и с самим собой. И сам для себя – самый страшный враг и главный соперник.

Таковы правила игры в «Злик-и-злак» – в самых общих чертах. Именно такие игры – неспешные и одновременно драматичные – мне обычно и нравятся. Особенно если в них хоть как-то задействованы кубики, потому что кидать кубики я люблю больше всего на свете. Так сильно, что никогда не жульничаю. В смысле не колдую, принуждая их упасть выгодным мне образом. Я не такой дурак, чтобы гнать из игры самого важного партнёра – судьбу.

Я довольно быстро освоился с правилами, и уже четверть часа спустя, подкидывая разноцветный спорный кубик, азартно кричал: «Злик-злак, мой лиловый, тебе конец!» – или наоборот, с досадой признавал: «Злок-йок, не

мой, а красный, беги дальше, счастливчик». Так что леди Меламори стоило большого труда увести меня домой, где я, впрочем, не утихомирился, а тут же послал Базилио за её игровым набором, и всем моим домашним, включая говорящего пса Дримарондо, пришлось несладко.

Поначалу моя культурная экспансия выглядела как типичное домашнее насилие, однако мои беспомощные жертвы быстро вошли во вкус и, надо сказать, лихо меня обыграли; впрочем, в следующей партии я с ними знатно поквитался. Азартная Меламори была близка к тому, чтобы затеять драку, но своевременно влетевший в окно короб с дюжиной сортов мороженого из трактира на Площади Побед Гурига Седьмого примирил её не только с поражением, но и с фактом моего существования в целом.

Мы играли, пока Меламори и Дримарондо не уснули прямо на ковре в гостиной. Вообще-то с меня стало бы их разбудить, насильственно напоить бальзамом Кахара и продолжить игру, но Базилио не позволила. Она у нас великий гуманист, как и положено настоящему чудовищу. Впрочем, подозреваю, бедняга и сама уже с ног валилась. Один я в этом доме стойкий боец.

Оставшись в одиночестве посреди всего этого сонного царства, я внезапно осознал, что так и не расспросил Ди о его родственниках. Хотя за игрой найти повод было довольно просто: «Вы, наверное, дома каждый вечер в «Злик-и-злак» играли? А сколько народу собиралось за столом? У вас большая семья? Ого, повезло, было с кем поиграть! А где они все сейчас?» – что может быть естественней подобной болтовни? Но я почему-то даже не заикнулся. Совершенно на меня не похоже. И на азарт не спишешь. По крайней мере, до сих пор он никогда не лишал меня разума.

«Ладно, – сказал себе я, – значит, завтра. Боюсь, пока мы с Ди недостаточно близкие друзья, чтобы будить его среди ночи предложением непринуждённо поболтать о семейных делах. Что на самом деле досадно: сна у меня ни в одном глазу. И, похоже, пока не предвидится. Самое время кого-нибудь разбудить».

Ну, строго говоря, в этом Море есть только один человек, которого я могу разбудить в любое время суток, не рискуя нажать в его лице лютого врага. С него ещё и обрадоваться станется. Но именно его будить всегда жалко. Сэр Шурф и так практически никогда не спит.

С другой стороны, это означает, что вот прямо сейчас он тоже скорее всего бодрствует. Какие-то несчастные два часа после полуночи, детское время, какой вообще может быть сон?!

Размышляя обо всём этом, я как-то незаметно преодолел сто двадцать

восемь ступенек и добрался до башни. А оттуда, недолго думая, вылез на крышу – единственное место в Мире, где я бываю счастлив вне зависимости от обстоятельств. То есть вообще всегда.

У крыши Мохнатого Дома есть только один серьёзный недостаток: всякий раз, увидев открывающуюся оттуда панораму Старого Города, я начинаю всерьёз подозревать, что всё-таки умер и попал в рай. Не то чтобы я против, но это было бы неопишным свинством по отношению к оставшимся в живых.

Но сегодня сомнения меня не терзали. Вряд ли в настоящем раю леди Меламори стала бы угрожать мне скорым отъездом в Арварох. И, кстати, в «Злик-и-злак» я бы ей три раза кряду не продул. Тем, собственно, и хороши житейские драмы: пока они происходят, можешь быть уверен, что жив. Иного смысла лично я в них не вижу. И совершенно не верю, будто они идут нам на пользу. Всё, что меня не убивает, просто портит мне характер, как-то так.

Посидев на крыше четверть часа, я окончательно изгнал из своего сердца милосердие и послал зов Шурфу, рассудив, что, если он всё-таки спит, никто не помешает ему послать меня подальше и перевернуться на другой бок. Лично я именно так и поступил бы.

Но он, конечно, не спал. И, похоже, даже не собирался. А услышав, что я сижу на крыше Мохнатого Дома, не стал дожидаться специального приглашения. Просто тут же появился рядом с кувшином камры в руках. Очень кстати. Что-что, а камру в Ордене Семилистника варить умеют, у них вообще с кулинарными традициями всё отлично. Будь у меня чуть меньше совести и чуть больше свободного времени, я бы поселился в Иафахе на правах домашнего любимца Великого Магистра, с восьмиразовым питанием – чем я хуже собственных кошек?

– Злик-злок, белый, встреча к удаче, – сказал я вместо приветствия.

– Что? – изумлённо переспросил Шурф.

– Неужели в твоих книжках про Урдер не было правил игры в «Злик-и-злак»?

– Были, но я не стал отвлекаться на их подробное изучение. Игра, строго говоря, вообще не урдерская, её в Куанкурохе придумали, а ближайшие соседи позаимствовали, как это часто бывает.

– Отличная игра, – сказал я. – Сегодня случайно научился, и тут же выяснилось, что я натурально маньяк, ещё хуже, чем ты. Обо всём на свете забыл, даже Ди о родственниках не расспросил, а это уже ни в какие ворота... Ладно, Магистры с ним, завтра расспрошу. А что касается белого к удаче, там, понимаешь, есть такой прекрасный момент: когда фишки

разных игроков встречаются в одной клетке, тот, чья фишка пришла туда последней, кидает специальный спорный кубик, и, в зависимости от того, какой цвет выпадет, одна из фишек считается убитой и выбывает из игры, или просто задерживается на этой клетке на несколько ходов. Или – собственно, как раз когда выпадает белый – обе фишки получают преимущество перед всеми остальными, их ходы вперёд удваиваются, а отступления сокращаются, и они почти неизбежно приходят к финишу раньше прочих. На самом деле очень похоже на настоящую жизнь, правда? Никогда заранее не знаешь, к чему приведёт всякая новая встреча, кто окажется врагом, а кто – другом, и встреченный тоже пока не знает, обоим приходится ждать, пока судьба бросит свой кубик, и всё прояснится... Поэтому, наверное, так и захватывает.

– Похоже, ты прав. В Куанкурохе эта игра первоначально называлась «Жизнь воина», – заметил Шурф. – И последняя клетка, к которой стремятся все игроки, именовалась тогда не «Дом», как сейчас, а «Победа». Название переделали, кажется, чангайцы, и их версия прижилась во всей Чирухте.

– Так ты, получается, всё-таки знаешь правила?

– Нет, только историю создания. Изучать правила игры, в которую я не собираюсь играть, мне показалось излишним. Откуда было знать, что это так скоро станет неизбежной необходимостью.

– Да ладно, не буду я тебя заставлять играть. Уже столько народу замучил, что могу позволить себе один великодушный жест. Хотя тебе, кстати, понравилось бы больше, чем кому бы то ни было. Жалко, что у тебя времени на развлечения совсем нет.

– Жалко, конечно, – согласился он. – Впрочем, я над этим работаю. Когда я вступил в должность, мне принадлежало хорошо если четыре часа в сутки. Теперь, как правило, выходит восемь. И я уже придумал, как высвободить ещё три часа – просто перераспределив некоторые обязанности и отменив вполне бессмысленный ритуал ежеутренних встреч с дежурными Старшими Магистрами.

– Вот это ты молодец, – одобрил я. – Дураку ясно, что по утрам нормальному человеку спать надо, а не встречаться не пойми с кем.

– Совершенно с тобой согласен. По моим наблюдениям, именно по утрам большинству людей снятся наиболее значимые сны. Нелепо отказываться от сновидений во имя формального соблюдения традиции, изначально созданной, кстати, именно для того, чтобы обсуждать приснившееся. На заре существования Ордена Семилистника этой теме уделяли довольно много внимания; впрочем, и утренние встречи тогда

проводились в полдень.

– Блаженные, должно быть, были времена.

– Ничего, они вернутся, – пообещал Шурф.

Это прозвучало как угроза, но лицо моего друга при этом выглядело скорее мечтательным.

– Человек, который точно знает, чего хочет, в обстоятельствах, всеми силами препятствующих достижению желаемого, способен на многое, – добавил он. – Удивительно, впрочем, не это. А то, что все усилия, которые я предпринимаю в собственных интересах, явственно идут на пользу всему Ордену. Заботясь я исключительно о всеобщем благе, вряд ли добился бы столь быстрых и неоспоримых успехов.

– Ты не поверишь, но «Злик-и-злак» и про это тоже, – начал было я, но увидев выражение его лица, поднял руки над головой: – Всё-всё-всё, сдаюсь! Больше ни слова об игре.

– Это совершенно не обязательно, – великодушно сказал мой друг. – Если тебе интересно, рассказывай. Главное, играть меня пока не заставляй. Я себя знаю: если втянусь, потом очень трудно будет остановиться.

– Ох, и не говори, – вздохнул я, представляя, какая занимательная у нас могла бы выйти партия. Но решительно отогнал неуместные фантазии. Сказал: – На самом деле по-настоящему интересно тут вот что – насколько точно популярные азартные игры демонстрируют особенности сознания, сформированного породившей их культурой. Взять хотя бы наш «Крак». Игра, как будто специально созданная для людей, избалованных доступностью Очевидной магии: стремительная, азартная и одновременно очень легкомысленная, она требует не только удачи и железных нервов, но и умения не принимать происходящее всерьёз. Любая ошибка мгновенно приводит к поражению, исправить её просто не успеваешь, партии очень короткие и совершенно не похожи одна на другую, поэтому подолгу обдумывать каждый свой промах и делать разумные выводы бесполезно; даже, пожалуй, вредно. Для победы игроку в Крак необходимо скорее вдохновение, чем серьёзный анализ каждого хода, он только отвлекает от основной цели. Думаю, кстати, ты именно поэтому плохо играешь в Крак: ты для него слишком умный. А вдохновение, которого у тебя на самом деле больше, чем у всех нас вместе взятых, держишь в узде и не даёшь себе воли даже на время игры.

– Джуффин, кстати, примерно то же самое говорил, – согласился Шурф. – Дескать, из Безумного Рыбника он бы быстро воспитал стоящего игрока, а со мной нынешним и возиться не стоит.

– А вот про «Злик-и-злак» сразу ясно, что эта игра из какой-то совсем

другой жизни, – сказал я. – Вернее, из другой культуры. Где люди живут долго, медленно и размеренно. Ярких происшествий гораздо меньше, явных чудес – тем более; способны на них немногие, и каждое даётся с огромным трудом. Зато и отношение к самому незначительному чуду – как к великому событию, которое полностью переворачивает жизнь всякого случайного свидетеля, не говоря уже о самом творце. Впрочем, не только к чуду. Для них наверное вообще нет ни «неважного», ни «незначительного», любой пустяк видится исполненным тайного смысла. Так мне показалось.

– Удивительно. Можно подумать, это ты, а не я вчера всю ночь читал хроники урдерской жизни. Потому что именно такое общее впечатление сложилось и у меня.

– А мне, как видишь, хватило игры. Наверное, штука в том, что я сильно увлекаюсь. С того момента, как сделан первый ход, игра – и есть вся моя жизнь. Поэтому мне легко судить о придумавших её людях. Пока я играю, я таков же, как они. Потом, хвала Магистрам, прихожу в себя, но память-то остаётся. И умения делать простые выводы из наблюдений над собой тоже никто не отменял.

Шурф молча протянул мне кувшин с камрой. Есть много способов выразить согласие с собеседником, и этот – один из лучших известных мне.

– У тебя вообще всё в порядке? – спросил он какое-то время спустя.

– Конечно, нет, – безмятежно отвечал я. – Где ж такое видано – чтобы у меня да вдруг всё в порядке? Мне такая роскошь не положена.

Шурф только головой покачал – не то одобрительно, не то укоризненно, поди его пойми.

Да и какая разница.

– Мне очень жаль, что так получилось, – наконец сказал он. – По моим наблюдениям, тебе очень не нравится не быть счастливым.

– Отличная формулировка. Конечно, мне не нравится! Но это не отменяет того факта, что в Мире есть вещи, которые гораздо важнее счастья. Предназначение точно важнее. Ясность, которая приходит, когда делаешь то, для чего рождён. Опыт бессмертия. Смысл.

– Хорошо, что ты это понимаешь, – откликнулся Шурф. И, помолчав, добавил: – Если бы я сам не понимал, меня бы уже давно не было в живых.

Некоторые случаи безответственного применения сослагательного наклонения крайне меня нервируют. И даже бесят. Но говорить это я, конечно, не стал. Тем более, что в целом наши посиделки на крыше подействовали на меня как хорошее успокоительное. Во всяком случае, добравшись под утро до постели, я уснул чуть ли не прежде, чем голова коснулась подушки. Такого милосердия я от своего организма сегодня не

ожидал.

Я спал, и мне снилась очередная партия в «Злик-и-злак». Вот что значит – наяву не наигрался. У моей соперницы были глаза цвета штормового моря, тихий ласковый голос и неожиданно громкий смех, бесшабашный, как у подвыпившего подростка. Она была азартна, но при этом искренне переживала за нас обоих и время от времени подсказывала мне наиболее правильный ход. Говорила: ты хороший игрок, просто неопытный, но это дело наживное; время, хотим мы того или нет, внимательно и немилосердно ко всем, а опыт – единственная монета, которой оно платит, зато не скупясь.

Говорила: не беспокойся, что проиграешь, об этом никто не узнает, кроме меня, да и я забуду, когда проснусь. Сон – это подлинная свобода от последствий любого поступка, что бы мы ни творили с собой и другими, проснувшись, не вспомним, а если и вспомним, всё равно не придётся ничего исправлять.

Говорила: игра, как и сон, разновидность свободы. Сколько ни ошибайся, худшее, что с тобой случится, придёшь к финишу позже соперника, или наберёшь меньше очков. Подумаешь, великое горе, всегда можно перевернуть доску и начать заново, ни единой минутой небытия за это не заплатив.

Говорила: а уж игра во сне – это такая степень свободы, что описать невозможно. Только подумай, каким сейчас можно быть храбрым! Давай уже, делай свой ход, вперёд ли, назад ли, сам решай, по правилам можно и то, и другое, а когда ты твёрдо усвоишь правила, научу тебя их нарушать. Ты даже не представляешь, какая тогда начнётся игра! Жду её, не дождусь.

Я всё больше помалкивал, уставившись на игральную доску, но вовсе не потому, что боялся сделать ошибку, как думала сероглазая, поднимавшая меня на смех за излишнюю осторожность, просто во сне очень трудно сосредоточиться на всех этих мелких, но важных деталях – фишки, разноцветные кубики, разбитая на крупные и мелкие клетки игровая доска – даже не знаю, как я с этим справился, но всё-таки справился, факт.

И так разошёлся, что в конце концов занял очень неплохие позиции на поле, так что сероглазая незнакомка тоже умолкла, нахмурилась и принялась подолгу обдумывать каждый ход.

Но выиграть мне так и не дали. Разбудили ни свет, ни заря, то есть часа за два до полудня. С учётом того, что уснул я, когда уже забрезжил поздний зимний рассвет, немилосердно рано. Причём сделал это сэр Кофа, которого

я совершенно не способен послать подальше. И, подозреваю, не только я. Среди людей, близко знакомых с сэром Кофой Йохом, этот обычай как-то не приживается.

«У меня довольно неожиданная просьба, – сказал он. – Я, видишь ли, отыскал для наших урдерских друзей знахаря, который умеет лечить птиц. Коллеги в один голос рекомендуют его как лучшего из лучших. Но живёт этот тип аж в Новом Городе – не ближний свет. Я твёрдо обещал леди Лари, что отвезу Кадди с птицей в своём амобилере, но у меня сегодня с утра сразу два убийства в порту, причём на последствия пьяной драки они, к сожалению, не слишком похожи, и бросить это дело на самотёк я не могу. Я предпринял несколько попыток прислать леди Лари наёмный амобилер, но столкнулся с неожиданной проблемой: возницы наотрез отказываются перевозить птицу сыйсу. Все уверены, что Скрюух сперва на клочки раздерёт обивку сидений, а потом прикончит их одним ударом клюва в затылок».

«Второе в нашем случае маловероятно, – подумав, ответил я, – зато первое действительно неизбежно. Вы же сами видели, что эта нежная пташка с Каддиным кожаным передником вчера проделывала».

«Именно поэтому я прошу помощи у тебя. Немного я встречал людей, настолько равнодушных к состоянию своего имущества».

Крыть было нечем.

«Ладно, – сказал я, – передайте леди Лари, что я зайду за ними примерно через час. Раньше не получится. Сперва мне надо перестать ненавидеть всё живое и вспомнить, кто я, собственно, такой и откуда тут взялся. А это дело долгое».

«На твоём месте я бы ограничился только первым пунктом программы. Меньше знаешь, крепче спишь».

«Но мне-то как раз надо проснуться!»

«Твоя правда. Ладно, запоминай адрес: Новый Город, улица Весельчаков, восьмой дом. Это буквально в трёх кварталах от Нумминориха. А если всё-таки заблудишься, расспрашивай прохожих про знахаря Иренсо Сумакея, его там все знают. Спасибо тебе, что выручаешь. С меня причитается».

Ого. Такими обещаниями сэр Кофа Йох обычно не разбрасывается. Приятно узнать с утра пораньше, что жить дальше вполне имеет смысл.

Утро моё обычно начинается с магии, да не какой-нибудь Очевидной, а с Истинной, чтобы мало не показалось. Но не потому что я такой уж пижон, просто утренний кофе приходится добывать из Щели между

Мирами. Это единственный доступный мне способ разжиться чашкой кофе, ни малейшего намёка на который в этом прекрасном Мире, увы, нет. А камра, при всех её достоинствах, не слишком способствует мгновенному пробуждению. А за бальзамом Кахара вечно приходится идти в кухню, куда его с упорством, достойным лучшего применения, относят при уборке. Зато Щель между Мирами всегда под рукой. Ну и кофе соответственно тоже. Благодаря ему, в гостиную я обычно спускаюсь, приняв человеческий облик. Это довольно важно, когда живёшь не один.

На этот раз в гостиной собрались сразу все существа, которых следует беречь от моего дурного настроения: кошки, собаки и Базилио. Не хватало только леди Меламори, которая уже успела сбежать из дома – надеюсь, не на край света, а просто на службу; впрочем, ей-то я как раз обещал стать совершенно невыносимым, так что всё к лучшему.

Абсолютно всё.

– А я знаю, куда ты собрался, – сказала Базилио.

– Ого! – уважительно присвистнул я. – Сэр Кофа научил тебя подслушивать чужую Безмолвную речь? Да ещё и на расстоянии? Снимаю шляпу... то есть снял бы, если бы она у меня была. У Малдо, что ли, одолжить? Или сразу у Короля?

– Не надо шляпу! – рассмеялась Базилио. – Я ничего такого не умею, ты что. Просто мне прислала зов Иш и сказала, что ты сейчас повезёшь Скрюух к знахарю. Советовала попроситься вместе с тобой, потому что она тоже твёрдо намерена ехать. Было бы здорово!

– Да не вопрос, – сказал я. – Хочешь – поехали. Не представляю, как вы все поместитесь в амобилере, и сколько народу вывалится по пути, но это уже не моя забота. Сами выкручивайтесь.

Я думал, что шучу, но оказалось – пророчествую. Потому что сопровождать Скрюух к знахарю урдерцы решили всем семейством. Ди по этому случаю даже сменил свой экстравагантный наряд на новенькое лоохи в шимарском стиле, то есть, с большим капюшоном, под которым отлично прячется причёска любой степени сложности. Мои попытки деликатно намекнуть, что закрывать трактир среди бела дня – не лучшая стратегия для начинающих рестораторов, не возымели никакого успеха. Мы хотим ехать вместе, потому что ужасно беспокоимся, и точка.

Ясно, впрочем, что руководила ими не только забота о Скрюух, которая, на мой взгляд, совершенно не выглядела ни больной, ни несчастной, ни даже мало-мальски напуганной всей этой суетой, но и нормальное человеческое желание со свистом прокатиться через весь

город. Наверняка сэр Кофа рассказывал урдерцам о моей манере езды всякие ужасные вещи, а это, как ни крути, лучшая реклама.

Так или иначе, но я впервые в жизни всерьёз беспокоился, что из моего амобилера станут вываливаться пассажиры. Ремней безопасности у нас пока не изобрели, да они и не имеют особого смысла, амобилер – довольно медленное транспортное средство, когда за его рычагом сижу не я. И не леди Меламори. И не Нумминорих. Других духовных последователей, способных ездить со скоростью, втрое, если не вчетверо превышающей обычную, у меня, хвала Магистрам, пока нет. А то бы, пожалуй, сам не обрадовался. Опасности на дорогах должны быть сведены к минимуму, и этот минимум – я.

Но делать было нечего. И я принялся их рассаживать. Рядом с возницей всего одно пассажирское место, оно досталось Ди, как самому крупному. Кадди в обнимку с птицей устроился в центре заднего сидения, с одной стороны их подпирала леди Лари, с другой – обе барышни. Я строго велел им держаться покрепче, а себе – ехать помедленней. И так преуспел в искусстве самовнушения, что до Нового города мы добирались целых полчаса. Для меня – своего рода рекорд. Таким аккуратным и осторожным возницей я ещё никогда не был. Впрочем, девчонки всё равно визжали на поворотах – не от страха, а от удовольствия. Старшие помалкивали, но это явно стоило им немалых усилий. Зато Скрюух орала так, что из окрестных домов выскакивали любопытствующие, посмотреть, не начался ли у нас случайно очередной конец Мира. А если всё-таки нет, то кого это среди бела дня заживо едят прямо посреди улицы? Впрочем, завидев мой амобилер, они понимающе кивали и возвращались в дом. Такая уж у меня репутация, что поездка, сопровождаемая душераздирающими воплями, кажется горожанам вполне естественным и даже благоприятным положением дел.

Спасибо прессе Соединённого Королевства, что тут ещё скажешь.

Дом знахаря Иренсо Сумакея я нашёл сразу. На самом деле просто повезло: проехав мимо дома Нумминориха и пару раз свернув наугад, я решил, что пора приступать к расспросам. А остановившись, увидел чуть впереди яркую табличку, белые и зелёные буквы на чёрном фоне: «Дом знахаря Иренсо». Всего полсотни метров, получается, до него не доехал. Но исправить это было легче лёгкого.

Распахнув ведущую в сад калитку, я сразу же обрадовался, что взял с собой всех желающих, включая Базилио. Ужасно жалко было бы, если бы она пропустила такое зрелище: дружная пара молодых серебристых горных

лисиц, которых называют чиффами, тут же бросившаяся обнюхивать мои сапоги, стайка совершенно ручных мелких пёстрых птиц, доверчиво усевшихся нам на плечи, и крошечная, размером хорошо если в два моих кулака, рыжая собачка, сидящая на крыльце бок о бок с огромным белым котом, на фоне которого мои Армстронг и Элла выглядели бы мелкими котятами, каковыми они, строго говоря, всё ещё являются. И сейчас это абстрактное знание впервые почувствовало себя в моей голове как дома.

И как будто явленного нам разнообразия фауны было мало, из-за угла дома вышла чёрная коза. Посмотрела на нас, моргнула большими светло-жёлтыми глазами и громким визгливым голосом сказала:

– Не стоит беспокоиться, всё пройдёт.

Урдерцы застыли как вкопанные, разинув рты. Мы с Базилио чувствовали себя несколько уверенней, потому что хотя бы теоретически знали о существовании говорящих коз сэйю. Правда, живут они не в наших краях, а где-то на морском побережье Уриуланда, но тут как раз ничего удивительного, кто угодно может сойти с ума и привезти из отпуска нового домашнего любимца. Лично мне просто повезло, что я пока ни разу не бывал в Уриуланде, а то даже подумать страшно, во что превратилась бы наша жизнь, притащи я домой ещё и говорящую козу. Сэйю, по словам очевидцев, довольно глупые животные, просто наделены способностью воспроизводить человеческую речь. Что запомнят, то и повторяют потом, когда им заблагорассудится. Ну или по команде, если очень долго и терпеливо их дрессировать.

– Любовь и еда пойдут ему на пользу! – выкрикнула тем временем коза, пятясь от нас обратно за дом. – Ему нужны любовь и еда!

– Давайте будем считать эту козу новым Правдивым Пророком, – предложил я. – Она нравится мне гораздо больше того, что засел в Нумбане. Мудрые вещи изрекает.

– Я согласен, – улыбнулся Дигоран Ари Турбон. – «Не стоит беспокоиться» – именно то, что надо. А то мы все уже извелись из-за Скрыухинового крыла. Жалко её очень.

– Что у вас случилось?

Дверь дома наконец распахнулась, и на пороге появился хозяин.

Будь у сэра Кофы Йоха младший брат, пожалуй, примерно так он бы и выглядел: большой, плотный, с тонким породистым лицом и очень внимательными тёмными глазами. Ему только трубки для полного сходства не хватало, но это как раз дело наживное.

– У нас случилась птица сыйсу, – гордо сказал я. – Одна на всех, но, согласитесь, всё равно серьёзное достижение. Мало кому так везёт.

– На моей памяти вы первые, – кивнул знахарь. И добавил: – Вас я, похоже, знаю. Вы же сэр Макс, верно? Надеюсь, с вашими кошками и собаками всё в порядке?

Я впервые в жизни встретил человека, который из всей информации, какую можно получить обо мне, проживая в столице Соединённого Королевства, счёл важным только факт наличия у меня домашних животных. И сразу начал беспокоиться об их благополучии. Мне захотелось его обнять, а потом, если получится, немедленно побрататься. Но иногда мне удаётся не давать воли своим страстям. Поэтому я только сдержанно кивнул:

– С ними всё отлично, спасибо. Я просто привёз сюда друзей. Они подобрали птицу сыйсу с подстреленным крылом.

– И приручили? – спросил знахарь Иренсо, удивлённо разглядывая Скрюух, которая спокойно терзала клювом полу Каддиного лоохи, не отвлекаясь на нашу человеческую суету. – Долго она у вас?

– Уже четвёртый день, – сказал Ди. – Надо было сразу её к вам везти, но мы совсем недавно поселились в Ехо и не знали, есть ли тут люди, которые лечат птиц.

– Нас, к сожалению, действительно очень мало, – сказал знахарь. – Я и двое коллег, но Йоки Лур пока недостаточно опытен, а сэр Авада Убрайкис совсем старик и слишком быстро устаёт от пациентов. Поэтому хорошо, что вас прислали именно ко мне. Однако удивительно, как смирно ведёт себя ваша питомица! Вы колдовали, чтобы её приручить?

– Ну что вы, – улыбнулся Ди. И смущённо добавил: – Мы пока не умеем. У нас, в Урдере, вашей магии не обучишься.

– Тем более удивительно, – покачал головой Иренсо Сумакей. – Ладно, идёте в кабинет. Посмотрим, чем я могу помочь. Но если можно, не все вместе, а только птица...

– Скрюух, – подсказал Кадди. – Мы её так называли.

– Вижу тебя как наяву, – вежливо сказал птице знахарь.

Без тени улыбки. Все бы так.

– А можно я тоже пойду? – спросил повар. – Скрюух не любит надолго со мной расставаться.

– Тогда не можно, а нужно. Важно, чтобы она была спокойна.

Знахарь повернулся, чтобы войти в дом, но его остановила Иш.

– А можно мы пока немножко погуляем по саду? – спросила она.

Иренсо Сумакей задумался. Оглядел нас всех очень внимательно, словно бы прикидывая, можно ли нам доверять. Наконец кивнул:

– Погуляйте. Насколько я разбираюсь в людях, никто из вас не

выглядит угрожающе с точки зрения животных. А вас, сэр Макс, я бы, пожалуй, согласился взять в помощники, – добавил он.

Неожиданно, но в общем понятно почему. К этому моменту я уже был с ног до головы облеплен разнообразным зверьём. Одна серебристая лисичка удобно устроилась у меня на руках, другая балансировала на плече, белый кот спустился с крыльца и улёгся на мою ногу, крошечная собачка восторженно прыгала вокруг второй. В кармане лоохи что-то деловито копошилось – я подозревал, что одна из пёстрых птичек решила попробовать свить там гнездо; по восхищённым взглядам Иш и Базилио я догадывался, что на голове у меня сидела целая стая. Только коза пока держалась на безопасном расстоянии, но и она сверлила меня влюблёнными глазами, явно намереваясь познакомиться поближе и сказать мне все утешительные слова, которым успела научиться за годы пребывания рядом с людьми. Говорю же, зверьё меня почему-то любит. Понятия не имею, за какие достоинства.

Поэтому прогулка по саду знахаря у меня получилась, мягко говоря, неспешная. Спутники мои давно разбежались в разные стороны, а я ещё несколько минут объяснялся с котом. Говорил ему, что прекрасней его нет никого в Море, и я был бы счастлив, если бы такая красота всю жизнь пролежала на моей ноге, но беда в том, что именно в данный момент у меня появилось непреодолимое желание сделать несколько шагов. А таким совершенным существам, как коты, следует быть снисходительными к человеческим слабостям. И время от времени давать нам погулять.

В какой-то момент коту наскучило слушать моё нытьё, и он меня отпустил. Но отправился следом, с таким строгим видом, что любому дураку стало бы ясно: я освобождён условно. Пока, так и быть, погуляй под надзором, а там поглядим.

Чиффа, сидевшая у меня на плече, фыркнула от неожиданности и крепче вцепилась когтями в моё лоохи. Её подруга, сидевшая у меня на руках, тревожно завопилась, прикидывая, не собираюсь ли я унести её с собой неведомо куда. Крошечный пёс умчался вдаль, оглашая окрестности писком, условно похожим на лай. Птица, уютно устроившаяся в моём кармане, вылетела оттуда и принялась кружить над моей головой, страшно ругаясь на своём птичьём языке: «Я думала, ты тут теперь всю жизнь стоять будешь, а ты-и-и-и! Так меня подвёл! Ну вот куда тебя понесло? Чего ты там не видел?»

Ну, честно говоря, много чего.

Сад знахаря Иренсо Сумакея оказался для меня ещё одной вариацией на тему рая, возможно даже более соблазнительной, чем крыша Мохнатого

дома, а ведь до сих пор я был уверен, что мою крышу ничто не затмит. Но этот огромный запущенный сад со следами былой ухоженности, где, не дожидаясь окончания зимы, начали понемногу расцветать плодовые деревья, из земли пробивалась молодая трава всех оттенков синего и зелёного цвета, среди древесных корней грелись на солнце ежи и примкнувший к ним муримахский заяц с большими круглыми ушами, а в зарослях вечнозелёных душистых кустарников щебетали разнокалиберные птицы, пленил моё сердце раз и навсегда.

Я хотел догнать своих спутников, но передумал, внезапно почувствовав, что очень устал. Обычное дело: если мне не дать выспаться, но при этом не загрузить делами, я тут же начинаю клевать носом. И лучшее, что можно сделать в такой ситуации – разрешить себе спокойно подремать хотя бы четверть часа. Обычно этого оказывается достаточно, чтобы распрекрасно жить дальше. Ещё, конечно, можно просто хлебнуть бальзама Кахара, но фляжку с ним я вечно забываю положить в карман, тут уж ничего не поделаешь.

В общем, я выбрал укромное местечко под приземистым раскидистым деревом, на ветвях которого пожухшая прошлогодняя листва удивительным образом соседствовала с готовыми распуститься свежими почками, улёгся на мягкую сухую траву, согретую солнцем, закрыл глаза, лениво подумал: «Ни фигя себе, как мы хорошо живём – ещё зима не закончилась, а уже на земле можно валяться», – и задремал. Сопровождавшие меня лисички немного повозились, устраиваясь рядом, но потом передумали и убежали, по крайней мере, я перестал ощущать их присутствие. Кот, видимо, тоже ушёл, и совершенно напрасно, именно сейчас я был совсем не прочь пригреть его на груди. Впрочем, ладно, и так неплохо. В смысле очень хорошо.

Удивительное дело, засыпал я вполне счастливым, а проснулся через несколько минут от горя. Именно так, проснулся от горя, словно оно было звонком будильника или зубной болью. Такое острое, что ни воем, ни криком от него не отвяжешься. Оно сильнее.

Спросонок я не понял, что происходит, схватившись за сердце, стал вспоминать, что случилось, кто из моих близких умер? Или вообще все? Или умер я сам, а теперь не могу воскреснуть и вернуться к ним? Или не умер, но вернуться всё равно не могу? Господи боже мой, да что творится вообще?

Хвала Магистрам, затмение продолжалось буквально секунду, а потом я проснулся окончательно, вспомнил, как попал в этот сад, произвёл

ревизию своих житейских драм, понял, что стать причиной столь острого горя они не смогли бы даже при умножении на десять – у нас все живы, целы и даже более-менее в своём уме, с остальным как-нибудь разберёмся.

А потом я наконец осознал, что горе – не моё. Чужое. Просто такое сильное, что выплеснулось через край и затопило всех, кто оказался рядом. То есть, меня. Не стоит всё-таки ложиться спать в незнакомых местах, когда я уже это усвою, а.

Я внимательно огляделся по сторонам. Никаких страдальцев поблизости не обнаружилось. Сад по-прежнему выглядел райским уголком, и набухшие почки на древесных ветвях никуда не подевались, и повесенному сияющее перламутровое небо, и молодая трава.

Чего только не примерещится спросонок, – сердито подумал я. И велел себе выбросить неприятное пробуждение из головы. Не то чтобы я всегда себя слушался, но не оставляю надежды, что однажды это сработает. Когда-нибудь.

Я собрался было встать, но тут заметил, что за мной наблюдают. Откуда-то снизу – неужели из-под земли? Может быть, знахарь Иренсо развёл у себя в саду каких-нибудь колдовских кротов с тяжёлым нравом? И они насылают морок на всякого, кто дерзнёт прилечь на их полянке? Злобные кроты-колдуны – это было бы смешно. Хоть и немилосердно... Нет, стоп.

Нет, стоп, – сказал я себе, – шутки шутками, но кто-то правда на меня смотрит.

И, приглядевшись повнимательней, наконец увидел серебристую лису чиффу, устроившуюся среди древесных корней. Она зарылась в сухую траву так, что только нос торчал наружу. Ну и глаза с ним за компанию. Я сперва решил, что это одна из давешних лисичек всё-таки решила остаться со мной, но тут же понял – нет, не она. Эта лиса была гораздо крупней. И не проявляла ни симпатии, ни любопытства. Глаза её были тусклы, равнодушны и бесконечно печальны. Я почти инстинктивно протянул руку, чтобы погладить зверя, и, едва коснувшись серебристой шерсти, понял, что приснившееся мне горе принадлежало именно лисе.

– Так не бывает, – растерянно сказал я вслух. – Зверь не может быть несчастен, как человек. Вам не положено!

Лиса, конечно, ничего не сказала. Но подозреваю, умеет она говорить человеческим голосом, в ответ раздался бы горький саркастический смешок: «Не положено, значит? Ну-ну. И кто, интересно, по твоему мнению, нам не этого не положил?»

Мне хотелось поскорее встать и уйти. Отыскать хозяина дома, сказать:

«Там у вас зверю очень плохо, надо что-нибудь с этим сделать». Впрочем, знахарь и сам наверняка знает, что происходит у него в саду, так что можно ничего не говорить, а просто уйти, дожидаться остальных в амобилере, поехать домой и как можно скорее выкинуть из головы свои дурацкие фантазии о лисьем горе, которое якобы вторглось в мой сон, а на самом деле, конечно же, померещилось, нечего перекладывать с больной головы на здоровую, не может такого быть.

Но я, конечно, никуда не ушел, а наоборот, придвинулся поближе, погладил лису – сперва осторожно, потом по-хозяйски запустил руки в густую серебристую шерсть, как привык с собаками, но это не произвело никакого впечатления. Зверь не стал ластиться в ответ, но и не попытался убежать, ни одна мышца тела не дрогнула, и дыхание не участилось, как будто он вообще ничего не чувствовал; впрочем, вероятно, именно так и было.

– Бесполезно, – печально сказал знахарь Иренсо Сумакей. – Ему всё равно.

Он оказывается уже закончил осмотр синей птицы и отправился в сад нас всех собирать. И видимо сразу наткнулся на меня.

– Ему? – зачем-то повторил я. – Так это не лиса, а лис?

– Ну да. Сами видите, какой крупный. Самки чиффы гораздо мельче.

– Что с ним? – спросил я. – По-моему, ему очень плохо.

– Вы правы, – сказал знахарь, усаживаясь рядом с нами в траву. – Так плохо, что хуже, пожалуй, некуда. И я ничем помочь не могу, только оставить в покое. Йовка очень стар; впрочем, беда не в этом. Лисица, с которой он прожил много лет, умерла в конце осени. Тоже была совсем старушка. Попала ко мне случайно, когда я гостил у тётки в графстве Шимара. Мальчишки, вообразившие себя охотниками, подстрелили, принесли на рынок, а она там внезапно ожила. Оказалось, не убита, а только ранена. Сердобольные торговки её отобрали, послали за мной, отдали, сказали: «Лечи». Пришлось срочно везти лису домой, в Ехо. Я тогда был довольно неопытный знахарь, а случай тяжёлый, решил, чем ближе к Сердцу Мира, тем проще лечить, и действительно как-то справился. А лис потом, дюжины четыре дней спустя, сам пришёл – сюда, в мой дом, аж с Шимарских предгорий. Искал свою подружку и нашёл, представляете?

– Не представляю, – откликнулся я.

На самом деле соврал. Мне такое представить – раз плюнуть. Для меня даже мимолётная симпатия – прекрасный повод совершить невозможное. Что уж говорить о любви.

– Йорка и Йовка, такая была неразлучная парочка! – сказал знахарь. – Они прожили у меня в саду больше сорока лет. Настолько ручные стали, что я не рискнул бы их отпустить. Да они и сами не хотели уходить, это понятно, для умной лисицы удрать отсюда совсем несложно. Но им здесь было очень хорошо, вон даже лисят принесли, уже на старости лет, когда никто от них подобного кунштюка не ожидал. Нахальная шустрая мелочь, которая атаковала вас на входе – их дочери. Есть ещё мальчишка, но он не такой любопытный, как сёстры, к чужим не выходит. По крайней мере, не в первые полчаса. Но Йорушке позднее потомство не пошло на пользу. Всего семь лет после этого прожила. И я ничего не смог сделать, старость – это, к сожалению, не болезнь, которую можно вылечить. По крайней мере, я не справился. А Йовка, бедняга, решил, что это не справился он. Как же, самый старший, глава семьи, а такое допустил! С тех пор так и лежит пластом. Не ест, не пьёт, никого не узнаёт, ничего не слышит и, похоже, не чувствует. И не хочет, это понятно. Но почему-то всё ещё жив.

– Надо же, – вздохнул я. – Ничего себе – дикий зверь. Люди – и те обычно легче справляются с потерями.

– Ну так то люди. А чиффы – очень верные существа. Правда только если находят свою настоящую пару. Обычно после окончания брачного сезона самки убегают от своих кавалеров и сами вырачивают лисят. Многие думают, что так живут все горные лисы, но нет, не все. Иногда пара не расстается, и такие союзы у чифф гораздо крепче человеческих. Если уж решили быть вместе, то навсегда. И умирают обычно в один день или сразу друг за дружкой. Но у Йовушки почему-то не получается умереть. Хотя он очень тоскует. Будь он человеком, сказали бы, что он сошёл с ума от горя. Это и правда так.

– Бедный ты мой зверь, – сказал я лису. – Как же тебя угораздило.

– Не будь я знахарем, я бы его убил, – неожиданно признался Иренсо Сумакей.

Я уставился на него так, словно добрый знахарь вынул из-за пазухи окровавленный топор и принялся похвастаться числом зарубленных с утра беспомощных сирот. Но Иренсо спокойно выдержал мой взгляд.

– Вы сами знаете, что он только этого и хочет. Вы же всё чувствуете, не хуже, чем я. Но если вам неприятно об этом говорить, извините. Просто мне больше не с кем.

Я молча кивнул, потому что слова застряли у меня в горле. Впрочем, это к лучшему, всё равно они были какие-то дурацкие. Совсем не те, что требуется в подобных случаях. А какие требуются, я тогда не знал.

До сих пор, собственно, не знаю.

А тогда я просто снова погладил лиса. Ничего глупее и выдумать нельзя. Зачем ему докучать?

– Однажды мне пришлось убить очень много народу сразу, – наконец сказал я. – Умиравших от анавайны. Всех, кого не хватило сил вылечить. Они сами об этом попросили, поскольку были обречены и верили, что анавайна уничтожает не только тело, но и всего остального человека, целиком, вместе с бессмертной частью сознания, которая, я надеюсь, у всех нас всё-таки есть. Ну и заболевшие на это надеялись, поэтому просили их убить; кроме всего, со времён правления Короля Мёнина осталось суеверие, будто умереть от руки Вершителя очень полезно для дальнейшего посмертного бытия... В общем, неважно. Сейчас я бы наверное что-нибудь постарался придумать, а тогда не сумел. Сделал, как они просили, поехал домой и лёг спать, а потом проснулся и стал как-то жить дальше, причём не то чтобы плохо, совсем нет^[22]. Но с тех пор тему убийства из милосердия считаю закрытой. Хватит с меня.

– Ладно, – невозмутимо кивнул Иренсо Сумакей, – принято. Я, каюсь, действительно собирался попросить о помощи, не подумав, что подобная просьба может быть вам неприятна. Просто говорят, что убить для вас – раз плюнуть, и я почему-то принял это на веру.

Самое смешное, что в данном случае обо мне говорят правду. Я действительно могу убить плевком, потому что ядовит, как змея; то есть, на самом деле, гораздо ядовитей, мне даже кусаться не надо, плюнуть совершенно достаточно. Такой нечаянный дар Великого Магистра Ордена Могильной Собаки Махлилгла Анноха, который на самом деле не хотел ничего дурного, а просто честно пытался меня прикончить, но вышла небольшая техническая накладка^[23].

– С одной стороны, даже хорошо, что вам не нравится убивать, – заключил знахарь. – А с другой – плохо. Но только для Йовки, а он так стар, что рано или поздно справится сам. Извините меня, пожалуйста.

– Да не за что на самом деле, – вздохнул я. – На вашем месте я бы, наверное, тоже обрадовался гостю с репутацией безжалостного убийцы. Мне и самому жаль, что я – не он, а просто сентиментальный дурак, которому кажется, будто всякая жизнь драгоценность, а горе и даже безумие – не самая высокая плата за возможность оставаться живым, вполне можно перетерпеть. Я когда-то сам перетерпел и, как ни странно, дожил до дня, когда всё стало иначе. И теперь умом понимаю, что у вашего лиса надежды на благополучный исход, прямо скажем, поменьше, чем просто никакой, как было тогда у меня, но сердце с этим не соглашается. А

оно у меня в хозяйстве за старшего, так вышло. Я не выбирал.

– Да, такие вещи не выбираешь, – понимающе кивнул Иренсо Сумакей. – Ладно, идёте отсюда. Всё, что мы можем сделать для Йовки – оставить его в покое.

Не то от короткого дневного сна, не то от лисьего горя и наших разговоров я был как в тумане и, в общем, довольно приблизительно понимал, что происходит вокруг. Но как-то собрался, послал зов каждому из своих спутников, велел им возвращаться в амобилер. И сам туда пошёл, вполуха слушая по дороге оптимистический отчёт знахаря о состоянии крыла Скрюух – судя по его словам, у нашей синей птицы были неплохие шансы снова взлететь, правда, не слишком скоро. Хорошо если к лету. И тут, по словам Иренсо, была только одна опасность – что за это время Скрюух станет совсем ручной.

– Ну и отлично! – сказал повар Кадди, который, сияя от радости, ждал нас у калитки в обнимку со своей питомицей. – Будет летать над городом, а вечером возвращаться домой, как в гнездо.

Это да. Скандальной синей птицы сыйсу, с истошными воплями кружащей над крышами Старого Города, нам здесь до сих пор отчаянно не хватало. Оставалось надеяться, что Скрюух действительно выздоровеет и внесёт свой вклад в дело окончательного превращения нашего городского пейзажа в сложносочинённую галлюцинацию.

Когда я сел за рычаг, знахарь Иренсо Сумакей прислал мне зов – использовал Безмолвную речь, чтобы не говорить вслух.

«Мне правда очень жаль, что я затеял этот разговор, сэр Макс».

«Да ладно, – ответил я. – Понятно же, почему. И вообще всё понятно. Очень жалко вашего лиса. А всё остальное ерунда».

– Будет больно, но недолго, – громко сказала вышедшая нас проводить чёрная коза.

Оставалось надеяться, что она и правда изрекает пророчества. Я бы за это дорого дал, если бы знал, с кем можно договориться.

К счастью, по дороге взволнованная и возмущённая грубым медицинским вмешательством в её частную жизнь Скрюух громко вопила, повар Кадди утешал её душедробительно ласковыми словами, которые хотелось законспектировать и выучить наизусть, чтобы изводить потом ближних долгими зимними вечерами, а леди Лари и барышни, бурно жестикулируя, обсуждали прекрасный сад знахаря и встреченное там зверьё. Поднятый ими гвалт быстро вывел меня из печального транса, так

что уже на выезде из Нового Города я с облегчением обнаружил в своей шкуре старого доброго сэра Макса, обладающего удивительной способностью выбрасывать из своей дурацкой головы всё, что мешает наслаждаться приятной поездкой, или любым другим событием, которое происходит с ним прямо здесь и сейчас, а стало быть, и является его жизнью. Ну, то есть моей.

Теперь наслаждаться приятной поездкой мне мешало только здоровое чувство невыполненного долга. Да и то лишь потому, что Дигоран Ари Турбон, чья семейная история интересовала меня сейчас куда больше, чем все прочие тайны этого Мира, сидел рядом со мной и блаженно щурился на солнце, озирая достопримечательности района, через который мы проезжали, – древние стены заброшенных Орденских резиденций, покосившиеся крыши ветхих домов, вековые деревья на обочинах и каким-то образом проросшие сквозь булыжную мостовую розовые кусты. Щёки его были оранжевыми, как мандарины, – цвет восхищения, если я ничего не путаю.

Ди словно почувствовал, что я о нём думаю, и улыбнулся мне широко и простодушно.

– Я только сейчас начинаю осознавать, как вы нас выручили, – сказал он. – Так далеко этот знахарь живёт! Пешком наверное целый день пришлось бы к нему идти. И потом всю ночь обратно добираться. Удивительно большой город Ехо! Никогда, наверное, к этому не привыкну.

Я вдруг подумал: а может быть, Ди вообще не гуляет по улицам, как говорит домашним? А просто заходит в какой-нибудь ближайший двор и сидит там весь день? Привыкает понемножку к масштабам и суете многолюдного города, как медленно входящий в холодную воду пловец. Мне-то подобный метод кажется бессмысленной пыткой, проще сразу нырнуть с головой и закрыть вопрос. Но все люди разные, и некоторым легче именно так, это я понимаю, хотя только теоретически.

Ладно, с его прогулками пусть Кофа разбирается. Он обещал.

А вслух я сказал:

– Рад, что выручил. Мне несложно. Даже наоборот. Почувствовал себя ненадолго практически членом вашей дружной семьи. Например, дополнительным младшим братом. Впрочем, у вас и без меня братьев и сестёр наверняка хватает.

Ди, к моему удивлению, отрицательно покачал головой.

– Нет, нас только двое – Лари и я.

И безмятежно улыбнулся.

Я растерялся. Как это – двое? А Иш тогда откуда взялась? Племянница

– это же дочь брата или сестры. А ни Лари, ни Ди не называли её дочкой. Впрочем, может быть, в Урдере «племянниками» именуют всех младших родственников, включая самых дальних?

Немного поколебавшись, я решил, что могу его расспросить. Нет никакой особой бестактности в том, чтобы интересоваться чужими обычаями.

– А почему тогда вы называете Иш племянницей?

Ди удивлённо моргнул, и я пояснил:

– У нас «племянник» – это ребёнок брата или сестры. А в Урдере иначе?

Собеседник мой пожал плечами.

– Племянница – это просто племянница, – неопределённо пояснил он. – Была бы она чьей-то дочерью, я бы так и сказал.

– Ээээээ... – протянул я.

Я вообще выдающийся мастер слова.

– О, а у вас тоже так не бывает? – внезапно оживилась леди Лари.

– Что именно?

– Ну конечно! – почему-то обрадовалась она. – И в Куанкурохе не бывает, и в Чангайе, я же расспрашивала...

– Да что не бывает-то?

– Дети так, как у нас, не появляются.

– Что?!

– Не все дети, конечно, а только некоторые.

Я всерьёз задумался, не припарковать ли амобилер у какой-нибудь обочины. Потому что, похоже, меня вот-вот сведут с ума. И лучше бы мне в этот момент не управлять движущимся транспортным средством.

Но леди Лари сжалилась и пустилась в объяснения.

– У нас порой случается, что если чья-то семья слишком мала – вот как у нас с Ди: родители умерли, дедушки и бабушки тоже, дядей и тёток нет, подходящие спутники жизни пока не встретились, и людей это печалит, в семье вдруг появляется ребёнок. Никто его не рождает, никто ниоткуда не приносит, ребёнок просто появляется, и всё. Говорят, таких детей даёт само Великое Крайнее море, которое только кажется суровым, а на самом деле милосердно, хоть и не любит это показывать. Такой ребёнок похож на всех членов семьи, и вообще сразу ясно, что он – не подкидыш, а свой, родной. Только ни матери, ни отца у него нет, поэтому их обычно называют «племянниками» и «племянницами» – просто чтобы как-то обозначить кровное родство. Вот и у нас с Ди появился Иш. Мы были очень ему рады – ну, то есть ей; неважно, пусть будет, кем хочет, лишь бы самому нравилось.

– Ого! – присвистнул я.

– Так вот почему ты смогла почувствовать вкус моей еды, – сказала подружке Базилио. – А я-то всё голову ломала! Теперь понятно. Наверное, ты тоже немножко овеществлённая иллюзия. Надо будет Старшему Помощнику Придворного Профессора о тебе рассказать, то-то он обрадуется! Он говорил, что нас, овеществлённых иллюзий, способных долго жить, никуда не исчезая, очень мало, а в Соединённом Королевстве сейчас вообще только я одна. К тому же, в некоторые игры лучше играть втроём, я точно знаю. А Макс вечно занят. И все остальные тоже.

Всё-таки она у нас очень практичная барышня. И умеет позаботиться о своих интересах, по крайней мере, в вопросах, которые считает важными.

– Было бы здорово, – откликнулась Иш. – Но, по-моему, я всё-таки самая обыкновенная, никакая не иллюзия, ничего особенного во мне нет. Даже чудовищем никогда в жизни не была.

– Это тебе крупно повезло, – заверила её Базилио. – Когда я только родилась, все вокруг только и думали, будто я хочу их съесть, представляешь? Даже Макс признался, что тоже сперва так решил, хотя виду не подал. Он вообще очень храбрый.

Никогда не знаешь, где, когда и от кого получишь самый увесистый комплимент в своей жизни. Я так обрадовался, что передумал сходить с ума на почве особенностей урдерской демографии. Было бы от чего! Этот Мир исполнен магии – весь, целиком. И её проявления, как я в последнее время начал понимать, чрезвычайно разнообразны. Мало ли, где какие чудеса у нас тут творятся. При настолько слабо развитых информационных технологиях совершенно нормально практически ни о чём ни хрена не знать.

В общем, я благополучно довёз всю компанию к месту назначения. Высадил их у входа во двор и сам вышел следом, твёрдо рассчитывая, как минимум, на остатки вчерашнего Ледяного Горного рулета, ну или что ещё там мы не успели доесть за ужином.

Правильно сделал, что отправился за ними, а то пропустил бы удивительное зрелище: на пороге закрытого трактира сидел Малдо Йоз. В шляпе, как ему и положено. С таким видом, словно вчера нанялся работать в этот трактир посудомойщиком и вот, явился на службу, а тут – никого.

– Я просто случайно мимо проходил, – невозмутимо сказал он. – Подумал, почему бы не заглянуть? Никого не застал и решил дождаться. Обидно было бы уйти, так и не пожелав вам хорошего утра. Ну или уже не утра; ай, всё равно.

И посмотрел на Иш, да так, что я наконец понял, какого чёрта он вчера засиделся в «Свете Саллари» до ночи. И с утра снова пришёл. Ничего себе дела.

Хорошо хоть она сегодня в мальчишку не превратилась, а то был бы свежеиспечённому ухажёру сюрприз. Впрочем, ещё, надо полагать, будет. Ладно, пусть сам разбирается. Взрослый человек, хоть и гений. А кто, собственно, не гений в наши трудные времена? Все хороши.

В трактире я устроился за столом поближе к Ди. Разговор о его родственниках требовал завершения. Потому что шокировали меня урдерцы, конечно, знатно, но надежду на существование какого-нибудь семиюродного внучатого племянника, влачащего тяжкий груз разноцветного проклятия, пока не отняли. И этот вопрос следовало немедленно прояснить.

– Так у вас с леди Лари и Иш больше вообще никакой родни? – спросил я.

Бесцеремонно, конечно. А что делать.

– Никакой, – печально подтвердил Дигоран Ари Турбон.

На лице его явственно проступил лиловый цвет огорчения. Я растерялся. Совершенно не хотел его расстраивать. Никогда не угадаешь, где у кого больная мозоль.

– Извините, – сказал я. – В голову не пришло, что вам может быть неприятно, а то ни за что не стал бы расспрашивать.

– Нет-нет, что вы, – запротестовал он. – Нет ничего неприятного в ваших вопросах. Просто я подумал... Мне показалось...

На этом месте мой собеседник смущённо осёкся и умолк. Но от меня так просто не отделаешься.

– Что вам показалось?

– Что вам хотелось бы подружиться с человеком, у которого большая семья. Потому, что вам именно этого в жизни не хватает. А у нас семья совсем маленькая. И это жаль, потому что вы хороший человек, и я хотел бы считать вас своим другом, – простодушно сказал он.

Мама дорогая. Куда я попал.

Но Ди нуждался в утешении, поэтому пришлось задвинуть своё изумление подальше и срочно придумывать какой-нибудь душевный ответ, способный его успокоить. Желательно, без уменьшительно-ласкательных суффиксов, но если не получится, чёрт с ними, пусть будут. У всего своя цена.

Однако для начала я решил попробовать обойтись малой кровью. То

есть пафосом. Принял торжественный вид и сказал:

– Это честь для меня, сэр Дигоран. Конечно, вы можете считать меня своим другом, я буду только рад. Численность семьи совершенно не влияет на моё отношение к людям. Я вас просто из любопытства расспрашивал. Когда встречаешь таких прекрасных людей, как вы трое, да ещё и приехавших из другой страны, хочется узнать об их жизни побольше.

– Ой, – с явным облегчением сказал Ди. – Как же глупо, что я расстроился! Ну, зато услышал от вас такие приятные слова. Спасибо вам за них.

Я испугался, что на этом разговор о родственниках с разноцветными лицами закончится раз и навсегда, и поспешно добавил:

– На самом деле я ещё и потому вас о семье расспрашивал, что в Кумоне, столице Куманского Халифата, по рассказам очевидцев, в последнее время часто появляется человек с красным лицом. А в Нумбане недавно видели на ярмарке человека с белым. Я подумал, может быть, это ваша родня по всему Миру разъехалась? И вам интересно о них узнать?

Ди огорчённо покачал головой.

– Мне было бы очень интересно! Но я точно знаю, что никакой родни, даже дальней, у нас с Лари нет. Мы хорошо изучили свою родословную, так что сюрпризов быть не может.

– А вдруг Туффалей Фаюм Хаг проклял не только нашего прадеда, но и ещё кого-нибудь? – предположила леди Лари. – Иногда так бывает: если уж один раз получилось, потом не остановиться.

– Ваша правда, – невольно улыбнулся я. – Именно так и бывает: сперва одного заколдуешь, потом другого, а несколько дней спустя уже все вокруг такие заколдованные ходят, что смотреть больно.

– А эти люди, которых вы приняли за наших родственников, сделали что-нибудь выдающееся? – спросил меня Ди. – Почему о них рассказывают?

– Ну вообще-то цвета лица более чем достаточно, – заметил я. – Это же очень необычное явление. До знакомства с вами я понятия не имел, что так бывает. Впрочем, я-то ладно, но мои гораздо более образованные друзья тоже не знали. И в «Энциклопедии Мира» сэра Манги Мелифаро об этом ни слова. А мы уже как-то привыкли на неё полагаться.

– «Энциклопедия Мира»? – встрепелась Иш. – А у вас она есть? Можно будет почитать?

– Конечно, – хором сказали мы с Базилио.

– А давайте я вам её подарю, – предложил Малдо Йоз. – У меня дома есть лишний экземпляр.

Отличный ход. Я бы на его месте тоже так соврал, чтобы урдерцы не постеснялись принять дорогой подарок. Оставалось надеяться, что Малдо хватит сообразительности отодрать от так называемого «лишнего» экземпляра этикетку с эмблемой книжной лавки. Я сам как раз мог бы на этом проколоться, но большинство людей в подобных вопросах гораздо сообразительней меня. Даже гении.

Иш восхищённо закивала. Леди Лари и Ди просияли, явно предвкушая совместное чтение. Такие хорошие. Совсем как дети. Они очень мне нравились. И одним своим присутствием возвращали душевное равновесие, которого, будем честны, здорово поубавилось за истекшие сутки.

Поэтому я решил пойти ва-банк. Ну, то есть рассказать всё как есть, и посмотреть на их реакцию. И послушать, что мне скажут в ответ. И успокоиться уже наконец. И ходить потом в «Свет Саллари» просто для удовольствия, а не ради информации. Потому что как сейчас, со служебной надобностью, как с кукишем в кармане, просто нечестно. Очень этого не люблю.

– На самом деле человек с красным лицом наделал много шума в Кумоне, – сказал я. – Он нападает с ножом на прохожих. Многих ранил, а некоторых даже убил.

Урдерцы дружно уставились на меня, но не встревоженно, а просто с любопытством. Как и положено нормальным добропорядочным обывателям, всегда готовым проглотить любое количество баек о криминальных происшествиях, только рассказывать успевай.

– Его поймали? – спросила Иш. И неуверенно добавила: – Убийц же обычно стараются поскорее поймать, правильно? И в Куманском Халифате тоже так?

– Тоже, – кивнул я. – Но этого пока не поймали. Не получается. Он исчезает сразу после того, как наносит удар. И никаких следов.

– Как это – исчезает? – заинтересовалась леди Лари. – Так быстро убегает?

– Нет. Просто исчезает, и всё.

– Но это же невозможно! – убеждённо возразила она.

– Ещё и не такое возможно, если уметь колдовать, – сказал ей брат. – Наверное этот человек с красным лицом – по-настоящему могущественный колдун!

Голос Ди дрожал от волнения, а глаза горели, как у ребёнка, только что выслушавшего волшебную сказку и твёрдо решившего брать пример с главного героя. Я решил немного остудить его пыл.

– Вполне возможно, он очень неплохой колдун. Но при этом, как ни крути, убийца.

– Но если он колдун, всё остальное неважно! – горячо возразил Ди.

Я изумлённо уставился на этого человека, который до сих пор казался мне добрейшим существом в Море. А потом до меня дошло. В Урдере же действует этот грешный Закон Рроха. «Никакое действие не может быть объявлено преступным, если доказано, что для его совершения использовалась магия». И вот такая каша, надо понимать, творится в голове у всякого мирного законопослушного урдерца. «Не просто убийца, а колдун», – и всё, пусть режет дальше, кого пожелает, на здоровье, нам не жалко.

– Вы не забывайте, – мягко сказал я, – у нас, в Соединённом Королевстве, умение колдовать не считается смягчающим обстоятельством. Скорее наоборот. И это правильно. Потому что, во-первых, колдовать тут худо-бедно умеют практически все. А во-вторых, чем больше могущества, тем больше ответственности. По-моему, это справедливо.

– Я знаю, что у вас так, – вздохнул Дигоран Ари Турбон. – Но, наверное, никогда не смогу понять и принять всем сердцем. У нас считается, что если уж судьба наделила человека великим могуществом, значит, она ему доверяет. А судьбе видней. Впрочем, вам, конечно, тоже видней, какие порядки у себя устанавливать... Ох, всё-таки очень трудно поверить, что все вокруг умеют колдовать! Это совершенно не укладывается в голове.

– Так научитесь сами, – посоветовал я. – Вон, Иш уже начала. Как лихо по потолку скачет – залюбуешься! И Кадди готовит с применением магии, иначе не было бы так вкусно. А вчера Меламори научила леди Лари делать еду для Базилио, помните? Это же тоже магия. Причём далеко не самая простая, лично я до сих пор не научился, да и ребята поначалу намучились с этим фокусом.

– Слушайте, а ведь правда, – восхищённо кивнул Ди. – Хвала свету зримому, я дожил до того дня, когда мои самые близкие люди оказались колдунами! И сам этого не понял, позор мне!

– Да ладно, – невольно улыбнулся я, – какой там позор. Когда жизнь так резко меняется, можно не заметить даже, что сам стал колдуном. Со мной именно так и было: я узнал эту новость последним. Ну, то есть осознал её гораздо позже, чем окружающие, которые к тому времени уже наловчились, завидев меня, переходить на другую сторону улицы, как бы чего не вышло. Притом, что с ножом на них я всё-таки не кидался. И даже исчезать научился гораздо позже.

– Так вы тоже умеете исчезать? – Ди благоговейно воздел руки к потолку, а лицо его начало приобретать оранжевый оттенок.

– Сейчас покажу, – пообещал я. – Тем более, что мне давным-давно пора появиться на службе.

Встал со стула, сделал шаг и исчез – с точки зрения присутствующих. А со своей собственной – просто оказался в кабинете сэра Джуффина Халли. Который не то чтобы требует от меня регулярно появляться в Управлении Полного Порядка, но искренне удивляется, если я этого не делаю. Шефу Тайного Сыска кажется, что ежедневно ходить на службу – не обязанность, а счастливая возможность упорядочить свою жизнь, одновременно сделав её гораздо более непредсказуемой, глупо такую упускать.

По большому счёту он, безусловно, прав.

– Как дела? – спросил Джуффин после того, как я положил перед Курушем ещё тёплый урдерский пирожок «с тенью», а на самом деле просто с какой-то сладкой начинкой, вроде синеватого, как вечерние тени повидла, который предусмотрительно прихватил с собой. Не традиционное пирожное, зато экзотика. И уж всяко лучше, чем ничего.

– Отлично, – сказал я.

Потом, конечно, спохватился. Ясно же, что Джуффин не просто из вежливости спрашивает, и говорить ему лучше правду. По крайней мере, что-нибудь более-менее похожее на неё. Признался:

– Ужасно на самом деле.

И снова запнулся, не договорив. Помотал головой:

– Нет, всё-таки не «ужасно». Как-то ещё. Мой персональный мир в очередной раз рушится, а жизнь прекрасна, как никогда. Всё одновременно.

– А. Ну, значит, просто нормально, – констатировал шеф.

Что тут возразишь.

Я уселся на подоконник. Закурил. Сказал:

– В Новом Городе живёт знахарь Иренсо Сумакей, который лечит зверей и птиц. Ты знаешь, что у него в саду обитают твои тёзки?

– Да, мне рассказывали, что один знахарь завёл в саду наших шимарских лисиц, – улыбнулся сэр Джуффин Халли, когда-то известный в столице как Чиффа. А теперь, наверное, только старые друзья и враги изредка вспоминают это прозвище.

– Я даже хотел попроситься на них поглядеть, – признался он. – Но не стал. Довольно бестактно, будучи начальником Тайного Сыска, вламываться в дома простых горожан и, пользуясь особыми полномочиями,

заставлять их показывать мне своих домашних питомцев. Тебя, сэр Макс, кстати, тоже касается.

– Да уж, – невольно усмехнулся я. – Но у меня были смягчающие обстоятельства. Вернее, всего одно, но способное смягчить всё что угодно: птица сыйсу. И сопровождающая её толпа взволнованных урдерцев. Кстати, я теперь работаю возницей. За еду. Имейте в виду, если вдруг понадобится.

– У кого это ты научился шутить с таким мрачным лицом? – осведомился Джуффин. – Подобные манеры вышли из моды лет двести назад; впрочем, тебе идёт.

Я хотел было честно ответить, что шучу по инерции, а на самом деле, думаю сейчас о старом лисе, который хочет и никак не может умереть, но тут Куруш возмущённо объявил:

– Не зря считается, что этот пирожок «с тенью». Вкусный, но совсем не сытный. Одним таким точно не наешься!

Джуффин сочувственно покивал и полез в ящик стола за утешительными орехами. Этой паузы мне хватило, чтобы опомниться и прикусить язык. Лису Йовке не станет легче, если я начну портить настроение всем вокруг рассказами о его печальной судьбе. И Джуффину информация о состоянии дел лисьего семейства вряд ли так уж необходима. Ну и вообще, я совсем другое собирался обсудить. Затем, собственно, и пришёл.

Сказал:

– По дороге я расспрашивал Ди о его семье. И узнал много удивительных вещей, которые совершенно не укладываются у меня в голове. В частности, что родственников у них с леди Лари нет, даже дальних. Ни мужского пола, ни женского, никакого. А «племянниками» в Урдере, оказывается, часто называют детей, которые берутся неведомо откуда, просто потому, что кому-то захотелось иметь большую семью...

– Погоди, «неведомо откуда» – это как? – опешил Джуффин.

– А вот так. Появляются, и всё. Урдерцы считают, будто таких детей им дарит сам Великое Крайнее море; откуда оно их берёт, ребята, похоже, предпочитают не задумываться, и я их понимаю, сам бы предпочитал... А ты тоже никогда ни о чём подобном не слышал?

Он отрицательно помотал головой. И, подумав, добавил:

– Но я вообще очень мало знаю об Урдере. Можно сказать, почти ничего. Просто повода заинтересоваться до сих пор не было. Очень уж далеко эта страна. И её граждане нечасто сюда приезжают.

– Я попросил Шурфа собрать все сведения об Урдере, какие только

можно найти в Орденской библиотеке. И он даже кое-что успел мне вчера рассказать. В основном про закон Рроха – а об этом ты, кстати, знаешь?

Джуффин нетерпеливо кивнул.

– Ну тогда можешь представить, сколько у меня возникло вопросов. А потом у него начался какой-то очередной административный ужас, и лекцию пришлось прервать. Может, позовём его прямо сейчас? Пусть просветит нас насчёт племянников и прочей зловещей мистики Великого Крайнего Моря.

– «Прямо сейчас» – это ты оптимист, – ухмыльнулся Джуффин. – Но позови, конечно. А потом непременно Расскажи мне, куда именно Великий Магистр тебя послал и чем порекомендовал там заняться – если, конечно, это будет не слишком интимная информация.

Надо было спорить с ним на деньги. И ставки повыше задирать. Но свой шанс внезапно обогатиться я профукал. То есть, сэр Шурф сказал: «Ладно, полчаса у меня как раз есть», – и сразу появился в кабинете Джуффина, а я на этом ничего не заработал. Стыд и позор.

– По-моему, это полная ерунда, – сказал Шурф, выслушав мой подробный отчёт о семейных делах урдерского трактирщика. – Совершенно не представляю, как ни один случай такого чудесного рождения мог не быть задокументирован. Среди прочитанных мною книг оказалось несколько биографий выдающихся людей, а следует понимать, что биография урдерца немыслима без подробной истории его семьи. Даже если троюродный дядя прадеда какого-нибудь национального героя был котокрадом, об этом обязательно напишут – не из желания кого-то скомпрометировать, а просто потому что это правда, а правду следует знать. У них так принято. Такой менталитет.

– Может быть, именно в семьях выдающихся людей подобного никогда не происходило? – предположил я. – А с никому не интересными простыми смертными то и дело случается? Ну, просто так совпало?

– Кроме биографий я прочитал ещё немало источников, включая хроники повседневных событий, во всех урдерских поселениях такие ведут; к нам в библиотеку, разумеется, попала относительно небольшая часть подобных документов, но этого вполне достаточно, чтобы сделать определённые выводы. Ни одного упоминания о якобы регулярно случающихся чудесных появлениях детей в стране, где придают столь огромное значение магии и тщательно фиксируют все случаи хотя бы предположительного её проявления – это всё-таки маловероятно.

– А может быть, существует запрет на разглашение этой тайны? –

предположил я. – О происхождении такого ребёнка знают только члены семьи и больше никто? Поэтому никаких записей?

– Но тогда они и тебе не рассказали бы. Жизненной необходимости в подобной откровенности не было. Придумали бы какого-нибудь давным-давно погибшего троюродного брата, чтобы ты отвязался, да и всё. Урдерцы всегда предельно честны и педантичны при составлении документов, но соврать в разговоре для них вполне обычный поступок, не то чтобы одобряемый обществом, однако вполне допустимый, как и везде.

Я окончательно приуныл. Ну почему всё так сложно с этими урдерцами? Думал, что нашёл в их трактире дополнительный источник радости, а оказалось – проблем. Да что ж за дурацкая такая жизнь.

– Но запрет – это в целом интересная тема, – внезапно сказал Джуффин, всё это время внимательно нас слушавший. – Правильное, мне кажется, направление мысли.

– Да, – кивнул Шурф, – я тоже об этом подумал. Прямых свидетельств в изученных мною документах нет, только косвенные намёки. Но если учесть, что в соседнем Куанкурохе существует обычай никогда не упоминать в разговорах имена людей, которые в данный момент заклиняют ветры на границе с Пустой Землей Йохлимой, а в соседнем же Шимпу всякий человек, ставший учеником шамана, на время обучения заносится в официальный список умерших членов семьи, то...

– Именно.

– Да что – «именно»-то? – сердито спросил я. – Не забывайте, я ваши мысли не читаю.

Джуффин нетерпеливо нахмурился – он терпеть не может разжёвывать элементарные, по его мнению, вещи. На моё счастье, сэр Шурф всё ещё зануда, каких поискать. То есть бесконечно милосерден к невежественным и недогадливym.

– Велика вероятность, что в Урдере не принято говорить о людях, ставших учениками колдунов, – объяснил он. – По крайней мере, в тех случаях, когда этого требует учитель. Косвенные намёки на такой обычай, как я уже говорил, встречаются в изученных мною документах. Внутренняя логика возникновения подобного запрета мне тоже понятна: сложившиеся представления близких о человеке мешают ему кардинально измениться, а чужие сомнения препятствуют магии. У нас этим можно пренебречь, поскольку внимание Сердца Мира к магу многократно сильнее человеческого, но вдали от него полное забвение – неплохая помощь начинающему колдуну; впрочем, неважно. Я только и хочу сказать, что эта версия вполне правдоподобна и многое объясняет.

– Да, пожалуй, вообще всё, – подумав, согласился я. – Кроме того, почему они не потрудились сочинить для меня какую-нибудь более убедительную враку.

– А девочка при разговоре присутствовала?

– Ну да.

– Вот тебе и ответ. Скорее всего, эта, как ты выражаешься, «врака» была придумана не сегодня и не для тебя, а много лет назад, для ребёнка, который, как я понимаю, остался без родителей очень рано. И в какой-то момент начал о них расспрашивать. Рассказывать правду об отце нельзя, с матерью, предполагаю, случилось какое-то несчастье, и дядя с тётей решили: пусть лучше ребёнок считает себя удивительным существом, чем бедной сироткой. Не удивлюсь, если они и соседей уговорили им подыграть, в маленьком городке, где круг общения ограничен, это довольно просто. А в большом городе в чужой стране, на другом континенте ещё проще. Всегда можно объяснить, что тут никто ничего не знает об Урдере, поэтому если даже станут отрицать возможность чудесного рождения по воле моря, не беда, какой с иноземцев спрос.

– Возможно, кстати, это и есть подлинная причина их переезда в Соединённое Королевство, – вставил Джуффин. – Некоторые люди ради спокойствия и счастья детей на многое способны.

– Звучит убедительно, – согласился я. – Ладно, предположим. Значит, у Ди и Лари всё-таки есть брат, кузен или восемнадцатипородный дядюшка, по совместительству отец Иш, унаследовавший весёленькое фамильное проклятие. И это именно он режет сейчас народ в Куманском Халифате, сдавая какой-нибудь экзамен на звание колдуна, такой молодец.

– Вот это, пожалуй, самый странный момент, – задумчиво сказал Шурф. – По моему, пусть даже поверхностному впечатлению, ничем подобным урдерские колдуны не занимаются. Убийцы, понятно, есть везде, но далеко не во всякой магической традиции культивируются убийства. И совсем не похоже, что урдерские колдуны могут быть способны исчезнуть с места происхождения, не оставив следов. Для них, как, впрочем, и для остальных жителей Чирухты, наше искусство Тёмного пути – тайна за семью печатями. Единственное разумное объяснение – возможно, все более-менее правдивые сведения об урдерской магии окружены такой секретностью, что искать информацию о них в письменных источниках бесполезно? И в путешествие отправляться особого смысла тоже нет: чужаку никогда ничего не покажут, даже не намекнут. Да и не только чужаку.

– Похоже на то, – согласился Джуффин. – Обычное дело: чем меньше

среди населения людей, способных к колдовству, тем больше таинственности вокруг этой темы. И правильно, на самом деле. Зачем распространять информацию, от которой нет никакого практического толка, а одно беспокойство и томление духа? И зависть к немногим избранным. И страх перед ними. Ни одному обществу такие настроения не на пользу.

– Особенно, когда у граждан и так от закона Рроха головы набекрень, – ядовито вставил я.

Ответом мне стали два укоризненных взгляда.

– Мне сейчас вот что стало интересно, – сказал Джуффин. – Предположим, нам внезапно понадобились сведения обо всех урдерских колдунах. Для начала хотя бы просто список имен – где живёт, какую магию практикует, каков уровень мастерства? Совершенно не представляю, каким образом их добывать.

– Да, непростая задача, – согласился Шурф. – И, к сожалению, ваш обычный способ работы с информацией тут не поможет.

– Что за мой обычный способ?

– Попросить меня поискать соответствующие сведения в Орденской библиотеке. Просто я это уже сделал. И убедился, что урдерские хроники повествуют только о деяниях колдунов прошлого, да и то довольно скупо. О наших современниках практически ни слова. Хотя, возможно, колдуны прошлого и есть наши современники? Я так и не нашёл мало-мальски достоверной информации о том, сколько они обычно живут. Если учесть, что средняя продолжительность обычной человеческой жизни в Чирухте даже несколько выше, чем у нас, я уже вообще ничему не удивлюсь.

– Можно отправиться в Урдер, прожить там пару дюжин лет, постепенно втереться в доверие к местному населению, наглядно продемонстрировать недюжинные способности к магии, напроситься в ученики к какому-нибудь колдуну, воспользовавшись случаем, спросить, как его зовут и сколько ему лет, сообщить эти сведения вам, повторять, пока колдуны не закончатся, – ухмыльнулся я. – Отличный способ прожить насыщенную, хоть и несколько однообразную жизнь... Что тут скажешь, повезло нам, что этот краснолицый маньяк чудит не у нас, а в Кумоне.

– Кстати, не только в Кумоне, – флегматично заметил Джуффин.

– Что? – я подскочил как ужаленный. – Он уже объявился в Ехо?!

– Нет. Что на самом деле скорее досадно. Уверен, мы-то как раз быстро с ним разобрались бы. Возможно, этот красавец тоже так думает и предпочитает обходить нашу территорию стороной. Однако, по словам Трикки, который переписывается со старыми друзьями, как минимум два

подобных инцидента произошли в Тулане. Один в самом конце осени – кстати, примерно тогда же, когда незадачливый убийца с красным лицом впервые появился в Кумоне. А второй относительно недавно, дюжины три дней назад или сколько там почта из Тулана до нас морем добирается...

– То есть убийца появляется то в Уандуке, то в Чирухте с интервалом буквально в несколько дней? – уточнил Шурф. – Очень любезно с его стороны дать нам такую интересную подсказку.

– При условии, что это один и тот же человек, а не целая банда учеников волшебника, дружно сдающая зачёты накануне конца года, – вставил я.

– Да, такой вариант тоже нельзя исключать. Хотя было бы довольно странно, если бы все эти люди оказались родственниками твоих трактирщиков, унаследовавшими фамильное проклятие.

– Ну вот такое талантливое семейство. Окрестные колдуны дерутся за право взять их в ученики. Ну или этот проклявший их чародей, как его? – Туффалей Фаюм Хаг! – на самом деле был маньяком и проклинал каждого, кто проходил мимо его окон, поэтому у них теперь пол-страны бегают с разноцветными рожами. Почему нет.

– Самое удивительное, что даже это твоё нелепое предположение может оказаться верным, – вздохнул Шурф. – А вся информация, полученная мною из книг, – намеренной ложью, умело сфабрикованной специально для того, чтобы ввести в заблуждение иностранцев, собирающих сведения об урдерской магии. Когда имеешь дело с совершенно незнакомой чужой культурой, следует быть готовым к любому подвоху.

– Да уж, – мрачно подтвердил я.

– Вы меня не дослушали, – заметил Джуффин. – А я собирался сказать, что краснолицего человека с ножом видели ещё и в Кангоне. И в Куанкулехе. И в Бахри. Подозреваю, это далеко не полный список. Просто сведения доходят до меня не так быстро, как хотелось бы. Не в каждой стране у меня есть знакомые, владеющие Безмолвной речью. Я уже послал официальные запросы, куда только возможно, но почта ходит возмутительно медленно. Ладно, подождём.

– Что-нибудь ещё можно сейчас сделать? – спросил я.

Джуффин неопределённо пожал плечами.

– Да что тут сделаешь. Привыкай к тому, что время от времени в Мире творятся вот такие интересные вещи, ни предотвратить, ни даже объяснить которые мы пока не в силах. Впрочем, лично я теперь твёрдо намерен разузнать как можно больше об урдерских колдунах. Пока не понимаю, как,

но я это сделаю. Просто потому, что неприятно удивлён собственным невежеством. Когда дело касается какой-нибудь математики или, скажем, геологии, Магистры с ними, я готов ещё некоторое время ничего об этом не знать. Но столь серьёзные пробелы в области магии, пусть даже чирухтской, я себе позволить не могу... Не смотри так на меня, сэр Шурф, я знаком с тобой не первый год и примерно представляю, что ты собираешься сказать. Да, никогда заранее не знаешь, где пролегают границы между этой грешной геологией и магией. Я даже готов согласиться, что границы эти настолько условны, что впору начать рассуждать о полном их отсутствии. Но это теоретически, а на практике всякий раз понятно, о чём именно речь в каждом конкретном случае... А теперь можешь сказать мне спасибо за то, что я сам произнёс все эти скучные назидательные фразы и избавил тебя от необходимости лишний раз открывать рот.

– Спасибо, – сказал Шурф.

Он очень вежливый.

– Отдельный вопрос, как мне теперь быть с урдерцами из «Света Саллари», – вздохнул я.

– А почему с ними непременно надо как-то «быть»? – невинно спросил Джуффин.

Я пожал плечами – неужели и так непонятно?

– Тебе не нравятся их вдохновенные выдумки в ответ на простые вопросы? Понимаю. Не самое удачное начало дружбы. С другой стороны, а что им остаётся, если интересующая тебя тема под строжайшим запретом? Ты бы сам на их месте соврал и бровью не повёл.

– Можешь считать, что вы просто играли в «Злик-и-злак», ваши фишки встретились на одной клетке, и спорный кубик упал жёлтой стороной, – сказал Шурф. – Злу-йук, досадное недоразумение, оба игрока пропускают ход, но не держат друг на друга зла. Случайный неуместный вопрос, вынужденно лживый ответ, ничего личного. Никаких далеко идущих выводов на основании этого происшествия сделать нельзя.

Надо же. Успел, значит, изучить правила.

– Что за «Злик-и-злак»? – оживился Джуффин.

– Просто чирухтская игра, – объяснил я. – Довольно увлекательная. – И добавил тоном опытного искусителя: – Рассказывать нет смысла, лучше сразу показывать. Я сам учился в процессе.

На этом совещание можно было считать закрытым, а работу Тайного Сыска столицы Соединённого Королевства – парализованной как минимум на несколько часов. Сэр Шурф сразу это понял и сбежал от нас подобра-

поздорову. Но не сказать, что он был этому рад. Совсем нет.

– Мне кажется, это очень полезная для тебя игра, – сказал Джуффин после нескольких партий, которые мы отыграли с переменным успехом, но вполне на равных. – Если и она не научит тебя не принимать слишком близко к сердцу несоответствие течения жизни твоим представлениям о должном, тогда даже и не знаю, как быть.

– Если не научит, останусь таким, каков есть, – отмахнулся я. – Тоже не смертельно.

– Надеюсь, что так, – подумав, согласился он. – Всё-таки ты очень живучий. Можешь позволить себе роскошь всерьёз изводиться из-за подозрительного поведения новых приятелей. И... из-за всего остального.

Очень любезно с его стороны не перечислять вслух полный перечень причин моих текущих огорчений. Не лучшая тема для болтовни за игрой.

А вслух я сказал:

– Да, в этой роскоши я натурально утопаю. Красиво жить не запретишь.

– Хотел бы я научить тебя вместо «ох, как всё плохо» думать: «Надо же, как интересно!» Но такое отношение к жизни приходит только с опытом. Ничего, сэр Макс, ещё какие-то несчастные лет пятьсот, и всё получится само.

– Бывает всё-таки совершенно неинтересное «ох как плохо», – сказал я, думая, разумеется, об умирающем лисе. Ничего интересного в его горе не было, как ни крути.

– Вот именно это я и имел в виду, когда говорил про опыт. Пока его недостаточно, любые разговоры о том, что неинтересных событий вообще не бывает, бесполезны. Впрочем, что касается твоих урдерских приятелей, ты и сам должен понимать, что щедрая судьба подкинула тебе любопытнейшую головоломку. А что ты пока не любишь, да и не особо умеешь их решать – так просто ещё не успел войти во вкус. Ничего, войдёшь.

– Штука ещё и в том, что головоломка поджидала меня в месте, где я искал совсем другого, – признался я.

– Другого – это чего?

Я пожал плечами.

– Даже не знаю. Другого, и всё. Чего-то прямо противоположного. Возможно, просто утешения?

– А. Ну, на твоём месте я бы на это не особо рассчитывал. Не того ты склада человек, чтобы принять утешение из чужих рук. Может, и дадут, да

взять не сумеешь. Всё, что ты можешь сделать, когда что-то идёт не так – встать, засучить рукава и исправить, если получится. А если не получится, лечь и умереть.

– Похоже на правду, – неохотно признал я.

– Я бы на твоём месте говорил это с другой интонацией. Торжествующей.

– Ладно, – кивнул я. – Потренируюсь.

И честно тренировался до самого вечера. Не уверен, что преуспел в искусстве торжествующей интонации, но настроение себе более-менее поднял. И всем окружающим за компанию.

А когда я уснул, мне снова приснилась игра в «Злик-и-злак».

У моей партнёрши были знакомые черты и глаза цвета штормового моря; я не сразу, но всё-таки вспомнил, что она уже снилась мне вчера, хотел сказать: «Я тебя узнал», – и спросить, откуда она такая взялась и зачем снится мне вторую ночь кряду. Но грешным делом испугался, что от таких разговоров проснусь, не доиграв партию, а она вышла увлекательная, жалко было бы не довести её до конца.

Впрочем, доиграть по-человечески всё равно не получилось. После очередного броска кубика сероглазая женщина с досадой воскликнула:

– Злок-йок, не мой, а зелёный! Лучше уж просыпайся прямо сейчас. У тебя есть дела поважнее, чем обыгрывать меня.

От неожиданности я рассмеялся, а потом всё-таки проснулся. Скорее от собственного смеха, чем по команде, но это всё равно было досадно. Не столько из-за ускользнувшего от меня выигрыша – строго говоря, по правилам я всё равно уже победил – сколько потому, что за окном ещё стояла глухая ночь, без малейшего намёка на предрассветную синь, а сна – ни в одном глазу. Хотя проспал я максимум часа два, обычно мне и втрое больше недостаточно.

«Дела поважнее», ишь! Какие это, интересно?

Нет ответа.

Какое-то время я слонялся по дому, замышляя лютые злодеяния. В смысле прикидывая, нельзя ли прямо сейчас кого-нибудь разбудить. И вовсе не потому, что я так уж люблю мучить людей, просто спросонок в бедную мою голову лезли мысли, одна мрачнее другой. Самый простой способ от них избавиться – с кем-нибудь поболтать.

Есть, впрочем, и специальные магические приёмы, но проку от них немного, потому что они рассчитаны на помощь другим. А самого себя спасать полагается старыми добрыми дедовскими методами: волей и

разумом, постом и молитвой, медитацией и психоанализом. Ещё можно почитать книжку, в идеале, увлекательный детектив. Но художественной литературы ни в Соединённом Королевстве, ни вообще нигде в Мире нет^[24], и это самый большой недостаток нашей здешней жизни.

Впрочем, возможности таскать книги из Щели между Мирами никто не отменял. Так что на самом деле беда не в отсутствии детективов, а во мне самом. Просто я уже отвык утешаться таким способом. И любым другим способом тоже. Джуффин совершенно прав, мне нужно не утешение, а возможность немедленно всё исправить, даже когда её нет.

Особенно когда её нет.

Поэтому я не стал никого будить. Ну и ещё из чувства самосохранения, всё-таки когда имеешь дело почти исключительно со злыми колдунами, лучше не тревожить их понапрасну, а то проклянут спросонок, и бегай потом с лиловым лицом и, к примеру, менкальми рогами, на радость любопытным школьницам: ой, а что это у нас на улице такое интересное появилось? Мама, мама, смотри! А ты людей в такое превращать умеешь? А я, когда вырасту, научусь?

Вместо того, чтобы поднимать переполох, я просто закутался в тёплое зимнее лоохи и вышел из дома. Обычно пешие прогулки меня успокаивают, как медитация, психоанализ, пост и молитва вместе взятые. Видимо, молюсь я ногами, и анализирую тоже ими. И пощусь, и медитирую заодно. А голова у меня просто для красоты.

Аргументом в пользу этого предположения может служить тот факт, что никаких конкретных идей в моей голове в ту ночь не было. Пойти пройтись – и всё. А ноги, меж тем, прекрасно знали, о каких «делах поважнее» шла речь, и куда мне в связи с этим надо.

Туда они и пошли.

Их замысел стал мне очевиден только через час, когда я обнаружил себя у Ворот Трёх Мостов. Это не единственный путь из Старого Города в Новый, но самый короткий и удобный. Я через них сегодня уже дважды проезжал.

Вернее, вчера.

Если бы я и дальше шёл пешком, добрался бы до места назначения уже утром. Но затягивать я не стал. Встал на Тёмный Путь и уже буквально секунду спустя был в саду знахаря Иренсо Сумакея. Нехорошо конечно вламываться на чужую территорию без приглашения, да ещё среди ночи. Но тут ничего не поделаешь, моё «надо» всегда было сильнее любого «нельзя».

Прокладывая Тёмный Путь, я сообразил сразу оказаться рядом с

деревом, под которым спал нынче утром. А то искал бы его до послезавтра, знаю я себя.

Я опустился на колени рядом со старым лисом, чья участь не давала мне покоя весь день, долго гладил серебристую шерсть, а потом лёг рядом с ним в траву. Сказал:

– Посмотрим, чем я смогу тебя утешить.

Никаких конкретных идей у меня не было. Меня никогда не учили утешать – ни людей, ни зверей. В этом не было особой нужды, у меня нет знахарского призвания, хотя многим кажется, будто оно есть. Но там, где у настоящего знахаря призвание, у меня настроение. И не сказать чтобы я умел им управлять. Сегодня умереть на месте готов ради прекращения чужих страданий, а завтра вздохну: «Какая жалость», – и пойду заниматься своими делами, как обычно поступают все.

Но когда на меня находит очередной приступ сострадания, справиться с ним я, как показывает практика, не могу. Да и не то чтобы хочу.

Вот и сейчас я лег в траву, прижал к груди неподвижного лиса, как плюшевую игрушку, сказал ему вслух:

– Когда люди хотят увидеть один сон на двоих, они кладут головы на общую подушку, так, чтобы соприкоснулись. Это я худо-бедно умею, друг научил, спасибо ему. Считается, что тот, кто проводит ритуал, приглашает второго в своё сновидение; на практике это не всегда так, но мы с тобой всё-таки попробуем увидеть именно мой сон. Там тебе будет всяко лучше, чем в собственном, обещаю. И поговорить там, надеюсь, сможем, в моих снах все разговорчивые. Согласен?

Лис ничего не ответил. Ну, то есть нормального человеческого ответа я от него, понятно, и не ждал, но всё-таки надеялся, что он моргнёт, шевельнёт ухом, или ещё как-нибудь покажет, что выслушал меня и даёт добро на эксперимент. Однако никаких знаков не последовало. Похоже, старый лис вообще ничего не чувствовал и не понимал. Ну или ему было настолько всё равно, что я даже вообразить не способен. Только теоретически предположить.

Но какая разница. На его месте я бы хотел, чтобы тот, у кого есть хоть малейший шанс облегчить мою участь, попробовал это сделать. Мало ли, вдруг получится. Ну вдруг?

Поэтому я уложил лиса так, чтобы наши головы соприкасались. И прочитал нужное заклинание, и представил, как мы вдвоём открываем дверь в полной темноте. И переступаем порог, переходим из одной тьмы в другую, где всё ещё ничего нет. И идём дальше. Дороги пока не видно, но я уже примерно понимаю, куда мы в итоге придём.

Дороги не было видно и потом, когда я шёл по заросшему деревьями склону, в месте подъёма довольно пологому, так что идти оказалось не слишком трудно, даже с тяжёлым лисом на руках. Всё-таки это было моё сновидение, а я не люблю избыточные сложности. Мне надо, чтобы всё получалось легко, хотя бы во сне, если уж наяву невозможно.

В конце концов я, как и следовало ожидать, споткнулся об очередной древесный корень, но вместо того, чтобы рухнуть в траву, медленно и плавно в неё опустился, как сорванный ветром сухой лист. В этом смысле сны выгодно отличаются от реальности, даже магической. Даже от магической реальности, в рамках которой я, мягко говоря, не самый последний колдун на своей улице.

Лис, которого я по-прежнему держал на руках, вдруг встрепенулся. Требовательно дёрнулся: «Отпусти». Я, конечно, послушался. Пусть побегает, всё-таки дикий лесной зверь. Могу вообразить, как ему осточертела собственная немощь. Такое кого угодно с ума сведёт даже без дополнительных бед.

Пока лис наслаждался внезапно обрётённой способностью носиться сломя голову, у меня было время разобраться, где мы оказались. В смысле, что именно мне приснилось. До сих пор я сюда, вроде, не попадал. Или всё-таки?..

Ну, собственно, да. Сразу мог бы догадаться. Старый заброшенный парк, тот его дальний край, куда я до сих пор в своих сновидениях не забредал. Но всё равно точно знаю, что если ещё некоторое время идти вверх, а потом вниз, под уклон, рано или поздно тебя окутает туман, в котором можно заблудиться навек, а можно, проплутав какое-то время, упереться носом в садовую ограду моего друга Франка – с той стороны, откуда в его дом попадают некоторые гости, сновидцы и почти все призраки, каких мне доводилось там встречать. «Сейчас, – подумал я, – мы туда не пойдём. Разве что Йовка сам побежит. Но это уже ему решать».

Словно почувствовав, что я о нём думаю, лис тут же примчался обратно и уткнулся мохнатой башкой в мою ладонь. Хотя, собственно, почему «словно»? Естественно, он это почувствовал. Нам сейчас было очень легко – не разговаривать обычным образом, но хотя бы безошибочно понимать друг друга. Это же мой сон. А я люблю, когда меня понимают. И когда понимаю я сам.

Лис забрался мне на колени, поставил передние лапы на плечо, адресовал мне совершенно человеческий вопросительный взгляд: «Ты сейчас старший? Что происходит? Чего ты хочешь? Зачем мы здесь? Что

будет с нами потом?» – примерно такие вопросы он бы сейчас задал, если бы умел говорить.

Оставалось надеяться, что у меня получится дать понятный ему ответ.

Мне очень пригодился опыт Безмолвной речи, особенно необходимость сопровождать проговариваемые про себя слова работой воображения, постоянно представлять, будто стоишь рядом с собеседником, и твоя речь льётся в его голову, как вода в кружку. Когда пытаешься договориться со зверем – наяву ли, во сне ли – приходится рисовать перед внутренним взором визуальные и чувственные образы, иллюстрирующие смысл сказанного. Это гораздо сложнее, но техника, хвала Магистрам, та же, что существенно облегчает задачу.

«Для начала, – подумал я, – тебе следует знать, что я могу тебя вылечить – там, наяву, в саду доброго знахаря Иренсо, где мы с тобой сейчас спим. Сделать тебя здоровым и молодым. Хочешь?»

И одновременно представил всё это: как мы просыпаемся в предрассветных сумерках, в голову лиса летит мой Смертный Шар, я отдаю приказ, зверь, бодро встряхнувшись, вскакивает и бежит искать завтрак.

Лис сердито фыркнул. Он был очень недоволен. Я, в общем, ожидал подобной реакции. Для него стать здоровым и молодым означало, что смерти придётся ждать ещё очень долго. Добрых полсотни лет или сколько там живут наши лисы. А для Йовки каждый час без подружки – очередная мучительная вечность. И забыть свою Йорку он не согласится. Всё что угодно, лишь бы не забывать.

И он, чёрт его дери, прав.

«Вот и я с самого начала был уверен, что ты не захочешь, – подумал я. – Не беспокойся, дружище, я не собираюсь насильно тебя исцелять. Я как никто понимаю, что иногда любовь может стать важнее жизни и всех удивительных возможностей, которые она даёт. Сам такой же дурак, как ты. Поэтому и не стал сразу тебя лечить, а вернулся, чтобы разделить с тобой сон и поговорить. Спросить, чего ты на самом деле хочешь. Что я могу сделать, чтобы тебе стало легче?»

«Я останусь тут навсегда», – думал лис. Вернее, не думал, а просто желал этого всем сердцем.

«Конечно, оставайся, – думал я. – Хорошее дело. По крайней мере, тут ты не стар и ничем не болен. Вон как только что носился. Такой молодец».

И ещё я думал, что если хоть с кем-нибудь после смерти происходит хоть что-то, то мёртвая лиса Йорка, без которой тоскует мой новый приятель, непременно должна однажды сюда добраться. Потому что и люди, и звери, которых так сильно любят, не могут исчезнуть совсем, это

нечестно. Я не согласен. Если так, то меня просто нет. И не было никогда.

Но я-то есть.

Возможно, именно поэтому откуда-то из кустов выскользнула хвостатая тень. Лис встрепнулся, прыгнул с моих колен, помчался навстречу тени, и уже буквально секунду спустя они катались по траве причудливым клубком, забыв обо всём на свете, начиная с меня. Ну и правильно. Пусть радуются встрече, а мне пора. Я уже знаю, что делать.

Для начала – просто проснуться от холода. Потому что зимний рассвет – не самое удачное время для любителей безмятежно дрыхнуть в сырой траве. И тёплое лоохи не то чтобы решает проблему.

Холод, впрочем, пошёл мне на пользу. По крайней мере, проснулся я чрезвычайно бодрым, собранным и спокойным, с кристально ясной, хоть и шмыгающей носом головой. Сразу, не раздумывая, запустил в спящего лиса Смертный шар, сказал:

– Спи, пока жив, смотри мой сон, развлекайся со своей подружкой, пусть вам будет хорошо. А когда умрёшь и превратишься в такую же тень, как она, можете оставаться там сколько захотите, да хоть навсегда, но это уже не приказ, а просто приглашение. Я буду вам рад. А теперь освободись от моей власти. Хороших тебе снов.

– Ничего себе, какие дела творятся, – раздался глас свыше.

Когда стоишь на четвереньках, практически любой глас будет свыше. Таковы законы физики.

– Извините, пожалуйста, – сказал я хозяину дома, который, вопреки моим надеждам, всё-таки застукал меня в собственном саду. – Я, конечно, не должен был без разрешения вламываться на вашу территорию. Но... В общем, так получилось.

– Просто вы поступили как знахарь, – пожал плечами Иренсо Сумакей. – Поняли, что можете облегчить страдания больного, и сразу взялись за дело. Было бы странно, если бы я стал вас за это порицать.

– Спасибо за понимание, – кивнул я.

Собирался встать и уйти, но знахарь уселся рядом и достал из кармана трубку. Его поведение выглядело как приглашение немного задержаться; конечно, можно было сделать вид, будто для меня это вовсе не очевидно, но я не стал.

– Только на самом деле я так и не понял, что вы сделали с Йовкой, – сказал Иренсо. – Слышал, что вы сказали: «Пусть вам будет хорошо», – и «Когда умрёшь, можешь остаться», – где, кстати?..

– В моём сновидении. Ему там понравилось. И тень его мёртвой

подружки туда пришла. Всё отлично получилось.

– Вот оно как.

Мы помолчали. Знахарь сверлил меня вопросительным взглядом, явно хотел выяснить, почему я так уверен, будто всё получилось, но не решался. Пришлось прийти ему на помощь.

– Если вы когда-нибудь слышали, будто я могу подчинить волю любого живого существа, имейте в виду, это чистая правда. Делать это я люблю, пожалуй, даже меньше, чем убивать. Но справедливости ради, следует признать, что от этого умения бывает немалая польза, если отдавать приказы с умом. Потому что если я, к примеру, прикажу больному выздороветь, он так и сделает, сколь бы безнадёжным ни было его состояние. И не только это, конечно. Теоретически, по моему приказу, любой – человек ли, зверь ли – способен на всё. В том числе, спать и видеть сон по моему выбору. Ничего сложного в этом нет.

– Погодите, но если так, почему в Соединённом Королевстве всё ещё есть неизлечимо больные? – возмущённо спросил Иренсо Сумакей.

Закономерная реакция. Настоящему знахарю с призванием должно быть совершенно невыносимо узнать, что кто-то может вылечить всех страдальцев сразу и до сих пор этого не сделал.

– Во-первых, их уже далеко не так много, как можно подумать, – сказал я. – Мы над этим работаем.

– Вы? То есть вас таких несколько?!

– К сожалению, нет. Просто сэр Абилат заинтересовался мной, как новоизобретённой микстурой...

– Сэр Абилат? Королевский знахарь?

– Ну да. Теперь он вызывает меня в самых безнадёжных случаях. Но при этом считает, что нам не следует спешить. Потому что мы пока не знаем, какие могут быть последствия у подобного лечения. Возможно, столь полное порабощение воли, даже кратковременное, в будущем сведёт моих пациентов с ума? Или они будут всю жизнь испытывать ко мне любовь, плохо совместимую с нормальным существованием? Или, напротив, ненависть? Пока всё в порядке, но кто знает, что случится уже через год. Абилат решил наблюдать за выздоровевшими на протяжении достаточно долгого времени, как минимум, пару дюжин лет. Если всё будет хорошо, значит моей помощью можно пользоваться и дальше. А пока – только самые тяжёлые пациенты. Те, кому совсем нечего терять. Вроде вашего лиса.

– Так почему вы его не вылечили? Заставили смотреть какой-то сон...

– Ещё вчера вы предлагали мне его убить. Говорили, что Йовка хочет

умереть, а не выздороветь. На всякий случай я спросил его самого. Так и есть.

– Но получается, вы могли бы просто приказать ему перестать горевать по мёртвой подружке?

– Мог бы. Но на его месте я бы такому исцелению пожалуй не обрадовался.

– Дырку над вами в небе! Почему?!

– Да потому что знаю, каково это. Штука в том, что вместе со страданием уходит и ставшая его причиной любовь. И даже память об этой любви стирается – не сразу, а постепенно, незаметно, каждый день по крошечному, незначительному фрагменту. А однажды смотришь в зеркало и видишь там бодрого и румяного живого мертвеца с тусклыми оловянными глазами. Я, к счастью, вовремя опомнился. И предпочёл обезуметь от горя^[25]. Это, как ни странно, было правильное решение. Иногда погибнуть – единственный способ остаться в живых.

– Ну может быть, иногда, – неохотно согласился знахарь. – Для некоторых особым образом устроенных людей. Но уж никак не для зверя!

– Зверь, способный так горевать о смерти любимого существа, – это явно особым образом устроенный зверь. Нет никакой разницы.

Снова воцарилось молчание. Иренсо напряжённо обдумывал услышанное. Наконец спросил:

– Ладно. А что мне теперь с ним делать? Просто не будить? И вообще не трогать?

– Разбудить в любом случае уже не получится, – сказал я. – Не беспокойтесь о нём. Ему правда хорошо в этом сне.

– Да, это чувствуется, – признал знахарь. – Раньше рядом с Йовкой было тяжело находиться, а теперь легко и даже в каком-то смысле радостно. Как будто он выздоровел и теперь сладко спит.

– Так и есть. Просто сон беспробудный, но он сам этого захотел. Я на его месте тоже ухватился бы за подобную возможность, не особо раздумывая. Жизнь сознания – и есть настоящая жизнь. Какая разница, как это выглядит со стороны.

А что какое-то время я был почти уверен, будто что-то такое со мной и происходит, я доброму знахарю говорить не стал. Такие вещи я даже ближайшим друзьям не рассказываю. И вовсе не потому что опасаясь получить в глаз за подобную ересь. Хотя и это тоже, будем честны.

Покончив с этой историей, я испытал такое облегчение, что пришёл домой, упал на кровать и проспал почти до самого вечера. Заодно и от

простуды избавился; думаю, ей в конце концов надоело терзать насморком моё бесчувственное тело, и она ушла, хлопнув дверью. Надеюсь, просто в золотую даль, а не к кому-нибудь из соседей.

Но проверить руки не дошли, очень уж был занят: ужином в гостеприимном «Свете Саллари», вознёй с собаками, долгой романтической прогулкой, страшно сказать, при луне, и прочими приятными неотложными делами. Их оказалось так много, что я несколько дней кряду не разгибался. Ну, то есть просто жил. Как самый настоящий нормальный счастливый человек. Захочешь, не придерёшься. Даже на таинственного родственника урдерских трактирщиков временно махнул рукой. Пусть молчат о нём сколько влезет. Сами за прохожими с колющими и режущими предметами не гоняются, и на том спасибо.

– Неудачное падение кубика вовсе не отменяет удовольствия, которое мы испытывали в предвкушении броска, – повторяла мне во сне сероглазая любительница «Злик-и-злака», чьё имя я почему-то так до сих пор и не спросил. – Ошибочный ход не обесценивает наслаждение от умственных усилий, которые к нему привели. Проигрыш не может лишить нас счастья, пережитого в ходе партии, его уже никому не отнять. Собственно, именно поэтому мы так любим игры. Но на самом деле, в жизни должно быть точно так же. Ни наши ошибки, ни разгромные поражения вовсе не уменьшают ценности самого бытия. И трагическая гибель не означает, будто погибшему вовсе не следовало рождаться. Смысл не в триумфальном шествии по игровому полю, не в успехе, не в торжестве над соперником, а только в радости от игры. Кто умеет наслаждаться ею в любых обстоятельствах, тот действительно непобедим.

Просыпаясь, я вспоминал её слова с благодарностью, они были похожи на инструкцию, которой не то чтобы легко, но всё же вполне возможно следовать. И насмешливо думал, что долг всякого мудреца – время от времени сниться дуракам вроде меня. Просто для равновесия.

Впрочем, вряд ли я в те дни был таким уж дураком. В кои-то веки мне удалось договориться с собой, что сегодня, вот прямо сейчас, у меня есть всё, что нужно для счастья, а будущее мало того что смутно и неопределённо, так его вообще нет. Ещё не наступило. Глупо было бы начинать тревожиться о нём прямо сейчас.

Но потом оно, конечно, наступило. С будущим вечно так, сколько ни тверди, будто его нет, в какой-то момент это перестаёт быть правдой. Такой удивительный парадокс.

Будущее ворвалось в мою жизнь верхом на плечах сэра Кофы Йоха, хотя именно от него я подобной выходки совершенно не ожидал.

Кофино появление в моей гостиной за два часа до полудня стало для всех нас большой неожиданностью. Для всех нас – это значит для меня, Меламори и Друппи, собравшихся там с примитивной, но по-человечески понятной целью спокойно позавтракать. Базилио к этому времени уже усвистала в гости к новой подружке, озадаченные её уходом кошки, вероятно, устроили засаду в спальне своей любимицы, а Дримарондо ещё на рассвете отбыл в Королевский Университет с последней пачкой проверенных студенческих сочинений в зубах. Он, в отличие от всех нас, существо предельно обязательное, а потому вечно занятое.

Но речь сейчас не о Дримарондо, а о Кофе. Когда он переступил порог гостиной, Друппи от неожиданности сполз с дивана под стол, а мы с Меламори встревоженно переглянулись и дружно спросили:

– Что стряслось?

Штука в том, что мы не первый год знакомы с сэром Кофой Йохом. И прекрасно понимаем, что сколько бы он ни прикидывался бесцеремонным старым полицейским, а остаётся при этом человеком светским, прекрасно воспитанным и тактичным. То есть вломиться в чужой дом без предварительной договорённости решительно не способным – если, конечно, речь не идёт о слежке, аресте подозреваемого, внезапном неприятном разговоре по душам или других служебных обязанностях, выполнение которых требует пренебречь правилами хорошего тона.

– Да ничего особенного не стряслось, – успокоил нас Кофа. – Просто я, как несложно догадаться, завтракал у ваших соседей. А покинув «Свет Саллари», подумал, что довольно нелепо по несколько раз на дню проходить мимо Мохнатого Дома и ни разу не попробовать зайти – просто так, наудачу. И ещё потому, что приличной камры у наших урдерцев не допросишься. При всём моём уважении к кулинарным достижениям Кадди, напиткам он пока уделяет непростительно мало внимания. Считает их необязательным дополнением к трапезе. Что, в общем, неудивительно, у них в Урдере за едой пьют только подогретую морскую воду; хвала Магистрам, хотя бы подавать на стол речную я их отговорил...

– А у меня в доме обычно есть камра из «Обжоры», – кивнул я. – Логично. И добро пожаловать. Почему вы не садитесь за стол?

– Да потому что ты не приглашаешь, – проворчал Кофа, усаживаясь в кресло. – Ясно, что со своими особо не нянчатся, но вообще имей в виду, что согласно правилам хорошего тона, с незванным гостем следует обходиться или подчёркнуто грубо, сразу указывая ему на дверь, или

напротив, преувеличенно вежливо, как с Королевским придворным – при условии, что ты действительно рад его видеть. Считается, будто избыточное гостеприимство хозяина уравновесит бесцеремонность гостя, и таким образом в Море снова воцарится гармония... вот сказал сейчас это вслух и понимаю, что звучит довольно глупо; тем не менее, именно так всё и есть.

– У меня нет ни одного паланкина, – пригорюнился я. – Некому полчаса таскать вас по коридорам этого дворца. Даже не знаю, что теперь будет с мировой гармонией. Впрочем, камра из «Обжоры» у меня действительно есть. Большой кувшин, причём не какой-нибудь вчерашней, а свежайшей.

– Я знаю, – кивнул Кофа. – Своими глазами видел, как фирменный поднос мадам Жижинды влетел в твоё окно. И вошёл следом.

– Завороженный магнетической траекторией его полёта? – понимающе улыбнулся я. – Тогда берите этот грешный кувшин и наливайте себе, да побольше.

– Сейчас ещё и мороженое прилетит, – меланхолично заметила Меламори. – Правда, насколько я помню, вы им не слишком интересуетесь; ну, это дело хозяйское. Просто имейте в виду, что я готова с вами поделиться, если вдруг надумаете.

Благородное сердце. Поделиться мороженым с незванным гостем, будь он хоть тысячу раз сэром Кофой – это в её случае акт невиданного самоотречения.

К счастью, Кофа это тоже понимает.

– Спасибо, – серьёзно сказал он. – Я подумаю над твоим предложением. И, возможно, найду способ деликатно от него отказаться.

Высший пилотаж.

– Кстати, сэр Макс, ты не забыл, что у тебя ко мне дело? – спросил Кофа после того, как осушил кружку и наполнил её ещё раз.

– Именно у меня к вам? А не наоборот? – удивился я.

– Скорее всё-таки первое. Потому что это тебе, а не мне приспичило разузнать, как проводит свободное время наш общий друг Ди. А я просто вызвался удовлетворить твоё любопытство. И, каюсь, несколько затянул. Это не моя вина, очень уж много хлопот было в последнее время. Но на твоём месте я бы откусил мне голову ещё дня три назад.

– А я вместо этого просто забыл. Видите, как легко и приятно иметь со мной дело. Ну и где же он гуляет?

– Понятия не имею, – с достоинством отвечивал Кофа.

– Что? – растерянно спросил я.

Вообще-то, сэр Кофа Йох – большой мастер издеваться над окружающими, всем нам учиться и учиться. Но до сих пор мне как-то удавалось не становиться его мишенью. И вдруг – здравствуйте пожалуйста. С чего бы?

– Что слышал. Это, собственно, и есть самое интересное. Я до сих пор не знаю, по каким улицам гуляет сэр Дигоран Ари Турбон. Ни одного его маршрута. Хотя, отчаявшись выкроить время на слежку, попросил проследить за ним своих лучших агентов. То есть, сперва каких попало, но после первых неудач за дело взялись настоящие мастера. Бесполезно: Ди постоянно ухитрялся свернуть в какой-нибудь проходной двор и затеряться в его переходах. Впрочем, пару раз он предпочёл слиться с толпой на рыночной площади...

– Слиться с толпой? – повторил я. – Вот в этом его чудовищном костюме с юбкой-одеялом до пят?!

– Именно, – кивнул Кофа. Да так гордо, словно сам научил Ди ловко уходить от слежки.

– А может быть, у него просто есть плащ-невидимка, вроде вашего? – предположила Меламори. – Ваш-то, конечно, укумбийской работы, но кто их знает, этих урдерцев, вдруг они тоже изобрели нечто подобное? Ну, например, чтобы крупным хищникам в лесу на глаза не попадаться. А у нас волшебная вещица вошла в полную силу. Ди может и сам не в курсе, что стал невидимкой. Кутается просто от холода, потому что зима...

– Или вообще без плаща обходится, – вставил я. – Не такой уж сложный фокус. Лично я его не учил, но мало ли, с кем ещё этот хитрец успел подружиться. Он обаятельный. И везучий. Вполне мог познакомиться на улице с каким-нибудь отставным Старшим Магистром, затосковавшим без учеников, и выдурить у него пару-тройку профессиональных секретов.

– Пожалуй, – согласился Кофа. – Я и сам склоняюсь к чему-то подобному. Особенно после того, как этот красавец умудрился скрыться от меня.

– И от вас тоже?

– Вот именно, – сердито сказал он. – Только что. Всего полчаса назад мы вместе вышли из трактира. Ди сказал, что собирается прогуляться, я некоторое время его провожал, делая вид, будто мне по дороге. Наконец выбрал удобное место для начала слежки – улицу Ворчунов. Она, если помните, не засажена деревьями, и проходных дворов там нет. И переулков, куда можно быстро свернуть, тоже. Одни глухие заборы, как в какой-нибудь

деревне на окраине Угуланда. Ди попрощался со мной и пошёл прямо, не оборачиваясь. Я, не откладывая, закутался в свой плащ, но это оказалось ни к чему. Пока я одевался, Ди исчез. Сказать, что я удивился – не сказать ничего. Но улицу Ворчунов, конечно, обошёл вдоль и поперёк, благо она довольно короткая. Не смотри на меня так, сэр Макс, не настолько короткая, чтобы неспешно прогуливающийся человек за какую-то секунду успел дойти до угла и свернуть. Да и бегом не получилось бы. Одно из двух: или этот тихоня умеет становиться невидимым, или он ходит Тёмным путём. Что, честно говоря, совершенно не укладывается в рамки моих представлений о традиционной урдерской магии.

– Шурф недавно предположил, возможно, подлинные сведения об урдерской магии окружены такой секретностью, что узнать о них нам просто неоткуда, – заметил я. – Так что всё может быть.

– Похоже на то, – согласился Кофа.

И мрачно насупился. Его можно понять. Получать такие удары по профессиональной гордости Мастер Слышащий не привык. Как, впрочем, и все мы.

– Тоже мне горе, – снисходительно сказала Меламори. – Я же могу встать на его след. Даже удивительно, что вы оба сразу меня об этом не попросили, если уж вам так интересно, где он ходит.

– Просто не хотелось, чтобы у Ди испортилось настроение и разболелась голова, – объяснил я. – Он, сама знаешь, такой трогательный чудак, что только и думаешь, как бы уберечь его от лишних неприятностей. Но теперь без вариантов. Голову вылечить – секундное дело, а вот нас с сэром Кофой, если помрём от любопытства, так быстро не воскресишь.

– Ну так пошли, пока прохожие все следы не затоптали. Чего мы ждём?

В этот момент в распахнутое окно влетел её долгожданный заказ – добрые полкило тщательно выбранного мороженого из трактира на площади Побед Гурига Седьмого. Но Меламори даже не посмотрела, что там на стол шмякнулось. Стояла на пороге и нетерпеливо притоптывала ногой, пока я в поте лица заколдовывал её завтрак, чтобы не растаял до нашего возвращения. В таком деле не схалтуришь, заморозить в сто раз трудней, чем разогреть, это вам любой повар подтвердит.

До улицы Ворчунов от Мохнатого дома идти всего минут десять. Однако свернув туда, трудно поверить, что по-прежнему находишься в столице Соединённого Королевства, причём не где-нибудь на глухой окраине, а в самом центре Старого города. Улица Ворчунов была бы

похожа на деревенскую – приземистые одноэтажные дома, высоченные заборы – если бы я мог вообразить деревенскую улицу, на которой нет ни деревьев, ни цветов, ни даже травы, только мелкие пёстрые булыжники мостовой и аккуратно вымощенные белыми камнями тротуары.

Прохожих тут обычно нет вовсе, и это, конечно, большая удача. Некому затаптывать свежие следы, да и лишние свидетели лично мне совершенно без надобности. Хотя Меламори, будем честны, не отказалась бы от пары-тройки восхищённых взглядов, знаю я её.

– Вот здесь мы с Ди расстались, – сказал Кофа, остановившись в самом начале улицы. – И он пошёл вперёд.

Меламори деловито кивнула и стала разуваться. Она выглядела очень довольной. Всё-таки быть Мастером Преследования ей нравится ненамного меньше, чем превращаться во всякую страхолюдную хрень.

– Так, – сказала она, пройдясь босиком по тротуару, – с вашим следом всё понятно, сэр. Вот он. Извините, сейчас я с него сойду. Просто пытаюсь понять, где стоял Ди. И пока не...

– Да что тут понимать, – пожал плечами Кофа. – Рядом он стоял. На расстоянии вытянутой руки от меня. А потом пошёл дальше, по этой же стороне.

– Вот как-то не очень похоже, что рядом, – нахмурилась Меламори. – Ладно, сейчас поищу.

Несколько минут спустя она была мрачнее тучи. И мы с Кофой тоже. Как можно за столько времени не отыскать след человека, прошедшего по улице всего полчаса назад? Что за чертовщина творится?

– Если вы действительно были здесь вдвоём, значит проблема во мне, – преувеличенно бодрым голосом сказала Меламори. – Наверное, я просто утратила способность становиться на след. Такое уже случалось. Потом проходило. Ничего страшного.

Она отлично держалась. Знай я её не так близко, поверил бы, что ничего страшного действительно не случилось. Ну подумаешь, в кои-то веки что-то не вышло. Досадно, но не беда, в следующий раз будет иначе.

Но я очень хорошо понимал, что для Меламори это самая настоящая катастрофа. А значит, и для меня. Куда деваться.

К счастью, именно в катастрофических обстоятельствах у меня обычно включается голова, на удивление холодная и ясная, непонятно даже, откуда такая берётся.

– Так, стоп, – сказал я. – Какая-то ерунда получается. Если бы ты утратила дар, ты бы и Кофин след не нащупала. По-моему, это Ди по дружбе устроил нам очередной сюрприз.

– Ума не приложу, как ему это удалось, – проворчал Кофа. – Всю жизнь был уверен, что единственный способ лишить преследователей шанса встать на твой след – это взлететь.

– Не то чтобы это совсем невозможно, – напомнил я.

– Да, но ради какой драной козьей задницы так выкаблучиваться, когда собираешься просто погулять по городу?

Меламори обречённо помотала головой.

– Скорее всего, дело в том, что сэр Кофа очень могущественный человек, поэтому его след легче нащупать. Это известное правило. В первые дни обучения у меня получалось взять только след самого сэра Джуффина. Все остальные следы были для меня тогда почти неощутимы, а его – как будто в голос вопил: «Эй, я тут!» Потому что – ну, сами понимаете. Всё-таки Кеттарийский Охотник, не менкал споткнулся. Вот и сейчас так.

– Очень может быть, – с облегчением кивнул Кофа.

Его такое объяснение совершенно устраивало. Мир не сошёл с ума, наш общий приятель Ди – не секретный супершпион с магическими сверхспособностями и даже не замаскировавшийся под безобидного трактирщика мятежный Магистр. Просто Мастер Преследования временно выбыла из строя. Досадно, но не конец Мира.

Для Кофы – определённо не конец.

– Ладно, поработать не получилось, значит, надо попробовать как следует побездельничать, – с деланной беспечностью сказала Меламори. – Пойду к шефу выпрашивать отпуск. В прошлый раз он меня в подобных обстоятельствах на полдюжины дней отдыхать отправил. А ведь времена тогда были куда более весёлые. В смысле, тяжёлые. Ну да всё равно... Макс, я возьму твой амобилер? Тут пешком всего ничего, но ужасно надоело одним и тем же маршрутом каждый день ходить.

– Конечно, бери, – кивнул я. – А ещё лучше, используй мой Тёмный путь. Самый протоптанный начинается в гостиной, возле моего любимого кресла и ведёт прямо в кабинет Джуффина. Уверен, что мой след ты возьмёшь без труда, в любом состоянии. Тоже, как ты выражаешься, не менкал споткнулся.

– Не пойдёт, – усмехнулась она. – Явиться к шефу Тёмным путём и потребовать отпуск по причине внезапной профессиональной несостоятельности – это, конечно, красиво, кто бы спорил. Но вряд ли приведёт к желаемому эффекту. Впрочем, если тебе жалко амобилер...

– Не жалко. Хоть навсегда забирай.

– Отличное предложение. Я его обдумаю. Хорошего дня.

И ушла. А мы с Кофой остались на улице Ворчунов, хотя, если по уму, делать нам там было совершенно нечего.

– Надеюсь, с девочкой всё будет в порядке, – наконец сказал Кофа.

Я только плечами пожал. Будет, не будет, там поглядим. В любом случае обсуждать это с Кофой не имело смысла. Он сейчас был кровно заинтересован в том, чтобы бесследное – в прямом смысле слова – исчезновение симпатичного брата ещё более симпатичной леди Лари оказалось простым и легкообъяснимым недоразумением. Надо быть последним дураком, чтобы этого не понимать. И последним гадом, чтобы ему не сочувствовать.

А до таких духовных идеалов мне пока далеко.

Расставшись с Кофой, который с явным облегчением поспешил вернуться к своим насущным делам, я отправился в Дом у Моста. А по дороге, конечно, послал зов Меламори. Не оставлять же человека без назойливых утешений, хуже которых может быть только их полное отсутствие. Ничто так не поддерживает в трудную минуту, как возможность послать подальше приставучих ближних с их идиотским сочувствием. Уж я-то знаю.

«Чего тебе?» – не приветливо спросила Меламори.

Это, надо сказать, большой прогресс. Ни одного бранного слова вместо приветствия, подумать только. Так мы чего доброго до уменьшительно-ласкательных суффиксов докатимся. Но сейчас меня не страшила даже такая перспектива.

«Я совершенно уверен, что проблема не в тебе, а в Ди, – сказал я. – Он славный человек, но странностей у него, пожалуй, даже побольше, чем у меня самого. А это уже ни в какие ворота. Захочешь – потом расскажу разные подробности. Но важно не это. А то, что ты в любой момент можешь убедиться, что с твоим даром Мастера Преследования всё в порядке. Отправляйся к Трикки, прямо сейчас. Уверен, ради тебя он согласится собрать в одном помещении дюжину своих подчинённых, велеть им разойтись в разные стороны, а потом отправить тебя по их следам. В Городской полиции, по моим сведениям, служит всего один более-менее могущественный колдун – сам Трикки. Остальные – нормальные люди, каких большинство».

«Если у меня получится, ребятам придётся несладко», – напомнила Меламори.

«Ну и что? Потерпят. Здоровые мужики, ничего им не сделается; впрочем, можно просто велеть им спрятаться где-нибудь поблизости, чтобы

ты быстро их нашла. Тогда даже загрузить толком не успеют».

«Всё равно как-то нехорошо получается».

Вообще-то избытком жалостливости Меламори никогда не страдала. И ещё несколько лет назад с превеликим удовольствием становилась на след своих ни в чём не повинных коллег – не со зла, конечно, а просто желая посмотреть, как мы будем себя держать в столь непростых обстоятельствах. И как быстро догадаемся, что происходит. И какими ласковыми словами её после этого назовём.

Но страх лишиться только что обрётённой надежды творит с людьми ещё и не такие чудеса.

«Эй, я же не развлекаться тебе предлагаю, – напомнил я. – А прошу провести следственный эксперимент. Я прямо сейчас готов спорить на сотню корон, что с твоей способностью становиться на след всё в порядке, но мне нужны доказательства. Чтобы аргументированно объяснить шефу, почему я собираюсь срочно отозвать из Нумбаны Нумминориха с его распрекрасным носом – например».

«Правда, что ли, на сотню корон готов поспорить?» – оживилась Меламори.

«Готов, конечно. Но только не с тобой. Ты даже когда одну корону проигрываешь, ужасно злишься. А из-за сотни страшно подумать, что устроишь».

«Ну уж нет, – твёрдо сказала она. – Пари так пари, иначе я в твоей дурацкой затее не участвую».

«Ладно, – сдался я. – Ставлю сто корон на то, что с твоим даром всё в порядке, и ты сразу же отыщешь следы всех участников эксперимента. Только чур не жульничать».

«Ты что! – возмутилась она. – Когда это я жульничала?»

Я не стал напоминать. В жизни каждого человека случаются эпизоды, которые ему хочется сразу предать забвению. Например, провальная попытка как бы нечаянно задеть рукавом неудачно выпавший кубик во время позавчерашней партии в «Злик-и-злак». Или... Ай, ладно. Молчу.

«Ставка сделана, – сказал я. – Не знаю, как далеко ты уже успела укатить в поисках подходящей для скорби безлюдной пустыни, но теперь давай разворачивайся».

«Всё-то ты обо мне знаешь», – проворчала Меламори.

Впрочем, насколько я разбираюсь в нюансах Безмолвной речи, тон её сложно было назвать недовольным. Скорее наоборот.

«Спасибо», – вдруг добавила она.

«За что?» – искренне удивился я.

«За то, что придумал, как всё быстро проверить, вместо того чтобы...»
«...просто утешать?»

«Это ладно бы. Больше всего на свете я боялась... Нет, Магистры с ним. Какая разница, чего я боялась, если этого всё равно не произошло».

«Ну здравствуйте – «какая разница»! Ты, значит, какой-то неведомой хренотени боялась, а я теперь от любопытства помирай?»

«Ладно. Я боялась, что ты предложишь шарахнуть меня своим Смертным шаром и приказать снова обрести утраченный дар. А я... Ну просто я так не могу!»

«А я что, по-твоему, могу? – растерялся я. – В голову не пришло бы такие ужасы с тобой проделывать. Разве что, станешь помирать, и все остальные средства уже будут перепробованы... Но на этот счёт я, честно говоря, совершенно спокоен. Ты же, в сущности, крепче всех нас вместе взятых. Вон, птицу кульох одним криком убить можешь. И меня в гроб когда-нибудь загонишь, не сомневайся. Главное – не оставляй попыток».

«Спасибо», – снова сказала Меламори.

На этот раз – явно за комплимент. Что я действительно умею, так это говорить приятные вещи красивым леди.

После нашего разговора мне существенно полегчало. Я даже пирожное для Куруша купил. А когда вошёл на нашу половину Управления Полного Порядка, пожалел, что всего одно, а не дюжину. Потому что в зале Общей Работы собралась отличная компания.

Во-первых, на столе восседал сэр Мелифаро, которого я не видел уже несколько дней. Во-вторых, в кресле устроилась его жена Кенлех, которую я не видел уже целую вечность. В-третьих, на подоконнике сидела, болтая ногами, леди Кекки Туотли. И, вопреки моим опасениям, пребывала в отличном настроении. Я-то, глядя на ухаживания сэра Кофы за хозяйкой урдерского трактира, то и дело вспоминал об их с Кекки многолетнем романе и гадал, как она сейчас в связи со всем этим себя чувствует. Не то чтобы эти мысли не давали мне спать, но время от времени всё-таки беспокоили. Похоже, зря. Я вообще плохо разбираюсь в человеческих отношениях, примерно как школьник, подглядывающий за взрослыми, это ни для кого не новость.

А. Ну и в-четвёртых, дверь кабинета Джуффина была открыта настежь. И письменный стол, заваленный горами самопишущих табличек, совершенно не мешал шефу принимать активнейшее участие в разговоре. То есть если называть вещи своими именами, в гвалте, который подняла эта небольшая в сущности компания. Сэр Мелифаро громко пел какую-то

идиотскую песенку, состоящую почти исключительно из слова «задница», одновременно жонглируя причудливого вида фруктами. Или овощами. Или некрупными дохлыми инопланетянами, кто его разберёт. Кекки отбивала ритм и одновременно рассказывала Джуффину о какой-то леди Соли, открывшей гостиницу в глухом лесу и чрезвычайно довольной полным отсутствием клиентов и соответственно необходимости ради них хлопотать. Кенлех вела светскую беседу с Курушем, который, как и все бузивухи, чрезвычайно падок на бесстыдную лесть, а потому то и дело просил её говорить погромче – чтобы не только ему в кабинете шефа, но и прохожим на Большом Королевском Мосту было слышно.

– Это что за филиал Нумбанской ярмарки? – спросил я.

– Угадал, – рассмеялась Кекки. – Мы только что оттуда!

– Ого! – присвистнул я. – И теперь знаете всю правду о себе?

– Не всю, – педантично возразила леди Кенлех. – Только самую важную.

– В связи с чем Манга помчался готовиться к новому путешествию! – объявил допевший очередной куплет Мелифаро. – Пророк сказал, что данный им в минуту опасности зарок навсегда засесть дома, если удастся вернуться туда живым – полная ерунда. Чего только люди не готовы наобещать с перепугу. А на самом деле, никто не ждёт исполнения наших обетов. Некому этого ждать! Нет никакого невидимого чиновника канцелярии судьбы с сияющей самопишущей табличкой, на которую тщательно заносятся все наши обязательства. Звучит как банальность, правда? Но я сам пару раз в жизни давал подобные зарок и прекрасно помню, какую власть они имеют над человеком. А отец вообще сто лет дома просидел. Сто лет, Макс! Это же целая жизнь! Но теперь он наконец-то свободен. И жаждет ещё раз объехать весь Мир – уже не ради дела, а только для собственного удовольствия. И маму с собой зовёт. Она, по моему, всю жизнь этого хотела, но не говорила и даже не намекала, а теперь ворчит: «Совсем сдурел, такую обузу за собой тащить», – а сама от счастья светится... Слушай, я так за них обоих рад, что уже третий день хожу как пьяный, больше ни о чём думать не могу. Самое удивительное, что при этом от меня до сих пор не сбежала жена.

– Я бы на её месте тоже не сбежал, – успокоил его я. – Такие мужья на дороге не валяются. Ты вон какие интересные песни про задницу знаешь. Да ещё и репой жонглируешь. Для семейной жизни это очень важно.

– Спасибо, Макс, – поблагодарила меня Кенлех. – Ты очень хорошо понимаешь, чего на самом деле женщины ждут от брака.

В леди Кенлех прекрасно всё – от коротко подстриженной тёмной

чёлки до вызывающе острых носков блестящих дорожных сапожек. Но самое прекрасное в ней – это умение говорить подобные вещи без тени улыбки, сопровождая их тяжёлым, как у начальника Канцелярии Скорой расправы взглядом. Понять, что Кенлех при этом шутит, может – вот, разве что, пророк. Ну или несгибаемый оптимист вроде меня, всегда заранее готовый считать проявлением не совсем обычного чувства юмора практически любое поведение малознакомого собеседника. Или хороший следователь вроде сэра Мелифаро, владеющий разнообразными техниками проникновения во внутренний мир всего, что шевелится. Он-то сразу её раскусил. И тут же уволок в нору. Правильно сделал, именно так и следует поступать с настоящими сокровищами.

– Похоже, вы очень неплохо съездили в Нумбану, – констатировал я, усаживаясь на стул и оглядываясь в поисках кувшина с камрой.

Тщетно. Ничего, кроме Мелифаро на столе не было. А он – точно не кувшин.

– Мы отлично съездили, – подтвердила Кенлех. – Лучше просто не бывает. Знал бы ты, какие там пироги!

– Это я как раз очень хорошо знаю. А что пророк?

– Он тоже вполне ничего, – подала голос Кекки. – Таких забавных вещей нам всем наговорил!

Ну хоть не ужасных. После возвращения Меламори с этой грешной ярмарки я стал напряжённо ожидать подвоха. Например, что после визита к Правдивому Пророку все наши зарыдают и начнут расползаться кто куда. Или даже не кто куда, а в Арварох. Все вместе. Чего мелочиться. Возможно, бывший Великий Магистр Ордена Потаённой Травы пообещал Завоевателю Арвароха обеспечить быстрый прирост взрослого населения? От этих бывших Великих Магистров чего угодно можно ожидать.

– А чего именно он вам наговорил – это совсем-совсем секрет? – спросил я. – Не хотелось бы подвергать вас пыткам, но таблеток от любопытства пока не изобрели.

Кекки и Кенлех дружно нахмурились. Не похоже, чтобы они были готовы вот так сразу разболтать мне «забавные вещи», услышанные от пророка. Обидно, конечно. Но я – последний, кто стал бы порицать их за скрытность.

– Ясно, – вздохнул я. – Нет так нет. Извините.

– Лично мне он сказал всего одну фразу: «Твои цвета – золотой и зелёный», – милосердно признался Мелифаро. – Я, конечно, хочу твоей гибели, как любой сознательный гражданин. Но всё же не настолько, чтобы скрывать такой пустяк. Тем более, что смысл этого мудрого

высказывания мне пока непонятен. Золотой и зелёный, договорились. И что мне делать с этой бесценной информацией?

– Как – что? – удивился я. – Просто носить одежду этих цветов. Наверное, это будет полезно для твоего здоровья. Или там, не знаю, душевного равновесия. Проверь.

– Макс! – рявкнул Джуффин. – Кто тебя просил?! Я ждал, когда он сам догадается. И даже заключил пари, произойдёт ли это до конца года.

– С кем?

– Сам с собой. Но какая разница.

– Только зелёную одежду? – изумлённо переспросил Мелифаро. – Я буду выглядеть как идиот.

– Зелёную с золотым, – напомнил я. – Как идиот ты будешь выглядеть только первые полгода. А потом всем станет ясно, что это просто твой новый индивидуальный стиль.

– Час от часу не легче, – насупился он.

– А по-моему, очень красиво может получиться, – заметила Кекки.

– Извини, незабвенная, но в твоих устах это звучит не слишком убедительно, – огрызнулся Мелифаро. – Вы, девчонки, в тряпках вообще не разбираетесь.

– Да просто отлично будет смотреться, – встрял я. – Уж всяко лучше, чем сейчас.

– Ты бы вообще помалкивал, – фыркнул Мелифаро. – В этом вопросе ты хуже любой девчонки. Великий мастер сочетания серого с бурым, тонкий знаток всех оттенков кошачьего дерьма. Если ты ещё раз скажешь, что золотой и зелёный это красиво, я наложу на себя руки от отчаяния.

– И кому, интересно, твои родители будут везти подарки из кругосветного путешествия? – спросил я.

– Моей вдове, – изрёк Мелифаро, картинно укладываясь на стол.

Странные овощи, которыми он всё это время по инерции жонглировал, плюхнулись ему на живот.

Кенлех и бровью не повела. Похоже, она вообще его не слушала, думая о чём-то своём. Наконец сказала:

– У зелёного цвета довольно много оттенков. Можно добиться некоторого разнообразия, не выходя за рамки формального определения. Могло быть и хуже.

– Серый и бурый, – подсказал я. – Твои цвета – серый и бурый!

Мелифаро разрыдался, закрыв лицо руками. Ну, то есть, заржал, конечно. Но со стороны всё равно было похоже на рыдания. Он молодец.

....Я ещё долго с ними трепался, тянул время, пока Меламори не прислала мне зов и не сказала: «Сэр Макс, даже не вздумай сегодня попадаться мне на глаза, я тебя уколошу!»

«Ты всё-таки продула мне сто корон? – обрадовался я. – Всё получилось? Встала на след?»

«На четыре следа, – неохотно призналась она. – Остальных ребят решила не мучить – какой смысл? И так всё понятно».

«Отлично. Значит я умру богатым».

«Может, и не умрёшь, – подумав, сказала Меламори. – Всё-таки жалко такую красоту из-за какой-то сотни корон губить».

Столь рациональный подход уже не раз спасал меня от расправы. Всё-таки мне повезло с Меламори. Она очень хозяйственная. И никогда не позволяет эмоциям возобладать над практическими соображениями.

– Что-то интересное тебе рассказали? – спросил Джуффин, всё это время с явным удовольствием разглядывавший стремительную смену выражений моего лица.

– Интересное – не то слово, – согласился я. И многозначительно умолк – дескать, давай, сам зови меня в свой кабинет. И двери тоже сам запирай. Ты начальство, на тебя за такое поведение никто не обидится. А мне ещё долго будут припоминать.

– Ладно, – сказал присутствующим Джуффин, – считайте, что сэр Макс – ваш спаситель. Теперь я вполне готов вспомнить, что вы устали с дороги и отпустить вас по домам.

– Даже меня? – восхитился Мелифаро.

– Тебя – в первую очередь. Тебе, как я понимаю, предстоит поход по модным лавкам, а это дело не одного часа.

– Вы что, действительно думаете, что Хонна – в смысле, Правдивый Пророк – имел в виду именно одежду? – скорбно спросил тот.

– Ну а что же ещё? – пожал плечами Джуффин. – Со всем остальным у тебя, хвала Магистрам, и так всё в полном порядке. Если и есть в Мире человек, которому не требуется ни добрых советов, ни подсказок, ни предостережений, то это ты. Вернее, будешь ты – после того, как выполнишь полученную инструкцию.

Мелифаро задумался.

– Ладно, – наконец сказал он. – Магистры с вами. Если для того, чтобы стать совершенством, надо вырядиться, как последний идиот – да будет так. В конце концов, жизнь не заканчивается на пороге гардеробной.

Надо же. Ещё даже не переоделся в зелёное, а уже так поумнел. Мистика какая-то.

– Так что у тебя стряслось? – спросил Джуффин после того, как мы остались вдвоём. Вернее, втроём, с Курушем, но буривах в этот момент вдумчиво исследовал органолептические свойства принесённого мною пирожного и не выказывал особого желания присоединиться к беседе.

– Не то чтобы именно стряслось, – сказал я. – Но да, происходят довольно странные вещи.

И рассказал ему всё, что успело случиться за этот бесконечно длинный день. А ведь только-только за полдень перевалило. Чем раньше встанешь, тем больше проблем успеешь огрести, всегда это знал.

Джуффин слушал меня как-то подозрительно внимательно. Даже не перебил ни разу. Только кивал в некоторых местах, выражая согласие. Ну или просто подбадривая: давай дальше.

– Действительно странная история, – согласился он, когда я наконец умолк. – Самое смешное, что мы даже официальное расследование по этому делу открыть не можем. Ничего противозаконного ваш с Кофой приятель не совершил. Нет закона, запрещающего исчезать, не оставляя следов. Равно как и закона, запрещающего делать вещи, которых лично я не понимаю. Что, конечно, зря. Было бы очень удобно.

– Поэтому об официальном допросе остаётся только мечтать, – кивнул я. – А пока можно только по-соседски спросить Ди, что он вытворяет и как ему это удаётся. И быть готовым к новой порции вранья, которое ещё поди проверь. Но я, конечно, всё равно спрошу.

– Такое впечатление, что этот урдерский трактирщик появился в Ехо с единственной целью – наглядно показать нам всем, как мало на самом деле мы пока знаем о магии, – сказал Джуффин. – По крайней мере, именно об этом я теперь всё время думаю.

– Для меня это уж точно не открытие, – усмехнулся я. – И так ясно, что я ни хрена ни о чём не знаю... Слушай, а вообще может такое быть, что они там, в Урдере, умеют ходить Тёмным путём? Хотя бы теоретически?

– Теоретически может быть всё что угодно. Но вообще, когда человек уходит Тёмным путём, он оставляет след, – напомнил Джуффин. И, подумав, добавил: – Впрочем, они вполне могли изобрести какой-нибудь собственный способ, отличный от нашего. Кто их разберёт.

Мы помолчали.

– Ты сейчас тоже думаешь о куманском убийце с красным лицом? – наконец сказал я.

Джуффин только бровь приподнял. Дескать, а о ком ещё я могу думать, если даже ты наконец-то догадался.

Ох.

– Не будешь возражать, если я заберу из Нумбаны Нумминориха? – спросил я. – Хотя бы на пару часов. Надеюсь, запах у Ди всё-таки есть. И тогда мы сразу узнаем, где он гуляет. Не факт, что от этого нам станет легче, но вдруг?

– Забирай на здоровье. Только не сегодня. Он только что прислал мне зов, говорит, палатка пророка с утра появилась на ярмарке, а у него там уже изрядная компания собралась. Какие-то подружки его жены, парочка Кофиных протеже и, будешь смеяться, наш с тобой общий приятель, старина Мохи Фаа^[26], внезапно заинтересовавшийся смыслом жизни настолько, что даже счёл возможным на несколько дней закрыть трактир ради поездки в Нумбану. Так что пусть сегодня Нумминорих занимается гостями. А завтра он, скорее всего, будет совершенно свободен; по крайней мере, до сих пор Хонна по два дня кряду без перерыва вроде не пророчествовал.

– А кстати, с его целями тебе уже хоть что-то понятно?

Джуффин неопределённо пожал плечами.

– Что-то понятно, что-то нет. Все откровения, о которых я успел узнать, скорее на пользу, чем... Не смотри на меня так укоризненно, сэр Макс. Правда, которую узнала о себе Меламори, тоже только на пользу. Я сам давным-давно собирался сказать ей примерно то же самое, да всё ждал подходящего момента, чтобы мои слова упали на подготовленную почву. Но так и не дождался. А Хонне, в отличие от меня, плевать на подходящие моменты. Если уж зашёл в шатёр пророка – получай информацию. А что ты с ней сделаешь и как будешь жить дальше, это уже твоя забота.

– Я, кстати, не укоризненно смотрел, а скорбно. И думал совсем о другом. Прикидывал, насколько уместно будет выпрашивать у тебя, кому какую правду выдали.

– И что решил?

– Что всё-таки не очень. Захотят – сами расскажут. Права на личную тайну никто, к сожалению, не отменял.

– Где бы мы все были, если бы я тоже так думал! – ухмыльнулся Джуффин.

– Тебе их признания для дела нужны. А мне просто любопытно. Ну хоть Мелифаро сам всё растрепал, уже облегчение... А здорово с его родителями получилось, правда?

– Да, я очень рад за Мангу. Он себя этим обетом домоседства без вины в тюрьме запер. И совершенно напрасно. Я, кстати, тоже говорил ему, что соблюдать обеты, данные с перепугу, особого смысла не имеет, но

безрезультатно. Манга меня выслушал, вежливо покивал, и всё осталось по-прежнему. Хонна молодец, что прикинулся пророком. Прекрасный статус. И на убеждение силы тратить не приходится, и даже мало-мальски внятная аргументация не нужна. Сказал, что в голову взбрело, и сиди себе с важным видом, пока потрясённый клиент отползает менять свою жизнь. Или хотя бы гардероб.

Мы помолчали. Не знаю, о чём думал Джуффин, а я прикидывал, что за правду услышали о себе Кенлех и Кекки. Судя по их настроению, это была чрезвычайно приятная правда. И уж точно не обязывающая немедленно бросить всё и бежать на край света, путаясь в рваных полах собственной судьбы.

Ну и то хлеб.

– Ладно, – сказал я. – Пойду думать дальше. Ну или не думать. Главное – прочь от твоего стола с будущим отчётом. Я его боюсь. Раньше ты часто говорил, что однажды мне придётся научиться и этому. А мне бы ещё пожить.

– Это я тебя просто запугивал, – ухмыльнулся Джуффин. – Уже не помню, зачем. Но всё равно рад, что мне это удалось.

– А уж я-то как рад! В смысле, что ты просто запугивал. Но всё равно пойду отсюда, пока меня не настиг Ужас Магов^[27].

– Ладно, проваливай, – великодушно согласился шеф. – Но особых планов на вечер не строй. По крайней мере, таких, от которых непросто отказаться.

– Что-то случилось? – встрепнулся я.

– Ну да, случилось. Причём ты сам периодически мне об этом рассказываешь.

– О чём?!

– Ну как же. Ди то, Ди это, и проклятие у него фамильное, и рожа всех цветов радуги, и родственники подозрительные, и врёт как дышит, и посреди улицы исчезает бесследно. Я что, по-твоему, похож на человека, готового бесконечно долго жить с вопросами, ответы на которые мне неизвестны?

– Вообще-то не очень, – невольно улыбнулся я. – Слушай, погоди, так ты хочешь сказать, что уже разгадал?..

– Да нет, конечно. Зато точно знаю, с чего начну. Вернее, мы начнём. И не надейся, что я дам тебе увильнуть.

– Ого!

– Ещё не «ого», сэр Макс. Никаким «ого» пока даже не пахнет. Но надеюсь, оно у нас впереди.

Только оказавшись на улице, я задумался о том, как жить дальше. Ясно, что в идеале – долго и счастливо. Но вот конкретно сейчас? Да так чтобы ещё и с пользой. И с удовольствием. И при этом быть готовым всё бросить в любой момент. Непростой вопрос!

Для подобных случаев у меня есть универсальный выход: отправить зов сэру Шурфу Лонли-Локли. Не факт, что у него найдётся свободная минута, зато если всё-таки найдётся, польза как-нибудь приложится сама. И удовольствие. Не говоря уже о том, что я его уже три дня не видел, а это форменный бардак.

Но на этот раз мне не повезло. Шурф сказал: «Прости, я занят», – да так сухо, что сомнений не оставалось, занят он действительно по самое горло. Причём чем-нибудь крайне тягостным и неприятным, вроде разглаживания стрелок на брюках или бега трусцой; впрочем, у каждого свой чёрный список дел, рождающих в сердце глухую ненависть к процессу бытия.

Нумминорих со своим волшебным носом, с которым я связывал столько надежд, волею начальства сидел до завтра в Нумбане. Меламори честно предупредила, что ей на глаза пока лучше не попадаться. Сэр Мелифаро любезно предложил составить ему компанию в походе по модным лавкам и, подозреваю, зловеще хохотал, получив от меня вежливый, но решительный отказ. Кофа выслушал мой краткий отчёт о следственном эксперименте Меламори и, конечно, совсем не обрадовался. Буркнул: «Ладно, будем думать дальше», – и был таков.

Зато Базилио всё ещё сидела у урдерцев и горячо советовала мне присоединиться; среди аргументов в пользу такого решения фигурировали Каддины певчие пирожки, обученные исполнять фрагменты оперных арий, новое лоохи леди Лари с движущимися узорами, хорошее настроение птицы Скрюух и присутствие нашего общего друга Малдо, который, конечно, уже собирается идти работать, но он всегда так говорит, а сам остаётся, никто уже и внимания не обращает на его угрозы.

Всё, вот буквально всё толкало меня под гостеприимный кров «Света Саллари», а я сопротивлялся до последнего. Не хотел туда идти. Совсем не был уверен, что могу позволить себе просто спокойно их всех любить. А относиться к компании урдерцев как-то иначе, будем честны, совсем непросто, даже если поверить что они в любой момент могут оказаться какими-нибудь зловещими беглыми колдунами, обретшими на краю Мира кузькину мать и вернувшимися в Ехо, чтобы показать нам свою находку. Или одним беглым колдуном, развлечения ради поселившемся в

нескольких телах, чем они хуже недоброй памяти Угурбадо^[28]?

Теоретически я вполне допускал и такой поворот событий.

Но теория теорией, а практика практикой. На практике же не любить добрейшую леди Лари, веселую умницу Иш, вдохновенного повара Кадди и сердечного простака Ди было решительно невозможно. Что хочешь, то и делай.

С другой стороны, – подумал я, – какая теперь, к чёрту, разница, ходить к ним или не ходить? Отступить поздно, дело сделано, я уже привязался к этой компании настолько, что, окажись они завтра злобными мятежными Магистрами, выхлопочу себе привилегию регулярно навещать их в Холоми.

Хотя всё-таки вряд ли они кем-то таким окажутся. И даже не потому, что симитировать добродушие и сердечность невозможно – ещё как возможно, к сожалению. Просто для мятежных Магистров они слишком уж долго сидят без дела, не причиняя никому никакого вреда. Сливочный суп из не-муяги варят, блины пекут, потолки разрисовывают, птице крыло лечат. У нас, угуландских колдунов, так не принято. Не тот темп.

Леди Лари встретила меня в арке, ведущей в их двор. То есть не специально вышла меня встречать, а просто стояла там, прижав руки к груди и, мечтательно улыбаясь, разглядывала Сияющую улицу, на которой, честно говоря, не было ничего примечательного – кроме самой леди Лари, внезапно сменившей прежнюю аккуратную причёску на какие-то легкомысленные завитки и нарядившейся в ультрамодное лоохи с постоянно изменяющимися, как в калейдоскопе узорами. Впрочем, шло ей это чрезвычайно. Как, подозреваю, пошло бы вообще всё, что может сделать со своей внешностью человек. Лишь бы ямочку на левой щеке не отменяла при помощи какого-нибудь косметического колдовства. Вот это была бы роковая ошибка.

– Ждёте кого-нибудь? – спросил я.

Она отрицательно помотала кудрявой головой.

– Просто вышла перевести дух. Постоять, помолчать, подумать. Столько всего происходит, сэр Макс! Иногда один день вмещает больше событий, чем вся моя прежняя домашняя жизнь. И как же мне это нравится, знали бы вы! Иногда мне кажется, что я до сих пор спала и вдруг проснулась, встала и вышла из дома – прямо сюда, в Ехо. И только теперь начала жить... Глупости говорю, да?

– Нет, что вы. Совершенно не глупости. Я сам чувствовал себя точно так же, когда сюда перебрался. Собственно, до сих пор чувствую. Как будто

настоящая жизнь возможна только здесь. Может быть, это близость Сердца Мира так на нас с вами действует?

– Может быть, – удивлённо согласилась леди Лари. – Совсем об этом не думала, а ведь похоже на правду. Но какая разница, да? Лишь бы и дальше действовало.

– Вот именно поэтому мне нравится думать, что всё дело в Сердце Мира, – улыбнулся я. – Это хорошая, надёжная причина. В отличие от времени года, атмосферного давления, наличия каких-нибудь веществ в нашей крови и прочих факторов, Сердце Мира никуда не денется. Оно тут навсегда. И мы с вами, надеюсь, тоже очень надолго.

– И я надеюсь, – откликнулась она. – Пусть так и будет!

Посторонилась, пропуская меня во двор, и сама пошла следом.

В урдерском трактире было как всегда – умереннолюдно, умеренно шумно и так душевно, что я невольно почувствовал себя вернувшимся со службы отцом семейства. Или напротив, сыном, прибежавшим из школы. «Или чудесным племянником, дарованным морем», – ехидно подумал я, пытаюсь поумерить своё лирическое настроение.

Ни хрена не получилось, конечно. Поди его поумерь, когда со всех сторон тебе улыбаются дружественные лица, синяя птица Скрюух гостеприимно хватает клювом за полу лоохи и тянет к столу, а повар Кадди выносит из кухни блюдо со, страшно сказать, обыкновенными жареными котлетами, которых я не ел целую вечность, а может быть и вовсе никогда, если принять гипотезу, будто прежняя моя человеческая жизнь – просто иллюзорное воспоминание о случившемся с кем-то другим; ай, неважно, главное, что и я, и котлеты всё-таки существуем в природе, причём не где-нибудь во Вселенной, а именно здесь, в столице Соединённого Королевства, где я – сэр Макс, а они – одно из традиционных блюд урдерской кухни. Ну или куанкурохской. Или чангайской. Один чёрт.

– У нас дома это блюдо называется «тумты из злой козы», – сказал мне симпатичный носатый юноша, которого я сперва не заметил, а заметив, никак не мог сообразить, где мы раньше встречались. Неужели здесь, в «Свете Саллари», а я забыл?

– Из злой, – объяснил он, – потому что у нас на мясо убивают только самых злых коз. Смирных не едят, их жалко. Но здесь у вас иначе, коз вообще почти нет, зато все едят индюков, совершенно не интересуясь, какой у них при жизни был характер. По крайней мере, никто из торговцев не смог нам этого сообщить... Поэтому в меню придётся написать: «тумты из не-козы, с которой мы не были знакомы». Чтобы всё честно.

Наконец до меня дошло.

– Иш! Это ты, что ли, наконец проснулся мальчишкой? Представляешь, я тебя сперва не узнал.

– А никто почему-то не узнаёт, – улыбнулся Иш. – Хотя лицо вроде бы примерно то же самое. И рост, и одежда. И вообще всё.

– Ну, голос всё-таки другой, – заметила молчавшая до сих пор Базилио. – И двигаешься ты иначе. А для узнавания это на самом деле гораздо важнее, чем черты лица.

– Рrrrrrrrrыааау! – подтвердил я.

Сказать что-то более внятное с котлетой в пасти довольно затруднительно. Даже когда это не котлета, а тумта из не-козы. Эффект ровно тот же.

Я был так заворожён этой удивительной встречей, что далеко не сразу заметил, как из кухни вышел мой друг Малдо Йоз. Я-то решил, он всё-таки отправился работать, как и грозил. А Малдо просто перебрался поближе к продовольствию. Вот ведь, казалось бы, художник, а соображает, что в жизни по-настоящему важно.

Увидев меня, Малдо просиял.

– Я уже думал, что тебя не дождусь, – сказал он. – А мне, хоть убей, надо бежать, вот прямо сейчас. Можешь немного меня проводить? Поговорить надо – позарез.

Кто же устоит перед таким предложением? Определённо не я. Поэтому выскочил на улицу натурально с котлетой в зубах. Ну хоть всё блюдо за собой не потащил, а ведь руки чесались, и вряд ли кто-нибудь решился бы меня остановить.

... – Прости, что вот так из-за стола тебя вытащил, – сказал Малдо. – Но мне правда давным-давно пора, просто Кадди попросил помочь ему разобрать ящик с посудой, и я пропал. Там, понимаешь, блюда с картинками, а на картинках изображены деревенские дома. Урдерские! С такими деталями, каких ни в одном учебнике по архитектуре не найдёшь. Просто сокровищница! Я сразу договорился, что как-нибудь засяду у них на всю ночь и перерисую, но оторваться всё равно не мог...

– Очень интересно, – вежливо сказал я, кое-как дожевывая котлету. – Но если ты хотел поговорить со мной только о сервисе с урдерскими домиками, имей в виду, ты несколько переоценил мою страсть к архитектуре.

– Да нет, конечно, – вздохнул Малдо. – Это я пытаюсь объяснить – не столько тебе, сколько самому себе – почему так засиделся. Притом что у

нас срочный заказ, и ребята уже ждут меня, чтобы начать работу, а мне ещё добираться...

– Куда именно?

– На Удивительную улицу, конечно. Основная работа у нас пока там.

Удивительная улица располагается в самом центре Ехо, то есть примерно на полдороге между Старым и Новым городом. Ещё недавно она, как и весь тот район, представляла собой полузаброшенный пустырь, а теперь, благодаря зданиям работы Новых Древних архитекторов, целиком оправдывает своё название. Туда даже экскурсии водят – студентов и просто любителей истории и искусства, как в музей.

Важно, впрочем, не это, а то, что ехать отсюда до Удивительной улицы даже мне пришлось бы минут десять, если не больше. А нормальному вознице и полчаса вряд ли хватит. Значит надо выручать.

– Давай руку, – сказал я. – И закрывай глаза.

– Отведёшь меня на работу Тёмным путём? – просиял Малдо. – Спасибо! Я сам хотел об этом попросить. Но сперва давай я тебе всё быстренько расскажу, там-то уже не до разговоров будет.

– Рассказывай.

Ох, зря я произнёс это вслух. Слово «рассказывай», по моим многократным наблюдениям, является могущественным древним заклинанием, временно лишаящим собеседника дара речи. Вот и Малдо тут же умолк, собираясь с мыслями. Торопить в таких случаях бесполезно, пришлось терпеливо ждать.

– Скорее всего, это ничего особенного не значит, – наконец сказал он. – Но я, хоть убей, не понимаю, почему так...

Отличное начало.

– Такая странная штука случилась с Иш, – вздохнул Малдо.

И снова замолчал.

Но я, конечно, и так понял, в чём дело. Вернее, решил, будто понял. «Такая странная штука случилась» – ну ещё бы! Он же за Иш ухаживал. С первой встречи глаз с неё не сводил, сидел в урдерском трактире безвылазно, забив на работу, кроме самой срочной. И по потолку бегать со второй попытки научился. И книжки ей дарил, и на прогулки приглашал, и возил всё семейство смотреть, как они с ребятами строят новый дом всего за четверть часа. Действительно выдающееся зрелище, я уже сколько раз видел, а всё никак не привыкну.

В общем, ухаживал человек за девушкой, и вдруг ррраз! – вместо девушки по дому скачет какой-то мальчишка. Я бы на месте Малдо чокнулся от такого сюрприза. Он-то ещё отлично держится: деревенскими

домиками интересуется, на работу опаздывает, говорит: «Ничего особенного». Это называется «крепкая психика»; интересно, где такую берут?

– Слушай, а разве ты не знал, что Иш время от времени превращается в мальчишку? – спросил я. – Удивительно, потому что мне например сразу же всё рассказали. Я так понял, это не семейная тайна, а скорее повод для гордости – вот какой необычный ребёнок у нас растёт! Вернее, уже вырос. Но какая разница.

Малдо, к моему удивлению, только отмахнулся.

– Да знал, конечно. При чём тут?.. А, ясно. Ты подумал, это и есть проблема? Нет, всё в порядке. Во-первых, Иш меня заранее предупредила, что такое время от времени случается, а во-вторых, так даже лучше.

– Даже лучше?!

Я, в общем, всегда знал, что Малдо – человек широких взглядов. Но до сих пор совершенно не представлял подлинные масштабы этой бескрайней шири.

– Для меня – так точно. Надо же мне когда-то работать. А серьёзные отношения отнимают кучу времени. Всегда этого опасался и избегал, пока мог. Но иногда так влипаешь, что выбирать не приходится. Поэтому превращения Иш для меня настоящее спасение. Мальчишки меня совершенно не интересуют. И его, кстати, тоже. В смысле Иш, когда он – это он. Поэтому мы договорились: пока она девчонка, постараемся проводить побольше времени вместе. А когда мальчишка, я бегу заниматься скопившейся работой, и никаких обид. То что надо! Во-первых, у меня обязательства. А во-вторых, без работы я быстро свихнусь, ты меня знаешь.

– Ну вы даёте! – обрадовался я. – Отлично договорились. Но что тогда не так?

– Видишь ли, вчера я отвёз Иш во Дворец Ста Чудес...

При этих словах у Малдо сделалось такое трагическое лицо, что я поневоле стал ждать продолжения: «И он ей совершенно не понравился».

И, кстати, понятия не имел, как его в таком случае утешать. Потому что Дворец Ста Чудес – любимое детище Малдо Йоза. Смысл всей его жизни и её главная цель, уже практически достигнутая. И, объективно говоря, действительно шедевр архитектуры, способный одним своим видом потрясти даже привыкших к чудесам угуландцев. Постройка состоит из сотни красивейших корпусов самых немыслимых очертаний, соединённых в один великолепный ансамбль, и выглядит, как мираж – немыслимый, невозможный, а всё-таки овеществлённый человеческой волей. Ну и магией сто какой-то там ступени, куда ж без неё.

В общем, неважно, не о самом дворце сейчас речь. А о том, что если бы я вдруг захотел причинить Малдо невыносимые душевные страдания, я бы просто снисходительно обругал этот шедевр, и цель была бы достигнута. А ведь я – не его любимая девушка. И даже не какой-нибудь авторитет в области архитектуры. Просто Дворец Ста Чудес – его самое уязвимое место, по крайней мере, сейчас, пока Малдо не завершил работу и не увлёкся чем-нибудь другим.

– Эй, – улыбнулся Малдо, – ты что, решил, будто Иш обругала дворец и разбила мне сердце? Не дождёшься! Во-первых, если бы это было так, я бы сейчас не с тобой разговаривал, а валялся пьяным в каком-нибудь тёмном подвале и рыдал от злости. А во-вторых, я её туда не хвастаться повёз, а работать. Мы сразу, как только познакомились, договорились, что Иш вспомнит для меня какой-нибудь приятный эпизод своего детства. Такую удачу нельзя упускать. Я вообще не особо надеялся, что смогу найти человека, бывавшего в Урдере и способного вспомнить хоть что-нибудь интересное. И тут вдруг появляется «Свет Саллари». Сразу четверо коренных урдерцев, кого хочешь, того и проси о помощи. Я начал с Иш. По многим причинам, не только по личным. Она же ещё совсем юная, почти подросток, значит воспоминания детства пока свежи. А у меня комнат с детскими воспоминаниями вообще нет, эта была бы первой.

– «Была бы»? Хочешь сказать, ничего не получилось?

– Вот именно. Ничего. И это очень странно. Я уже столько раз это делал, не мог же вот так – раз! – и утратить мастерство.

– Давай по порядку, – попросил я. – Пока ни хрена не понятно.

– Ну, ты же помнишь, как я работаю с внутренними помещениями?

Такое поди забудь. Штука в том, что в каждом из внутренних помещений Дворца Ста Чудес посетителя ждёт восхитительное наваждение, позволяющее ненадолго оказаться в чужой стране и посмотреть на неё глазами местного жителя или путешественника – смотря кого Малдо уговорил вспомнить соответствующий эпизод своей жизни.

Чтобы превратить воспоминание в наваждение, Малдо приходится потрудиться; насколько я помню, он использует какие-то секретные приёмы Мастеров Совершенных Снов, заклинания, визуализирующие фантазии, какую-то загадочную «формулу вечности» из арсенала древних строителей и волшебный порошок Кель-круальшат, который приводит бодрствующего человека в состояние приятной полудрёмы; не уверен, что хоть когда-нибудь пойму, как это всё работает, но оно работает, факт. И впечатления, которые я получил от посещения уже готовых комнат Дворца Ста Чудес, были, пожалуй, сильнее впечатлений, оставшихся у меня от настоящих

путешествий. Такова сила искусства.

Но речь сейчас не о моих впечатлениях, а о технологии создания наваждений Дворца Ста Чудес: воспоминание, заклинания, волшебный порошок. И воспоминание, конечно, самое главное. Без него колдуй, не колдуй, ничего не выйдет. Поэтому Малдо всё время находится в поиске уроженцев каких-нибудь удивительных мест и свидетелей разных необычайных зрелищ. Из меня по дружбе уже три воспоминания выколотил, а сколько народу мне пришлось уговаривать поучаствовать в его работе – вспомнить страшно. И это только начало, почти три четверти помещений Дворца Ста Чудес ещё пустуют, и одним Тёмным Магистрам ведомо, каким наваждениям предстоит там поселиться.

В общем, совершенно неудивительно, что Малдо при первой же возможности припахал Иш. Чувства чувствами, а дело прежде всего. Удивительно другое: как у них могло не получиться? Технология у Малдо, хвала Магистрам, отработанная; впрочем, насколько я знаю, у него и в самом начале сбоев не было. Всё-таки гений.

– Её воспоминания не проявились от заклинаний, – сказал Малдо. – Не «плохо проявились», а вообще ничего не произошло. Как будто я сдуру решил прочитать заклинания в пустой комнате, где никого, кроме меня нет. Мне, ты знаешь, попадались разные люди, в том числе, совершенно неспособные сосредоточиться на воспоминании. Тот же сэр Манга Мелифаро – а ведь как я на него рассчитывал! Думал, он мне сейчас половину дворца оформить поможет. А он постоянно перескакивает с одного эпизода на другой и оперирует не столько образами, сколько словами, как будто вспоминает не сами путешествия, а свои статьи для энциклопедии, которые там писал. И в итоге получается такая каша, что лучше её никому не показывать, никакого удовольствия, и впечатления как от сумбурного сна...

– Надо же, как не повезло! – огорчился я.

– Да, – вздохнул Малдо. – И не только с ним. Прежде мне в голову не приходило, что люди настолько по-разному устроены. И что далеко не все воспоминания можно сделать общим достоянием, я не знал. Но, понимаешь, как бы рассеян и равнодушен к собственным впечатлениям ни был человек, какой-то результат всё равно проявляется. Проблема может возникнуть только с качеством наваждения, а не с его наличием. И тут вдруг – вот так. Вообще ничего! Как будто сама Иш мне мерещится, я её даже потрогал, чтобы убедиться. Наощупь всё было в порядке: живая, тёплая, есть... Я совершенно растерялся. Но Иш, конечно, ничего не сказал, зачем её зря огорчать. Поблагодарил за помощь и отвёз домой. А

сам тут же помчался в порт за другим свидетелем. Вцепился в первого попавшегося ташерского матроса, целую корону ему за труды посулил – просто хотел убедиться, что не разучился работать.

– Ну и как?

– Да вроде не разучился. На самом деле, даже как-то неожиданно хорошо получилось – жаркий летний день на побережье, белый песок, сладкое вино, разбавленное морской водой... Ничего особенного, но отличная атмосфера, так что наверное, оставлю эту комнату как есть, не буду ничего добавлять.

– Ясно, – кивнул я.

– Тебе ясно? – обрадовался Малдо.

– Только что проблема не в твоём мастерстве. Как и у Меламори.

– А что случилось с Меламори?

– Тоже ничего непоправимого. Не смогла взять след, думала, всё пропало, внезапно утратила дар, но проверка показала, что он на месте. Только ты её пока не дёргай. Она в связи с этим происшествием проспорила мне сто корон и теперь зла на весь Мир.

– Спасибо, что предупредил. Я сейчас к кому угодно с жалобами приставать готов. И Меламори была вторая в списке, сразу после тебя. С ней можно просто отлично выпить в трудную минуту – так чтобы потом не было стыдно вспоминать. По-моему, именно по этому пункту старая аристократия выгодно отличается от всех остальных нас. Их же с детства учат красиво пьянеть и оказывать соответствующее положительное влияние на других участников процесса... Но нет так нет.

Он выглядел таким потеряннным, что я усилием воли включил в себе умеренно безмозглого оптимиста и бодро сказал:

– Да незачем тебе напиваться. Нет никаких трудных минут. Уверен, с Иш всё в полном порядке. Просто она – вот такая. Ну или он – такой. Ребёнок, дарованный Великим Крайним морем, так это в Урдере называется. Ты же сам видел, как Иш попробовала иллюзорную еду, наколдованную для Базилио, и ощутила её вкус. Наверное, на самом деле она тоже овеществлённая иллюзия, только поплотней. И ест нормально, и в Сердце Мира ей безвылазно сидеть необязательно. Гораздо более удобный для жизни вариант. А что воспоминания недостаточно плотные, так у всех свои недостатки. Подумаешь, беда.

– Как Базилио? – переспросил Малдо. И с облегчением улыбнулся: – Ой, слушай, но тогда вообще никаких проблем! И сразу понятно, почему она вечно превращается. Спасибо, ты здорово объяснил!

– Давай руку, отведу тебя на Удивительную улицу, – предложил я.

Малдо нетерпеливо кивнул. Все сомнения и тревоги уже благополучно вылетели из его головы.

Мне бы так.

Рассказ Малдо стал последней каплей – в том смысле, что именно тогда я впервые ощутил, что у меня вот-вот взорвётся голова. Не то чтобы мне прежде не доводилось ничего не понимать. Если разобраться, это вообще моё нормальное состояние. Другое дело, что далеко не всегда удаётся не понимать так много всего сразу. И при этом не иметь возможности безотлагательно припасть к надёжному источнику знаний, который сразу же всё объяснит.

Ну или хоть что-нибудь.

С источниками знаний у меня на сей раз как-то не задалось. Джуффин и сам ни хрена не понимал. И, что гораздо хуже, даже не считал нужным делать вид, будто понимает. А совершенно незаменимый в подобных обстоятельствах сэр Шурф, надо думать, продолжал гладить брюки трусцой, ну или чем таким кошмарным он там у себя нынче занимается.

Но я, конечно, всё равно отправил ему зов. Я очень настойчивый.

И, чтобы не оставить ему шанса послать меня подальше, сразу заявил: «Ещё немного, и у меня взорвётся голова!»

«Сожалею, но расписание текущих дел вряд ли позволит мне присутствовать при этом печальном событии», – ответил мой друг.

«Зато ты можешь его предотвратить».

«Каким образом?»

«Для начала просто меня выслушать. А потом сказать что-нибудь умное. Ну или не сказать. Как пойдёт. Мне очень надо».

«Прости, Макс. Но я действительно занят».

Он исчез из моего сознания прежде, чем я успел взвыть, что так нечестно. Потому что правда же нечестно. И кстати совершенно на него не похоже. До сих пор хотя бы несколько минут в день для меня находились в любых обстоятельствах. Притом, что в большинстве случаев я вовсе не взывал о помощи, а просто хотел выпить с ним камры. И волшебное заклинание «мне очень надо» в ход не пускал.

– Что за ерунда творится, – сердито сказал я вслух.

И отправился в «Свет Саллари». По крайней мере, там меня ждали котлеты. В смысле, урдерские тумты из не-козы. И, кстати, необходимость расплатиться за них с хозяйкой, пока она и вся остальная компания не исчезли вслед за главой семейства, не оставив следов. Я уже чего угодно был готов от них ожидать.

Впрочем, исчезнувший глава семейства за время моего отсутствия успел благополучно вернуться домой. Как мимо нас с Малдо, вышагивающих туда-сюда по Сияющей улице, проскочил – отдельная загадка; но ладно. Магистры с ним.

Теперь Дигоран Ари Турбон сидел, как ни в чём не бывало, за большим столом, наворачивал возлюбленные мои тумты, гладил прильнувшую к нему птицу, улыбался всем подряд, безмятежно зеленея щеками – был, надо понимать, счастлив. Живут же люди.

Я сел рядом с Ди. Не из-за стоявшего поблизости блюда, как можно подумать. А ради возможности задать ему мучивший меня с утра вопрос. И пусть выкручивается. А я посмотрю. И послушаю. Правды не узнаю, так хоть развлекусь.

На самом деле я не то чтобы хороший следователь. Подозреваю, хуже вообще не придумаешь. Я совсем не хитрый. Тем более, не коварный. И чересчур прямолинейный. И слишком рассеянный, чтобы постоянно держать в голове все детали, до которых следует докопаться. И, в довершение всех бед, невольно сопереживаю всякому, с кем говорю. Играю на его стороне, забыв, что у меня имеются свои интересы. Вопиющий непрофессионализм.

Но всё это, конечно, совершенно не означает, будто я не могу задушевно поболтать со своим соседом Дигораном Ари Турбоном. И спросить его: какого чёрта, Ди?

Ну правда же, какого чёрта.

Но так я вопрос ставить не стал. Вместо этого приветливо улыбнулся, цапнул с блюда остывшую уже котлету, сказал:

– Здорово, что вы дома. А то сэр Кофа сказал, будто вы исчезли прямо у него на глазах, я даже беспокоиться начал – а вдруг и правда? Рад, что обошлось.

– А разве я?.. – начал было Ди. Но тут же смущённо потупился и согласился: – Да, наверное, он прав. Со мной такое бывает.

– Что бывает?

– Исчезаю я иногда, – вздохнул Ди. – Особенно если задумаюсь. То есть это со стороны так выглядит – как будто исчезаю. А сам я при этом ничего особенного не чувствую: иду, думаю о чём-то своём. А потом обычно удивляюсь, как это так далеко забрёл, и сам не заметил. И дороги не помню – в смысле, как шёл.

– Это как? – изумился я.

– Не знаю, – простодушно ответил Ди. – Я же не нарочно это делаю.

Само так получается.

Прелестно. Что тут скажешь.

– У нас в Урдере такое порой случается, – вставила леди Лари. – Даже в правилах хорошего тона есть указания на этот счёт: если ваш спутник внезапно исчез во время прогулки, обижаться на него не следует; спросить при следующей встрече, куда он подевался, вполне допустимо, но настаивать на ответе не стоит.

Ничего себе правила хорошего тона. «Если ваш спутник внезапно исчез...» Воистину этот Урдер – страна чудес. А мы живём тут как дураки и ни хрена не знаем.

– Я тоже иногда исчезаю, – вставил Иш. – Не так часто, как Ди, но порой бывает. Хорошо, что вы об этом заговорили! А то я даже не знаю, как лучше: заранее предупреждать новых знакомых, что такое иногда случается, или достаточно будет извиниться потом?

– Лучше заранее, – посоветовал я. – Подобная неожиданность может серьёзно нарушить планы, а это мало кому нравится.

– Мне бы точно не понравилось, – подала голос Базилио. – Я бы потом ещё долго беспокоилась, что как-нибудь не так себя повела, если уж человеку пришлось исчезнуть, лишь бы со мной рядом не идти.

Бедный ребёнок. Всё-таки родиться чудовищем – тяжёлое испытание. И аукаться будет ещё очень долго. Честно говоря, я бы предпочёл услышать, что она время от времени хочет откусить кому-нибудь голову – в конце концов, эта проблема знакома любому из нас и решается хорошим питанием и элементарной самодисциплиной. А вот постоянное опасение кому-нибудь не понравиться – только разговорами. Целыми столетиями душевных разговоров, и это ещё самый оптимистический прогноз.

– Ты не можешь повести себя «не так», – сказал ей Иш. – Кто угодно, только не ты!

Такой молодец. И все остальные тут же согласно закивали, а леди Лари добавила:

– Ты же чудо расчудесное, светлая головушка! Не знаю, как здесь, а нас в Урдере таких умничек, как ты единогласно выбирают в Большой Урдерский Совет.

Базилио просияла. Всё-таки даже от уменьшительно-ласкательных суффиксов бывает польза. Ещё немного, и я с ними смирюсь.

От смирения перед уменьшительно-ласкательными суффиксами меня спас Джуффин. Видимо сердцем почуял беду и решил вмешаться. Прислал зов и сказал:

«Не знаю, чем ты сейчас занимаешься, но бросай всё и дуй ко мне.

Через полчаса мы обедаем с новым послом Чангайской Империи». Час от часу не легче.

– Вообще-то я не голоден, – сказал я, входя в его кабинет.

– А я тебя что, жрать зову?

– «Обедать» – это и есть «жрать», – заметил я. – Ты не знал?

– Иногда да. Но раз на раз не приходится. Например, обедать с чангайским послом – это, в первую очередь, означает с ним разговаривать. Вернее, с ней. Леди Мариенна Курчан – так зовут эту достойную даму. Она тебе понравится, обещаю.

– И о чём мы будем разговаривать после того, как она мне понравится? – флегматично осведомился я.

– Эй, что с тобой, Макс? – встревожился Джуффин. – Мы расстались всего пару часов назад, и в тот момент у тебя на плечах ещё была голова. Не идеальная, конечно, но вполне неплохая. В ней даже происходили какие-то мыслительные процессы.

– Правда, что ли?

– Точно тебе говорю. Куда ты её подевал?

– Последнее, что я помню о своей голове, – она собиралась взорваться от обилия непонятной ей информации. Но потом, видимо, нашла способ просто отключиться. И таким образом уцелеть.

– Знать ничего не знаю, включай её обратно. И взрывать не смей. Голова тебе пригодится – вот прямо сейчас, за обедом с чангайским послом.

– Но откуда в моей жизни вдруг взялся чангайский посол? Какой смысл в нашей встрече? Если ты хочешь воспитать из меня дипломата...

– Я что, пахну безумием?

– Не знаю. Не забывай, я не различаю этот запах. Нет, правда, зачем я понадобился чангайскому послу?

– Не ты ей, а она тебе.

– На кой ляд?

– Слушай, – внезапно спохватился Джуффин, – а ты карту Мира вообще хоть раз в жизни видел?

– Обижаешь. Она у меня даже в спальне висит. Очень красивая.

– Рад, что Мир сумел угодить тебе своими очертаниями. А ты эту красоту хоть раз внимательно разглядывал? Надписи читал? Помнишь, с какими государствами граничит Чангайская Империя?

И тут до меня наконец дошло.

– Дырку надо мной в небе и три хвоста в зубы! У них же там Урдер

совсем рядом! Поэтому?

– Хвала Магистрам, дошло, – ухмыльнулся Джуффин. – Но нам повезло гораздо больше, чем ты можешь представить. Четвёртый любимый муж госпожи посла – урдерец. Говорят, редкостный красавчик; впрочем, я не видел, она его с собой не привезла. Зато, будь уверен, благодаря ему леди Мариенна знает об Урдере больше, чем все наши справочники вместе взятые.

– Четвёртый любимый муж? – переспросил я. – Это как понимать? Кроме него есть ещё как минимум три любимых мужа? И парочка нелюбимых, чтобы жизнь сахаром не казалась?

– Ну да, примерно так, – согласился Джуффин. – А, стоп! Ты же ничего не знаешь о чангайских брачных обычаях. Неудивительно, в Мангиной энциклопедии они не описаны, причём по очень смешной причине: покойный Нуфлин Мони Мах внезапно встревожился, что чангайские порядки придутся по нраву гражданам Соединённого Королевства, и народ потребует установления у нас соответствующих законов. Не знаю, почему эта идея так напугала старика, но он воспользовался своим правом осуществлять цензуру и сократил главу о брачных законах Чангайской империи до полной утраты содержания.

– И что же там за брачные законы? – заинтересовался я.

– Довольно забавные. Но с учётом особенностей чангайской истории и культуры, чрезвычайно разумные. Штука в том, что всякий совершеннолетний гражданин Чангайи имеет право заключать брак с любым числом других совершеннолетних граждан, вне зависимости от их текущего семейного положения...

– Мне уже нравится.

– Кто бы сомневался.

– Так, погоди. Я хочу разобраться. Если, допустим, у меня уже есть восемнадцать жён, и я хочу завести девятнадцатую, а у неё при этом имеется муж, никого это обстоятельство не смутит? И мы спокойно поженимся?

– Совершенно верно. С той лишь поправкой, что вряд ли у твоей избранницы будет всего один муж. Настолько одинокую женщину в Чангайе ещё поди отыщи. Но вашему браку её семейное положение совершенно не помешает.

– Какой восхитительный бардак!

– А вот тут ошибаешься. Не бардак, а полный порядок, обеспеченный строжайшим соблюдением брачных контрактов, составление которых порой занимает больше времени, чем собственно супружеская жизнь. Эти

документы оговаривают все детали союза: с какой целью и на какое время он заключается, совместно или раздельно будут проживать супруги, насколько часто они должны встречаться, какие обязанности берут на себя по отношению друг к другу и прочим заинтересованным лицам – то есть, остальным мужьям и жёнам, включая будущих. Нарушение брачного контракта может привести к расторжению не только текущего, но вообще всех уже заключённых союзов и даже к пожизненному запрету вступать в новые официальные отношения, а такие неприятности никому не нужны, поэтому к контрактам относятся крайне серьёзно. И это, как я понимаю, изрядно упрощает всем жизнь.

– Ну уж нет, тогда я не согласен. Я бы сразу запутался – что, с кем, куда, кому и чего.

– На такой случай существует прекрасный выход: ты можешь заключить брак с грамотным юристом и прописать в контракте, что будешь любить её больше жизни, скажем, шесть дней в году, а она – консультировать тебя по всем брачным вопросам.

– Отличная сделка. В смысле ужас крошечный.

– Ну так сразу и ужас. На практике, большинство людей обычно ограничивается пятью-шестью союзами, среди которых встречаются любовные, экономические, учебные, профессиональные – не обязательно с юристами, какой специалист тебе в семье нужен, на том и женишься. Или, скажем, на одной из любимых жён специалиста, оформив при этом большой общесемейный брачный контракт, по условиям которого ты породнишься не только с новой супругой, но и со всеми членами её семьи. Собственно, в этом основной смысл: благодаря столь сложной системе брачных союзов, практически все чангайцы являются членами одной большой семьи. Очень удачное решение! Всего пару тысяч лет назад страну раздирали постоянные конфликты между семейными кланами. Обычай кровной мести в сочетании с правом каждого на убийство во имя гордости наносил численности населения больший ущерб, чем любая война. Теперь о таком и помыслить невозможно. Какая может быть кровная месть, когда все вокруг – родня? И вон тот неприятный тип, косо посмотревший на твою любимую сестру – седьмой муж пятой жены старшего сына третьего мужа вашей собственной тётки. Поэтому вместо того, чтобы хвататься за нож, ты вежливо говоришь ему: «Чего пялишься, скотина?» А он деликатно отвечает: «Тебя забыл спросить, урод», – даже топор из-за пояса при этом не вынув.

– Какие прекрасные, душевные люди оказывается живут в Чангайской Империи, – вздохнул я. – Эй, а ты точно уверен, что я нужен тебе на этом

обеде?

– Ты мне? Конечно, нет. Это тебе самому необходимо там быть. Отличный шанс задать все накопившиеся у нас вопросы и получить ответы практически из первых рук. Леди Мариенна довольно долго жила на границе с Урдером – ради любимого мужа, который не мог оставить какую-то важную выборную должность до истечения срока полномочий. Кому как не ей знать урдерские обычаи. И нет, сэр Макс, тебя никто не заставит на ней жениться. В самом худшем случае, пока госпожа посол будет получать разрешение на брак с иностранцем и составлять соответствующий контракт, ты успеешь не только сбежать на край Мира, но и четырежды обойти его пешком.

– Ладно, – обречённо согласился я. – Тогда, пожалуй, рискну.

... – Это полная чушь! – безапелляционно объявила леди Мариенна Курчан.

Не будь она прекрасной леди и по совместительству послом дружественной страны, я бы сказал: «гаркнула». И топнула ногой – видимо, чтобы придать своим словам больше веса. И ещё швырнула на пол тарелку, но с этой её манерой я уже свыкся, пока мы с Джуффином рассказывали о хозяевах «Света Саллари» и формулировали свои вопросы.

Большая стопка специальных чистых тарелок, предназначенных для битья, стояла перед каждым из нас. В соответствии с чангайскими правилами хорошего тона, всякий человек имеет право на демонстративное проявление любых эмоций, при условии, что его поведение не нанесёт ущерба жизни, здоровью и имуществу остальных участников беседы. И специальные тарелки для битья – обязательный атрибут всякой дружеской, деловой или любовной встречи. Только в общественные места каждый ходит со своим запасом посуды, а отправляясь в гости, можно положиться на щедрость хозяина дома.

Нечего и говорить, что, узнав о столь прекрасном обычае, я пришёл в восторг и решил немедленно его перенять. Меламори будет совершенно счастлива, да и я сам, чего греха таить, отлично заживу. Тем более, что тарелки тарелками, а топтать ногами, стучать кулаком по столу, повышать голос и делать другие приятные вещи у чангайцев тоже не возбраняется. А вот заехать собеседнику в челюсть или выплеснуть ему в лицо остатки супа – уже совершенно недопустимое проявление несдержанности, стыд и позор.

Идеальный, я считаю, баланс. И окружающие целы, и ты душу отвёл.

– Ничего подобного описанным вами чудесам в Урдере происходить не

может, – подытожила госпожа посол. – А если бы хоть раз такое случилось, урдерцы, будьте уверены, позаботились бы, чтобы об этом событии узнали аж в Арварохе. Кричали бы о нём на всех углах, даже тысячу лет спустя после происшествия. Они там великие хвастуны!

И швырнула ещё одну тарелку, на сей раз не на пол, а в стену. Да с такой силой, что осколки разлетелись в разные стороны. Один просвистел возле моего виска, как вражеская пуля. Не зря я не хотел идти на этот обед. Сердцем чуял смертельную опасность.

Из моего рассказа может показаться, что леди Мариенна Курчан была звероподобной громилой, как минимум двухметрового роста, с бицепсами размером в мою голову. Но нет. Перед нами сидела миниатюрная блондинка средних лет, с почти кукольным лицом, огромными ореховыми глазами, по-детски тонкими запястьями и трогательной манерой сдвигать со лба отросшую чёлку. Но голос у неё при этом был низкий и гулкий. И такой громкий, что хоть уши затыкай.

Но я как-то постеснялся.

Выплеснув эмоции, леди Мариенна взяла деловой тон и принялась объяснять по пунктам:

– Начнём с разноцветной рожи вашего приятеля. И его бесстыжей брехни, будто это фамильное проклятие. Всякое, конечно, в жизни случается. Но учтите, если его предка действительно прокляли, это был кто угодно, но только не урдерский колдун. Тамошние вообще не умеют проклиная. Да и зачем бы им? Они же убить могут за любой пустяк, и никто слова поперёк не скажет. Мой четвёртый любимый рассказывал, что его младший брат однажды срубил дерево. Не знаю зачем, может, оно просто солнце ему заслоняло. И что вы думаете? Тут же из леса прибежал какой-то полуголый безумец, сказал, что он лучший друг этого дерева, метнул в мальчишку камень, тот упал замертво, а колдун ещё полчаса вокруг его тела плясал, бормоча заклинания, и над деревом причитал. И никто его не остановил: по тамошним законам колдунам всё можно. Лопнуть им четырежды в дерьмовом сне!

И, конечно, швырнула на пол тарелку. Мы с Джуффином переглянулись, тоже взяли по тарелке и, хорошенько размахнувшись, бросили их себе под ноги. Иногда надо показывать собеседнику, что ты целиком разделяешь его негодование. Это способствует установлению доверительных отношений.

– Смотрите дальше, – спокойно сказала леди Мариенна. – Вот вам объяснили, дескать, исчезать во время прогулки для урдерцев обычное дело. И снова брехня! Мой четвёртый в жизни ни о чём подобном не

слышал. И мне, когда я к его семье в гости приезжала, о таких вещах не рассказывали. Хотя, как я уже говорила, все урдерцы – хвастуны. Как дети малые! Если какой-нибудь деревенский колдун из окрестностей Йорилани ухитрится превратить рыбу в жабу или наоборот, будьте уверены, вам ещё сто лет в любом посёлке будут рассказывать про это диво, непременно упирая на то, что Йорилани тут совсем рядом, всего в десяти днях быстрой езды, а значит великий человек – их ближайший сосед. Следовательно, к его славе рассказчики тоже каким-то боком причастны.

На этом месте я невольно улыбнулся, а рассказчица снова метнула на пол тарелку. Но на этот раз как-то формально, не вкладывая в бросок душу. Было заметно, что её эта тема тоже скорее смешит, чем сердит.

– Волшебные дети, которых якобы дарит море – это, конечно, полная чушь, – продолжила леди Мариенна. – Поверьте мне, все дети в Урдере рождаются самым обычным способом. Уж кому как не мне это знать!

Завершив фразу, госпожа посол машинально взяла в руки тарелку, но не стала её бросать, а, немного подумав, аккуратно поставила на место. Видимо воспоминания об урдерском способе делать детей не вызывали у неё никаких неприятных эмоций.

– Насчёт вашего предположения, будто в Урдере запрещено говорить вслух о людях, поступившим в учёбу к колдунам, я, простите уж мою прямооту, тоже думаю, что это бред сухопутной рыбы, – сказала она. И умолкла, любезно давая нам возможность выразить охватившее нас негодование.

Джуффин сообразил это первым и швырнул на пол сразу две тарелки, одну за другой. Я решил проявить оригинальность и показал леди Мариенне кулак. А потом стукнул им по столу. По-моему, получилось эффектно. Во всяком случае, наградой мне стала извиняющаяся улыбка госпожи посла.

– Не подумайте, будто я с пренебрежением отзываюсь о вашей способности делать умозаключения. Просто вы не знаете урдерцев, как знаю их я. А если бы знали, сразу бы поняли, что о таком великом событии, как поступление родственника в обучение к колдуну, эти хвастуны не смогут молчать даже под страхом смерти. Младшую сестру соседа моего четвёртого взяла к себе какая-то полоумная лесная знахарка. На таких условиях, что девица будет готовить еду, стирать тряпки и драить весь дом, а знахарка за это, так и быть, научит её варить горькие зелья от безответной любви, простуды и ревматизма. Так этот тип, братец начинающей ведьмы, все дела забросил, годами колесил по стране, из одного трактира в другой, хвастался своей сестричкой-колдуньей и пил за счёт восхищённой публики.

И поглядели бы вы, как отчаянно ему завидовали все вокруг, включая моего любимого муженька!

– Надо же, – сказал я после того, как была расколочена очередная тарелка. – Такое впечатление, что наши трактирщики вообще не из Урдера приехали. Они какие-то совсем другие.

– Ну, вы всё-таки имейте в виду, что я немного преувеличиваю их слабости, – внезапно призналась леди Мариенна. – Такая уж у меня манера говорить о людях! Но при этом я вас не обманываю. По сути всё обстоит именно так, как я рассказала. А в деталях – ну конечно урдерцы вовсе не такие наивные дураки, как я стараюсь представить. А то как бы я с одним из них столько лет счастливо жила?

Резонно.

Джуффин в ответ на чистосердечное признание госпожи посла швырнул на пол очередную тарелку. Но она, вопреки общим ожиданиям, не разбилась, а запрыгала по полу, как резиновая, попутно изрыгая причудливые шимарские ругательства, добрую половину которых, вроде «драть твою лису веслом на дне колодца» и «триста сорок упырей упрятать в вурдалачьей заднице» я до сих пор никогда не слышал. Оказывается, сэр Джуффин Халли – чрезвычайно терпеливый и воспитанный джентльмен. Столько лет сдерживался.

– Мамочки! – восхищённо всплеснула руками наша хозяйка. – Вот это чудеса! Слушайте, а как же она так?

Если бы Джуффин не сказал мне, что мы идём обедать с новым чангайским послом, я бы всё равно сейчас понял, что леди Мариенна прибыла в Ехо всего пару дней назад. И всё это время практически безвылазно просидела в Королевском дворце, ожидая своего представления ко двору. Потому что буквально несколько прогулок по городским улицам, и прыгающими тарелками её больше не удивишь. Разве что эксклюзивными шимарскими ругательствами, всё-таки они в столице редкость.

– Всего семнадцатая ступень нашей угуландской Чёрной магии. И ещё восьмая белой, – снисходительно объяснил Джуффин.

– Вот бы мне такие домой увезти! – мечтательно вздохнула госпожа посол.

– Домой? – переспросил Джуффин. – Боюсь, это не так просто. Даже не знаю, какое заклинание надо добавить, чтобы наша магия у вас в Чангае заработала... Впрочем, я подумаю. Задача нетривиальная. Интересно будет её решить.

Леди Мариенна Курчан молитвенно сложила руки на груди и

установилась на Джуффина с таким обожанием, что на его месте я бы уже призадумался о побеге на край Мира. С другой стороны, возможно, белокурая чангайская жена – именно то, чего шефу Тайного Сыска всю жизнь не хватало для счастья? Кто ж его разберёт.

Но я всё равно решил перенаправить внимание леди Мариенны в другое русло. И скорее поэтому, чем в расчёте на утвердительный ответ спросил:

– А в городке Саллари вы случайно никогда не бывали?

– Можете себе представить, случилось со мной однажды такое счастье, – насмешливо кивнула она. – Только «городок» – слишком громко сказано.

Интонация госпожи посла мне не понравилась. Поэтому я швырнул на пол очередную тарелку и ещё топнул ногой. Причём не из вежливости, а от чистого сердца, как будто всю жизнь так и поступал. Я вообще довольно быстро всему учусь, а уж дурным манерам – молниеносно.

Впрочем, на леди Мариенну мой поступок произвёл самое благоприятное впечатление.

– Извините, если невольно задела ваши чувства, – вежливо сказала она. – Просто Саллари действительно не городок. И даже не посёлок. А несколько полуразвалившихся древних домов, в одном из которых живёт так называемая Лесничая Смотрительница Саллари, чей круг обязанностей ограничивается, как я понимаю, самим процессом пребывания среди этих руин. По крайней мере, какой-либо полезной деятельностью вроде ремонта развалин или хотя бы уборки территории она себя явно не обременяет.

– А как вы там оказались? Что делать среди руин утончённой леди вроде вас? – недоверчиво спросил я.

Всё ещё надеялся, что на самом деле леди Мариенна в Саллари не была. А, предположим, просто наслушалась сплетен жителей соседнего городка. Или, скажем, не поняла какую-нибудь специфическую местную шутку. Мало ли как они там разыгрывают приезжих.

– Ваши бы слова да моему четвёртому в уши! – встрепенулась леди Мариенна. – Поташил меня туда сразу после того, как познакомил с роднёй. Сказал, это что-то вроде совместного праздничного паломничества. Впрочем, он не сошёл с ума, а просто следовал местным традициям. Все урдерцы считают своим долгом хотя бы раз в жизни побывать в Саллари. Какое-то знаменательное событие у них там случилось много столетий назад.

– Договор с Великим Крайним Морем об отмене ежегодных приливов там случился, – вспомнил я.

– Да-да, что-то в таком роде, – небрежно согласилась госпожа посол. – Уж не знаю, чего я ожидала от той поездки, но точно не ночёвки в доме с выбитыми окнами и протекающей крышей, который там считается гостиницей для почётных визитёров. Так называемая «смотрительница» даже горячий завтрак нам не подала, а этот умник, мой муж, заявил, будто она и не обязана. Предложил развести костёр и вместе что-нибудь приготовить. Приготовить! На костре! Представляете?! Это было единственное утро нашей совместной жизни, когда мне захотелось подать на развод.

На пол полетели сразу три тарелки. И, по воле Джуффина, дружно запрыгали, на этот раз не ругаясь, а плюясь разноцветными искрами. Леди Мариенна, забыв обо всем на свете, уставилась на этот фейерверк. Воспользовавшись паузой, я перешёл на Безмолвную речь и сказал шефу: «Не отвлекай её, она сейчас очень важные вещи рассказывает».

«Прости, – кротко ответствовал он. – Я и сам догадываюсь, что важные. Просто, видишь ли, постоянное битьё посуды кажется мне довольно бессмысленным действием. Соблюдать этот обычай скучно, игнорировать его – невежливо, вот и развлекаюсь, как могу».

Тем не менее, шеф взял себя в руки, усмирил тарелки и спросил госпожу посла:

– Так что, кроме этой смотрительницы, постоянно в Саллари никто не живёт?

– Ну да. Именно об этом я и толкую. Несколько пустых развалюх на границе между лесом и каменным пляжем, одна невоспитанная шарлатанка, вот вам и весь «городок».

– Дигоран Ари Турбон, – сказал я. – Лари Яки Ла, Арра Иш Ваду, Кадди Кайна Кур.

Не знаю, зачем я произнёс вслух имена своих урдерских друзей. Кажется, это был просто жест отчаяния. Единственный способ отменить дурацкую правду, которую говорила энергичная белокурая женщина – назвать имена людей, ещё совсем недавно живших в Саллари. Сколько они могли добираться до Ехо? Максимум полгода – это если пересекали всю Чирухту не торопясь, с долгими остановками, чтобы осмотреть окрестности и погулять в городах, через которые лежал их путь. Значит, ещё полгода назад они...

– Погодите. Хотите сказать, вы лично знакомы с урдерскими Прибрежными Деревьями? – оживилась леди Мариенна. – Получается, вы всё-таки бывали в Урдере? И, похоже, на правах почётного гостя! Потому что, к примеру, меня Прибрежным Деревьям так и не представили. Не

сочли достаточно важной особой, хотя я уже тогда была в ранге постоянного временного посла Чангайской Империи.

– Что? – не веря своим ушам, переспросил я. – С какими деревьями? Почему с деревьями?

Наша хозяйка так удивилась, что даже забыла швырнуть на пол очередную порцию посуды. И басом говорить тоже забыла, перешла на нормальный человеческий голос.

– Ну как же, – сказала она. – Вы только что назвали несколько имён, лично мне не известных, но очень похожих на имена урдерских Старших Прибрежных деревьев. Они, в отличие от человеческих, всегда состоят из трёх частей... Почему вы так на меня смотрите, сэр Макс? Я вас чем-то невольно огорчила?

– Ну что вы, – галантно возразил я.

И грохнул об пол полдюжины тарелок, одну за другой. Понимать происходящее лучше не стал, зато от взрыва в голове битё посуды, как выяснилось, отлично помогает.

Ну и дальше я уже просто тихо сидел за столом, предоставив Джуффину объясняться с госпожой послом самостоятельно. Рассказывать ей, что в Урдере мы никогда не бывали, а если нашим знакомым взбрело в голову представиться именами деревьев – ну так какой с них спрос. Законом это не запрещено, по крайней мере, Кодексом Хрембера. А урдерцы своим землякам теперь вообще всё простят, потому что те выучились колдовать, за тем наверное и приехали, у нас магии учиться легко и приятно – и всё в таком духе. Леди Мариенна слушала его, открыв рот, особенно в той части, где речь шла об обучении колдовству. Похоже, до сих пор она не сообразила, с какой пользой можно проводить время в столице Соединённого Королевства, и теперь была ошеломлена открывшимися ей перспективами. У меня на её месте тоже голова кругом пошла бы.

Впрочем, она и на своём месте неплохо кружилась. Хоть и по иным причинам.

– Не сейчас! – твёрдо сказал Джуффин после того, как мы, вежливо разбив оставшуюся посуду и тепло попрощавшись с хозяйкой, вышли на улицу.

– Как это – «не сейчас»?! – взвился я. – У нас тут под самым носом Магистры знает кто неведомо чем занимается, а мы...

– Вот именно поэтому.

В этот момент я крепко пожалел, что не прихватил с собой из гостей

пару тарелок. Грохнул бы их сейчас о мостовую, глядишь, полегчало бы.

– Понимаю твои чувства, – ухмыльнулся шеф. – И даже, не поверишь, отчасти их разделяю. Но прими во внимание вот что: я, как и ты, только что получил совершенно новую для меня информацию. И вовсе не уверен, что сделал правильные выводы. И вряд ли хоть один из родившихся у меня в связи с этим планов заслуживает немедленной реализации. Если мы прямо сейчас начнём обсуждать кашу, закипающую в наших головах, только запутаем друг друга ещё больше. Поэтому предлагаю сперва обдумать новости самостоятельно. А завтра встретиться и поговорить.

Конечно, он был прав. Но легче мне от этого не стало.

– И мой тебе совет: не ходи сегодня в «Свет Саллари», – добавил Джуффин. – Не задавай им вопросы, которые, не сомневаюсь, вертятся у тебя на языке. Не спеши. Всё это тоже завтра. Или даже послезавтра. С холодной, ясной головой. Договорились?

Я показал ему кулак. И топнул ногой. Легче, вопреки ожиданиям, не стало. Но по крайней мере, Джуффина я насмешил. И то хлеб.

...Джуффин отправился домой, а я остался в Старом Городе, в десяти минутах неспешной ходьбы от Мохнатого Дома. Стоит ли говорить, что идти туда мне пока совершенно не хотелось. Молча обдумывать проблему, сидя в кресле – примерно так я представляю себе ад. На ходу – ещё куда ни шло.

Впрочем, если я хочу добиться мало-мальски путного результата, проблему надо обсуждать. Вслух.

И я даже знаю, с кем именно.

Судьба сэра Шурфа Лонли-Локли, таким образом, была решена. Я был твёрдо намерен стереть с лица земли резиденцию Ордена Семилистника, если вдруг выяснится, что дела этой уважаемой организации по-прежнему препятствуют её Великому Магистру испытать бесконечное счастье принять в гостях растерянного и злого, как голодный демон меня.

Я так ему и сказал: «Делай что хочешь, а я всё равно вот прямо сейчас появлюсь в твоём кабинете, потому что ты – мой единственный шанс не сойти с ума. Призрачный, конечно, но это лучше, чем ничего. И учти, я почти не преувеличиваю».

Ответом мне было молчание. Гораздо более долгое, чем я привык. Наконец мой друг ответил: «Ладно. Если ты так ставишь вопрос, прости, что я не встретился с тобой раньше. Боюсь, просто недооценил масштаб твоих проблем. Жду тебя в кабинете через четверть часа».

Ну хвала Магистрам. Уже можно жить.

Четверть часа я убил, проделав пешком большую часть пути, а на мосту Кулуга Менончи решил, что времени прошло уже достаточно, и шагнул в кабинет своего друга Тёмным путём. Всяко лучше, чем ломиться к нему через Явный Вход, охмуря охрану, которую хлебом не корми, дай поглумиться над очередным посетителем, неторопливо занося его имя в бесконечно длинный список официальных визитов. Особенно меня достают их упорные попытки вызнать мою фамилию и тягостная пауза, повисающая в воздухе всякий раз, когда я говорю, что никакой фамилии нет. Сэр Макс, и точка, чего вам ещё. Недоразумение, конечно, тут же улаживается, но при всяком новом визите всё начинается сначала, порядок есть порядок, я понимаю, чего ж тут не понимать, но если бы я не выучился ходить Тёмным путём, который, помимо прочих удобств, избавляет от мытарств в приёмной, давным-давно слетел бы с катушек и начал бы, к примеру, кусаться. Ну или просто выть на их настольный светильник, круглый, как полная луна.

В кабинете Шурфа царил полумрак. Только в дальнем углу горел маленький газовый фонарь; его бледный голубоватый свет выполнял скорее декоративную функцию, чем практическую. Но моего друга это совершенно не смущало, он сидел за письменным столом, уткнувшись в какие-то самопишущие таблички и внимательно их читал. На меня даже не взглянул. Сразу видно, что конец года не за горами.

– Эй, я уже пришёл, – сказал я.

– Это довольно сложно не заметить. Садись и рассказывай, что у тебя случилось.

Глаз он на меня так и не поднял. Что, впрочем, как раз ерунда, этакое своеобразное бюрократическое пижонство – я тут у нас владыка Мира, ежечасно погибающий под горами бумаг и снова возрождающийся к жизни, великая мистерия, вам, простым смертным, и не снилось. Время от времени на него это находит, особенно от усталости; в общем, я привык.

Хуже другое: Шурф мне не обрадовался. Не притворился равнодушным, что, как раз обычное дело, а действительно совершенно не обрадовался. На самом деле. Нет.

Обмануть меня довольно легко, но только не в подобных вопросах: я чувствую чужое настроение, а уж его настроение – и подавно. До такой степени, что оно автоматически становится моим. Поэтому как бы мастерски мой друг ни прикидывался самым занятым человеком в Мире, сколь бы убедительно ни сравнивал получасовой перерыв в работе с крупномасштабной катастрофой вроде наводнения, на ликвидацию

последствий которого понадобится куча сил, я всегда пропускал его сетования мимо ушей. Говори, что хочешь, дружище, если это тебя развлекает, всё равно ясно, что ты мне рад, иначе давным-давно оставил бы тебя в покое. А так – не оставляю, и не проси. Потому что радость – упражнение, которое мрачным типам вроде нас следует выполнять ежедневно, чтобы не утратить сноровку, это я знаю точно. И делаю что могу.

То есть регулярно обрушиваюсь ему на голову в самый неподходящий момент – ради искр, всякий раз вспыхивающих от этого удара.

Но сегодня никаких искр не было. И их отсутствие встревожило меня куда больше, чем все прочие новости вместе взятые.

– Так, – сказал я. – Что у тебя стряслось?

– Не у меня, а у тебя. Это ты не далее как четверть часа назад сообщил, что тебе нужна помощь. А я всего лишь согласился её предоставить.

Ну... да.

– Поэтому садись и рассказывай, – велел Шурф. – Если тебе кажется, будто я отвратительно себя веду, ты, скорее всего, прав. Но у меня сам видишь, что происходит, – он провёл рукой над столом, как бы приглашая меня оценить масштабы постигшей его бюрократической катастрофы. – Это продолжается уже третий день, и конца не видно.

Ладно, предположим. Я даже не стал напоминать: «А кто недавно хвастался, будто так лихо перекроил расписание, что высвободил себе для жизни чуть ли не пол-дня?» Все мы время от времени становимся оптимистами без особых на то оснований. Вот и сэр Шурф дал маху, вопреки моей внутренней легенде, будто он – сама безупречность. Но это уж точно не беда.

– Перед тем как явиться сюда, ты намеревался сойти с ума, – любезно подсказал Шурф. – По какой причине?

– Урдерцы, – объяснил я. – «Свет Саллари». Дигоран Ари Турбон и компания. Во-первых, они за каким-то лешим представились нам именами деревьев. Оказывается, у урдерских прибрежных деревьев есть имена, и они, в отличие от человеческих, всегда состоят из трёх частей. Такое вот странное правило.

– В доступных мне источниках об именах деревьев не было сказано ни слова, – флегматично заметил Шурф. – Очень интересно.

Он врал. Ни хрена ему не было интересно, это я чувствовал так же ясно, как отсутствие радости по поводу моего появления.

Но ладно, нет так нет. Просто человек устал. Настолько, что забыл, с

каким энтузиазмом рассказывал мне об урдерских прибрежных деревьях всего несколько дней назад. И как тогда горели его глаза. Бывает.

– Однако мне, в силу особенностей моего характера и житейского опыта, непросто понять, каким образом подобное открытие может привести человека на грань безумия, – добавил мой друг. – Даже если этот человек ты. Всё равно причина явно недостаточная.

– Имена деревьев – это просто вишенка на торте, – вздохнул я. – Последняя капля. Контрольный выстрел в мою бедную голову.

И пересказал ему всё, что успел узнать за этот долгий день. Старался излагать коротко и последовательно. Только факты, без комментариев. Ну, почти без. Всё-таки манеру говорить вот так в один миг не изменишь.

– Да, довольно любопытно, – равнодушно согласился Шурф, когда я умолк.

Довольно любопытно! Довольно!! Любопытно!!! И это всё?!

Мать твою.

– В доме чангайского посла перед каждым ставят стопку специальных тарелок для битья, – сказал я. – Чтобы дать всем участникам трапезы возможность в любой момент выразить охватившее их возмущение. Жалко, что у тебя таких нет. Я бы сейчас грохнул парочку.

– Извини, что плохо подготовился к твоему визиту. Не знал, что тебе по вкусу чангайские обычаи. Впредь постараюсь это учитывать.

Так уже лучше, конечно. Практически как в старые добрые времена. В смысле, три дня назад.

– А собственно, какого рода помощи ты от меня ждёшь? – спросил Шурф. – Я уже говорил, что не являюсь знатоком урдерских обычаев. И тех сведений, которые мне удалось почерпнуть из нашедшихся в нашей библиотеке источников, к сожалению, явно недостаточно, чтобы найти ответы на занимающие тебя сейчас вопросы. Там не было информации даже о традиции давать имена деревьям. О большем уже не говорю.

– Во-первых, мне было нужно, чтобы ты меня выслушал.

– Прекрасно. Я это сделал.

– Да, спасибо тебе. Кроме того, я хотел попросить тебя поискать в библиотеке сведения о способах исчезать вместе со следом. Ясно, что обычная невидимость и Тёмный путь – не вариант...

– Не вариант, – согласился Шурф. – Я, безусловно, выполню твою просьбу, как только смогу выкроить хоть немного времени. Но, по правде сказать, заранее сомневаюсь в успешном результате поисков. Если бы такой способ существовал в рамках одной из описанных магических традиций, я бы о нём знал. Я не специалист по урдерской культуре, это правда. Но о

магии знаю довольно много. Особенно о тех её областях, которые имеют хоть какое-то отношение к способам скрываться и разыскивать. Всестороннему изучению этих вопросов я посвятил около двухсот лет. Не следует недооценивать мою профессиональную эрудицию.

– Ладно, – согласился я. – Не буду недооценивать. Просто всегда остаётся надежда...

– Тебе, насколько я помню, ещё много лет назад объяснили, что надежда – глупое чувство. Удивительно, что ты по-прежнему продолжаешь за неё цепляться, – холодно сказал он.

На кого угодно другого я бы сейчас разозлился всерьёз. Но сэр Шурф обладает удивительной способностью пробуждать во мне самые худшие качества. Например, покладистость. И, страшно сказать, терпение. Из верёвок, которые он свил из меня за годы нашего знакомства, наверняка уже можно сплести лестницу до самой луны. И вторую, чтобы спуститься обратно. А остатками подпоясаться, чтобы сподручнее было лезть.

Вот и теперь я не встал и не ушёл, а зачем-то принялся объяснять:

– В том-то и дело, что много лет назад. И по другому поводу. И, если на то пошло, совсем другому человеку. Цитируя, всегда следует учитывать контекст. И самое главное, речь шла вовсе не о той разновидности надежды, которую я испытываю сейчас. Когда надежда ослабляет и парализует волю, она – действительно глупое чувство. А когда даёт силы и мобилизует к действиям, становится драгоценностью, отказываться от которой добровольно нет дураков.

– Ты совершенно прав, – неожиданно согласился Шурф. – А я лезу к тебе с поучениями, хотя ты пришёл не за ними, а за помощью. Которую я вряд ли способен предоставить в нужном тебе объёме, но это не повод так безобразно себя вести.

– Да ладно, – отмахнулся я. – Всех нас порой заносит. Ты сколько суток уже не спал?

– Я бы предпочёл оставить эту информацию при себе, – сказал он.

Взял со стола трубку и принялся её раскуривать.

– Хорошее дело, – одобрительно кивнул я. И полез было в карман за сигаретами. Но рука так и застыла на полдороге, потому что в этот момент табак в трубке Шурфа наконец вспыхнул. И на мгновение озарил его лицо.

Штука в том, что в полумраке я теперь вижу гораздо лучше, чем прежде, а всё-таки далеко не так хорошо, как коренные жители Угуланда, у которых прекрасное ночное зрение врождённое, совершенно в порядке вещей. Вероятно, это одно из естественных следствий проживания в Сердце Мира. По крайней мере, чем дольше я живу в Ехо, тем лучше вижу

в темноте. Но, в отличие от местных уроженцев, подолгу читать ночью без лампы пока всё-таки не могу. И деталей на расстоянии особо не различаю. В том числе, выражений лиц.

Поэтому только сейчас, при свете вспыхнувшей трубки я увидел, что друг мой выглядит, как наспех оживлённый покойник, для которого вся эта имитация жизни, конечно, чрезвычайно мучительна, но он твёрдо решил терпеть до последнего. И виду не подавать.

– Так, – сказал я. – Понятия не имею, что именно у тебя стряслось. Но точно знаю, что оно стряслось. И что это какой-то лютый ужас. Конечно, ты имеешь полное право ничего не рассказывать. Но ты знаешь, какое у меня воображение. И какие кошмары я способен придумать, если ты не скажешь мне правду. И примерно представляешь, что я могу в связи с этим устроить.

– К несчастью, представляю, – согласился он. – Поэтому если бы у меня действительно что-то стряслось, я бы предпочёл сразу поставить тебя в известность, предварительно связав по рукам и ногам. Но в данном случае ты превзошёл самого себя. И выдумал какой-то одному тебе очевидный «лютый ужас» на совершенно пустом месте.

– Да ни хрена я не выдумал. И ты это знаешь. И сейчас ругаешь себя за то, что вообще согласился со мной встретиться. И за то, что не догадался отвернуться прежде, чем закурил. А за то, что позволил своим чувствам как-то проявиться на лице, ты себя не просто ругаешь, а уже практически к смертной казни приговорил. Зря, кстати. С точки зрения стороннего наблюдателя, с лицом у тебя всё в полном порядке. Усталое, не более того. Просто я не совсем сторонний наблюдатель. А, можно сказать, твой персональный пророк. Правдивый, не хуже нумбанского, так что можешь к нему не ездить...

На этом месте Шурф адресовал мне взгляд, исполненный столь ослепительной ярости, что я до сих пор не понимаю, как тогда уцелел.

Так он смотрел на меня только однажды – перед тем, как убить. Вернее, предпринять такую попытку. Но в тот раз поведением моего друга управлял подчинивший его волю колдун Гугимагон^[29], а сейчас он, похоже, был готов обойтись без посторонней помощи.

Счастье, на самом деле, что я его совсем не боюсь. И вместо того, чтобы крушить всё вокруг, спасая свою шкуру, понимающе улыбнулся:

– Если ты твёрдо решил меня уколошить, дай хоть завещание сперва составить. Отпишу тебе половину своего состояния. Ты же в отставку с голой задницей уйдёшь. Жалования Великим Магистрам, насколько я знаю, по уставу не положено, а казнокрада из тебя не выйдет, хоть тресни. Да и

что там из вашей казны сейчас украдешь, смех один...

– Не говори ерунду, – холодно сказал Шурф. И отвернулся.

– Ерунду – в том смысле, что с Орденой казной уже всё в порядке? И ты начал понемногу её разворовывать? Прости, я опять тебя недооценил. А ведь буквально только что обещал никогда больше так не поступать. Как ты меня вообще терпишь.

На этот раз он уставился на меня с возмущённым изумлением. Так учёный смотрит в микроскоп, где между предметным и покровным стёклами беспечно резвится новорожденный вирус, полную невозможность существования которого он только что блестяще доказал.

Пока я прикидывал, что он в меня сейчас метнёт – молнию или всё-таки просто самопишущую табличку, случилось чудо.

Сэр Шурф Лонли-Локли наконец-то обрадовался, что я пришёл. Хотя на лице это совершенно не отразилось. Но говорю же, меня не обманешь.

– Сам знаешь, как иногда бесит, что в Море есть человек, от которого ничего невозможно скрыть, – сказал он.

Ха. Ещё бы я не знал.

– На самом деле от меня ещё как можно, – сказал я. – Очень многое. Да практически всё, кроме полного трындеца.

– Кроме чего?

– Полного конца обеда. Ты сейчас выглядишь так, словно именно он для тебя и настал. Но не беспокойся, подробности мне неизвестны. Чтению мыслей я до сих пор не выучился; впрочем, и не собираюсь. И решение головоломок – не моя специализация. Не хочешь, не рассказывай. Я, конечно, напридумываю Магистры знает чего и с перепугу свихнусь окончательно, но это неважно. Сойти с ума я всё равно планировал в самое ближайшее время. Катастрофой больше, катастрофой меньше, какая уже разница.

– Ну всё-таки со мной никакой катастрофы не произошло, – заметил Шурф.

Хотел бы я, чтобы его голос звучал несколько уверенней.

– А если и произошла, то давным-давно. И я об этом, положив руку на сердце, сам всегда догадывался, – добавил он. – Теперь не догадываюсь, а знаю. Что на самом деле к лучшему. Правду о себе следует знать, а не подозревать. Знание мобилизует.

– Правду, значит? – переспросил я.

Вспомнил, как он взвился от моей невинной шутки насчёт нумбанского пророка, сложил два и два, получил четыре, глазам своим не поверил, пересчитал – четыре, и хоть убей. Похоже, Шурф и правда

мотался в Нумбану. Сколько дней мы уже не виделись? Почти три? Ну значит, когда-то примерно тогда.

– Разумеется, я побывал на ярмарке, – подтвердил Шурф. – Неужели ты думал, будто я упущу такой шанс?

– В голову не пришло бы, что тебя может заинтересовать возможность услышать какую-то правду из чужих уст – всё равно, чьих. Ты производишь впечатление человека, который сам давным-давно знает о себе всё, что ему нужно. Всё-таки я совершенно не разбираюсь в людях. Даже когда эти люди – ты.

– Да нет, на мой счёт ты скорее прав. Меня заинтересовало не само пророчество, а уникальная возможность изучить механизм его возникновения. Понять, что происходит в момент встречи пророка с очередным клиентом. И откуда именно берётся сообщаемая информация.

– Ну и как, понял?

– Мне кажется, да. Очень любопытный, кстати, механизм. Короткое бессловесное заклинание, происхождение и природа которого мне пока неясны, но принцип действия более-менее очевиден, пробуждает в клиенте ту часть сознания, которая обладает полным объёмом знания о себе, но почти никогда не вступает в контакт с умом. Хотя постоянно пытается. Просто ум не слышит – в том, собственно, и состоит его несовершенство, что большую часть времени мы не слышим себя. И вот почему ум следует развивать всеми доступными способами. Ну, то есть, по многим причинам надо, но эта – самая прагматическая из них... Прости, я увлёкся, и это, на самом деле, неплохой признак. Значит, прихожу в себя.

– Это просто отлично. А всё-таки очень жаль, что у тебя тут нет тарелок для битья. Я бы сейчас грохнул пару дюжин. Вместо того, чтобы гадать, что за хрень такую ужасную этот тип тебе рассказал.

– Можешь бить мои таблички, – великодушно сказал Шурф. – Это не документы, а всего лишь черновики с ошибками и помарками, скопившиеся в архивах за Магистры знают сколько времени. Я просматривал их перед тем, как уничтожить. Но только потому, что мне надо было занять себя какой-нибудь механической работой. На самом деле, можно обойтись без дополнительной проверки.

– Правда, что ли? – недоверчиво спросил я.

Он молча кивнул.

Я сгрёб со стола целую охапку самопишущих табличек и некоторое время с непередаваемым наслаждением метал их в дальнюю стену, одну за другой. Вообще-то, все мало-мальски качественные самопишущие таблички небьющиеся, поэтому каждый удар приходилось сопровождать

специальным заклинанием, разрушающим материю. Звучит оно хуже, чем все известные мне грубые ругательства вместе взятые. Именно то, что надо.

– Я правильно понимаю, что сознание клиента тут же хватается за шанс поговорить с самим собой устами гадалея? – спросил я после того, как превратил в пыль пару дюжин табличек.

– Да, примерно так и есть.

– Красиво закручено. И теперь понятно, почему Мелифаро сказали какую-то ерунду про золотой и зелёный. На месте его сознания я бы уже много лет в голос орал: «Просто переоденься, и я всё прощу!»

На этом месте Шурф почти улыбнулся. Правда, не довёл дело до конца, но к тому шло, я своими глазами видел. Какой я всё-таки иногда молодец.

– Значит так, – бодро сказал я. – Если ты внезапно выяснил, что родился лютым злодеем, и никаких иных достойных способов самовыражения для тебя не существует, мы это как-нибудь переживём. В конце концов, должен же быть в Мире хоть один по-настоящему злой колдун. Просто для равновесия. На Лойсо теперь надежды никакой, его сюда куманскими пирогами с пэпэо^[30] не заманишь, а ты справишься, я уверен. С твоим чувством ответственности и вкусом к поэзии может получиться просто отличный злодей.

– Что за?..

– Не перебивай, пожалуйста. Мне и так непросто: я пытаюсь думать. Поехали дальше. Что ещё такого ужасного тебе могли сказать? Что по твоей вине рухнет Мир? Вот это точно не беда, Вселенная велика, путешествий между Мирами никто не отменял, и даже если ты внезапно разучишься, я тебя отволоку, куда пожелаешь, не вопрос. Надеюсь, там у тебя и с работой будет полегче...

– Макс! Ну что ты несёшь?

– Чушь, конечно. Я тебя сразу предупредил, что у меня богатое воображение, самая страшная реальность с ним не сравнится... Но, кстати, о страшной реальности! Вот если тебе сообщили, что для достижения невиданного могущества придётся съесть меня, тогда, конечно, полная жопа...

– Что?!

– Извини. Задница. Но каким словом ни назови, а жрать меня я тебе не позволю. Разве что откусывать по маленькому кусочку. Изредка. Максимум пару раз в год. Так пойдёт?

– Успокойся, пожалуйста, – сказал Шурф. – Я вовсе не должен тебя

есть – ни для достижения могущества, ни для поправки здоровья. И вообще никого, если это тебя тревожит.

– Немного тревожило, – признался я. – Думаю, ещё с тех пор, как ты рассказывал мне о нравах и обычаях Смутных Времён. Как вы тут все друг дружку жрали ради обретения могущества. Ну или не жрали, а только мечтали когда-нибудь сожрать. После этого признания я считаю тебя ужасным людоедом. И внутренне негодую! Но, как видишь, не пытаюсь навязывать тебе свои представления о правильном питании. Ешь кого хочешь, ты взрослый человек, а я, хвала Магистрам, не твой повар...

Шурф всё-таки рассмеялся. И это было отлично.

На самом деле я вовсе не думаю, будто смех решает все проблемы, в этом смысле он ничем не лучше выпивки – позволяет немного их отсрочить, не более того. Просто я люблю поворачивать всё по-своему. Решил превратить драму в комедию, значит превращу. Хотя бы на пару минут. И эти минуты, отвоёванные у судьбы, мне дороги – как наглядное свидетельство торжества моей воли. Ну и как военный трофей. Их шкуру было бы приятно повесить в гостиной.

– Учти, такую херню я способен нести часами! – пригрозил я.

– Знаю, – кивнул мой друг. – Но на самом деле, я бы дорого дал, чтобы она оказалась правдой. Фантазия у тебя буйная, кто бы спорил. Но ты очень расчётлив. И благоразумно изобретаешь только такие проблемы, которые потенциально способен решить.

– Ну правильно. Что ж я, совсем дурак – неразрешимые проблемы выдумывать?.. Эй, только не вздумай говорить, что собрался умереть ещё до конца года. Всё равно не поверю. Если бы было так, ты бы сейчас не дурацкие черновики перед уничтожением проверял, а спешно приводил в порядок дела. Уж настолько-то я тебя знаю.

– Пожалуй. Нет, умирать в самое ближайшее время я не собираюсь.

– Уже хорошо.

– Да, конечно, – согласился он.

Но как-то без энтузиазма.

Я уже был готов взорваться: «Да выкладывай ты, не тяни, сам же знаешь, что не отстану!» – но не пришлось.

– Просто понимаешь, вышло так, что я сам себя проклял, – сказал Шурф. – Очень давно. И, к сожалению, не при помощи специального заклинания, отменить которое – дело техники. А просто усилием воли, по велению сердца. И, разумеется, не осознавая, что делаю. Я, кстати, в этом смысле вовсе не уникален, многие люди, чьи поступки кардинально расходятся с внутренним нравственным законом, попадают в подобный

капкан и, таким образом, сами пускают собственную жизнь под откос. Я в своё время довольно много об этом читал. И, как уже говорил, смутно догадывался, что сам совершил нечто подобное.

– Ты сам себя проклял?

Мне хватило ума не добавить: «Всего-то?» Но меня охватило неопишное облегчение. Подумаешь – беда. Как проклял, так и распроклял. Или как оно там называется. В общем, когда точно знаешь, чего сдуру натворил, можно начинать думать, как это исправить. Будь у меня настолько светлая голова и такой огромный багаж знаний, я бы уже придумал – вот прямо сейчас. Но Шурф и сам справится. Как только возьмётся за ум, испепелит эти свои дурацкие черновики и займётся делом.

Однако вслух я спросил:

– Но с какой стати тебе было себя проклинать? Совершенно не могу представить тебя за подобным занятием.

– На самом деле, можешь, – сказал Шурф. – Просто не хочешь. Что по-человечески понятно. Тем не менее, тебе известны ключевые факты моей биографии. Вот и подумай, какой из моих поступков ты бы не смог простить – не мне, а себе.

– Даже не знаю, что выбрать, – мрачно ухмыльнулся я. – Всё такое вкусное!

Однако как бы я ни валял дурака, шансов у меня не было. В смысле, я не мог не понимать.

– Так нечестно! – наконец сказал я. – Не за что тут себя проклинать. Да, ты убил лиса, которого перед этим подобрал, вылечил, вырастил и сделал своим другом – насколько звери и люди вообще могут дружить. Но не от злости и не ради удовольствия, а только для того, чтобы сразу его воскресить, здоровым и помолодевшим^[31]. Ты же был совершенно уверен в успехе!

– Да, разумеется. И эта уверенность дилетанта непростительна в той же степени, что и всё остальное. Совершенно недопустимо намеренно делать ставкой в своей игре жизнь существа, которое всецело тебе доверяет. И ровно так же недопустимо переоценивать свои силы, когда берешься за столь серьёзное дело, как победа над смертью. Ребёнку такое ещё более-менее простительно, но я в ту пору был уже вполне взрослым человеком. И понимал, что делаю. Вернее, только думал, будто понимаю, но это в данном случае не смягчающее, а отягчающее обстоятельство.

– На самом деле ты проклял себя за то, что ничего не получилось, – сказал я. – Всё остальное – дело десятое. И предательство доверия, и излишняя самоуверенность. Победа искупает всё, а поражение любую

ошибку раздувает до размеров непростительного греха. Что-то вроде этого дурацкого урдерского закона Рроха, просто у них любым колдунам можно творить всё, что заблагорассудится, а в наших с тобой головах – только победителям.

– Да, именно так и есть.

– Это я очень хорошо понимаю.

– Знаю, что понимаешь.

Ну да.

– А что именно ты тогда с собой сделал? – спросил я. – В чём выражается вред твоего проклятия? Ты учти, я всё-таки знаю тебя уже довольно много лет. И вижу, что живётся тебе совсем непросто. А все-таки с каждым годом всё лучше. И ничего такого, с чем ты не мог бы справиться, в твоей жизни, по-моему, уже давно не осталось. Я хочу сказать, на проклятого ты как-то не очень похож.

– Я и сам в последнее время так думал. Но оказывается, в некоторых случаях, когда человек достаточно силён, удачлив и живуч, проклятием он наносит вред не столько себе, сколько своей Тени.

– Тени? – растерялся я. – И что же случилось с твоей Тенью?

– Этого я не знаю. Подробностей Магистр Хонна мне не сообщил. Только сказал, что моя Тень, скорее всего, очень могущественное существо – если уж до сих пор жива. Но живётся ей определённо несладко. И её гибель – просто вопрос времени.

– Как это – гибель? Тень что, может вот так просто взять и умереть?

– Иногда, получается, может.

– Но они же не люди!

– Нет, конечно. Как я понимаю, наши Тени – существа, по своей природе близкие скорее стихиям, чем людям. На самом деле, о них практически ничего неизвестно; маги древности определённо знали больше, чем мы, но тщательно оберегали эту информацию от распространения.

– Гады такие.

– Не стану делать вид, будто не разделяю твоих чувств. С другой стороны, вряд ли подобный опыт возможно передать посредством письменной речи. Ты сам встречался с Тенью Короля Мёнина^[32], однако достоверных знаний о её природе у тебя, как и у множества твоих предшественников, которым посчастливилось взаимодействовать со своей или чужой Тенью, после этой встречи, не прибавилось. Впрочем, неважно. Речь сейчас о том, что обычно наши Тени живут чуть ли не вечно; во всяком случае, несравнимо дольше, чем мы. Сторонники теории принца-

странника Халайме Клакка о множественности жизней считают, что одна и та же Тень постоянно сопровождает человека на протяжении всех его перерождений, а в финале они навсегда заключают друг друга в объятия. В одной из немногих дошедших до нас древних легенд говорится, будто Тень всегда встречает своего второго на пороге смерти и помогает выбрать правильный путь – к новому рождению, которое будет выгодно для обеих заинтересованных сторон; проверить эту гипотезу, сам понимаешь, пока не представляется возможным, но внутреннего протеста она, в отличие от большинства теорий о посмертном существовании, у меня не вызывает. При этом прижизненное знакомство с собственной Тенью традиционно считается чем-то вроде гарантии бессмертия. Но вообще ту или иную помощь от своей Тени получает каждый, сознаёт он это или нет. Сила у нас, в некотором смысле, одна на двоих, и возрастает у обоих по мере приближения друг к другу – это то немногое, что можно утверждать более-менее уверенно.

– Как же всё сложно устроено! – вздохнул я.

– Да, непросто. Зато очень красиво. И чем больше узнаёшь о подлинных принципах устройства бытия, тем очевидней их красота.

– Так, стоп. С красотой бытия разберёмся позже. Ты мне вот что скажи: твоя Тень пока точно жива?

– Судя по тому, что я до сих пор не начал стремительно утрачивать могущество, да.

– Не начал – что?!

– Колдун без Тени ничего не стоит, Макс. В этом деле, видишь ли, вообще всё зависит от них. Когда человек рождается с выдающимися способностями к магии, это означает, что у него могущественная Тень. Ну, то есть, по нашим меркам они все могущественные существа, но ясно, что Тени, как и люди, вовсе не равны друг другу. И, разумеется, тоже изменяются в течение жизни – одни набирают силу, другие её теряют, всё как у нас. И абсолютно неуязвимыми они, к сожалению, не являются.

– Ладно. Теперь скажи вот что: если твоя Тень умрёт, ты тоже сразу умрёшь или только утратишь могущество? – прямо спросил я.

– Второе, – коротко ответил Шурф. И тихо, почти не размыкая губ, добавил: – К сожалению.

Но глупо было бы делать вид, что я не расслышал.

– Ясно, – кивнул я. – И умирать тебе потом будет непросто, да? Не на кого там опереться.

– Именно так. И ещё вопрос, останется ли от меня к тому времени хоть что-то нуждающееся в такой опоре.

– Не перегибай палку.

– Я просто говорю, как есть. Любой маг – это не столько личность, сколько непрерывный процесс трансформации силы, с которой мы постоянно имеем дело. Не станет силы, процесс остановится. И мы сразу окажемся перед вечным вопросом: куда дует ветер, когда перестаёт дуть? Правильный ответ: никуда. Некому куда-то деваться. Ветер – это само дуновение, а не воспоминание о том, как кто-то когда-то зачем-то дул.

Я молчал, совершенно потрясённый его словами. Бывают вещи, о которых не задумываешься, пока кто-нибудь не произнесёт их вслух. Но, раз услышав, понимаешь, что знал это всю жизнь. По крайней мере, всегда жил так, словно знаешь. Нелепо притворяться перед собой, будто это не так.

– Если посмотреть со стороны, выходит забавная и поучительная картина, – хладнокровно сказал Шурф. – Когда-то в юности я сделал смыслом своей жизни победу воли над смертью. Всё, что случилось со мной потом, – следствие этого выбора. Как бы трудно мне ни приходилось до сих пор, на самом деле, было легко, потому что смысл оставался со мной и был предельно ясен. Теперь я выяснил, что проиграл свою битву в самом начале. Следовательно, моего драгоценного смысла больше нет, а любой другой меня не устроит. Всё, что мне остаётся, – научиться жить вовсе без смысла. Безупречность ради безупречности. Просто потому, что все остальные варианты оскорбляют моё чувство прекрасного.

– Погоди, – попросил я. – Прежде, чем учиться жить вовсе без смысла, следует попробовать его вернуть. Поэтому давай разбираться по порядку.

– Да не с чем тут разбираться.

– Мне – есть. Прежде, чем играть, надо посмотреть, какие карты тебе сдали. Хороши они или плохи, дело десятое. Главное – знать.

– Ты так говоришь, словно это твоя игра.

– Ну естественно, – нетерпеливо кивнул я.

– Извини, но вообще-то моя.

– Это твоё мнение. Но при всём уважении оно не единственное. Не забывай, с моей точки зрения, ты – просто козырный туз. Который, конечно, по правилам, может быть побит соответствующим набором мелких карт. Но знаешь что? Даже когда я только учился играть в «Крак», а моим противником был Джуффин со всеми этими его хитрыми кеттарийскими приёмчиками, подобной ситуации я не допустил ни разу. Проигрывал ему, конечно, часто, но по другим причинам. Поэтому соглашайся.

– На что?

– Быть тузом в моей колоде. Я тебя не сдам.

Вообще-то Шурф имел полное право на меня рассердиться. Могу представить, как взбесился бы на его месте я сам. Но вместо того, чтобы выкинуть меня в окно, он медленно вдохнул, ещё более медленно выдохнул и сказал:

– Ладно, давай разбираться.

– Условия задачи такие, – я принялся загибать пальцы. – У тебя есть Тень – это раз. Она пострадала от твоих действий, но до сих пор жива – это два. Уже хорошо. Это обнадеживает. Если целых двести лет с твоим проклятием протянула и, судя по тому, в какой ты форме, очень неплохо держалась, вряд ли вот прямо сейчас ляжет и помрёт.

– Мне нравится твой оптимизм. Но всё же нельзя быть полностью уверенным, что...

– Конечно, нельзя. Тем не менее, мы – будем. Нам нужно время, а значит, оно у нас есть, точка. Поехали дальше. Ты сам себя проклял, не чужой дядя – это три. Вот и отлично. Значит, не надо бежать на край Вселенной и искать, кого там убить, да ещё таким причудливым способом, чтобы проклятие аннулировалось. Ты можешь отменить его сам. Понимаю, что не прямо сейчас, но...

– А вот тут ты ошибаешься, – сказал мой друг. – Этого я сделать никогда не смогу.

– Ещё чего! А кто постоянно твердит, будто на самом деле ничего невозможного нет?

– Получается, всё-таки есть. Я, видишь ли, слишком хорошо себя знаю, а потому не питаю иллюзий. Чтобы отменить проклятие, мне нужно себя простить. А это я могу сделать только теоретически. У меня довольно гибкий ум, и, поверь, я уже изобрёл множество оправданий, которые могли бы убедить сколь угодно строгий суд. Но только не мой собственный. Поражения, да ещё и оплаченного чужой жизнью, я себе простить, к сожалению, не смогу.

– То есть в глубине души ты считаешь, что поступил с собой справедливо? Есть поступок – есть проклятие? И отменить его можно только отменив то давнишнее поражение? Не на словах, а на деле?

– Именно так.

– Хорошо, – кивнул я. – То есть не хорошо, а действительно лютый ужас, как я и предполагал с самого начала. Ладно. Значит, такая на этот раз сдача. Работаем с тем, что есть.

– С чем ты собираешься работать? Ты действительно думаешь, тут можно что-то исправить? Как ты себе это представляешь?

– Пока никак, – честно сказал я. – Но точно знаю, что исправить – можно. Потому что у меня в рукаве есть ещё один козырный туз, и сейчас я его достану. Магистр Хонна!

– Что – Магистр Хонна?

– Именно он рассказал тебе о проклятии. Не кто-то другой, а Магистр Хонна. Это важно. Я знаю разных людей, которые у него побывали. Некоторые рассказали мне, что за правду о себе выяснили, другие – нет. Но я видел, в каком состоянии они вернулись от Правдивого Пророка, и этого вполне достаточно, чтобы делать какие-то выводы. Пока похоже на то, что под видом пророчества он выдаёт всем что-то вроде инструкции, как жить дальше. Видимо, соскучился по ученикам.

– Но я уже говорил тебе, на самом деле, наше сознание само...

– Да, я помню. Но не могу не учитывать волю самого Хонны. Хорошо бы я был, если бы такую волю – и вдруг не учёл! Я, видишь ли, имею некоторый опыт переговоров с собственным сознанием. И знаю, что, получив возможность высказаться, оно всегда старается выдать как можно больше информации разной степени важности сразу – намолчалось уже по самое не могу! На то и пророк, чтобы выбирать, какую часть озвучить вслух. И я уверен, Хонна выбирает совсем не наобум. Говорит каждому именно ту правду, из которой при должном подходе можно извлечь максимум пользы. Лично я до сих пор в ужасе от того, что он сказал Меламори, но не могу не признать, что ей эта правда была нужна как воздух, хоть и не слишком желанна. В Нумбане мы с Нумминорихом целый день расспрашивали очевидцев о людях, вышедших из палатки Правдивого Пророка. Их описывали как счастливых, удивлённых, исполненных энтузиазма, задумчивых, растерянных, иногда сердитых, но отчаявшимся не выглядел никто. Ты – первый такой счастливчик. И знаешь, что это означает? Ты тоже получил инструкцию. Хонна просто рассказал тебе, что именно следует срочно исправить. Правда, не объяснил, как. Но ты всегда любил сложные задачи.

– Да не то чтобы я так уж их любил, – неожиданно признался Шурф. – Просто они всегда мне доставались. И я постепенно привык, что решение сложных задач и есть моя жизнь. И согласился с тем, что она именно такова.

– Вот и продолжай в том же духе, – твёрдо сказал я. – Пока мы не разберёмся ещё и с этой задачей. А потом – каникулы. Пляж, хорошая книжка, берцовая кость какого-нибудь вкусного древнего колдуна в зубах, всё как ты любишь... Кстати о каникулах, ты не возражаешь, если я тут немного посплю?

– Тут? – изумлённо переспросил Шурф. – В моём кабинете?

– Ага. Не беспокойся, в своё время я выучился спать в кресле не хуже, чем в постели. Спасибо Джуффину, с таким рабочим графиком, как он устроил мне в первые годы службы, это был единственный способ выжить.

– Но послушай...

– Дружище, – сказал я, – штука в том, что завтра у меня очень непростой день. Даже думать сейчас не хочу, что он настанет, но это всё равно случится, факт. Поэтому мне обязательно надо хоть немного поспать. А дома у меня ничего не получится. И в любом другом месте, боюсь, тоже. Мне сейчас нельзя оставаться наедине с собой. Потому что наедине с собой – это означает наедине с исчезающими урдерцами, собравшейся в Арварох Меламори и твоей проклятой Тенью на закуску. Которая, будем честны, прекрасно заменяет полудюжину осинового колода в сердце, где и без них живого места уже нет. Но! Пока я тут, у тебя в гостях, я, во-первых, отлично держусь, сам видишь. А во-вторых, даже не притворяюсь, а действительно чувствую себя таким сказочным героем, которому всё по плечу. Я же не просто люблю выпендриваться, я это по-настоящему умею. Поэтому в твоём кабинете буду спать как младенец. Вернее, как усталый герой перед свершением очередной дюжины подвигов. Я понятно объясняю?

– Да, вполне. Причудливый способ управления собственным настроением. Но если для тебя он работает, не стану оспаривать его право на существование. Затруднение однако состоит в том, что завтра на рассвете ко мне в кабинет должны явиться представители Королевской Письмоводительской Канцелярии для малосущественных, но, к сожалению, совершенно неизбежных на данном этапе переговоров об изменении порядка деловой переписки между Орденом Семилистника и Его Величеством. И отменить эту встречу я уже не могу.

– Ну, значит, вытолкаешь меня отсюда за четверть часа до её начала. Я тебя, конечно, возненавижу, но ненадолго. К полудню пройдёт.

Не дожидаясь ответа, я перебрался в самое просторное кресло. Залез в него с ногами, кое-как уложил голову на подлокотник. Действительно вполне можно жить.

– Ладно, – сказал Шурф. – Договорились. Вытолкаю за четверть часа.

Я даже во сне не забывал об этом его обещании.

Мне снова снилось, что я играю в «Злик-и-злак» с сероглазой незнакомкой, и во время игры я то и дело повторял: надо поторапливаться, скоро меня разбудят, и хорошо бы к тому моменту успеть закончить нашу

партию, иначе весь день насмарку, вместо того, чтобы заниматься делами, буду обдумывать очередной ход и сокрушаться об отсутствии кубиков, поэтому давай уже, передвигай свою фишку, злок-йок, не мой, а лиловый – эй, погоди, это, что ли, получается, я уже продул? Не пойдёт. Давай ещё раз, только быстро, быстро!

А сероглазая смеялась: конечно, давай, куда ты спешишь, всё время этого Мира – наше. Неужели ты до сих пор не знаешь, что время во сне течёт не так, как наяву, и можно сыграть сорок тысяч партий, задремав всего на пару минут? А можно проспать сутки и даже кубики не успеть бросить, но не беспокойся, сегодня так не случится. В этом сновидении я хозяйка, и время здесь тоже моё. Течёт, как я пожелаю. А мне интересно с тобой играть.

Мне тоже интересно с тобой играть, – думал я. – Так интересно, что ладно, не стану возмущаться, с какой вдруг стати ты хозяйка в моём сновидении, и какого чёрта время тут тоже твоё. И даже имя у тебя не спрошу. Да и что толку в имени, какое мне дело до сочетания звуков, обозначающих твоё присутствие в человеческом мире? По себе знаю: как ни назови, а я всё тот же, глубоко-глубоко, под толщей своих имён, событий, памятей, каждая из которых перечёркивает все остальные, но правдой при этом может быть только сумма, и поди её сосчитай. Так что к чертям собачьим мои и твои имена, лучше кидай кубик, это гораздо важнее любых разговоров, потому что пока ты делаешь ход, вот этот свой излюбленный рискованный приём – не вперёд, как пошёл бы я сам, а назад, на поле, где стоит моя фишка, чтобы получить право дополнительного броска, который может принести тебе мгновенное поражение или, напротив, победу, итог никогда не известен заранее – так вот, пока ты делаешь ход, мне так ослепительно ясно, как следует поступить, не сейчас, а потом, наяву, что волосы дыбом, и я не знаю, чего мне хочется больше: проснуться, вскочить с криком: «Я всё понял!» – и браться за дело, или напротив, надеяться, что поутру я ничего не вспомню и буду свободен от этой невыносимой ясности, с которой ещё поди уживись.

Поэтому, – думал я, – ладно, договорились, в этом сне ты хозяйка, я гость, и как будет, не мне решать.

Когда я проснулся, бледное зимнее солнце стояло уже сравнительно высоко. Судя по его положению в небе, до полудня было ещё неблизко, но и рассвет давным-давно миновал.

Если учесть, что проснулся я от падения на пол, станет понятно, сколь удивительной и непредсказуемой штукой казалась мне собственная жизнь в

первые секунды после пробуждения. Потом я увидел Шурфа и как-то сразу успокоился. Потому что если он здесь, значит ситуация под контролем, можно особо не раздумывать, что происходит, надо будет – объяснит. А нет, так и плевать.

Впрочем, потом я вспомнил наш вчерашний разговор и крепко пожалел, что вообще проснулся. Вот некоторые счастливики, говорят, умирают во сне, даже не заметив, что с ними случилось. Умеют люди устроиться, что тут скажешь. Но я – не один из них, локти кусать поздно. Дело сделано, добро пожаловать в жизнь наяву. И не забывай, вчера ты обещал проснуться героем, да ещё и сказочным – кто тебя за язык тянул? А теперь отступать некуда, слово надо держать.

Я улыбнулся так широко, что чуть скулу спросонок не вывихнул. И спросил:

– Слушай, а почему ты не вытолкал меня до рассвета, как собирался?

– Потому что ты обещал меня за это возненавидеть, – объяснил Шурф. – Правда, всего до полудня, но это довольно большой промежуток времени. А ты и за пять минут способен натворить столько, что за всю жизнь потом не расхлебашь. Поэтому перед началом совещания я просто спрятал тебя в пригоршню. А теперь вернул на место. К сожалению, недостаточно аккуратно. Всё-таки разбудил. Прости.

Я ушам своим не поверил. И глазам. И прочим органам восприятия. Потому что всё это было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. Дело даже не в том, что именно говорил мой друг. А в его интонации. И в том, как он при этом выглядел. Нормальный живой человек, даже не слишком усталый. Ни намёка на неумело воскрешённого мертвеца, так напугавшего меня прошлой ночью. Он что, уже всё провернул, пока я дрых?! И мне, получается, не надо?..

– Никаких сведений о возможности исчезать вместе со следом в Орденой библиотеке действительно не нашлось, как я и предвидел, – сказал Шурф. – А значит, их нет нигде. Всё-таки у нас самое полное собрание книг по теории магии в Соединённом Королевстве.

– Ты что, всю ночь в библиотеке просидел?

– Да почему же всю ночь? Двух часов за глаза хватило на поиски. Для меня это, сам знаешь, скорее отдых, чем работа... Не смотри на меня так, Макс. Не хочу тебя разочаровывать, но придётся. Нет, я ещё не успел разобраться со своим проклятием. И по-прежнему даже не представляю, с чего начинать. Тем не менее, себя я, как видишь, привёл в порядок. Ты мне очень помог. Самостоятельно мне вряд ли удалось бы прийти к выводу, что пророчество Хонны – не приговор, а инструкция. Такая постановка вопроса

многое меняет. Удивительно, как ты сумел всё перевернуть.

– Да не очень удивительно, – честно сказал я. – Ты учти, что большую часть времени я вынужден уживаться с двумя навязчивыми идеями. Первая – что я уже умер, вторая – что меня вообще никогда не было. И всё происходящее – просто причуды распадающегося сознания, не то угасающего, не то вовсе неосуществившегося. Представляешь, как я наловчился создавать оптимистические версии происходящего? Да ещё и доказательно их обосновывать, потому что моему скептическому уму подавай убедительные аргументы, иначе он даже слушать не станет.

– Макс! Что за?..

– Ну да, – согласился я. – Конечно я псих. Никаких возражений. Просто вот так моё дурацкое сознание пытается справиться с внезапно свалившимся на него бесконечным счастьем быть сэром Максом из Ехо. А я – с его нелепыми идеями. И заметь, я всегда побеждаю, если не нокаутом, то по очкам. Впрочем, теперь, думаю, будет легче. Я имею в виду, после того, что вы все мне устроили; ты, конечно, выступил круче всех, но и другие участники концерта большие молодцы. Когда бесконечное счастье сменяется таким лютым ужасом на всех фронтах, довольно легко поверить, что это и есть настоящая жизнь.

– В этом вопросе ты всегда можешь на меня рассчитывать, – сказал сэр Шурф. – Если для уверенности в собственном существовании тебе необходим, как ты выражаешься, «лютый ужас», обращайся. Я придумаю, как это устроить.

Кто бы сомневался.

Из его кабинета я ушёл, как и пришёл – Тёмным путём. Сказал, что домой, завтракать, и даже не то чтобы соврал, действительно собирался так поступить. Но вместо гостиной Мохнатого Дома почти нечаянно шагнул в сад, окружающий резиденцию Ордена. Сперва растерялся – с каких это пор я потерял власть на собственным передвижением? Но был честен с собой, поэтому быстро понял, что этот сбой – просто следствие внутреннего противоречия. Какая-то часть меня – назовём её голосом разума – рвалась срочно повидаться с леди Сотофой Ханемер, потому что ещё никогда в жизни её совет не был мне нужен так сильно, как сейчас. А другая часть меня – для её обозначения у меня есть множество слов, все до единого нецензурные – вопила, что я должен обойтись без Сотофы и разбираться сам. Страх и гордыня – гремучая смесь, всегда это знал.

Не в силах остановиться на каком-то одном из решений, я просто шагнул в сад – читай, предоставил выбор судьбе. Сказал себе, что моё дело

– неторопливо пройти по тропинке до невидимой калитки в ограде. Если леди Сотофа встретится мне на пути, броситься ей на шею и рыдать, пока не скажет, что всё будет в порядке, и не объяснит подробно, по пунктам, как к этому порядку прийти. А не встретится – ладно, тогда попробую справиться сам, как последний дурак.

Она, конечно, встретилась. И даже не у самой калитки, а на полдороги к ней. Леди Сотофа всегда была ко мне очень добра. С первого дня знакомства.

И на шее у неё повисать не пришлось – интересно, кстати, какой ступени магию требуется применить, чтобы повиснуть на шее женщины, чья макушка едва достигает твоего плеча? Но она избавила меня от творческих мук, сама обняла крепко-крепко, как в старые времена, когда я при каждой встрече чувствовал себя любимым внуком, приехавшим на каникулы. И вёл себя соответственно. И мне всё сходило с рук. И сейчас те времена сразу вернулись, я снова был глуп и беспечен, а Мир бесконечно добр – ко мне и не только. Вообще, в принципе добр.

Будь моя воля, всю жизнь так бы простоял. Но жизнь для этого слишком длинная штука. Даже у самой могущественной ведьмы этого Мира не хватит терпения так долго кого-то обнимать.

Вот и леди Сотофа меня отпустила какое-то время спустя. Видимо, убедившись, что я больше не готов рыдать и требовать от неё невыполнимых обещаний. А вполне удовлетворюсь дружеской улыбкой.

– Ты справишься, – сказала она. – Понимаю, что прямо сейчас тебе непросто в это поверить, тем не менее, справишься. Рано или поздно, так или иначе. Вообще со всем. Удивительно, но факт.

– Беда в том, что я даже не представляю, с чего начинать, – признался я.

– Нет, – она укоризненно покачала головой. – Беда в том, что ты очень хорошо это представляешь. И всё так удачно сходится в одной ослепительной точке, да?

Крыть было нечем. Но и соглашаться с ней не хотелось – я что, совсем псих?

Леди Сотофа сочувственно улыбнулась, ухватила меня за локоть и повела к калитке, да так проворно, что я едва за ней поспевал.

– Не то чтобы я была не рада тебя видеть, мальчик, – сказала она, обняв меня ещё раз, на прощание. – Ты прекрасно знаешь, как обстоят наши с тобой дела. Поэтому возвращайся, когда пожелаешь. Единственное условие: с конкретными вопросами. А не вот с этим облаком тумана вокруг головы. С облаками у меня разговор короткий: я их разгоняю.

Ну что тут скажешь. Давненько меня не выставляли вон с такой любовью.

...Разговор с леди Сотофой пошёл мне на пользу и придал мужества. Настолько, что я наконец отправился домой и позавтракал. Ну, то есть как – позавтракал. Выпил полкружки камры и чашку кофе, добытую из Щели между Мирами. Некоторое время разглядывал остальную еду, но так и не испытал к ней интереса. Отвращения, впрочем, тоже не испытал, а это хороший признак. Значит, есть надежда, что к моменту визита в «Свет Саллари» я проголодаюсь. И буду вести себя там, как всегда. В смысле жрать, что дают. И нахваливать от всего сердца.

А потом я послал зов Нумминориху, убедился, что он уже на ногах, и палатки Правдивого Пророка сегодня на ярмарке нет, и бывшие на его попечении столичные гости разъехались, вдохновлённые услышанной правдой о себе, снова ни одного скорбящего, об этом я сразу спросил. Потому что Шурф, конечно, на удивление легко принял мою идею насчёт благих намерений Магистра Хонны, это он большой молодец. Дело теперь было за малым – убедить себя самого. Мне с этим мрачным скептиком ещё жить и работать. Другого себя у меня нет.

Но Нумминориху я всего этого говорить, конечно, не стал. А просто доставил его в Ехо. Минутное дело. Чем дальше, тем меньше понимаю, как ухитрялся жить прежде, не владея искусством Тёмного пути. Уму непостижимо.

– Это, пожалуй, самая удивительная командировка в моей жизни, – сказал Нумминорих, расположившись в гостиной Мохнатого Дома и приняв из моих рук кружку с камрой. – Больше похоже на студенческие каникулы, чем на работу. По утрам я становлюсь чем-то вроде экскурсовода по Нумбанской ярмарке: «Посмотрите направо, позавчера здесь стояла палатка Правдивого Пророка, и я случайно выяснил, что вон за тем прилавком продают совершенно сногшибательные травяные леденцы из Вувакки. Нет, одеяла тут лучше не покупать, я знаю торговца, у которого они действительно отличные, могу вас к нему отвести. И кстати, кто-то вчера интересовался работами местных ювелиров, так вот, посмотрите налево, лучшие стоят вон в том ряду». А по вечерам бесконечные душевные разговоры за выпивкой, у меня уже от протрезвляющих заклинаний волосы дыбом – это чистая правда, Макс, именно так они и действуют, если применять слишком часто, по крайней мере, на меня. Хорошо хоть под тюрбаном не видно, какой я всклокоченный бываю по

утрам... Ну что ты смеёшься?

Я и правда рассмеялся – просто потому, что внезапно обнаружил в себе способность смеяться, как ни в чём не бывало. Дураком был бы, если бы тут же ею не воспользовался. Неизвестно, когда в следующий раз так повезёт.

– Задушевные разговоры – это после посещения Правдивого Пророка? – спросил я.

– Ну да, – кивнул Нумминорих. – Обычно людям, внезапно узнавшим о себе что-то очень важное, хочется об этом поговорить. Не всем, но многим. А тут как раз я. Сотрудник Тайного Сыска, оплатившего поездку в обмен на отчёт о встрече с пророком, так что мне, по идее, даже положено всё знать. И заранее ясно, что сплетничать не стану, для меня же все их секреты – служебная тайна, это особенно подкупает.

– Отлично, – сказал я. – И каковы твои впечатления от суммы услышанных правд?

Нумминорих задумался.

– Знаешь, на что это больше всего похоже? – наконец сказал он. – Когда я поступил в Королевскую Высокую Школу, на радостях, что меня туда взяли, записался чуть ли не на все курсы подряд, включая алхимию, к которой никогда не имел ни способностей, ни даже особого интереса. Сам не знаю, зачем взялся её изучать. Но взялся и взялся, ладно, что делать. Тем более, преподаватель оказался отличный, профессор Тудокай Лусс, ради него и алхимию вполне можно было перетерпеть. Так вот, первые полгода я удивлялся, что у меня, вопреки ожиданиям, всё получается. Не то чтобы легко, но, в общем, жить можно. Порой сижу на лекции и чуть не плачу от досады на собственную тупость, но потом берусь выполнять задания и как-то с ними справляюсь. С трудом, но всё-таки...

– Но при чём тут?..

– Сейчас объясню, погоди. Мне проще рассказывать по порядку. В общем, я примерно полгода учил эту грешную алхимию и в глубине души очень гордился своими успехами. Пока случайно не увидел тетрадку своего сокурсника. И знаешь что? Там были совсем другие задания. Которые я не просто выполнить не мог, а даже понять, что собственно требуется. Тогда я стал расспрашивать остальных. И выяснилось, что у всех были разные задания, причём я практически не нашёл таких, что были бы мне по плечу. Мне всегда доставались самые простые формулы; подозреваю, вообще школьные. Когда я прямо спросил об этом профессора Лусса, тот объяснил, что не хотел убивать мой интерес к алхимии непосильными нагрузками. И так поступал с каждым из нас – давал задания, соразмерные способностям

студентов. А самым талантливым – на пределе их возможностей, так что они нечасто справлялись. Зато не утрачивали интерес, для них это самое главное. Я восхитился его педагогической системой, но алхимию, конечно, бросил – нет призвания, значит нет... В общем, к чему я всё это говорю. От пророчеств Магистра Хонны у меня сходное ощущение.

– В смысле? Он выдаёт каждому ту правду, которая ему по силам?

– Совершенно верно. Я же после того, как услышал, что я могу быть проводником по Мосту Времени, думал, он каждому что-то такое сообщает. Грандиозное и невероятное! Совершенно переворачивающее представление о себе и о Мире. А оказалось совсем не так. Большинству людей он сказал какие-то совсем простые вещи. «Ты напрасно боишься путешествовать морем», «давно пора заняться делом, о котором ты мечтала сорок лет назад», «тебе не надо слушать советы, всегда поступай по-своему, не пропадёшь», «на самом деле, брат тебя не обманывал», «тебя хорошо обучили быть жадным, но ты не таков». И тому подобное. Одной нашей с Хенной общей подруге он сказал, что для счастья ей достаточно просто никогда не вставать рано утром, всё остальное наладится само. Вроде бы, ерунда, но Лёна была в таком восторге, будто ей посулили власть над Миром.

– Надо же, – невольно улыбнулся я, – родная душа!

– Да, я тоже сразу о тебе вспомнил, когда она рассказала.

– Удивительно, что она за всю жизнь сама не додумалась послать всех подальше и просыпаться, когда нравится.

– Сам знаешь, некоторые люди слишком сильно зависят от мнения окружающих, усвоенных с детства правил и просто привычного уклада жизни. Зато им проще даются дела, которые не под силу нам с тобой. И они, глядя на нас, тоже удивляются, как можно не справляться с такой ерундой. Поэтому со стороны может показаться, что правда, которую Пророк сообщает другим людям, это какие-то пустяки. Не то, из-за чего стоило, сломя голову, мчаться в Нумбану. Но сами они так не считают, вот в чём штука. Выходят от него в таком настроении, что кажется – вот-вот полетят.

– Как птенцы йорли на свет, – зачем-то сказал я.

Нумминорих удивился было, но видимо вспомнил, кто такие йорли, оценил метафору и согласно кивнул.

– Я правильно понимаю, что среди клиентов пророка, с которыми ты говорил, не было... как бы это лучше объяснить? – приговорённых? – спросил я.

– Что?! – изумился Нумминорих.

– Приговорённых. Тех, кому сказали: «Ты скоро умрёшь, спасения нет», или: «Сиди смирно, ничего из твоих затей не получится», или: «Как ни старайся, тебя никто никогда не будет любить». Ну или от чего ещё люди обычно приходят в отчаяние.

– А, теперь ясно. Нет, ничего такого при мне не случилось. Только Меламори вышла из палатки Пророка злющая, как будто проспорила ему тысячу корон. Я не знал, что и думать. Но вчера вечером она ненадолго вернулась в Нумбану, проверяла, не разучилась ли проходить Тёмным путём по чужому следу. Убедилась, что всё в порядке, на радостях позвала меня выпить, расспрашивала о Пророке, и о своём разговоре с ним рассказала... Ну, ты же знаешь, да?

Я молча кивнул.

– Тоже совсем не похоже на, как ты выражаешься, «приговор», правда?

– Ну почему, – вздохнул я. – Вполне себе приговор. К долгосрочной ссылке и каторжным магическим работам среди арварохских буривухов.

– Но...

– Да шучу я. Шучу. Ладно, с Пророком понятно. Спасибо, ты снял с моего сердца самый большой камень. Давай, поднимайся, пойдём снимем ещё один. Ну или, наоборот, уложим парочку дополнительных. Как получится.

– Куда пойдём? – заранее обрадовался Нумминорих.

– В один симпатичный трактир по соседству. Урдерская кухня, не кот чихнул.

– Урдерская?! А разве в Ехо такая есть?

– Теперь есть. Буквально в двух шагах отсюда, на Сияющей улице. Трактир под названием «Свет Саллари». Совсем недавно открылся. Мы все в этих урдерцев уже натурально влюблены. И тебя, предвижу, ждёт та же участь. У них там, кстати, ещё и птица сыйсу живёт.

– Да ты что!

– Истинно тебе говорю.

– И ты забрал меня из Нумбаны специально, чтобы туда отвести? Ты настоящий друг!

– К сожалению, не настолько. Если бы мне не понадобился твой нос, жил бы ты без супа из не-муяги до окончания своей нумбанской ссылки. Но мне надо срочно выяснить, где целыми днями гуляет глава семейства. Штука в том, что время от времени он бесследно исчезает. В прямом смысле бесследно, Меламори вчера чуть не свихнулась, пытаясь встать на его след, которого, хоть убей, не было. Ну и вообще странное семейство, загадка на загадке, враньё на враньё – при том, что люди чудесные, очень

мне нравятся. И не только мне. Но разобраться всё-таки надо.

– Отлично, – обрадовался Нумминорих. – Каникулы в Нумбане дело хорошее, но знал бы ты, как я соскучился по развлечениям, которые у нас считаются повседневной работой!

По дороге в «Свет Саллари» сердце у меня колотилось так, словно я вёл к умирающему знахаря, который должен провести обследование и сказать, есть ли надежда.

Думал сердито: «Сам виноват, зачем было к ним цепляться? Наплевал бы на все дурацкие несовпадения, закрыл бы глаза, заткнул уши, и жил бы сейчас спокойно. Ну, то есть, хотя бы по этому конкретному пункту – спокойно. Какое мне вообще дело до их предполагаемого родственника, неумелого куманского убийцы с красным лицом, исчезающего так же бесследно, как дружище Ди».

Но и сам понимал, что если бы не цеплялся, это был бы уже не я.

В общем, хорошо, что здесь совсем недолго идти. За полчаса я бы совсем извёлся, а за три минуты просто не успел.

Свернув на Сияющую улицу, мы сразу же столкнулись с Кофой, который, судя по мечтательному выражению лица, только что покинул уютный урдерский трактир. Увидев Нумминориха, Кофа сразу сообразил, зачем мы идём в «Свет Саллари». Профессионал в его лице заинтересовано хмыкнул, а возлюбленный сестры главного подозреваемого во всём на свете сразу, напротив, помрачнел. Однако их сумма, великолепный сэр Кофа Йох, Мастер Слышащий, бывший шеф Правобережной полиции, натурально державший на своих плечах город в Смутные Времена, плевать хотел на этот конфликт интересов. Дело есть дело, а грамотный подход к расследованию он всегда одобрял.

Кофа приветливо улыбнулся нам и сказал:

– Вот вам сногшибательная новость, мальчики: Кадди раздобыл на Сумеречном рынке бочку воды из Великого Крайнего Моря и теперь варит на ней камру, соединив, таким образом, наш классический рецепт с традициями урдерской кухни. И результат вовсе не так ужасен, как можно решить, дав волю воображению. Определённо не лучшая камра в столице, но и не абсолютное зло, воплотившееся в образа напитка. А горячие туманные клатты по-шимпуйски могут уравновесить любые несовершенства и сделать утро незабываемым. Досадно, что я не могу вернуться с вами в трактир и позавтракать ещё раз, этому препятствует небольшое недоразумение в Канцелярии Забот о Делах Мира, в котором меня попросили разобраться. Однако если вам понадобится моя

консультация или практическая помощь, не стесняйтесь, пожалуйста.

В переводе на человеческий язык его великодушное предложение звучало бы примерно так: «Смотри, сэр Макс, не вздумай скрывать от меня подробности, вне зависимости от того, понравятся они мне или нет».

– Когда это я вас стеснялся? – улыбнулся я. Что, конечно, означало: «Ладно, расскажу всё как есть».

Кофа посмотрел мне в глаза и, похоже, удивился, внезапно обнаружив, что не он один беспокоится об исходе урдерского дела, как о своей личной проблеме.

– Вот и славно, – наконец кивнул он. И зашагал прочь по Сияющей улице, а мы свернули во двор и вошли в трактир.

Леди Лари, увидев меня, просияла, а Иш – всё ещё мальчишка, как и вчера – приветливо помахал рукой с потолка, куда полез переделывать свои рисунки, на мой взгляд, безупречные, но настоящего художника поди переубеди. Повар Кадди Кайна Кур вынес из кухни блюдо, над которым парили маленькие кучевые облака – видимо, те самые туманные клатты пошмпуйски, которыми так впечатлился Кофа. А Ди, ещё не смывшийся на свою ежедневную прогулку, встал нам навстречу, чтобы познакомиться с Нумминорихом и обстоятельно рассказать, как он счастлив, что в его трактире появился новый клиент.

Мне, впрочем, было не до его речей: на меня сразу набросилась Скрюух. И принялась выражать любовь и привязанность единственным известным ей способом – стягивая с меня лоохи. К счастью, это не так просто, как ей кажется, но держать процесс под контролем всё же необходимо. Скрюух трудолюбива, настойчива и оптимистична. И не оставляет надежд однажды прилюдно раздеть меня догола.

В общем, я был так занят борьбой с дружелюбной птицей, что далеко не сразу заметил замешательство Нумминориха, который улыбался гостеприимным урдерцам, как недорогая деревянная кукла. И говорил соответственно – короткими рваными репликами, какую-то вежливую бессмыслицу, которую из него обычно и на Королевском приёме палкой не выбьешь.

Но, даже заметив, я сперва не придавал этому значения. Нумминорих, на самом деле, довольно стеснительный человек. Сейчас гораздо меньше, чем прежде, но всё равно порой на него находит. И ему далеко не всегда удаётся держаться, как ни в чём не бывало.

Скрюух тем временем уволокла меня к столу и практически силой заставила сесть. А камру я попробовал совершенно добровольно. И облако

сразу сунул за щёку. Ну, то есть, туманную клатту. Или клатт, Магистры ведают, как правильно. На вкус – призрак невинноубиенного отца манной каши с вареньем, этакое разреженное суфле.

Наконец Нумминорих воспользовался Безмолвной речью.

«По крайней мере, птица настоящая», – сказал он.

«Что?!»

«Придумай какую-нибудь уважительную причину быстро отсюда уйти», – попросил он.

Было бы что придумывать. Я вскочил, картинно хватаясь за голову и спешно припоминая эксклюзивные шимарские ругательства, которым научился от заколдованных Джуффином тарелок.

– Драть твоих упырей на дне колодца! Пожрать спокойно не дают. Простите, друзья. Нас вызывают на службу, срочно, и, что самое обидное, – обоих сразу. Припрячьте для меня парочку этих облаков, я их пока не распробовал. Пошли!

Последняя реплика адресовалась уже Нумминориху, который с нескрываемым облегчением кивнул и последовал за мной.

Обернувшись с порога, чтобы всем помахать, я увидел, что Ди смотрит нам вслед. И лицо его бело, как пасмурное зимнее небо. Даже ещё белей.

Ёлки.

– Птица, значит, настоящая, – сказал я, когда мы с Нумминорихом оказались на улице. – А все остальные, получается, нет? Что ты такое там унюхал?

– Да ничего особенного. Одного сновидца, и всё. Впрочем, дом тоже настоящий. И мебель. И продукты, и даже бочка с морской водой. Пока не понимаю, как всем этим реально существующим предметам удалось органично прорасти в сновидение, природа которого по умолчанию нестабильна. Да ещё и сохранять в нём естественную для плотных материальных объектов неизменность на протяжении достаточно долгого времени. Но это так.

– Одного сновидца? – не веря своим ушам, переспросил я. – Всего одного сновидца?! А как же?..

– Погоди, – он остановился как вкопанный посреди улицы. – То есть, ты не знал? Это не просто проверка? Не шутка, не сюрприз?

– Сюрприз, – повторил я. – Да уж, сюрприз! Триста вурдалаков вам всем в задницу. И мне за компанию. Чтобы отвлечься.

– Ты что, за всё время знакомства ни разу не проверил, спит он или бодрствует? – изумился Нумминорих.

– Во-первых, кто именно у нас «он»?

– Дигоран Ари Турбон, который со мной разговаривал. Остальные ему просто снятся. На самом деле, их нет.

Я сел на тротуар и закрыл лицо руками. Не потому, конечно, что собирался безутешно рыдать. Неплохое было бы решение, но я, увы, не умею. Просто не хотел, чтобы Нумминорих заметил, как я разозлился. Глупо сейчас рычать: «Я тебе дам – их нет!» Он-то в чём виноват.

– Во-вторых, – наконец сказал я, – конечно, я сразу проверил. Ди и всех остальных. В первый же день. Без задней мысли, просто по привычке. Я теперь на всех, с кем знакоюсь, сразу смотрю боковым зрением: мерцает или нет? Ди не мерцал. И никто из его домашних. С виду все они самые обычные люди. А иных способов отличать спящих от бодрствующих я не знаю.

– Ну да, точно! – оживился Нумминорих. – Бывает же, что нет никаких внешних признаков, ты сам мне говорил. Это когда совсем крутой мастер сновидений за дело берётся, да? А этот твой Ди точно крутой! Чтобы не только его самого, но и всех, кому он приснился, можно было потрогать, да ещё и пищу из их рук есть... О таком мастерстве даже в Тубуре только легенды рассказывают. А ведь они знают про сновидения больше нас всех вместе взятых.

Он сел рядом со мной. Спросил:

– Ты очень огорчился?

– Не огорчился. Это иначе называется. Я в отчаянии.

– Так успел их полюбить?

– Успел, не успел... Как будто только во мне дело. Базилио у них в гостях с утра до вечера пропадает. Меламори ходит спасаться от мрачных мыслей, говорит, впервые в жизни встретила людей, которые успокаивают её самым фактом своего существования. А Малдо, бедняга, ухаживает за Иш...

– За кем?

– За мальчишкой, когда он – девчонка. У неё, понимаешь, пол периодически изменяется, примерно раз в несколько дней. Я-то ещё удивлялся, с чего вдруг Иш так мотает из одной крайности в другую, но теперь ясно. Когда ты просто чей-то сон, поди за собой уследи. Ладно, неважно. А леди Лари...

Тут я наконец прикусил язык, так и не позволив ему произнести Кофино имя. Что бы ни стряслось, это не повод сплетничать. До чего я докатился а.

– Я понял, – кивнул Нумминорих. – Люди, которых ты любишь,

успели крепко привязаться к этим фрагментам чужого сна. А теперь тебе придётся собственными руками всё разрушить. Разбудить спящего, потому что он всё равно рано или поздно умрёт, и его сновидения исчезнут в любом случае, верно?

Дырку надо мной в небе. Ещё и это!

О необходимости разбудить спящего ради спасения его жизни я до сих пор вообще ни разу не вспомнил. Только мучительно гадал: это дружище Ди у нас куманский убийца с красным лицом, или всё-таки просто кто-то очень на него похожий? И как бы это поскорее выяснить? А теперь получается, никакой разницы. Всё равно придётся его будить.

– Понимаешь, на самом деле беда даже не в том, что мы полюбили это урдерское семейство, – наконец сказал я. – Просто они же совсем настоящие. Не иллюзорные тела и звуки, а живые люди, совершенно как мы с тобой.

– Но...

– У этих чужих сновидений есть сознание и всё, что к нему прилагается, я точно знаю, потому что подолгу находился рядом с каждым из них. Мы разговаривали, смеялись, играли в «Злик-и-злак», утешали друг друга, спрашивали совета, делились воспоминаниями и впечатлениями – всё, что обычно делают люди, собравшись вместе. И моё сердце всякий раз отзывалось на их душевные движения. Значит, было, на что отзываться. Меня обмануть легко, зато его – невозможно. Когда меня окружают наваждения, моё сердце каменеет и умолкает, я уже столько раз проверял, знал бы ты... И тут вдруг выясняется, что этим людям вот-вот придётся исчезнуть. Не просто умереть, а исчезнуть! Совсем. Как будто их никогда не было. Нет, я так не могу.

Нумминорих беспомощно развёл руками, как бы напоминая, что это не он создал Мир. И никакой ответственности за происходящее, к сожалению, не несёт. А то бы, конечно, сразу всё исправил. Без дополнительных уговоров.

– Жалко, что я не сэр Джуффин, – вздохнул он. – Я бы обязательно придумал, как быть.

Ну кстати да. Джуффин – это своевременная идея. Совсем не факт, что он действительно вот так сразу придумает выход, но сообщить ему нашу новость всё равно надо. Не откладывая, прямо сейчас.

– Очень хорошо, – сказал Джуффин. – Как минимум это красиво... Сэр Макс, если ты не согласен с моей позицией, тарелки для битья добывай сам из Щели между Мирами, я ими пока не обзавёлся, прости. Ждите меня тут.

Оба. Я скоро... Ну, скажем так, в какой-то момент я определённо вернусь.

И исчез. А мы остались в его кабинете. Я мрачно разглядывал стену, стараясь вообще ни о чём не думать. Тщетно. Всё равно прикидывал: а что если найти тело спящего Дигорана Ари Турбона и как-нибудь этак хитро его заколдовать? Чтобы продолжал дрыхнуть и видеть сны... ну хотя бы лет триста. Примерно столько у нас живут нормальные люди. В смысле не могущественные колдуны. Всё честно.

А может быть, надо подойти к этому делу с другой стороны? Разбудить Ди, но так, чтобы его сновидения при этом остались с нами? Готов спорить, должен быть такой способ, если не у нас, так в Тубуре, они же там со времён сотворения Мира ничем, кроме снов не занимаются, наверняка давным-давно изобрели пару-тройку приёмов на тот случай, когда очень хочется кого-нибудь приснившегося материализовать. Надо бы это выяснить.

– Познакомишь меня со своим тубурским учителем сновидений, если что? – спросил я Нумминориха.

– Конечно! – просиял он, обрадовавшись, что хоть чем-то может помочь.

Я бы на его месте тоже обрадовался. Совершенно невыносимо сидеть, сложа руки, и смотреть, как другой человек сходит с ума. Меня бы наверное разорвало. А он молодец, держится. Даже с утешительными разговорами не пристаёт.

– Нам всем очень повезло, что ты учился в Тубуре, – сказал я Нумминориху. Просто, чтобы его поддержать.

А сам подумал: но это и правда неплохая идея. По крайней мере, на разговоры с тубурским Мастером Снов и его коллегами наверняка понадобится куча времени. Как минимум, несколько дней. И всё это время трактир «Свет Саллари» по-прежнему будет стоять на Сияющей улице, как миленький. Повар Кадди освоит пару новых блюд, леди Лари дождётся к ужину Кофу, Ди, нагулявшись, вернее наисчезавшись вволю, вернётся домой, достанет доску для «Злик-и-злака» и пригласит всех присутствующих присоединиться к игре. А я буду бесконечно затягивать консультации с тубурскими специалистами, чтобы дать им всем ещё немного побыть. А там, глядишь, и настоящий выход найдётся. В смысле меня всё-таки научат, как их материализовать. И всё останется как прежде.

Я уже буквально воочию видел счастливый финал этой истории. Удивительно полезно оказывается порой пялиться в стенку. Или это только в кабинете Джуффина они такие вдохновляющие?

Буривух Куруш неожиданно слетел с верхней полки, на которой до сих

пор дремал, уселся мне на плечо и требовательно коснулся клювом уха. Дескать, обрати на меня внимание наконец!

– Прости, – сказал я ему. – Только сейчас сообразил, что мы ничего тебе не принесли. Но у нас смягчающие обстоятельства.

– Да, я слышал, – важно кивнул буривах. – Прими моё сочувствие. Если бы я вдруг узнал, что все вы просто кому-то приснились и вот-вот исчезнете вместе с моими пирожными и орехами, я бы очень огорчился.

– Можно послать заказ в «Обжору», – подал голос Нумминорих. – И угощение само к нам прилетит.

– Я всегда знал, что по вашим человеческим меркам твой интеллект чрезвычайно высок, – похвалил его Куруш.

Но я подозревал, что дело тут вовсе не в интеллекте. А в том, что бедняга Нумминорих не успел позавтракать. И если бы не буривах, так и сидел бы голодным из солидарности со мной. Что, конечно, совсем не дело.

– Обязательно пошли заказ, – сказал я.

И снова устался в стенку. Подумал: а вдруг в Тубуре есть такие мастера, которым можно заказать видеть сон про наших урдерцев? По очереди, или кто-то один заснёт на пару сотен лет, это пусть сами решают. Интересно, такое вообще хотя бы теоретически возможно? Если да, я им хорошо заплачу. Я нынче чертовски богат, у меня жалование за все годы отсутствия скопилось, Джуффин честно складывал его в специальный сейф – уж не знаю, зачем, моё возвращение в ту пору было крайне маловероятным событием... Или нет? Может быть, мне только кажется, что маловероятным? И про урдерцев сейчас тоже только кажется, что их невозможно оставить жить среди нас? И проклятую Тень Шурфа спасти на самом деле – раз плюнуть? Может быть, вообще всё на свете легко и просто, только мне об этом ещё не рассказали? И я сижу тут, страдаю как последний дурак, пока очевидное решение уже пляшет на кончиках моих пальцев. А даже если не пляшет, я этих людей небытию не отдам. Перетопчется. Пусть вон колбасы поест, если очень неймётся.

Вершитель я вообще или кто?

– Ну хвала Магистрам, – сказал Джуффин, оглядывая продовольственный бардак на своём рабочем столе. – Куруша вы, как я понимаю, накормили. И себя не обидели, молодцы. И сэр Макс больше не похож на человека.

– По-моему, вполне похож, – заступился за меня буривах. – У него две ноги, две руки, два глаза и нос вместо клюва. Примерно так обычно и выглядят люди, я довольно много вас перевидал.

– Безусловно, милый, – согласился Джуффин. – В этом отношении сэр Макс у нас не подкачал. Я только и хотел сказать, что ему наконец-то удалось перейти от сугубо человеческой концепции беспомощной жертвы обстоятельств к позиции беспринципного демонического самодурства. Что, будем честны, гораздо лучше сочетается с формой его носа и цветом сапог.

Я зачем-то посмотрел на свои сапоги – в чём же это такое интересное я нынче вышел из дома? Но оказалось – ничего особенного. Цвет как цвет. Благородный тёмно-коричневый. Один из множества оттенков кошачьего дерьма, как сказал бы сейчас сэр Мелифаро.

– Дела обстоят так, – объявил Джуффин, торжествующе оглядывая нас. – Минувшей ночью я с разрешения Его Величества отправился на консультацию к Королевским Сонным Телохранителям. И задал им единственный вопрос – сэр Макс, неужели не догадаешься, какой? О чём я мог их расспрашивать после нашего ужина с чангайским послом? Что нас с тобой больше всего удивило? Ну?..

– Лично меня – чангайские брачные традиции, – огрызнулся я.

Нет, чтобы объяснить по-человечески. Обязательно надо комедию ломать.

– Я серьёзно спрашиваю.

Я только плечами пожал.

– Да ты же сам переколотил всю посуду, узнав, что твои приятели назвались именами...

– Ты хочешь сказать?.. Нет, погоди. Это получается, ты вчера послал меня подальше, а сам сразу отправился выяснять, снятся ли сны деревьям? Хоть бы намекнул... И что?

– Я как раз порадовался, что даже не намекнул, потому что ничего вразумительного мне всё равно не сообщили. К моим услугам были только временно бодрствующие телохранители. Хорошие ребята, но совсем молодые. И выросли не в Тубуре, а здесь, в Ехо. Своё дело они, я надеюсь, худо-бедно знают, но ничего сверх того. Однако, поразмыслив, они решили, что интересующей меня информацией вполне может владеть их нынешняя начальница, леди Аяна Гали Нагнаттуах Ур Баррой, дочь Эши Харабагуда.

– Это самая старшая? – оживился Нумминорих. – Эши говорил, с его старшей дочкой очень непросто иметь дело. Суровая леди! Он сам старался без особой нужды с ней не связываться. По крайней мере, наяву. Во сне-то Эши никого не боялся...

Его неуместный энтузиазм можно понять. Эши Харабагуд, покойный Королевский Сонный Телохранитель, был другом Нумминориха. Точнее, его призрак, но какая разница. Факт, что они уже очень давно не виделись.

Обычное дело, когда связываешься с призраками: у них совершенно нет чувства времени, так что сам Эши Харабагуд наверняка считает, будто они расстались примерно позавчера, а вот Нумминорих успел здорово соскучиться. В таких обстоятельствах просто поговорить о далёком друге – уже радость, по себе знаю.

– Вот и проверишь, так ли это, – сказал ему Джуффин.

– Я?!

– А больше некому. Со мной эта дама говорить отказалась наотрез. Сказала, не станет из-за всякой ерунды просыпаться. И Король ей не указ: в контракте чёрным по белому написано, что леди Аяна Гали Нагнаттуах Ур Баррой должна охранять жизнь и рассудок Его Величества от всех возможных недоброжелательных вторжений в Королевские сновидения. Об обязанности вести какие бы то ни было разговоры наяву там нет ни слова, точка. Не нравится – отправляйте меня в отставку, вам же хуже. Всё равно сегодня не проснусь.

– Ну точно старшая, – улыбнулся Нумминорих. – Именно так Эши её и описывал. Ради возможности лишний раз не просыпаться кого угодно со света сживёт.

– При этом леди всё равно проснулась, чтобы послать всех подальше, – заметил я. – Лично мне в такой ситуации было бы проще ответить на вопрос, чем затевать скандал. Но, конечно, у всех свои предпочтения.

– Ха! – скорчил рожу Джуффин. – Проснулась она, как же! Плохо ты знаешь обычаи Сонных Телохранителей. Зачем просыпаться, если любой из её команды может войти в рабочее пространство их общего сновидения, передать всё что требуется и выслушать ответ?

– Хорошо устроилась эта леди, – одобрил я. – Вот с кого надо брать пример.

– А почему вы думаете, что она согласится беседовать со мной? – спросил Нумминорих.

– Я не думаю, а знаю. Куда, по-твоему, я сейчас ходил?

– Судя по вашему запаху, в Замок Рулх.

– Как же просто и приятно иметь с тобой дело! Однако, унюхав следы моего пребывания во дворце, ты вполне мог бы самостоятельно сообразить, зачем я там околачивался. Предварительные переговоры прошли успешно, леди Аяна Гали Нагнаттуах Ур Баррой любезно изъявила согласие проснуться, чтобы встретиться с другом своего отца, да ещё и владеющим, как она выразилась, Ясной речью. Полагаю, просто от любопытства. Все тубурцы уверены, что иностранцам не под силу их хохенгрон^[33]. И немудрено, до знакомства с тобой я тоже так думал.

– Не так уж хорошо я владею хохенгроном, – пригорюнился Нумминорих. – По крайней мере, не настолько, чтобы вести переговоры о деле, подробности которого мне к тому же неизвестны.

– Да какие там подробности, – отмахнулся Джуффин. – Сейчас надо узнать, существует ли искусство сновидения для деревьев – вообще, в принципе. И у кого можно выяснить конкретные детали, если да. А дальше мы сами.

Нумминорих задумался. Наконец кивнул:

– На вопрос про сны деревьев моих знаний, пожалуй, хватит. Надеюсь, и ответ как-нибудь разберу. А конкретные детали, в любом случае, придётся обсуждать на обычном языке В хохенгрене и слов-то таких нет.

– Какое-то очень странное, непривычное телесное ощущение я сейчас испытываю, – сказал Король. – Скорее приятное, чем нет, но одновременно таящее разочарование...

Он сосредоточенно нахмурился и умолк. Наконец поднял вверх указательный палец:

– Я понял! Это загадочное ощущение означает, что я больше не хочу вашего компота, сэр Макс. Большое спасибо, но нет.

Ничего удивительного. Мы сидели в Малом Секретном Переговорном Зале, расположенном между Королевской спальней и покаями Сонных Телохранителей, уже без малого три часа. Страшно подумать, сколько клубничного компота я за это время добыл из Щели между Мирами на радость страстно влюблённому в него Гуригу Восьмому. На третьем-четвёртом литре даже самый могучий организм запросит пощады, какой бы божественный нектар в него ни заливали. Просто до сих пор Его Величество не успевал дойти до стадии пресыщения. Потому что наш Король – самый занятой человек в стране, да и мне вечно надо куда-то бежать. И тут вдруг всё так удачно совпало: Король отменил все текущие дела, включая обед, в связи с чрезвычайной ситуацией в столице, за которую худо-бедно сошёл наш внезапный визит, а мы с Джуффином засели у него в ожидании Нумминориха, так надолго застрявшего в спальне начальницы Сонных Телохранителей, что впору было начинать о нём беспокоиться.

Но я совершенно не беспокоился. А только думал, что пока Нумминорих там сидит, жизнь продолжается. Повар Кадди печёт какие-нибудь удивительные пирожки, Иш учит Базилио рисовать, Ди играет в «Злик-и-злак» с заглянувшей к ним за очередным куском утешительного ледяного рулета Меламори, леди Лари развлекает клиентов новой порцией

рассказов о причудливых урдерских обычаях, скорее всего, наспех выдуманных, чтобы объяснить очередное недоразумение. Вот и хорошо. Пусть.

Зато Джуффин сидел, как на иголках. Подозреваю, он совершенно не рассчитывал так надолго застрять во дворце. Магистры знают, какие его планы успели улететь в тартарары, пока мы тут прохлаждались.

Его Величество, уж насколько был рад увильнуть от повседневных обязанностей, а тоже начал нетерпеливо поглядывать на дверь, ведущую на территорию его сонной охраны. Наконец, его лицо приняло такое особое отрешенное выражение, какое обычно бывает у людей, прибегнувших к Безмолвной Речи. Поговорив с неизвестным мне собеседником, Король огорчённо развёл руками:

– Боюсь, это дело может затянуться до завтрашнего утра. И счастье, если не до конца года.

Джуффин начал было вопросительно приподнимать бровь, но тут же понимающе кивнул.

– А! Они уснули?

– Именно. На самом деле, этого следовало ожидать. Леди Аяна Гали Нагнаттуах Ур Баррой очень не любит подолгу бодрствовать. Я сразу мог бы догадаться, что если уж она не выставила вашего коллегу буквально через минуту, их разговор продолжится в сновидении. Насколько я знаю, сэр Нумминорих Кута проходил соответствующее обучение в Тубуре? Ну и отлично, значит никаких трудностей у него возникнуть не должно. Он, безусловно, получит все ответы на свои вопросы, просто не так скоро, как мы с вами рассчитывали.

Я уже не раз замечал, что судьба, причём не только моя, в своих решениях нередко руководствуется совершенно подростковым чувством противоречия. Вот и сейчас, стоило Королю всё это сказать, а нам – смириться с предстоящим долгим ожиданием и перестать сверлить нетерпеливыми взорами дверь, как она распахнулась, и в зал влетел Нумминорих. Встрёпанный, без тюрбана, глаза размером с блюдца, и такой счастливый, хоть от зависти плачь.

Но я как-то сдержался.

– Им оказывается скучно жить одной и той же жизнью! – выпалил Нумминорих, совершенно не смущённый присутствием Короля. Подозреваю, он его даже не заметил. – Первую тысячу лет ещё ничего, а потом хочется развлечений. Поэтому у них договор!

– У кого – у них? – восторженно спросил Джуффин.

– У старых прибрежных деревьев с людьми, – объяснил Нумминорих.

Упал в кресло, заметил наконец Короля и, не теряя жизнерадостности, воскликнул: – Ой, извините!

Но подниматься, кланяться и производить прочие бессмысленные действия, предписанные придворным этикетом не стал. Куда только девалась его застенчивость. Впрочем, после магических сновидений многие ведут себя как пьяные. Такой вот интересный эффект.

Его Величество снисходительно кивнул и отвернулся. На пороге двери, ведущей в его личные покои возник невысокий человек, погребённый под ворохом сверкающей одежды – Старший Королевский Секретарь, который привёл нас сюда.

– Чрезвычайная ситуация, в известность о которой я вас поставил, оказалась несколько более продолжительной, чем можно было ожидать, – сказал ему Король. – Поэтому церемонию приёма официальных хоттийских писем проводите без меня по обычному плану иллюзии присутствия, а Старшему Мыслителю Гильдии Мастеров Укрощения Металлов сообщите, что точное время нашей встречи пока не определено, но я непременно поговорю с ним сегодня, пусть будет спокоен на этот счёт.

Дождался, пока за секретарём закроется дверь, повернулся к Нумминориху и потребовал:

– Рассказывайте немедленно. Мне интересно!

Его можно было понять.

... – Мне очень повезло, – сказал Нумминорих. – Леди Аяна Гали не знала ответа на мой вопрос. Всё-таки она была очень молода, когда их семья уехала из Тубура...

Мы разочарованно переглянулись. Конечно, я всегда знал, что Нумминорих – оптимист каких мало. Но всё равно удивился, узнав, как именно он представляет себе везение.

– Поэтому, – торжествующе заключил Нумминорих, – леди Аяна Гали любезно предложила мне разделить с ней сон. И вместе поискать компетентных специалистов. В пространстве сновидения это гораздо проще, чем ехать в Тубур и всех там расспрашивать. Тем более, в итоге всё равно выяснится, что нужный тебе человек как раз вчера заснул на полтора года, и есть только один способ с ним поговорить – во сне.

– Я тоже так подумал, – кивнул Король. – Правда, не сразу. И, признаться, удивлён, что вы так быстро проснулись. Среди многочисленных бесспорных достоинств леди Аяны Гали Нагнаттуах Ур Баррой умения быстро вести дела до сих пор не наблюдалось.

– Я её попросил уладить всё побыстрее, если возможно, – признался

Нумминорих. – Наяву ни за что не решился бы, но после того, как мы заснули, стало ясно, что с леди Аяной Гали почти так же легко договориться, как с Эши. В смысле, с её покойным отцом. Во сне она очень милая старая леди.

Я заметил, как Его Величество удивлённо моргнул. Похоже, он не вполне разделял мнение Нумминориха.

– И как же вы аргументировали свою просьбу? – спросил он.

– Просто сказал, что у меня друг совсем изведётся, если я не вернусь с ответом ещё до вечера. К тому же непонятно, кто сможет сменить меня на работе в Нумбане, а это тоже довольно важно.

– И леди Аяна Гали Нагнаттуах Ур Баррой вот так запросто согласилась с вашими доводами? – изумился Король. – Вместо того чтобы разгневаться и объявить всё происходящее наяву суестью, не заслуживающей внимания? Вот уж воистину, думаешь, что знаешь человека лучше, чем самого себя...

– Просто во сне я умею быть довольно убедительным, – скромно заметил Нумминорих. – Во всяком случае, гораздо более убедительным, чем наяву. Уже не раз это замечал.

– Буду иметь это в виду, – кивнул Его Величество. – Но рассказывайте дальше. Вы вместе заснули – и?..

– Леди Аяна Гали провела меня в общее пространство сновидений тубурских мастеров сна. Они его, как я понял, специально создали для удобства, чтобы в любой момент было легко отыскать друг друга. Там можно встретить любого спящего, воспитанного в соответствующей традиции. И, по идее, меня самого тоже, я же учился именно у тубурского мастера сновидений! Хотя до сих пор я ни о чём подобном не слышал и в этом их общем пространстве вроде бы никогда не бывал; впрочем, я же совсем недолго пробыл в Тубуре и многих важных вещей просто не успел узнать. Так или иначе, а существует своего рода общий коридор между сновидениями всех тубурцев, проходя по которому можно сразу понять, где тут чей сон. И попасть в некоторые из них – в смысле, присниться этому конкретному спящему и говорить с ним, как будто вы просто встретились на улице или в трактире. Но тут уже, конечно, всё зависит от мастерства. Я бы сам, наверное, ни в чей сон оттуда вломиться не сумел. А леди Аяна Гали может попасть вообще в любой, как бы его ни охранял сам сновидец. Я так понял, это важная часть мастерства Сонных Телохранителей, так что мне очень повезло с проводником.

Король и Джуффин синхронно кивнули. А я поймал себя на том, что невольно прикидываю – интересно, как это можно устроить? Ну, попасть в

чужой сон. Выработавшаяся с годами самонадеянность, помноженная на полное незнание соответствующих техник, лукаво подсказывала, что дело должно быть нехитрое. Достаточно как следует захотеть и рывкнуть: «А ну пропусти!» И дело в шляпе.

Ужас в том, что прав я или нет, можно выяснить только на практике. И не особо рассчитывать, что в следующий раз получится, как в предыдущий. Нет уж, всё придётся начинать заново, практически без учёта полученного опыта, что было, не считается, поскольку уже прошло. Это делает жизнь интересной, не спору, зато меня самого превращает в не самый удобный инструмент. Пожалуй, мне всё-таки не помешало бы выучить хохенгрон – просто чтобы поговорить о собственном устройстве. Меня зовут Макс, я похож на сон, смерть и погоду, привет.

– Очень трудно рассказывать о первом этапе нашего путешествия, не переходя на хохенгрон, – говорил, тем временем, Нумминорих. – Мне кажется, леди Аяна Гали просто решила показать мне всё многообразие возможностей хорошего сновидца. Не то похвастаться хотела, не то пристыдить, что слишком рано бросил учёбу. Это было очень здорово, но к делу особого отношения не имеет, разве что моя спутница понемногу расспрашивала людей, по чьим сновидениям мы гуляли, о том, к кому нам имеет смысл обратиться, и где его искать. Но это я только предполагаю, а как на самом деле, не мне судить, потому что я всё-таки был просто гостем и не то чтобы контролировал процесс... В какой-то момент мы очутились в большом доме на вершине горы; хозяин дома показался мне очень юным, но с длинной седой бородой, которая смотрелась на нём как наклеенная; впрочем, в сновидениях люди часто выглядят довольно нелепо, у меня самого в этом сне большую часть времени из головы торчал флюгер в форме морской птицы и вертелся в разные стороны, кажется, вне всякой зависимости от моего настроения, хотя трудно говорить наверняка...

На этом месте Король рассмеялся, а Джуффин надменно вздёрнул бровь – дескать, эх, молодёжь, ничего-то вы толком не умеете, даже такую ерунду, как управлять собственным обликом во сне. Но вслух ничего не сказал. Ругать начинающих – не его метод.

– Этого человека звали... – Нумминорих запнулся и виновато развёл руками: – Нет, уже не вспомню. Почему-то запоминать приснившиеся имена труднее всего. Зато весь остальной разговор я помню очень хорошо, потому что он больше походил на явь, чем на сон. Как будто я действительно просто пришёл в гости к этому бородатому, и он рассказал мне о школе... Дырку надо мной в небе, название тоже забыл!

– О Заоблачной Школе Ойны? – вдруг спросил Король.

Нумминорих потрясённо кивнул.

– Если так, то человека, с которым вы говорили, зовут Страшный Гру Ватана. Думаю, на сегодняшний день он самый старый Сонный Наездник в Тубуре. И, пожалуй, единственный из них по-настоящему любит заниматься с учениками. Жизни своей не мыслит без такого развлечения. Заоблачная Школа Ойны, названная по имени высокогорного городка, где живёт, точнее говоря, большую часть времени спит Гру Ватана, его любимое детище. Существует уже около трёх тысяч лет. Серьёзное учебное заведение, с хорошими традициями.

– Это что ещё за школа такая? – встрепенулся Джуффин.

«Как этот возмутительный факт посмел до сих пор оставаться мне неизвестным?» – примерно так на самом деле прозвучал его вопрос.

– Своего рода секретный университет для желающих постичь самые тайные глубины искусства сновидения. Туда легко берут иностранцев; собственно говоря, Гру Ватана просто не интересуется, откуда родом очередной студент и где он живёт наяву, лишь бы был талантлив и в достаточной мере неприкаян; ученики, уже нашедшие себя в любой другой магической традиции, ему не нужны. Узнать о существовании Заоблачной Школы можно только во сне; впрочем, даже если кто-то из учеников проболтается наяву, это ничего не изменит. Всё равно без персонального приглашения туда не попадёшь. А приглашения рассылаются исключительно в сновидения. Обычно Страшный Гру Ватана доставляет их сам – отсюда, собственно, и его прозвище. Так-то он милейший человек, как и все Сонные Наездники, но поскольку готов обучать только храбрых сновидцев, является им в таком виде и так себя при этом ведёт, что некоторые избранные, говорят, просыпаются потом на мокрых простынях. Если рискнут принять приглашение, полученное из рук воплощённого кошмара – добро пожаловать, молодцы.

Мы смотрели на Короля, открыв рот. Все трое. Причём самым изумлённым выглядел Джуффин. Всё-таки мы с Нумминорихом не так уж близко знакомы с Его Величеством Гуригом Восьмым и вовсе не думаем, будто знаем, чего от него можно ожидать. А Джуффин, похоже, именно так и полагал. До сих пор.

– А чему вы так удивляетесь? – спросил Король. – Ну да, я состою в дружбе с некоторыми тубурскими Мастерами Снов. Мне по сердцу искусство управления сновидениями. Родись я не единственным наследником, а одним из младших сыновей, вполне вероятно всерьёз задумался бы о таком поприще. Моё нынешнее положение не даёт возможности посвятить себя этому занятию, зато сближаться с

интересными мне мастерами и расспрашивать их о разных важных вещах оно скорее помогает. Вы вон тоже порой открываете мне тайны, о которых никому знать не положено.

– Ваша правда, – согласился Джуффин. – Просто тубурские сновидцы, в отличие от меня, не являются подданными Соединённого Королевства. И не приносили вам присягу полного доверия.

– А. Вы имеет в виду, что их ничто не обязывает к откровенности? Это правда. Но не один сэра Нумминорих умеет быть убедительным, когда спит, – улыбнулся Гуриг Восьмой. – Я тоже довольно обаятельный. Иногда.

Ох. Кто бы сомневался.

– Но чего я до сих пор не знал о Заоблачной Школе Ойны, так это что там проходят обучение не только люди, но и деревья, – сказал Король. – Потрясающая новость!

– Нет-нет-нет, – Нумминорих помотал головой. – Если и бывает такое, то мне об этом ничего не рассказали. Речь шла о другом. Оказывается, некоторые урдерские Глашатаи Воли Старших Деревьев – выпускники Заоблачной Школы. Собственно, там всё держится только на их мастерстве. Без искусства управления сновидениями людям ни за что не удалось бы поладить со старыми прибрежными деревьями.

– Так-так-так, – протянул Джуффин. И только что не облизнулся.

Таким довольным я его давненько не видел.

– Всё началось с того, что две с лишним тысячи лет назад в Заоблачную Школу Ойны попал человек из Урдера. А урдерцы испокон века пытались договориться со своими прибрежными деревьями, чей характер с возрастом, к сожалению, обычно становится довольно тяжёлым. Что плохо для всех, поскольку старые, вошедшие в силу деревья – очень могущественные существа. Сами они неподвижны, зато способны заставить мир плясать вокруг них и по их воле. Ну, то есть, не весь Мир, а только ближайшие окрестности. Но всё равно...

Нумминорих умолк, собираясь с мыслями. Наконец сказал:

– Я так понимаю, урдерские прибрежные деревья развлекались вовсю. Чуть ли не ежедневно устраивали грозы, бури, морские приливы, двигали скалы и перекраивали русла рек – не из желания навредить людям, а просто потому что это привносило в их жизнь необходимое разнообразие. Но людям рядом с ними жилось несладко. То есть на самом побережье тогда вообще никто не жил, даже флота у них не было. Очень странная ситуация для приморской страны, правда? Но попытки договориться с деревьями ни к чему не приводили, потому что людям нечего было предложить взамен. А когда тебе нечего предложить, тебя и слушать никто не станет.

Джуффин и Король согласно кивнули. А я подумал, что под настроение вполне мог бы и выслушать, почему нет? Жизнь не сводится к взаимовыгодному обмену, некоторые просьбы можно выполнять просто так, бескорыстно. Но я – не старое прибрежное дерево. И не политик. Поэтому моё мнение не в счёт.

– Так продолжалось, пока на побережье не пришёл этот выпускник Заоблачной Школы Ойны. Как его звали, я, конечно, тоже забыл, но...

– Случайно не Сухурах Ррох? – подсказал я.

– Да, точно! – обрадовался Нумминорих.

– Так и думал. У него, как я понимаю, нашлось, что предложить деревьям.

– Вот именно! Штука в том, что в Заоблачной Школе учат создавать сновидения не только для себя, но и для других людей. И вдруг оказалось, что с деревьями работать даже проще, чем с людьми. У них сознание, как ни трудно принять этот факт, более развитое, чем у нас. И способность к концентрации гораздо выше. В общем, выпускник школы сновидцев, освоивший искусство дарования снов – а это, кстати, совсем просто, даже я в своё время слёту научился – оказался настоящим подарком для урдерских прибрежных деревьев. Потому что там, где человек просто увидел бы приятный короткий сон, который с удовольствием вспоминаешь поутру, а потом выбрасываешь из головы, старое дерево оказывается способно прожить целую долгую настоящую жизнь, полную подробных и удивительных с его точки зрения впечатлений. Именно то, что им было надо! Но создавать для себя подобные сновидения самостоятельно деревья не умеют. По крайней мере, те, что растут в Урдере. Им необходима помощь. И тогда этот человек – Сухурах Ррох, да? – предложил прибрежным деревьям честный обмен. Обещал, что будет до конца жизни дарить им увлекательные сновидения, а деревья за это откажутся от своих забав со стихиями. В первую очередь, от приливов и бурь. Чтобы урдерцы смогли жить на собственном побережье. Они тысячелетиями об этом мечтали, и вот наконец появился шанс.

– Меж тем официально считается, будто прибрежные деревья просто помогли людям договориться с морем, – вспомнил я. – И Сухурах Ррох вошёл в историю, как человек, убедивший Великое Крайнее Море отказаться от ежегодных больших приливов. Интересно почему?

– Не знаю, – развёл руками Нумминорих. – Мне об этом не рассказали, а я не спросил.

– Готов спорить, что таково было требование самих деревьев, – сказал Джуффин. – На их месте я бы тоже позаботился, чтобы существа, имеющие

возможность в любой момент меня срубить, никогда не узнали, что именно я являюсь подлинной причиной их неприятностей. Гораздо безопасней обвинить во всём море, ему-то при всём желании никто не навредит. Только уважать ещё больше станут.

– Скорее всего, так и есть, – подтвердил Король. – В отрочестве мне пришлось учить историю всех государств Мира, и я помню, что читал об Урдере. Тамошние жители опасливо поклоняются морю, а прибрежные деревья почитают в основном за способность с ним договориться. И никогда не полагали их виновниками стихийных бедствий. Похоже, всё, что рассказывает о деревьях сэр Нумминорих, известно только немногим избранным.

– Некоторым Глашатаям Воли Старших Деревьев – кивнул тот. – Людей, которые так себя называют, в Урдере довольно много. Кто угодно может уйти жить в лес и объявить себя близким другом деревьев, поди его проверь! Но настоящее влияние на деревья имеют только немногочисленные выпускники Заоблачной Школы Ойны, преуспевшие в искусстве создания сновидений. За всю историю их было, как мне сказали, всего восемнадцать человек, но этого оказалось вполне достаточно, потому что по-настоящему могущественных старых прибрежных деревьев на самом деле совсем немного, а создавать для них сны очень легко. Так или иначе, судя по тому, что урдерские города на побережье всё ещё стоят, эти люди прекрасно справляются.

Нумминорих умолк – не то рассказал всё, что успел узнать, не то просто переводил дух. Король и Джуффин умиротворённо молчали, обдумывая услышанное. А я тщетно пытался сообразить, как приложить полученную информацию к нашему случаю с урдерцами. Какие выводы следует сделать? И, самое главное, какие действия предпринять? Да так, чтобы...

– А теперь самое главное, – неожиданно сказал Нумминорих. – Примерно четыреста лет назад в Заоблачной Школе появилась новая ученица. Тоже родом из Урдера. Как её зовут, этот Страшный мне не сказал, потому что сам не знает. Ну, это нормально для Тубура, там считается, будто безымянных легче учить, поэтому при знакомстве всякого ученика сразу предупреждают: «Только не вздумай говорить, как тебя зовут!» Так вот, эта девушка из Урдера, по словам учителя, была одной из самых талантливых сновидиц, каких ему доводилось встречать. Но её пришлось выгнать задолго до окончания обучения.

Сэр Джуффин Халли недобро ухмыльнулся. На его лице было отчетливо написано всё, что он думает об учителях, выгоняющих самых

талантливых учеников. И написано оно было сплошь нецензурными словами, доброй половины которых я до сих пор не знаю.

– Они, как я понимаю, не смогли договориться о границах, – добавил Нумминорих.

– О каких ещё границах?

– О границах между сновидениями и явью. Учитель считал – собственно, до сих пор считает – что этим двум пространствам никогда не следует пересекаться. Сновидения, по его мнению, приносят в жизнь хаос, справиться с которым сознание бодрствующего человека не в силах. А сами они, будучи овеществлены наяву, теряют присущую им изменчивость и текучесть, можно сказать, лишаются собственной драгоценной основы и становятся чем-то вроде обычных наваждений, которые тубурские Мастера Снов презирают, как и многие другие не вписывающиеся в их традицию чудеса. Не знаю, как точнее объяснить – это же не моё мнение, а чужое. Я его просто пересказываю, как могу... В общем, этот Страшный-как-его-там твёрдо уверен, что вмешиваться в реальность сновидцам не следует, а талантливая ученица из Урдера считала, что сновидения только затем и нужны, чтобы изменять жизнь. В точности, как жизнь влияет на сновидения, снабжая сознание материалом, из которого они создаются. Мне её рассуждения кажутся довольно логичными. Но во сне я конечно не стал этого говорить. Помалкивал и слушал.

– На твоём месте я бы тоже помалкивал и слушал, – улыбнулся Джуффин. – Не каждый день удаётся сунуть нос в настолько интересные чужие секреты.

– Ещё бы! – мечтательно вздохнул Нумминорих.

Похоже, он сам себе завидовал.

– И что случилось с этой ученицей? – нетерпеливо спросил я.

– Поначалу учитель не обращал особого внимания на её слова – мало ли, кто о чём болтает. Но в один прекрасный день обнаружил, что ученицыны сновидения уже всю разгуливают по Айне-Ойне-Труне – городку, где живёт он сам и где обычно укладывают спать тех студентов Заоблачной Школы, кто по каким-то причинам приехал в Тубур наяву. Причём не просто бессмысленно бродят среди людей, как потерявшиеся наваждения, а вступают в разговоры, заходят в трактиры, прицениваются к пустым домам, даже ведут какие-то торговые дела, а опытные, вроде бы, в подобных вопросах местные жители принимают их за чистую монету и обращаются как с обычными приезжими. Как ей это удавалось, непонятно. Такой вот редкий талант. Или просто очень сильное желание сделать по-своему? В общем, Страшный решил, что события развиваются в крайне

нежелательном направлении и выставил талантливую ученицу вон. Как я понимаю, в надежде, что она затоскует, одумается и вернётся, чтобы продолжить учёбу на его условиях. Но она так и не вернулась. Полученных знаний оказалось более чем достаточно, чтобы выполнять условия договора с прибрежными деревьями, а для любого урдерца это апофеоз карьеры, лучшее, что вообще может случиться – тайная, зато абсолютная власть над жизнью своих соотечественников. Очень трудно в такой ситуации хотеть чего-то большего.

Я слушал его краем уха, согласно кивал в тех местах, которые совпадали с моими потаёнными надеждами, думал: «Деревья обычно живут очень долго. Это, конечно, большая удача. И как же было бы хорошо...» – а дальше думать боялся, как боятся говорить вслух суеверные люди, «чтобы не сглазить». Правильно, кстати, делают, что боятся, только терминология у них дурацкая. На самом деле это их «сглазить» всего-то и означает – заронить в свой и чужие умы семена сомнения, которые со временем прорастут и разрушат желанное чудо.

Вот что-что, а сомневаться мне сейчас было нельзя.

– А откуда известно, как сложилась судьба этой женщины? – спросил Джуффин. И тут же сам себе ответил: – Ай, ну да. Конечно, они ещё не раз встречались. Спорю на что угодно!

– Только где найти дурака, который поставит против вас в таком споре? – улыбнулся Король.

– Да, учитель иногда её навещает, – кивнул Нумминорих. – Говорит, совсем безумная стала ведьма, ни о чём невозможно с ней договориться! Он очень недоволен поведением своей ученицы. Но похоже, всё равно втайне ею гордится. Так бывает.

– Саллари? – спросил я. – Она живёт в Саллари?

Нумминорих нахмурился.

– Всё-таки я совсем не запоминаю имена и названия, услышанные во сне. Но кажется, что-то похожее, да.

– Ладно, неважно, разберусь, – сказал я, кое-как выбираясь из кресла, где просидел так долго, что моё тело начало понемногу принимать его форму. – Вы меня извините? – спросил я присутствующих. – Ничего, если я прямо сейчас уйду?

– Конечно, – великодушно согласился Гуриг. – Удерживать вас было бы неразумно. И к тому же крайне немилосердно по отношению к вам.

Всё-то он понимает.

А Джуффин ничего не сказал. Даже: «Надеюсь, ты знаешь, что делаешь». За это молчание я по сей день ему благодарен. Потому что в тот

момент конечно ни черта ещё не знал, кроме одного: останавливаться мне сейчас нельзя ни в коем случае. Когда ты – процесс, надо не раздумывать, а происходить.

Ну или хотя бы идти. Пешком.

...Пока мы сидели в Замке Рулх, успело стемнеть. Я понятия не имел, который час – неужели уже ночь? Впрочем, оглядевшись по сторонам, увидел, что на улицах полно играющей детворы, а в трактирах только начинают накрывать столы к ужину. Значит, до полуночи как минимум несколько часов, просто темнеет пока довольно рано. Зима ещё не закончилась, хоть и непросто в это поверить, когда с реки дует такой тёплый ветер, как в середине весны. И собственное лоохи из тонкой шерсти кажется чуть ли не шубой. Жаль, что его нельзя снять и нести, перекинув через руку, как плащ. Ну, то есть, не то чтобы вот прямо совсем нельзя, но не стоит. Особенно пока в этом городе есть газеты, сотрудников которых чрезвычайно интересует моя частная жизнь. И прогулка по городу в одной тонкой скабе будет, не сомневаюсь, объявлена главным событием уходящего года. Знаю я их.

Я перешёл Большой Королевский Мост и сразу свернул в переулок, чтобы не идти мимо Дома у Моста. Чего я сейчас совершенно точно не хотел бы, так это встретить кого-нибудь из коллег, желающих поболтать.

Ах, не хотел бы? – обрадовалась моя судьба. И немедленно столкнула меня нос к носу с сэром Кофой. Ну, то есть выглядел он как студент-старшекурсник, влачащий за собой кипу конспектов и рассеянно глазеющий по сторонам в поисках хорошей компании для вечеринки, но я всё равно сразу его узнал. Это у меня какой-то специальный врождённый дар – узнавать сэра Кофу Йоха в любом обличье, для меня совершенно бесполезный. Вот в старые времена, цены бы ему не было. Весь криминальный мир столицы Соединённого Королевства валялся бы у меня в ногах.

Кофа сразу понял, что я его опознал, и не стал ломать комедию. Подошёл и прямо спросил:

– Ну и чем там дело в итоге закончилось? Что Нумминорих унюхал?

О да. Именно тот вопрос, на который я страстно желал ответить вот прямо сейчас. Но не в Хурон же теперь сигать. Тем более, я уже отошёл от воды на вполне приличное расстояние.

– Да ничего особенного, – начал было я, осёкся, сообразив, что лгун из меня и так-то никудышный, а уж врать Кофе – совсем идиотское занятие. О чём бы ни шла речь.

Поэтому я сказал:

– Извините. На самом деле, я ещё толком не разобрался. Всё очень сложно. Гораздо сложнее, чем я думал.

На юном лице студента отчётливо проступила сосредоточенная мрачность, присущая сэру Кофе Йоху в те редкие моменты, когда он видит, как вокруг рушится Мир, а что с этим сделать, пока не знает. Но непременно скоро поймёт. Буквально через десять секунд.

– По крайней мере, Ди не преступник, – добавил я. – Не какой-нибудь беглый Магистр, не шпион, не... В общем, не всё то, чего мы с вами в глубине души опасались. Это точно.

– Но в чём же тогда сложность? – удивился Кофа.

– Если у меня всё получится, завтра скажу вам: «Да ни в чём». И это будет правдой. А пока... «Не знаю» вам подойдёт?

– Не вполне, – буркнул он. – Но другого ответа из тебя, как я понимаю, сейчас не вытрясешь?

– Сейчас – нет.

– Ладно, – неожиданно согласился Кофа. – Что с тобой делать.

И пошёл дальше – к Большому Королевскому мосту. И я тоже пошёл – в противоположном направлении. А пару минут спустя в моей голове вдруг зазвучал голос Кофы. Не наговорился, стало быть. Прислал всё-таки зов.

Но, к моему удивлению, он не стал ни о чём расспрашивать. Наоборот, сказал:

«Никому не собирался это говорить, но тебе всё-таки расскажу. Несколько дней назад я был у Правдивого Пророка».

Дырку над ним в небе. И этот туда же.

«И он сказал мне совершенно неожиданную вещь, – продолжил Кофа. – Примерно так: вот это ощущение, которое ты сейчас испытываешь, и есть то самое счастье, о котором ты столько слышал от других людей. И никогда не понимал, о чём они толкуют».

«Ни хрена себе», – откликнулся я.

Надо же хоть что-то сказать в ответ на такое признание.

«Примерно так же и я подумал, – согласился Кофа. И после долгой паузы, когда я уже начал подозревать, что он просто, не прощаясь, прекратил разговор, добавил: – Я думаю, Хонна прав. Очень любезно с его стороны было сообщить мне эту новость. Я же действительно мог бы не догадаться».

Я молчал, совершенно потрясённый услышанным. Даже не знаю, что меня больше удивило: тот факт, что Кофа никогда прежде не был счастлив, или что сделался счастливым теперь, или всё-таки, что он мне об этом

рассказал. Пожалуй, третье. Не тот человек сэр Кофа Йох, чтобы ждать от него столь обескураживающей откровенности.

Но не спрашивать же: «А зачем вы мне всё это говорите?» Тем более, что и так, в общем ясно, зачем.

«Всё, что с нами однажды случилось, уже неотменяемо, – наконец сказал я. – И в этом смысле всякая минута счастья – навсегда. Правда до сих пор я не видел ни одного человека, которому от этого стало бы легче в тот момент, когда...»

«Ну, всё это и так понятно, – перебил меня Кофа. – Ты учти, я вовсе не пытаюсь тебя растрогать. Просто попробовал объяснить, почему так мало и неохотно помогал тебе в этом деле».

«А на самом деле и не надо было, – ответил я. – То есть, вот в этом конкретном случае – не надо. Всё к лучшему. Теперь понятно, что это так».

И ускорил шаг. До Сияющей улицы отсюда неблизко. А Тёмным путём я туда вряд ли сейчас доберусь. Слишком велико внутреннее сопротивление. Я себя знаю, лучше не рисковать.

Я очень не хотел идти на Сияющую улицу. И, тем более, заходить в «Свет Саллари». И видеть никого, кроме Ди не хотел. Почти всерьёз опасался, что гостеприимные урдерцы могут разом исчезнуть от одного взгляда человека, знающего, откуда они тут взялись. Что, конечно, вряд ли. А всё-таки ну его к чёрту, лучше не проверять.

Моё нежелание соваться в трактир было столь велико, что Дигоран Ари Турбон сам вышел мне навстречу. Я столкнулся с ним в арке, ведущей во двор, и обрадовался, что так отлично совпало. Добрый знак.

– Хороший вечер, сэр Макс, – безмятежно сказал Ди. – Вы удивительно вовремя. Нам с Ларичкой как раз удалось уговорить Кадди снова сварить ваш любимый сливочный суп из не-муяги. Он очень не любит часто повторяться, но повару следует учитывать интересы клиентов. Хвала свету зримому, мы сумели его убедить.

Ди, надо сказать, отлично держался, даже лицом больше не белел. И не краснел, за что ему отдельный низкий поклон. Впрочем, возможно, он просто уже не помнил, что мы с Нумминорихом заходили поутру? Магистры его разберут, как он вообще ориентируется в этом своём сновидении. Может быть, только для нас, бодрствующих наблюдателей, есть какой-то непрерывный сюжет, а для него – отдельные фрагменты, связанные друг с другом лишь списком постоянных действующих лиц. Или даже только безграничной любовью, с которой он смотрит на своих домашних.

Ради неё одной имело смысл длить и длить его сон.

– Отличная новость, – сказал я. – Только суп мне сейчас не светит. Времени нет совсем. Даже заходить не буду.

Ди кивнул, как будто заранее ждал такого ответа. И виновато развёл руками – дескать, я делаю, что могу. Но безмятежности, хвала Магистрам, не утратил.

– Вы мне доверяете? – спросил я.

Он снова кивнул. На этот раз очень страстно. Как будто хотел вложить в этот кивок гораздо больше, чем мог. Словно за его готовностью доверять стояла наша многолетняя дружба, многократно проверенная делом, а не несколько ни к чему не обязывающих разговоров за столом и одна совместная поездка в Новый Город с пронзительно орущей синей птицей на заднем сидении амобилера.

– Я играл с вами в «Злик-и-злак», – сказал Дигоран Ари Турбон. – В игре человека сразу видно. С тех пор я твёрдо знаю, что не хотел бы вас полюбить – это было бы абсурдно, всё равно, что пытаться привязать верёвкой к ноге морскую волну. Зато доверить вам я готов всё что угодно – хоть кошелёк, хоть тайну, хоть саму жизнь.

Интересная должно быть у меня манера игры. Но хорошо, что он сделал именно такие выводы. Даже не знаю, как бы я сейчас выкручивался, если бы оказалось наоборот.

– Мне нужно получить от вас согласие на вмешательство в вашу жизнь, – сказал я. – Не могу объяснить, зачем мне оно и почему всё так сложилось. Только пообещать, что буду действовать в ваших интересах – как я их себе представляю. Не посоветовавшись ни с вами, ни с вашими близкими, вообще ни с кем.

– Может быть, это и к лучшему, – откликнулся Ди. – Я в последнее время сам не свой. Счастлив, как никогда прежде, словно новое сердце выросло. И одновременно чувствую: что-то пошло не так. Наверное, с того дня, когда ярмарочный предсказатель вместо доброго напутствия достал из рукава мой нож – тот, который я с утра оставил дома, на кухне – и вручил его мне со словами: «Другой правды о тебе пока нет, но глядишь, однажды появится, если очень повезёт». Зачем я вообще к нему пошёл? Сам до сих пор толком не знаю. Услышал на рынке, что в Мире объявился такой удивительный человек, который знает обо всех правду и готов сказать её каждому, кто придёт. Часто думал: «Интересно, а что бы он сказал мне?» – и однажды ноги как-то сами собой привели меня в его палатку.

В палатку! Которая стоит на ярмарке в Нумбане, в нескольких сотнях миль отсюда. Это у нас теперь называется «ноги привели». Хороши ноги,

что тут скажешь.

– Лучше бы я к нему не ходил, – заключил Ди. – С тех пор у меня два одинаковых ножа и тяжкий камень на душе. Хорошо, если вы сможете его убрать. Но если не получится, я не буду в обиде. Поступайте, как считаете нужным. А хотите, я напишу расписку, что согласен с любым вашим решением? Я нынче как раз полдня учился писать на этих ваших табличках. Такое удивительное чудо! Я раньше и мечтать не мог...

Я чуть было не рассмеялся от неожиданности. Расписку, мне! С другой стороны, почему бы и нет. Если сам предложил, пусть пишет. Будем считать, расписка – это такой волшебный амулет. Помогает от чувства бессилия, запоздалых сомнений, тяжкого груза вины и вообще от всего.

– А давайте, – сказал я.

И потом добрую четверть часа терпеливо ждал, пока Ди справится с самопишущей табличкой: «Ягоран риТурбон доверю эрНяксу...», «Дигоран Аритур дваярю руМаксу», «йади горан Аритурбон доверя ю». Не досадовал на промедление, а сопереживал ему всем сердцем. Сам когда-то так же мучился с этими грешными табличками, да и до сих пор не то чтобы писарь-виртуоз. Хотя стало, конечно, полегче. Практика – великое дело. Иного способа совладать с собственной немощью нет.

Наконец я получил расписку, составленную почти безупречно, всего две незначительные ошибки: «Аритурбон» слитно и «макс» не с заглавной «М», а со строчной, но Ди их не заметил, а я не стал придирааться. Всё равно Королевской Канцелярии мы этот документ предъявлять не будем, а чтобы положить во внутренний карман лоохи, верхний, левый, у самого сердца, сойдёт и так.

Потом Ди вернулся в свой трактир, а я пошёл по Сияющей улице, свернул в переулок Гвоздей и Грёз, практически добрался до Мокрой площади и только тогда почувствовал себя достаточно спокойным и сосредоточенным, чтобы шагнуть на окраину городка Саллари на побережье Великого Крайнего моря. И покурить наконец. Давно хотел, но твёрдо сказал себе: «Только на месте». Чтобы не увеличивать и так затянувшуюся паузу ещё на один перекур.

До последнего момента я почему-то был уверен, что симпатичная посол далёкой Чангаи нам наврала. Вернее, просто преувеличила степень заброшенности Саллари, потому что никогда прежде не бывала в городках, состоящих из, скажем, всего полусотни совсем небогатых домов. Вот и обозвала Саллари необитаемым пустырьём. А на самом деле, в домах горят окна, в садах полощется на ветру бельё, люди ужинают, смеются, играют в

«Злик-и-злак», выходят на крыльцо, чтобы выкурить трубку – в общем, живут.

Даже не знаю, зачем я так вцепился в эту благостную картинку. В любом случае, она оказалась плодом моего воображения. Никаких огней в окнах, никакого белья на ветру, ни единого признака человеческой жизни, леди Мариенна Курчан говорила чистую правду.

Впрочем, стоило мне отвернуться от приземистых ветхих строений, зияющих чернотой дверных и оконных проёмов, и вся эта ерунда вылетела у меня из головы. Какая разница, живут ли люди в Саллари, и остались ли они вообще хоть где-нибудь в Мире, пока существует этот сияющий синий берег. И Великое Крайнее море. И тёмно-бирюзовое небо с лиловыми облаками. И ветер. И зимняя ночь.

«Сияющий берег» – это не художественное преувеличение, не неуклюжая попытка сказать, что там было очень красиво, а просто констатация факта. Наверное, недавно на побережье прошёл дождь, и теперь мокрая каменная равнина светилась, а дальние скалы мерцали, как сновидец, когда смотришь на него боковым зрением. Если и доводилось мне когда-нибудь в жизни видеть что-то сравнимое с этим великолепием, то только на Тёмной Стороне. Поначалу я даже грешным делом усомнился – а не шагнул ли случайно прямо туда, не перепутал ли цель? Всё же Урдер – это самый край Мира, перемещение на такое огромное расстояние требует предельной концентрации, а я сейчас не то чтобы на пике хорошей формы. Мягко говоря.

Но всё-таки нет. На Тёмной Стороне я сам совершенно другой. Такой счастливый, легкомысленный и всемогущий, каким мне в обычной реальности никогда не бывать. И дело тут не в каких-то особенностях моего характера, а только в возможностях материи. На Тёмной Стороне я соткан из счастья и силы, ничего лишнего. А здесь всё «лишнее» – это и есть я сам. Звучит довольно трагично, но на самом деле, мне нравится быть человеком среди людей, по крайней мере, пока основным местом действия остаётся Ехо. Человеческая жизнь в декорациях, возведённых в магическом сердце удивительного чужого, всё ещё толком не изученного Мира – моя самая любимая игра. Немного похожа на Крак, немного на «Злик-и-злак», только гораздо круче. И захватывает меня целиком. Окажись всё это сном, я был бы рад возможности длить и длить его, до последнего вдоха. Всё равно ничего лучше уже не придумаешь, как ни старайся.

Надеюсь, мой добрый сосед Ди имеет сходное мнение по этому вопросу. Потому что, в отличие от меня, он действительно спит. И тут уж без вариантов.

Какое-то время я сидел на сияющей синей земле, курил, прикрываясь от ветра, слушал далёкий шум моря и вторящее ему шуршание прибрежных камней. Такая пауза – тоже часть моей любимой игры, столь же упоительная, как миг между броском кубика и его звонким возвращением на игровую доску. Тянул бы её и тянул.

Но докурив, я заставил себя подняться на ноги, сосредоточился, выбросил из головы все мысли кроме одной: «Хочу оказаться рядом с деревом по имени Дигоран Ари Турбон». Написал эту фразу – огненными буквами, в темноте перед закрытыми глазами, как делал в те дни, когда только учился ходить Тёмным путём. Сейчас очень важно было не промахнуться – никакого иного способа быстро отыскать на этом побережье нашего Ди я придумать не смог.

Сделал шаг и тут же упёрся носом в древесный ствол, влажный и тёплый, как будто согретый солнцем. Толстенный, минимум в три обхвата. Поднял голову и присвистнул: ну ты и вырос, друг! Практически до неба. Интересно, ты один тут такой? Или вас целый лес?

Не лес, нет. Даже не роща. Оглядевшись, я увидел ещё одно высокое дерево, растущее почти возле самой воды. И третье, чуть пониже, с раздвоенным искривлённым стволом. И группу совсем уж огромных деревьев, но так далеко отсюда, что трудно понять, действительно они такие большущие, как кажется, или это просто оптический обман.

Опустив глаза, я в очередной раз внутренне ахнул, потому что увидел корни дерева-гиганта – длинные, толстые, причудливо изогнутые как щупальца гигантского спрута. Камень вокруг них был не просто разломан, а искрошен в мелкий песок.

– Ни хрена себе у вас характер, сосед, – пробормотал я вслух. – А с виду такой покладистый симпатяга. Вот и доверяй после этого вашему брату сновидцу, да?

Дерево, разумеется, ничего не ответило. Они и в бодрствующем состоянии не то чтобы очень разговорчивы. А дерево по имени Дигоран Ари Турбон сейчас крепко спало. Самое время шарахнуть его своим Смертным Шаром, пока не проснулось, потревоженное моим визитом, чего тянуть.

Звучит, конечно, словно я замыслил убийство. В любых других устах так бы оно и было. Смертные шары – это магическое оружие; нормальные колдуны, освоившие этот секретный приём, используют его, чтобы быстро и качественно убить, кого понадобится. Но мои Смертные шары почему-то никого не убивают, а только подчиняют чужую волю. Зато всецело. И чем

дальше, тем меньше мне это нравится, хотя, на самом деле, бывает очень удобно – например, когда у тебя на руках безнадёжный больной. Или натворивший всяких интересных дел сновидец, вот как сейчас.

Рациональных доводов мне вполне достаточно, чтобы действовать, когда это необходимо. Но на сердце от них легче не становится. А оно у меня в последнее время что-то раскомандовалось. Спасу от него, честно говоря, нет.

К тому же до сих пор мне не доводилось метать Смертный шар в спящее дерево, чьё сознание, по уверениям Нумминориха, даже более развито, чем наше. Не факт, что его воля окажется столь же податлива, как человеческая. А вдруг дерево не захочет мне подчиниться и, например, загорится от возмущения? Ну или просто проснётся, чтобы устроить скандал с цунами вместо пощёчин? Что делать тогда?

Ладно, ладно. Думать надо было раньше. То есть на самом деле вообще не надо было мне думать, ни раньше, ни сейчас. И сожалеть, что ни с кем не посоветовался, тоже не стоит. И так ясно, что сказали бы мне старшие коллеги – и Джуффин, и леди Сотофа: «Пока не попробуешь, не узнаешь; если считаешь, что стоит рискнуть, рискни – а как, ты думаешь, мы сами всему научились?» А Шурф непременно добавил бы: «Менять решение в самый последний момент – недостойное поведение, к тому же, опасное для мага. На месте силы я впредь не стал бы связываться с таким негодным инструментом, и вряд ли она глупее меня».

Собственно, именно потому я и не стал обсуждать с ними своё решение. Зачем лишний раз беспокоить занятых людей, когда они и так отлично справляются с неблагодарной работой советчиков – в качестве голосов у меня в голове.

Чтобы придать себе решимости, я достал из кармана расписку Ди. Приложил табличку к стволу, прошептал: «Ты сам мне разрешил», – и наконец метнул в дерево свой Смертный Шар. А потом стоял и смотрел, как сгусток яркого зелёного света превращается в огромное разреженное облако, поднимается ввысь и постепенно растворяется в древесной кроне. Красивое зрелище, был бы художником, всю жизнь потом пытался бы это нарисовать.

Дерево выгодно отличается от людей тем, что не вопит: «Я с тобой, хозяин!» И даже не вопрошает надменно: «Чего тебе надо?» – как порой удавалось самым своенравным из моих жертв. Дерево вступает в контакт с человеком совершенно иначе. Вроде бы, ничего не происходит, просто у тебя меняется настроение. Сперва незаметно, а потом внезапно становится ясно, что ты – царь Вселенной, и тебе можно всё.

Хорошо, что я довольно опытный человек и сразу сообразил, что это означает. А то, чего доброго, решил бы, что просто невовремя свихнулся от переживаний последних дней.

Речь у меня была заготовлена заранее. Всю дорогу её обдумывал. И очень надеялся, что ничего не упустил.

– Приказываю тебе, Дигоран Ари Турбон, расти на этом побережье так долго, как положено деревьям вроде тебя, оставаться здоровым, благополучным и невредимым, спать до конца своих дней и продолжать видеть тот сон, который снится тебе сейчас. Я хочу, чтобы образы твоего сновидения – трактирщик Ди, его сестра Лари, племянник-племянница Иш и лучший друг Кадди – окончательно стали достоверной, вещественной частью реальности для всех свидетелей вашего бытия. Но с одним обязательным условием: в твоих сновидениях больше не будет никаких покушений на чужую жизнь. Всё остальное – целиком на твоё усмотрение, развлекайся, как пожелаешь. А теперь освободись от моей власти. Хороших тебе снов.

Сказал всё это, перевёл дух, уселся на землю и закурил, чутко прислушиваясь к переменам в собственном настроении – а как ещё разобраться, что сейчас происходит с деревом по имени Дигоран Ари Турбон? Послушалось ли меня? Или яростно борется с моей волей, пытаюсь проснуться и устроить такую бурю, что от всех урдерских прибрежных поселений не останется и следа? Или нехотя смирилось с приказом? Или напротив, радуется, что я так упростил ему жизнь? Похоже, всё-таки последнее. По крайней мере, колоссальное облегчение, которое я сейчас испытывал, нельзя было объяснить успешным завершением работы. Потому что до завершения мне пока было как пешком до Арвароха. И я это хорошо понимал.

Но я так устал, что решил: потом, всё потом. Закутался поплотнее в лоохи, улёгся среди древесных корней в том месте, где они переплелись так удачно, что получилось что-то вроде лодки или даже колыбели – для крупных длинноногих младенцев, вроде меня. Думал: полежу немного, переведу дух и пойду. Но, конечно, никуда не пошёл, потому что уснул. Удивительно сладко, оказывается, спится рядом со спящим старым прибрежным деревом, которому нравятся его сны.

Магистры знают, сколько бы я там дрых, если бы не Джуффин. Его кошмарная привычка время от времени будить меня с утра пораньше на этот раз оказалась мне на руку. По крайней мере, я не успел простудиться на предрассветном ветру.

«Я так понимаю, ты ещё в Саллари?» – спросил он.

«Правильно понимаешь, – согласился я, лязгая зубами от холода. – Слушай, а есть такое заклинание, чтобы быстро согреться? Какое-нибудь попроще, чтобы ты сейчас объяснил, и я сразу научился?»

«Самое доступное тебе заклинание называется «одеяло» и извлекается из Щели между Мирами максимум за минуту. Хотя мне кажется, в последнее время ты справляешься гораздо быстрее».

«Ну точно! – восхитился я. – А заклинание для молниеносного возвращения к жизни называется «горячий кофе» и добывается ровно тем же методом. Гениально. А я спросонок не сообразил».

«Спросонок? – изумился Джуффин. – Ты что, улёгся там спать?»

«А почему нет? Обстановка располагает. Тут даже деревья дрыхнут без задних ног. И море рядом шумит, и камни, представляешь, тоже шумят, как море. Полдела, к тому же, сделано. В глубине души я надеялся, что вторая половина дела придёт ко мне сама и, к примеру, предложит подушку. Законы гостеприимства, то-сё... Но, похоже, зря. Ладно, сейчас согреюсь и отправлюсь её искать».

«Хорошее дело», – откликнулся Джуффин. И замолчал.

Я тоже помалкивал, потому что как раз сосредоточился на Щели между Мирами. С ней такая трудность: прежде, чем добудешь нужную тебе вещь, надо более-менее чётко представить, откуда именно ты её сейчас утащишь. Ну или не представить, а увидеть это место таким, каково оно есть – где-то бесконечно, недостижимо далеко и одновременно вот прямо тут, под рукой. До сих пор точно не знаю, как на самом деле работает это колдовство: то ли воля мага буквально из ничего создаёт в каком-нибудь потаённом кармане Вселенной склад, полный полезных вещей, то ли мы всё-таки грабим совершенно конкретные, реально существующие лавки, кафе и частные квартиры. Я склоняюсь ко второй версии: не зря же в моей прежней жизни было так много совершенно необъяснимых пропаж. Приятно думать, что причиной тому не патологическая рассеянность, а магический круговорот вещей во Вселенной.

Но речь сейчас не о том. Просто я хотел добыть себе одеяло и спросонок долго не мог сообразить, где их, собственно, берут. Что именно следует рисовать перед внутренним взором? Рынок? Чью-нибудь спальню? Фабрику? Склад? Магазин? В такой ситуации не до разговоров.

«Неужели так и не спросишь меня, ходил ли уже кто-нибудь в «Свет Саллари» проверить, как у них дела? – наконец удивился Джуффин. – В прежние времена ты бы плешь мне проел».

«Да я и сейчас готов, – заверил его я. – Давай сюда свою плешь».

Проем, не сомневайся. Только сперва разберусь с одеялом... Вот! Всё получилось, только оно почему-то оранжевое с розовыми сердечками, представляешь? Сэр Мелифаро от зависти лопнул бы. Ладно, пока темно и безлюдно, сойдёт... Так. Ну и что же у нас, собственно, со “Светом Саллари”?»

«А как ты сам думаешь?»

«Думаю, всё у них отлично».

«Ну, хвала Магистрам. Наконец-то ты перестал себя недооценивать».

«Надеюсь, судьба тоже перестала меня недооценивать. И уяснила, что не надо пытаться лишить меня любимого супа из не-муяги. И, тем более, котлет из не-козы. Моему терпению есть предел».

«А я-то ещё удивлялся, почему ты принял это историю так близко к сердцу, – обрадовался Джуффин. – Но теперь всё встало на места».

«Рад, что мы наконец пришли к полному взаимопониманию. И впредь ты тоже поостережешься силой отнимать у меня жратву. А кстати, откуда стало известно, что с урдерцами всё в порядке? Кто к ним заходил?»

«Да я сам и заходил. Интересно было на них посмотреть. Изменил облик до такой полной неузнаваемости, что даже Куруш счёл за благо от меня спрятаться, и пошёл. Просидел там почти до полуночи. И да, вполне понимаю, почему ты не раскусил эту компанию раньше. С виду люди как люди. Несколько более милые, чем мы привыкли, но мне бы тоже в голову не пришло, что с ними что-то не так. А ведь считал себя очень опытным специалистом, буквально несколько часов назад».

«Ну и как тебе урдерская еда?»

«Честно говоря, я так и не понял, почему вы все от неё в таком восторге. Всё-таки повара мадам Жижинды на пару дюжин голов выше этого красавчика. Хотя конечно для сновидения, примстившегося дереву, которое вообще ничего не смыслит в человеческой кулинарии, он большой молодец».

Я даже спорить не стал. Если сэр Джуффин Халли желает считать, будто «Обжора Бунба» – единственный приличный трактир в столице, пусть остаётся при своём мнении, переживу.

«Надеюсь, какое-то время спустя твоя кумонская подружка пришлёт тебе зов и скажет, что загадочные убийства прекратились так же внезапно, как начались, – сказал я. – И твои знакомые из других стран последуют её примеру. Хотя и так ясно, что всё будет в порядке. Я запретил Ди нападать на людей. По-моему, ему это никогда и не нравилось. Лицо у убийцы краснело, а красный, по его словам, означает страх. Интересно, зачем он вообще это делал?»

«Обычно Мастера Совершенных снов стараются угодить вкусам клиента. Но «обычно» вовсе не означает «всегда», ты сам это знаешь».

«Знаю, – согласился я. – Да, конечно, вряд ли убийства – это было его пожелание. Хотя... Видел бы ты его корни! И камень, который он превратил в песок».

«Не видел, но примерно представляю, на что приходится пойти дереву, чтобы прорасти сквозь скалу. Однако умение побеждать обстоятельства вовсе не тождественно склонности к насилию. В противном случае, самым страшным злодеем за всю историю Мира был бы у нас ты».

«Погоди ставить на мне крест. Может, я ещё развернусь».

«Меж тем я успел навести справки, – неожиданно сказал Джуффин. – Лесничую Смотрительницу Саллари зовут Нур Иристан, и она занимает это место уже без малого четырёхста лет. Кстати, официального звания Глашатая Воли Старших Деревьев у неё до сих пор нет, но только потому, что леди наотрез отказалась исполнять положенные формальности. Расхохоталась в лицо представителям Большого Урдерского Совета, когда они приехали в Саллари, чтобы провести торжественную церемонию. А что, может себе позволить. Договор с прибрежными деревьями у неё уже заключён, а рисковать благополучием всей страны, сменяя строптивую лесничую, нет дураков. Другие Глашатаи Воли деревьев и без всяких званий единодушно признают, что Нур Иристан лучшая из них, хоть и совершенно чокнутая. Что, впрочем, в устах урдерских колдунов тоже похвала. Это только мы тут, в Сердце Мира, поневоле пришли к пониманию, что уравновешенность и здравомыслие необходимы магу куда больше, чем остальным людям... Кстати о здравомыслии, скажи мне вот что: ты уже решил, что делать с этой леди? У тебя есть план?»

План! У меня – и вдруг план! На редкость оптимистичный вопрос в устах человека, который знает меня как облупленного.

«Ну конечно, – бодро ответил я. – Я на ней женюсь. Как показывает многовековой опыт наших чангайских друзей, жениться – оптимальный способ раз и навсегда обезвредить противника. Жалко, что вы с покойным Королём в Смутные Времена до этого не додумались. Всего несколько тысяч счастливых браков, и никакой гражданской войны...»

«Макс!»

Похоже, я всё-таки гений. Он мне поверил. И продолжал верить целую секунду. Или полторы. Пока меня не понесло дальше.

«Женюсь, это решено. И мы вместе будем придумывать, какие ужасные сновидения на всех вас напустить. Леди пока явно не хватает артистической разнузданности – подумаешь, какой-то трактирщик,

международный убийца с разноцветными лицами, нашла чем удивить. Ничего-ничего, я займусь её образованием, и скоро жителям Ехо будет на что посмотреть. Начнём с чего-нибудь простого и обаятельного, вроде нашествия зелёных демонов гнева. Надеюсь, Меламори успеет нас проконсультировать прежде, чем удерёт в этот свой дурацкий Арварох...»

«Хотел бы я знать, что успели добавить в твой кофе прежде, чем ты вытащил его из Щели между Мирами».

Я прямо видел, с каким облегчением шеф сейчас ухмыляется, сидя у себя в гостиной, за тысячи миль отсюда.

«Так бы и сказал, что собираешься положиться на вдохновение, – добавил он. – Что левая пятка прикажет, то и сделаешь. По-моему, отличный план».

На самом деле это только звучит красиво: «положиться на вдохновение». А когда бредёшь по пустынному каменному побережью, и в голове у тебя ни единой путной мысли, чувствуешь себя довольно милым, но предельно нелепым созданием природы, вроде оранжевого одеяла с розовыми сердечками, наброшенного поверх лоохи – а куда деваться, холодно тут. Настоящая северная зима. В смысле такое ужасное время года, когда не стоит подолгу спать на голой земле. Пару часов – ещё куда ни шло.

Городок Саллари, вернее, то небольшое, что от него осталось, стоял довольно далеко от моря – там, где тёмно-синие камни побережья постепенно уступали место обычной почве, и можно было легко вырыть яму под фундамент, посадить сад, развести огород. Поэтому шагал я долго, наверное, больше получаса. Но не сказать, что это пошло мне на пользу. Идей в голове так и не прибавилось. Ну, правда, согрелся от быстрой ходьбы, и то хлеб.

Впрочем, не настолько, чтобы расстаться с одеялом. Увы, совсем нет.

Я думал, что в единственном обитаемом доме Саллари, где живёт Лесничая Смотрительница, гениальная сновидица по имени Нур Иристан, топится печь, и я сразу отличу его от прочих по дыму, струящемуся из трубы. Однако никакого дыма не было. И надежда, что опознать её жильё можно будет по застеклённым окнам и запертой, или хоть в каком-то виде существующей двери, тоже не оправдалась. Единственный более-менее целый дом, который при большом желании мог сойти за нормальное жильё, был обставлен кое-какой ветхой мебелью, но пустовал. Вероятно, он предназначался для туристов. В смысле, паломников, ну или как тут называются люди, которым приспичило побывать в месте заключения исторического договора с морем. Что ж, по крайней мере, мне стало ясно,

почему посол Чангайской империи разбила столько посуды, вспоминая этот гостеприимный приют. Она совершенно не преувеличивала, описывая перенесённые неудобства. Скорее, наоборот.

Потом я осмотрел остальные дома, вернее, руины, в которые их превратило время. Выбитые окна и двери – это ещё ладно бы, у большинства строений не было даже крыш. А некоторые и стен не досчитывались. И деревья – не огромные, как на берегу, а обычные – росли не только снаружи, но и внутри. И трава пробивалась сквозь половицы. Совсем молодая, сочная, первая весенняя трава.

В конце концов я отказался от идеи отыскать смотрительницу, руководствуясь здравым смыслом, и решил отправиться к ней Тёмным путём. С самого начала надо было так сделать, но я тянул время, как мог. Неловко, да и просто жалко будить человека до рассвета. А теперь уже наверное можно, потому что пока я скитался среди руин, утро окончательно вступило в свои права. Даже солнце показалось из-за горизонта – маленький ярко-оранжевый шар, совсем не похожий на привычное нам, жителям Хонхоны, большое бледное светило. Как будто я на другую планету попал, а не просто на соседний континент.

Если бы не удобная особенность Тёмного Пути, который позволяет мгновенно добраться до цели даже в тех случаях, когда её местонахождение неизвестно – просто точно сформулируй, куда именно тебе надо, и вперёд – я бы наверное до сих пор слонялся среди руин, пугая диким взглядом и пёстрым одеялом редких паломников и лесных птиц. Ни за что её не нашёл бы. Потому что пожелав оказаться рядом с Нур Иристан, Лесничей Смотрительницей Саллари, я обнаружил себя в подвале.

Ну конечно. Подвалы-то я не обыскивал, хотя, если по уму, именно с них и следовало начинать. А где ещё можно относительно удобно устроиться в доме, от которого остались три полуразрушенные стены и небольшой кусок крыши, угрожающе нависающий над покосившейся верандой?

Впрочем, оказавшись в подвале, я далеко не сразу обнаружил там следы человеческого присутствия. Ни намёка на мебель, даже какого-нибудь ящика или плоского камня вместо стола, ни матраса ни подстилки, ни сундука. Только грудa сена в дальнем углу; впрочем, такого душистого, что человека, устроившего для себя подобное ложе, я вполне мог понять.

Но на сеновале тоже никого не было, во всяком случае, так мне показалось поначалу. Потом я услышал звук, похожий на шум моря, только очень тихий – так могло бы шуметь совсем маленькое море, уместающееся в тазу – и вдруг понял, что это дыхание. Человека нет, а дыхание есть.

Невидимая она, что ли?

Оказалось, действительно невидимая – пока спит.

По мере того, как Нур Иристан просыпалась, её тело постепенно проявлялось на фоне сухой травы. Первыми возникли руки, крупные, с длинными пальцами, явно очень сильные, хоть и прозрачные – пока. За руками последовало небольшое крепкое тело в длинном вязаном балахоне и только потом лицо. Неожиданно молодое и смутно знакомое – где-то я уже видел эти мягкие, словно бы не до конца прорисованные черты.

Она открыла глаза, тёмно-серые, как штормовое море. Увидела меня, безмятежно зевнула, улыбнулась, сказала:

– Злок-йок, не мой, а зелёный. Я проиграла, ты пришёл.

Ничего себе поворот.

Ну, зато сразу ясно, где я её видел. В моих снах сероглазая леди выглядела старше и, пожалуй, гораздо эффектнее. Но она, она, сомнений нет. Надо же, какая хитрая, заранее позаботилась завести полезное знакомство в Тайном Сыске столицы Соединённого Королевства. Интересно, как вычислила, что именно я ей пригожусь? Или просто снилась всем нашим без разбору? И ещё кумонской Хальфагуле Цияне, и членам кангонского Совета Общего Порядка, и куанкулехским Мастерам Высочайшей Справедливости, и даже парочке каких-нибудь туланских профессиональных подозреваемых, улыбалась, кидала кубики, рассуждала о свободе и играх, очаровывала, незаметно пробиралась в сердце. Очень предусмотрительно! Когда созданное тобой сновидение скачет с ножом по всем странам и континентам, сложно заранее угадать, кто первым заявится по твою душу на рассвете, до отвращения наяву.

И ахнет, узнав тайного сердечного друга из своих снов. Вот как я сейчас.

– Все бы так проигрывали, – наконец сказал я.

– Да ну, ничего хорошего, – она снова зевнула. – Ты пришёл слишком рано. Я рассчитывала, что у нас есть хотя бы полгода. А лучше – больше.

– Полгода – на что?

– Успеть подружиться. Так крепко, чтобы остаться друзьями даже после того, как ты найдёшь меня наяву. Но мы не успели, ничего не поделаешь. Теперь ты меня убьёшь.

– С чего ты взяла? – опешил я.

– Ну так известно же, что вы, угуландские колдуны, убиваете всех, кто покушается на вашу власть над Миром.

– Ух ты! – восхитился я. – Правда? Слушай, отличная новость! Теперь если кто-нибудь покусится на мою власть над Миром, я буду знать, что

делать.

– Я думала, ты только во сне весёлый, а ты и наяву такой, – удивилась Нур Иристан. – Редко так совпадает.

Протянула мне руку – я решил, женщина хочет, чтобы я помог ей подняться, но, вцепившись в мою ладонь, она неожиданно потянула меня к себе, да с такой силой, что я потерял равновесие и рухнул в мягкое сено.

Не то чтобы это было неприятно. Пахучая сухая трава, ласковая легкая ладонь на лбу, тёплые губы, касаясь уха, тихо шепчут какие-то слова – не то на чужом языке, не то просто неразборчиво, да какая разница, когда так хорошо...

Дырку над ней в небе, она же пытается меня усыпить! – вдруг понял я. Рад бы сказать, что вовремя опомнился, но на самом деле поздновато, потому что тело к тому моменту уже налилось сладким свинцом, я не то что вскочить, а пошевелиться не мог.

Ну, то есть как – не мог. Просто это было довольно трудно.

Шурф однажды рассказывал мне, что отыскал в Орденской библиотеке сведения о чрезвычайно полезном древнем заклинании, позволяющем отменить практически любое чужое колдовство – если, конечно, не прозеваешь нужный момент, успеешь произнести заветное короткое слово прежде, чем противник завершит свою работу. Я, помню, ужасно заинтересовался, но потом, как всегда, на что-то отвлёкся и попросить: «Научи», – так и не сообразил. Что, с одной стороны, довольно досадно. А с другой, невелика беда. Потому что у меня есть собственный способ отменить, причём не только чужое колдовство, а вообще всё, что мне по каким-то причинам в данный момент не нравится – прийти в ярость.

Плохо одно: прихожу я в это прекрасное состояние крайне редко. Впрочем, все мои близкие сейчас дружным хором сказали бы, что это как раз очень хорошо. Их можно понять.

Счастье, что тогда, в Саллари, я пришёл в ярость мгновенно, как будто кнопку нажали. Сам от себя не ожидал. Причём, подозреваю, просто от стыда – это надо же, так глупо попасться! Как будто не к незнакомой безумной ведьме в гости пришёл, а к своей старинной подружке. Нашёл, когда расслабляться, доверчивый идиот.

В общем, буквально секунду спустя я уже стоял на ногах. И сероглазая любительница колыбельных тоже стояла. У неё не было выбора: я очень крепко её держал. Всеми тридцатью восьмью руками, или сколько их там у меня в тот момент оказалось. Ну или не руками, а просто такими штуками, которыми чрезвычайно удобно кого бы то ни было держать. А ещё удобнее разрывать на куски, но в такие крайности я всё же стараюсь не впадать.

Однажды попробовал, не понравилось^[34]. Я вообще недолголюбиваю физический труд.

До сих пор толком не представляю, во что именно я тогда превратился. И хвала Магистрам, что так. Надеюсь, этот светлый образ никогда не уставится на меня из зеркала. Меньше знаешь, крепче спишь.

Судя по выражению лица моей жертвы, я был невообразимо прекрасен. Но кроме ужаса в её глазах горело любопытство. Самое настоящее любопытство, высшей пробы: «Ух ты! Откуда такое чудо взялось? Это, что ли, он превратился? Интересно, как это делается? А я бы смогла? И что теперь будет? Оно меня съест? Или просто во что-нибудь этакое превратит? И что я при этом почувствую?..»

Ну и ярость моя, конечно, сразу прошла. С умилением она неважно сочетается. И когда я полез в карман лоохи за сигаретами, у меня уже было всего две руки. Это точно, я их сосчитал.

– А почему ты меня не убил? – спросила Нур Иристан.

Она снова сидела на своей груди сена и вид имела почти разочарованный. Пообещал и не убил, каков подлец!

– Потому что ты дура, – сердито сказал я. – Глупым людям нельзя умирать молодыми. Вам надо жить как можно дольше, чтобы успеть поумнеть. Смерть – серьёзная работа, дураков до неё допускать нежелательно.

– Ничего себе – «молодыми»! Мне уже почти пятьсот лет! – совершенно по-детски возмутилась она.

– Значит, у тебя запоздалое развитие, бывает. Ничего не попишешь, придётся пожить ещё.

Нур Иристан испытующе уставилась на меня. Явно пыталась понять, можно ли мне верить. И, похоже, пока склонялась к тому, что с этим делом лучше повременить.

– Если бы собирался убить, я бы в тебя просто плюнул, – сказал я. – Прямо с порога, чего тянуть. У меня, видишь ли, слюна ядовитая. Один добрый человек когда-то вот так удачно меня заколдовал. Благодетель, драть его четырежды во всех колодцах.

– Это ты к чему? – подскочила она.

– К тому, что нет никакого смысла сопротивляться. Я к тебе поговорить пришёл, а не убивать.

– В это довольно трудно поверить, – откликнулась Нур Иристан. – Но поскольку я до сих пор жива, видимо ты всё-таки говоришь правду. Не знаю, что там у тебя со слюной, но ясно, что убить ты можешь кого угодно.

Просто не хочешь. Интересно, почему?

Хороший вопрос. Особенно в устах человека пятисот лет от роду. Впрочем, готов спорить, большую часть этого времени леди проспала. Какой с неё спрос.

– Потому что всякая жизнь – драгоценность, – наконец сказал я.

– Какая странная идея, – удивилась Нур Иристан.

И задумалась. Надолго. Я был не против, как раз хотел спокойно покурить. Не декламируя при этом пафосные банальности. Больше одной за утро – уже перебор.

– На самом деле, я вовсе не собиралась причинить тебе вред, когда усыпляла, – наконец сказала она. – Просто тебя спящего я уже неплохо знаю. С тобой спящим мы партнёры по игре, а это – хорошее начало дружбы. Поэтому мне было бы проще говорить с тобой во сне, вот и всё. А ты так рассердился!

– А кто бы не рассердился, когда его без спроса пытаются заколдовать? – усмехнулся я.

– Я! – пылко воскликнула Нур Иристан. – Я бы совсем не рассердилась! Я бы очень хотела, чтобы ты меня заколдовал. То есть, не обязательно ты. Всё равно кто. Это же так интересно!

Я совсем растерялся. До сих пор думал, что характеристика «безумная ведьма» – это просто художественное преувеличение. Мы же часто называем друг друга безумцами, когда сердимся или, напротив, восхищаемся. Или выражаем несогласие, или хотим пристыдить.

Но теперь я заподозрил, что учитель Нур Иристан называл её безумной вовсе не потому, что сердился. Он просто констатировал факт. И её коллеги, урдерские Глашатаи Воли Старших Деревьев, ровно тот же факт констатировали. И им, безусловно, видней. А я даже запаха безумия не способен различить, вот ведь влип.

Нур Иристан, похоже, примерно представляла ход моих мыслей. И снисходительно усмехнулась.

– Опять думаешь, что я дура? Думай, мне не жалко. Но я только и хотела сказать, что магия, которая творится наяву – это настоящая жизнь. А жизни слишком много не бывает. Поэтому пусть лучше меня заколдуют, чем вообще ничего никогда не случится, я так на это смотрю.

И тогда до меня наконец начало доходить, с кем я связался. У Меламори, когда она сокрушалась, что бросила учёбу у арварохских буривухов, были такие же отчаянные и одновременно мечтательные глаза.

– Ладно, если хочешь, я тебя заколдую, – сказал я. – Наяву. Мне не жалко. Но сначала давай просто поговорим.

– О дереве по имени Дигоран Ари Турбон? – понимающе кивнула она. – Скажи мне, ты его полюбил?

От такой прямоты я даже немного растерялся.

– Да не то чтобы именно я. И не только его. Но в целом да, ты мыслишь в правильном направлении.

– О! Не только его! То есть, остальных вы тоже полюбили? Всё получилось! – торжествующе воскликнула Нур Иристан. И расхохоталась от избытка чувств – громко и звонко, как в моих снах, когда делала особо удачный ход.

– Что именно получилось? – спросил я. – В чём состоял замысел? Тебе было нужно, чтобы кто-нибудь полюбил Ди и его семейство? Но зачем?

– Затем, что настоящая магия изменяет Мир, – твёрдо сказала она. – А любовь – это очень серьёзное изменение.

– Да, пожалуй.

– И это изменение внесла я! Хотя ничего толком не умею, кроме сновидений. А это всё-таки не настоящая магия.

– Да с чего ж ты взяла, что не настоящая?

Нур Иристан растерянно моргнула. Явно не ожидала такого вопроса. Наконец сказала:

– Я с детства умею делать со сновидениями всё, что заблагорассудится. Но реальность от этого никогда не менялась. Когда заболел мой отец, я пять ночей кряду видела сон о том, как он выздоравливает, но это не помогло, нам всё равно пришлось звать знахарку. Когда я на кого-нибудь сердилась, могла хоть год кряду видеть во сне, как я его убиваю, но наяву человек оставался жив и благополучен. И сколько бы драгоценных кладов я ни находила в сновидениях, наяву мы оставались бедняками, каких поискать. Во сне я могу быть царицей Мира, но рано или поздно всё равно придётся просыпаться, вот в чём штука!

– Можно посмотреть на это иначе, – заметил я. – Как бы хорошо ни обстояли мои дела наяву, рано или поздно придётся заснуть. И всегда есть шанс огрести в сновидении столько неприятностей, что с ума сойти впору. Одно время мне часто снились кошмары, и я ничего не мог с ними поделать – в точности, как ты с врагами, бедностью и болезнями наяву.

– Но рано или поздно ты обязательно просыпался! – упрямо сказала она.

– Совершенно верно. А потом обязательно засыпал, и всё начиналось сначала. Никакой разницы.

– Ты меня совсем запутал, – вздохнула Нур Иристан. – А всё равно уметь колдовать наяву гораздо важнее, чем во сне. Я точно знаю.

– Ладно, не будем спорить. У тебя есть мечта научиться колдовать наяву. Кстати, не то чтобы невыполнимая. Уверен, стоит тебе переехать поближе к Сердцу Мира, и всё пойдёт как по маслу. У нас все быстро учатся магии. Вот, скажем, родные нашего общего друга Дигорана Ари Турбона. Казалось бы, вообще не люди, а просто сны, приснившиеся дереву. Тем не менее, уже колдуют вовсю. Отличные, кстати, они у тебя получились. Такие славные люди, невозможно их не любить. Ты всё как надо сделала.

– Ну, по правде сказать, их достоинства не моя заслуга, – смущённо улыбнулась Нур Иристан. – Это Дигоран Ари Турбон захотел именно такую семью. Добрую умную сестру, красивого увлечённого друга, талантливую племянницу, или племянника, он никак не мог решить, кто лучше, девочка или мальчик, вот и получилось... ну, ты сам знаешь, что. Дигоран Ари Турбон придумал их задолго до того, как мы познакомились. Он же очень старое дерево. Тысячи три лет ему, как минимум, а точно он сам не знает, давным-давно сбился со счёта. Насмотрелся, как живут люди – он-то, в отличие от меня, успел застать Саллари процветающим городком – и сам захотел стать человеком. И чтобы у него была человеческая семья. Рассудил так: родители, жёны и дети – это слишком, к такой степени близости он пока не готов, а вот сестра, племянник и друг – именно то что надо. Рос и представлял, как бы отлично они жили тут, в Саллари, все вместе. Только друг иногда уезжал бы по делам. Но потом обязательно приезжал бы – хороший повод устроить пирушку! Дигоран Ари Турбон так здорово всё придумал, что почти поверил в их существование. А когда вспоминал, что на самом деле он дерево, и никакой семьи у него нет, тосковал. Сам не заметил, как эти выдуманные люди стали главным смыслом его жизни.

– Бедняга, – искренне сказал я.

Потому что очень легко мог представить себя на его месте.

– Когда я пришла в Саллари, мы с Дигораном Ари Турбоном сразу заключили сделку, – говорила Нур Иристан. – Я мастерю для него достоверные счастливые сны с участием его вымышленного семейства, а он за это делает Саллари полностью безлюдным. Городок к тому времени и так пришёл в упадок, но всё же какие-то люди тут жили, а мне они не нужны. Мешают сосредоточиться на сновидениях. Ну и вообще докучают... Эй, не смотри на меня так! Мы не утопили их в море, хотя некоторые вполне того заслуживали. Просто внушили им желание попытаться счастья в каком-нибудь другом месте. И отлично всё получилось, сам видишь.

Ну... в общем, да.

– А остальные деревья? – спросил я.

– А что – остальные?

– Не возражали?

– Против отъезда жителей Саллари? Да нет, не особо. Вообще-то обычно старым деревьям нравится расти рядом с людьми. Их это развлекает. Но здешним я предложила взамен такие интересные и приятные сновидения, что о людях до сих пор никто не вспоминает.

– Ясно, – кивнул я. – А как вся эта компания появилась у нас в Ехо? Зачем это понадобилось? Я так понимаю, у дерева Дигорана Ари Турбона уже четыреста лет всё и так было отлично. Зачем что-то менять?

– Время пришло, – лаконично ответила Нур Иристан.

И умолкла. Сидела с таким упрямым лицом, словно твёрдо решила больше никогда в жизни не говорить ни слова.

Очень жаль, если так. Я пока ещё даже не начал понимать, что у них тут на самом деле произошло.

– Всё-таки жаль, что мы с тобой не успели как следует подружиться, – вдруг сказала она. – Потому что есть вещи, которые можно рассказать только близкому другу. Но может быть, если ты сегодня оставишь меня в живых, вернёшься домой, ещё три тысячи раз уснёшь и увидишь во сне, как мы играем в «Злик-и-злак», радуемся друг другу, ссоримся и смеёмся, в три тысячи первую ночь я решусь рассказать тебе, как тосковала по настоящим чудесам, сотрясающим Мир. И по настоящей себе, рождённой для чего-то гораздо большего, чем детские игры спящего сознания. Как пыталась одолеть свою немощь, посылая сладкие и страшные сновидения всем, до кого могла дотянуться – от императора Чангайи до капитанов укумбийских охотничьих кораблей. Моя власть над ними была велика, пока они спали, но поутру все, как один, выбрасывали мои сновидения из головы. В их жизни ничего не менялось! Но я совсем не хочу рассказывать всё это тебе. Ты – чужой человек, хоть и способен понять несколько больше, чем я смела надеяться.

– Да, – согласился я. – Пожалуй, способен. Хотя никогда не отмахивался от собственных снов.

– Так это потому что ты настоящий колдун! – выпалила она. – Когда можешь всё, всё становится одинаково важно.

Я не стал говорить ей, что это не всегда было так. Вместо этого спросил:

– «Время пришло» – это означает, что Мир изменился? И овеществлять сновидения внезапно стало гораздо легче, чем прежде? Ты

поняла это и решила предложить Дигорану Ари Турбону новую сделку? Настоящую человеческую жизнь, почти наяву, да ещё и в таинственном Сердце Мира, о котором у вас тут рассказывают столько удивительной правды, неотличимой от выдумок, и так убедительно врут, что невозможно не верить? Потому что Ди – старое и могущественное дерево, которое точно знает, что хочет, а ты... Ну, надо же с чего-то начинать.

– Ну, положим, начала я с того, что попроще, – улыбнулась она. – Овеществлять свои сновидения я умела ещё в ту пору, когда считалась ученицей Страшного Гру Ватаны. Но с чужими у меня совсем не было опыта. Поэтому некоторое время ушло на учёбу. Хвала свету зримому, Арари Иура Рон и Ватар Кон Асада – это другие наши прибрежные деревья – азартны и любопытны. Они с удовольствием включились в мою игру и охотно прогуливались по разным городам Мира, останавливались там в гостиницах, пробовали еду и заводили романы; обычно деревьям это особенно интересно – что чувствуют люди, когда едят и занимаются любовью. Ну, правда надолго их энтузиазма не хватило. В отличие от Дигорана Ари Турбона, эти деревья совсем не в восторге от жизни в человеческом теле. Зато Ватару Кон Асаде очень понравилось быть собакой; собственно, он до сих пор с удовольствием длит этот сон, а хозяин собаки не может нарадоваться, какого отличного пса подобрал на улице. А Арари Иура Рон устал от сумбурных впечатлений и снова смотрит привычные любимые сны о вечной весне на необитаемом берегу Арвароха... Так или иначе, а своё дело они сделали, помогли мне отточить мастерство. Результат ты видел.

– Видел, – кивнул я. – Но кстати так и не понял, с какой радости сны о счастливом урдерском трактирщике из Ехо перемежались всеми этими нелепыми убийствами в других городах?

– Это было моё условие, – объяснила Нур Иристан. – За настоящую жизнь надо платить настоящей кровью, так я ему сказала.

– Но это совсем не так. Мне самому доводилось овеществлять сновидения. Кровавые жертвы в таком деле не нужны. Смерть – вовсе не та монета, которую Вселенная принимает к оплате за согласие дать наваждению жизнь.

– Вселенная, может, и не принимает, – усмехнулась Нур Иристан. – Зато я принимаю. Смерть – это такое же серьёзное изменение Мира, как любовь. Значит, мне годится. Поэтому я сказала: «Дигоран Ари Турбон, всё будет, как ты мечтаешь и даже лучше – счастливая жизнь в Сердце Мира с любимыми другом, сестрой и племянником, удивительные знакомства, душевные разговоры и самая настоящая угуландская магия. Тебя будут

почитать за добрый нрав и переменчивый цвет лица, могущественные колдуны станут собираться за твоим столом, заботиться о твоей семье и играть с тобой в «Злик-и-злак». Но иногда ты будешь появляться на улицах далёких городов, с острым ножом в руках. Я не принуждаю тебя никого убивать, но знай, что каждая смерть – это дополнительный год настоящей жизни для тебя и твоих близких. Не слишком дорогая цена, грех торговаться». Так что не держи зла на Дигорана Ари Турбона. На его месте каждый согласился бы заплатить такую цену. Включая тебя самого.

Я даже не особо рассердился. Ну какой с неё спрос – с такой-то кашей в голове.

Спокойно сказал:

– Ну уж нет. Когда мне не нравится назначенная цена, я ищу способ получить желаемое на своих условиях. И Ди, похоже, искал. И нашёл, хоть и шарил наощупь впотьмах.

– Что он нашёл? – встревожилась Нур Иристан. – Ты о чём?

Но я не стал отвечать. Спросил:

– Говоришь, разноцветные лица – это была его идея?

– Я такого не говорила. Впрочем, да. Его. Дигоран Ари Турбон мечтал стать удивительным человеком. Чтобы даже в городе, где живут одни колдуны, таких больше не нашлось.

– Разноцветное лицо, странная одежда – рано или поздно кто-то должен был заметить необъяснимое сходство между столичным трактирщиком и убийцами из Кумона, Тулана, Кангона, Бахри – и где он там ещё успел отметиться? – ладно, уже неважно. И значение каждого цвета Ди охотно всем разъяснял. Чтобы при случае догадались, что на самом деле убийце с красным лицом очень страшно. Ну а как ещё позвать на помощь, когда толком не знаешь, можно ли вообще хоть кого-то позвать?

– Ну и чего он этим добился? – сердито спросила Нур Иристан. – Того, что ты пришёл заставить меня разбудить его прежде времени? Ради каких-то никому не интересных случайных прохожих, которым не повезло оказаться на его пути? Если настоишь на своём, Дигоран Ари Турбон нам с тобой спасибо не скажет, учти.

– Разбудить прежде времени? И не мечтай! Его теперь никто не разбудит. Я об этом позаботился. И убивать ему больше никого не придётся. Потому что смерть не может быть платой за жизнь, так не... Эй, ты чего?

Совершенно не ожидал, что она разревется. Вроде не ребёнок. Взрослая тётка пятисот лет от роду. За пять веков, мне кажется, вполне можно научиться держать себя в руках.

Впрочем, в рыданиях Нур Иристан явственно слышались торжествующие нотки. Словно она заранее позаботилась заключить пари, поставить на такой исход дела, и теперь, оплакивая своё поражение, одновременно подсчитывала грядущие дивиденды. И выходила совсем неплохая сумма; впору задаться вопросом, а было ли вообще поражение.

Ага, как же. Держи карман шире.

– Так, – сказал я. – Ты этого и добивалась, да?

Нур Иристан улыбнулась сквозь слёзы, махнула рукой – дескать, наконец-то начал хоть что-то понимать, лучше поздно, чем никогда. Это ещё вопрос, кому из нас надо жить дольше. В смысле, кто здесь больший дурак.

Согласен, оба хороши.

– Внимание, – наконец сказала она. – Самое трудное для сновидца – это внимание. Почти всякому спящему его хватает на пару-тройку часов. При должной подготовке – на несколько суток. Великие тубурские мастера, старейшие Сонные Наездники годами удерживают внимание на одном и том же сновидении, не позволяя ему превратиться в хаос, а себе проснуться. Но это – лучшие из лучших. Да и у них счёт идёт на годы, а не на столетия, увы. Дигоран Ари Турбон – очень старое дерево. Очень могущественное. Нам, людям, вообразить трудно, на что они способны. Но даже силы внимания старого дерева недостаточно, чтобы подолгу оставаться в одном и том же сне. Поэтому были необходимы регулярные прыжки в другие сновидения. Яркие, насыщенные эмоциями и впечатлениями, но достаточно неприятные, чтобы захотелось вернуться домой. Ну, то есть, в основной сон. Я понятно объясняю?

– Вполне. А всё же вы легко могли бы обойтись без убийств. Человеческая жизнь щедра на неприятные сюжеты. Впрочем, тебе надо было привлечь к Ди внимание других людей, это я тоже понимаю. Чем больше народу его увидит, тем лучше. Чем больше о нём помнят и говорят, тем достовернее образ. Чем сильнее боятся, тем проще продолжать быть. Страх – хороший клей. Прочный. Но, по большому счёту, всё равно плохой. И не только потому, что портит любую реальность. Просто всякий нормальный человек хочет, чтобы источник его страха исчез и больше никогда не появлялся. Подобное противоречие никому не на пользу.

– Этот твой «нормальный человек», может, и хочет, чтобы страшное исчезло, – усмехнулась Нур Иристан. – Но не верит, что так получится. Людям, как правило, гораздо проще верить, что всё закончится плохо, мир меняется к худшему, смерть неизбежна, зато сами они, понимая всё это, чрезвычайно умны. Поэтому золотое правило всякого наваждения: если

хочешь овеществиться, пугай! Ну или заставляй себя любить, это тоже отлично работает. Но я решила не останавливаться на чём-то одном. Пусть одни любят, другие боятся, вместе, глядишь, удержат... Знаешь что? Пошли навестим Дигорана Ари Турбона. Хочу посмотреть, как ему спится.

– Убедиться, что я тебя не обманываю? Конечно пошли.

По дороге мы молчали. Не знаю, о чём думала Нур Иристан, а я послал зов Джуффину. И спросил: «Слушай, а можно быстро добыть список убитых этим краснолицым – для начала хотя бы в Кумоне? И имена их близких, если вдруг кто-то зачем-нибудь их записал».

«Спрошу Цияну, – откликнулся он. – В Кумонской полиции те ещё бюрократы, документируют каждый чих. И имена людей, которые опознавали убитых и забирали их тела, безусловно, фигурируют в нескольких дюжинах каких-нибудь сумрачных протоколов. Интересно, зачем они тебе сейчас понадобились?.. Ты чего молчишь? Не знаешь, как посмешнее соврать? Ладно, не трудись. Мне же лучше, сам угадаю».

Примерно так я всегда представлял себе ангельское долготерпение.

...Мы ещё и полдороги не прошли, а Джуффин уже снова объявился у меня в голове с длинным списком куманских имён, которые и по одному-то вполне способны свести с ума непривычного человека: «Аширия куан Обрата, Гулустан цу Обрата, Мрайдуни куан Обрата – мать, отец и жена убитого Шана цуан Обраты соответственно; Дорайбуни ату Савах, старший вечерний друг убитого Цийны цу Шьяхты; Урибуси ни Куймана, Аллани куан Куймана, Найра ан Куймана – третья дочь и две жены убитого Курьями ату Куйманы... эй, сэр Макс, это только половина. Как ты собираешься их запоминать?»

«Наизусть», – лаконично отвечал я.

Врал, конечно. В кои-то веки у меня в кармане вовремя оказалась самопишущая табличка – расписка, подтверждающая твёрдое намерение Дигорана Ари Турбона доверить мне свою жизнь. И на ней ещё оставалось достаточно места для полного списка его кумонских жертв. Джуффин диктовал, я записывал. Не так много, на самом деле, из сорока семи нападений смертью завершились только шесть. Ди точного числа убитых, конечно, не знал, он же сразу исчезал с места преступления; иными словами, прекращал смотреть этот тягостный сон. И наверняка переоценивал свои успехи. Думал небось, уже пару дюжин лет жизни своим родным обеспечил... Гадский, конечно, договор.

«Ладно, – Джуффин отвлёк меня от мрачных мыслей. – Наизусть, так

наизусть. Я не очень злой начальник. И не рассержусь, если ты ещё двести восемьдесят девять раз попросишь меня прочитать этот список. Обращайся».

«Но почему именно двести восемьдесят девять?»

«Потому что двести девяносто раз кряду я одно и то же талдычить не согласен. Всему есть предел».

Аргумент.

– Это что? – дрожащим от возбуждения голосом спросила Нур Иристан, увидев у меня в руках самопишущую табличку. – Какой-то магический амулет?

– Да не то чтобы. Просто такая штука для записей, чтобы с перьями и карандашами не мучиться. Руку положил, и всё записалось само. Очень удобно.

А что карандашом писать, на мой взгляд, в тысячу раз легче, я ей говорить не стал. Зачем разрушать красивую легенду об удобных волшебных вещах.

На лице моей спутницы отразилась нешуточная борьба. Она, конечно, очень хотела попросить дать ей попробовать. И, конечно, гордость велела ей ждать, пока я сам это предложу. А я не предлагал – и что тут будешь делать?

«Терпеть, – мрачно думал я, ёжась на морском ветру. – Частных уроков чистописания я не даю».

Впрочем, душевные муки Нур Иристан продолжались недолго. Завидев вдалеке высоченное дерево, она улыбнулась, ускорила шаг, потом побежала. Добежав, обняла толстый тёмный, почти чёрный ствол, прижалась к нему всем телом и замерла. Когда я подошёл поближе, увидел, что глаза её закрыты, потом услышал дыхание, шуршащее, подобно морскому прибою, и понял, что Нур Иристан спит. Ничего себе номер.

С другой стороны, надо же им поговорить.

Давешнее дурацкое одеяло с сердечками оказалось лучшим приобретением всей моей жизни. Без него я бы, пожалуй, недолго протянул на холодном морском ветру, который разгулялся сейчас куда сильнее, чем ночью. Поднимал в воздух синюю каменную пыль, закручивал её причудливыми спиралями; впрочем мне в лицо не швырял, даже за шиворот не сыпал – и на том спасибо. Не все ветра настолько деликатны.

Я сидел среди корней спящего дерева по имени Дигоран Ари Турбон, курил, прикрывшись от ветра импровизированным защитным колпаком из оранжевого одеяла, время от времени задираю голову, чтобы убедиться: в

вечнозелёной кроне действительно путаются облака, мне не померещилось, он правда такой огромный. С ума можно сойти.

Время шло, ветер дул, море шумело, камни ему вторили, я зябко кутался в одеяло, а спутница моя, похоже, даже не думала просыпаться. И на меня самого внезапно навалилась усталость, так всегда бывает в середине дня, если перед этим поспать слишком мало, вскочить на рассвете и сразу куда-то побежать.

Я не стал сопротивляться сонливости, подумал: «На сто лет всё равно не пропаду, желающих разбудить меня в этом Мире, хвала Магистрам, предостаточно». Улёгся среди корней и заснул.

Мне снилось, как маленькая сероглазая Нур Иристан сидит за большим круглым столом «Света Саллари», завтракает блинами по-кумирийски, или по не-кумирийски, так сразу не разберёшь, и красавчик Кадди Кайна Кур подкладывает ей порцию за порцией, а сияющий от удовольствия Ди говорит сестре: «Ларичка, эта чудесная леди – мой старый друг, и я обязан ей жизнью».

Хорошо хоть не брякнул на радостях: «Мы все обязаны ей жизнью», – думал я. Но конечно помалкивал. Потому что меня, строго говоря, там вообще не было. Я просто спал и видел их во сне. Без всяких там дурацких мистических овеществлений. Довольно нелепо было бы овеществляться в городе, где у меня столько дел и нерешённых проблем. Сон – это, по идее, всё-таки отдых.

И проснулся я тоже без всякой мистики. Просто потому, что начал накрапывать дождь. Совсем мелкий, но в сочетании с холодным ветром чертовски неприятный. К счастью, Нур Иристан он тоже разбудил. А то Магистры знают, сколько бы мне пришлось ждать её пробуждения. Возможно, до сих пор сидел бы на том грешном побережье, злой, отощавший, с окладистой бородой.

– Во сне я встречалась с Дигораном Ари Турбоном, – сказала Нур Иристан, проворно забираясь под импровизированный навес из одеяла. – Не представляю, что ты с ним сделал, но он и правда больше не нуждается в моей помощи. И вообще ни в чьей. А просто живёт. Как будто действительно родился человеком, а не спит здесь на берегу. И его выдуманные друг, сестра и племянница тоже живут и не собираются исчезать. С виду люди как люди, не знала бы, ни за что бы не догадалась, кто они на самом деле. Это так здорово! Я хотела, чтобы у Дигорана Ари Турбона всё получилось. Очень его люблю.

– Придержи одеяло, – попросил я.

Спрятал руку под полый лоохи, залез в Щель между Мирами, добыл

там себе чашку горячего кофе. Потом ещё одну. Протянул её Нур Иристан, которая смотрела на мои манипуляции, распахнув рот. Сказал:

– Это волшебный напиток из другого Мира. Волшебство заключается в том, что он ужасно горький и противный, но стоит попробовать, как сразу хочется ещё. По доброй воле от добавки ни за что не откажешься. И в этом смысле он, конечно, очень похож на саму жизнь.

Она недоверчиво покачала головой, но кофе выпила залпом. Скривилась и попросила ещё. Вот это, я понимаю, мужество.

– Очень круто ты всё придумала, – сказал я, добыв для неё дополнительную порцию. – Ну или вы вместе с Ди. Дружелюбный хозяин удивительного трактира, откуда не хочется уходить, разноцветные лица и завиральные истории, верить которым перестаёшь примерно после второй, все эти его бесследные исчезновения среди бела дня на пустой улице, вести из других стран о загадочных убийствах – рано или поздно кто-то из угуландских колдунов, которых ты, похоже, считаешь вздорными, зато всемогущими существами, должен был заинтересоваться этой историей всерьёз. Это, конечно, был огромный риск. Несмотря на всё обаяние Ди с семейством, шансы, что гипотетический вздорный колдун захочет действовать в их интересах, были совсем невелики. Но я же помню, как ты играешь в «Злик-и-злак». Все эти рискованные ходы назад – только ради шанса лишний раз бросить разноцветный кубик, что само по себе дополнительный риск, большинство игроков всеми правдами и неправдами стараются избегать такой ситуации, а ты, по-моему, только ради неё и ввязываешься в игру.

– Это так, – серьёзно кивнула Нур Иристан. – Я люблю внезапно выигрывать. И при этом совсем не боюсь проиграть. Помнишь, в одном нашем общем сне я говорила тебе, что проигрыш не лишает нас счастья, пережитого в ходе партии? Я и наяву так думаю.

– Из таких, как ты, получаются отличные маги, – откликнулся я. – Лучшие из лучших.

Она встрепенулась. Внимательно посмотрела на меня, сжала губы до белизны, кивнула:

– А теперь ты скажешь: «но...» Непременно найдётся какое-нибудь «но». И дверь захлопнется перед моим носом, так и не открывшись.

– Может быть, захлопнется, – согласился я. – А может быть и нет. От тебя зависит.

Она подобралась, как кошка перед прыжком. Всем своим видом выражала один-единственный вопрос: «Что я должна сделать?» Но вслух его задать так и не решилась.

– Скажи, а ты умеешь увидеть во сне чужую жизнь? – спросил я. – Не чью попало, а совершенно конкретного человека. По заказу.

Нур Иристан изумлённо уставилась на меня.

– Слушай, если бы ты не спросил, я бы и не вспомнила! А ведь в детстве так развлекалась.

«Очень хорошо, – подумал я. – Значит, не придётся отправлять тебя в эти сновидения силой, обойдёмся без Смертных шаров. Сама, всё сама. Надо же, как повезло».

– Любопытно было узнать про взрослых правду: как они на самом деле живут? – говорила Нур Иристан. – Что от всех скрывают? От чего получают удовольствие? Маленькой девочке очень интересно оказаться в шкуре взрослого мужчины. Особенно если он, например, моряк, а ещё лучше, лесной колдун. Или заезжей богачкой, у которой дорожных нарядов больше, чем у всей нашей семьи пальцев на руках. Или императором Чангайи, о котором вообще ничего не известно кроме того, что он где-то есть. Представляешь, какие возможности мне открылись?

– Ещё бы! Но почему ты забросила такую игрушку? Собственная жизнь стала интересней снов о чужих?

Она нахмурилась, помотала головой.

– Нет, что ты. Моя жизнь никогда не была особенно интересной, так уж мне повезло. Мой учитель Гру Ватана говорил, что скучная жизнь наяву – большая удача для сновидца, ничто не отвлекает от главного. Но на самом деле я бы как раз хотела, чтобы меня отвлекали... Ладно, ты спрашивал не о том. Я забросила не потому что нашлись дела поинтереснее. Просто несколько раз нарывалась на... Скажем так, на не очень хорошую жизнь. Дети плохо разбираются в людях, неудивительно, что я совсем не умела правильно выбирать. Бывает, засмотришься на заезжего торговца: красивый, нарядный, шутит всё время и ест, сколько захочет, не считая. Ну и бежишь в постель, чтобы поскорее насладиться его жизнью. И вдруг оказывается он как мёртвый внутри. Живёт, почти ничего не чувствуя. Потому что... Неважно. Разные бывают причины. Факт, что такие иногда попадают – один, другой, третий. И если не повезло, никуда потом не денешься, живи их страшную мёртвую жизнь, мучай себя и других, пока не разбудят. Очень долго! За одну ночь можно прожить много лет, это тоже было удивительное открытие. Теперь-то я знаю, как распоряжаться ходом времени во сне, а в детстве всё случалось само... В общем, наступил момент, когда страх пересилил любопытство, и я сказала: «Хватит с меня». Но почему ты об этом заговорил? Неужели именно такое умение нужно для того, чтобы научиться вашей магии? Никогда бы не подумала!

– Тем не менее, именно оно и нужно, – сказал я. – Но не всем, а только тебе.

– Мне?

– погоди. Не перебивай. Сейчас объясню. Смотри, дела наши обстоят так. С одной стороны, немного я видел таких людей, как ты – словно бы специально рождённых для магии и больше не для чего. Ты и так-то невероятно крута, а если поселить тебя в Сердце Мира и чуть-чуть подучить, страшно даже подумать, что из этого выйдет.

Она тихонько ахнула, прижав руки к щекам. И глаза заблестели обещанием слёз, которые непременно вот-вот прольются, как только хозяйка разберётся, от чего ей рыдать – от счастья или от разочарования.

– С другой стороны, – сказал я, – могущественные колдуны, которым плевать на чужую жизнь – это мы уже проходили. Ещё полутора сотен лет не прошло с тех пор, как у нас практически все были такими. И ни к чему хорошему это не привело. Сами с ума посходили, друг с другом перегрызлись, как пьяные школьницы, несколько дюжин интересных магических традиций угробили так, что теперь не восстановить; да ладно бы традиции, весь Мир чуть не разрушили, разбираясь, кто у нас нынче самый великий колдун.

– Но я не... – в ужасе прошептала Нур Иристан.

– Ты – да, – заверил я её. – Ещё как да! Эти нелепые убийства, которые по твоему заданию совершал бедняга Ди – слушай, я вообще не представляю, что может быть хуже. Если бы ты отправила Ди убивать твоих личных врагов, я бы это понял. Полез бы, конечно, разбираться, что да как, но вряд ли счёл бы проблему неразрешимой. Ненависть – чувство сильное и честное. И избавиться от неё вовсе не так сложно, как может показаться. Но убивать этих, как ты говоришь, никому не интересных случайных прохожих просто так, для привлечения внимания и красоты игры – это уже ни в какие ворота. И не надо заливать, будто это для Ди это был единственный способ удержаться в своём сновидении. Я точно знаю, что это не так.

– Не единственный, – угрюмо согласилась она. – Просто самый эффектный из тех, что пришли мне в голову. И, как оказалось, самый действенный. Если бы не эти убийства, ты бы сюда не пришёл. И Дигорану Ари Турбону не помог бы. Ничего бы не было. А ты говоришь – «просто так». Я знала, что делаю!

Зачерпнула полную пригоршню синей каменной пыли, вытянула руку и зачарованно смотрела, как ветер постепенно опустошает её ладонь.

– Самое смешное, что и пришёл бы, и помог, – сказал я. – И даже не

через несколько лет, а именно сегодня. Сразу после того, как мой коллега-нюхач вернулся в город, зашёл в трактир и сказал, что Ди – просто сновидец, а вся остальная компания – вообще его сон, любезно овеществившийся для всех нас. В том и состоит моя нынешняя работа, чтобы разбираться с подобными сложными случаями, учитывая интересы всех сторон.

– Нюхач? Но при чём тут нюх?!

– А при том, что сновидения имеют свой, отличный от всего прочего запах. Представляешь? Легче лёгкого их вычислить.

– Вот этого я не знала, – растерянno сказала Нур Иристан.

– Конечно, ты не знала. Этого, да и вообще ни черта. Чтобы знать, надо учиться. Но какой дурак возьмётся учить тебя магии – с такой-то кашей в голове? Точно не я. Ты и без всякого дополнительного обучения столько бед можешь натворить, что вообразить страшно. Завтра какому-нибудь очередному прибрежному дереву с твоей лёгкой руки приснится прекрасный, бодрящий сон, как оно бежит по Ехо, ну или ладно, почему обязательно по Ехо? К примеру, по улицам Цакайсысы^[35] или Вэс Уэс Мэса^[36]. И азартно откусывает головы всем этим «никому не интересным случайным прохожим, которым не повезло оказаться на его пути». Почему бы нет, дереву интересно, а состряпавшей для него увлекательное сновидение колдунье всё можно, да? Этот ваш закон Рроха – прелесть что такое. Развязывает руки, кто бы спорил. Только не те руки, которые действительно следует развязать.

– Не надо, пожалуйста, – попросила Нур Иристан. – Я уже поняла.

– Что ты поняла?

– Что ты считаешь всякую жизнь драгоценностью, – покорно, как старательно повторяющая все слова учителя двоечница сказала она.

– Что я там считаю – дело десятое. Сейчас речь о тебе. Как думаешь, что мне с тобой делать?

– Ты серьёзно спрашиваешь?

– Ну да.

– Заколдовать! – выпалила она. – Чтобы я никого никогда не могла убить, если ты этого так боишься. И потом спокойно учить меня магии. Я согласна!

– Ну и дура, что согласна, – сердито сказал я. – Заколдовать тебя действительно легче лёгкого. Один щелчок, и станешь такой, как я пожелаю. Доброй феей, обожающей всё человечество, без разбора, старательной вязальщицей тряпичных ковров, или знахаркой, чей

лучезарный взгляд мгновенно исцеляет от запоров. Велю в небесах птицей летать – полетишь, как миленькая, нет проблем. Кроме одной – это будешь уже не совсем ты. Не настоящая ты. А что-то вроде очередного сновидения о чужом тебе человеке. И магии будут учить этого человека, а не тебя. И, кстати, совсем не факт, что из новой, послушной моей воле Нур Иристан выйдет хоть какой-то толк.

– Лучше так, чем вовсе никак, – угрюмо буркнула она. – Я тебе уже говорила.

– Есть другой вариант, – сказал я. – Совсем не такой простой, как один мой щелчок. Но будь я на твоём месте, выбрал бы его, не раздумывая.

– Какой?

– Я уйду домой, а ты остаешься тут...

– Зачем ты меня мучаешь?

– Я не мучаю. Просто не успел договорить. Ты остаешься тут, возвращаешься в свой подвал, ложишься спать и один за другим смотришь сны о людях, чьи имена записаны на этой табличке. Я тебе её отдам.

– Что это за люди? – встревожилась она.

– Сама не догадываешься? Те, кого убили в Кумоне. И их близкие, оставшиеся в живых. Потом добавлю ещё несколько имён убитых – из других стран. Чтобы выяснить их, потребуется какое-то время.

– Но зачем?!

– Будет правильно, если ты узнаешь, каково им было умирать. И как сейчас живётся тем, кто их любил. Ну или наоборот, не любил, откуда мне знать. Может быть как раз едва терпели и теперь радуются избавлению. Думаю, тебя ждёт и то, и другое. И ещё что-нибудь, жизнь щедра на сюрпризы. Так или иначе, я хочу, чтобы ты на собственной шкуре испытала все последствия своего поступка, вот и всё. Может быть, это окажется легче, чем я думаю, может быть, гораздо труднее. Посмотрим.

– А что потом? – спросила Нур Иристан. – За это ты согласишься учить меня магии?

– Я? Ну уж нет. Но пока ты будешь многократно умирать и терять близких во сне, я придумаю, кого об этом попросить, не сомневайся.

– Хорошо, – кивнула она. – Я согласна. Но как я докажу?..

– Как докажешь, что честно посмотрела сны обо всех этих людях? Тоже мне проблема. У моего начальника есть перстень по имени Хозяин Лжи. Соврать в его присутствии невозможно. Выпрошу поносить.

Вовремя же я вспомнил эту старую байку, одну из тех, что сочиняли когда-то Джуффин и Кофа для повышения авторитета Тайного Сыска среди доверчивых горожан. Нур Иристан сразу в неё поверила. Думаю, примерно

как-то так она и представляла себе нашу жизнь в Сердце Мира: волшебный амулет для каждого случая, и ни одной неразрешимой проблемы.

Ох, если бы. Но о проблемах, – твёрдо сказал я себе, – будешь думать потом. Ты ещё с этим делом не закончил.

Ну или закончил. Чего воду в ступе толочь?

– Пошли, – сказал я. – Провожу тебя до дома, чтобы не промокла. Можно было бы просто отдать тебе одеяло, но обойдёшься, самому пригодится. Им можно пугать собак, любителей подглядывать в окна и подозреваемых во время допросов. Где я ещё такой ужас найду.

– Но ты же можешь просто приказать дождю прекратиться, – заметила Нур Иристан.

Я не стал её разочаровывать. Сказал:

– Дождь нужен деревьям. Так что пусть идёт.

– Ты говоришь совсем как наши лесные колдуны, – улыбнулась она. – Деревья то, деревья это, надо к ним прислушиваться, нельзя их сердить... И только мы, опытные Глашатаи Воли Старших Деревьев, изучившие их куда лучше, чем самих себя, знаем, что в подавляющем большинстве случаев им просто плевать.

Я молча пожал плечами. Зачем спорить, когда можно просто придать своему лицу выражение «мне видней». Эффект обычно ничуть не хуже, чем у заклинания, заставляющего присутствующих заткнуться на целых три минуты. Всего тридцать вторая ступень Белой магии, я его даже как-то сдуру разучил. Ни разу не пригодилось. Выражения лица всегда оказывается достаточно.

Вот и сейчас Нур Иристан сразу притихла и молчала всю дорогу, пока я сам не спросил:

– Слушай, а с чего ты поначалу решила, будто я пришёл тебя убивать? Ты не раз играла со мной в «Злик-и-злак», а Ди говорит, это отличный способ быстро узнать человека.

– Вот именно, – подтвердила она.

– Тоже мне, нашла прирождённого убийцу.

– Ну что ты. Я поняла совсем другое: ты очень не любишь быть предсказуемым. Готов поступиться собственными интересами, лишь бы поступить наперекор ожиданиям. Вот и подстраховалась на всякий случай. Кто ж тебя знал, зачем ты на самом деле пришёл?.. Теперь-то ясно, что совсем не с этого следовало начинать разговор.

– А с чего?

– Доску достать, – улыбнулась Нур Иристан. – И кубики. Не шкуру свою спасать, а узнать, как ты играешь наяву.

– Наиграемся ещё, какие наши годы. И наяву, и во сне. Никуда я от тебя не денусь. Хорошие партнёры по игре на вес золота.

– Я тоже так думаю, – согласилась она. – Поэтому когда заглянув в сновидение Дигорана Ари Турбона, увидела, с каким лицом ты бросаешь кубики, сразу поняла, что хочу с тобой сыграть. Даже не догадывалась тогда, насколько это важная встреча. Удивительно всё совпало, правда?

– Да ладно тебе – совпало, – отмахнулся я. – Не догадывалась она...

– Когда-нибудь, три тысячи партий спустя, ты сам поймёшь, что именно так всё и было, – сказала Нур Иристан. – Я подожду, мне не к спеху.

– Давай всё-таки без меня, – упрямо повторил Нумминорих.

До сих пор он всегда с энтузиазмом соглашался на все мои предложения. И вдруг – на тебе, упёрся и ни в какую. А ведь я не подбивал его совместными усилиями уничтожить Мир. И даже о свержении с престола Его Величество Гурига Восьмого речи не заводил, хотя Король, несомненно, был бы рад такому внезапному облегчению его участи. Я просто предложил вместе отправиться в трактир.

В «Свет Саллари», куда же ещё.

Мы только что вышли из кабинета Джуффина, который добрых два часа подвергал меня бесчеловечным пыткам. В смысле, не отпускал пожрать, пока не расскажу всё до мельчайших подробностей. И не повторю ещё раз под грохот его хулительных комментариев, положенных всякому триумфатору. И не заключу с ним пари, на какой по счёту день мне приснится Нур Иристан и устроит первый из неизбежной череды грядущих скандалов: «Хватит с меня этого ужаса, больше не хочу, засунь себе свою драгоценную угуландскую магию сам знаешь куда!»

Потом конечно успокоится и продолжит – до нового срыва. И вряд ли обойдётся всего двумя. Потому что это и правда должно быть совершенно невыносимо – чередовать сны, где тебя неизбежно убивают в финале, со снами о том, как ты навсегда теряешь близкого человека. Особенно, когда ты мастер сновидений высочайшего класса и не схалтуришь, как ни старайся, все твои сны будут отличаться от так называемой яви только тем, что покажутся ещё более достоверными, чем она.

До сих пор я считал себя противником пыток. Выяснилось, что это не всегда так.

В общем, Джуффин ставил, что выдержки Нур Иристан хватит, в лучшем случае, на пару дюжин дней. А я отказывался заключать пари, поскольку считал, что он совершенно прав. Можно заранее начинать придумывать, куда именно я буду засовывать угуландскую магию. Не так

уж много существует мест, где она поместится целиком, и все они явно расположены не на моём теле. Такая беда.

Нумминорих, как главный добытчик полезной информации, получил почётное право присутствовать при нашей беседе. Иными словами, был вынужден сидеть в кабинете и с умным видом слушать ахинею, которую мы несли. Это испытание он выдержал с честью. А вот перед наградой в виде долгожданного ужина неожиданно спасовал.

– Если по уму, мне вообще пора возвращаться в Нумбану, – сказал он. – Вчера и сегодня палатки Правдивого Пророка на ярмарке не было, значит, завтра наверняка появится. И там уже какие-то Кофины люди приехали, а ещё жена сэра Луукфи и наша бывшая няня, все меня ждут, им же сказали, что я их провожу и, если что, помогу разобраться с любыми проблемами.

– До завтра ещё целая вечность, – заметил я.

– Да, но...

– Просто ты больше не хочешь видеть урдерцев. Вернее, их нюхать. Сидеть за столом, есть приготовленную ими еду, вести беседу и всё время знать, что они – не настоящие люди, а просто чужие сновидения. Нам-то легко абстрагироваться от теоретического знания, поскольку все ощущения ему противоречат. А у тебя не получится: запах сновидения слишком силён, чтобы его игнорировать. Так и скажи.

– Ну вот! – с облегчением улыбнулся Нумминорих. – Сам же всё прекрасно понимаешь.

– Понимаю, конечно. Просто не считаю, что из этого стоит раздувать проблему. Подумаешь – запах сновидения. Я вон, по твоим словам, вообще Тёмной Стороной пахну. И ничего, спокойно рядом со мной находишься. Порой сутками напролёт.

– Ннну... – растерянно протянул он, – ты это всё-таки ты. К тебе я давно привык.

– А то я один тут такая неведомая хрень никому не понятного происхождения. У нас вон Базилио – овеществлённая иллюзия, результат случайной ошибки фокусника, и ничего, отлично живёт. А её невольный создатель Трикки – вообще призрак, получивший новое тело путём каких-то диких колдовских манипуляций. Это же у тебя на глазах происходило^[37], неужели забыл? Собственно, ты и сам хорош – сын человека, умершего за много лет до твоего рождения. Это вообще нормально – ещё не родившись, через Мост Времени скакать? Да по сравнению с нами Ди и компания – совершенно нормальные люди. Таких нормальных ещё поискать.

Нумминорих нахмурился было, но тут же расплылся в улыбке.

– Слушай, ты прав. Дался же мне этот запах сновидения! Ладно, попробую представить, что это у них просто такие благовония в доме. Для создания уютной атмосферы. Теоретически вполне можно что-то подобное изобрести. Пошли!

Порог «Света Саллари» я переступал с бешено колотящимся сердцем. Вроде бы, раз сто спросил Джуффина, не развеется ли колдовство в присутствии своего создателя, не исчезнет ли от одного моего взгляда, как дым? И столько же раз был поднят им на смех – совершенно справедливо, сам бы высмеял любого, додумавшегося до столь абсурдной идеи. Как дым, понимаете ли. Как дым!

Но всё равно ужасно этого боялся.

Однако урдерцы вели себя образцово. В смысле даже не думали исчезать. А напротив, обступили меня со всех сторон, нестройным хором твердя, что зря я вчера вечером не зашёл, отличный был суп из рыбы немуюги, а теперь уже нет, съели, такая досада, но зато – зато! – тумты из не-козы они для меня всё-таки припрятали, всего четыре штуки, но это лучше, чем ничего.

– Кстати, не-коза на этот раз совершенно точно злая, – добавила Иш, уже успевшая снова стать прехорошенькой юной девицей. – Ну, то есть, индюк. По крайней мере, торговец сказал нам, что злее этого индюка на всей ферме никого не было. Конечно, теперь не проверишь. Но ведь если человек торгует на рынке, это не обязательно означает, что он всегда врёт?

– Совершенно не обязательно, – подтвердил я. – Некоторые рыночные торговцы говорят правду целых три раза в сутки. Ходят слухи, что бывает и четыре, и пять, но это, по-моему, уже сказки. Давайте сюда мои тумты. И думайте, чем вы будете кормить моего друга. Мне надо, чтобы он влюбился в вашу еду с первой ложки. Ну или вилки. Как пойдёт.

– Да я уже и так вполне влюбился, – с набитым ртом заверил меня Нумминорих. – Видишь – вот...

Пока я выслушивал хоровое исполнение оды на кончину любимого супа, он успел удобно устроиться возле блюда с какими-то причудливыми жареными завитушками и приступить к дегустации. Вид у него при этом был совершенно обескураженный, но скорее довольный, чем нет.

– Они одновременно сладкие и солёные, – сказал Нумминорих. – Но это почему-то вкусно, а не противно.

А потом перешёл на Безмолвную речь и добавил: «Макс, я не понимаю, что происходит, но теперь они все пахнут, как обычные люди – уроженцы Чирухты, много времени проводящие на кухне, где сегодня

сильно дымила печь. Ну и так далее, я тебе ещё сотни подробностей мог бы сообщить. Это вообще как?!»

На самом деле я, конечно, ждал подобного вопроса. Вернее, надеялся, что моя давешняя формулировка: «Хочу, чтобы образы твоего сновидения стали достоверной и вещественной частью реальности», – примерно как-нибудь так и сработает. И Нумминориха в «Свет Саллари» потащил вовсе не потому что мне приспичило непременно заставить беднягу ужинать в обществе чужих сновидений. А в расчёте на его экспертное заключение. И вот, пожалуйста. Есть.

Но объяснения я благоразумно отложил на потом. А пока сказал:

«Говорил же тебе, они чудесные люди. Очень гостеприимные. Вон даже нормальным запахом обзавелись, специально чтобы тебя не шокировать. Интересно, почём нынче на Сумеречном рынке человеческие ароматы?..»

– Мягны по-тютюшихумски, – звонко сказала Иш.

Её слова прозвучали как незнакомое заклинание, мы с Нумминорихом даже вздрогнули. И не знаю, как он, а я непроизвольно сложил пальцы в щепоть, чтобы сподручнее было метать Смертные шары. Вот уж не знал, что настолько готов к неприятностям – в самой расслабляющей обстановке, в любой момент.

Иш всюду наслаждалась нашим замешательством. Наконец, объяснила:

– Мягны по-тютюшихумски – это просто название блюда, которое сегодня приготовил Кадди. Очень странное, правда? Он говорит, жители острова Тютюшихум помешаны на соли и добавляют её во все блюда, даже в сладости.

– На самом деле они помешаны не столько на соли, сколько на пиве, – сказал сэр Кофа Йох. – Их можно понять, оно там отличное. И, как следствие, все традиционные тютюшихумские блюда, включая десерты – просто закуски к пиву. Поэтому столько соли – чтобы легче пилось. Забавно, да? Все островитяне с причудами, но тютюшихумцы даже на общем фоне хороши.

Он только что вошёл. Стоял на пороге и улыбался столь лучезарно, хоть придворных живописцев зови, чтобы зафиксировать этот удивительный момент.

Сэр Кофа Йох всегда был для меня непререкаемым авторитетом в области настроения. Я хочу сказать, что когда вижу его по-настоящему мрачным, поневоле начинаю думать, что пришли последние времена. Ну или предпоследние – тоже ничего хорошего. Зато застав Кофу в

превосходном расположении духа, автоматически заключаю, что жизнь прекрасна, даже если для меня лично это пока не совсем так.

Вот и сейчас Кофина улыбка стала для меня счастливой точкой в истории с урдерским трактиром. До этого момента я только теоретически знал, что всё отлично получилось, но ни торжества, ни просто удовлетворения от хорошо сделанной работы не ощущал, как ни старался, даже когда Нумминорих сказал про запахи, хотя, по идее, на этом месте я должен был бы подпрыгнуть до потолка. А вот теперь наконец – не подпрыгнул, конечно, но перевёл дух.

И тут же подумал: «Ладно, хорошо, с чужими друзьями и любимыми я разобрался. Теперь бы ещё со своими так же».

Размечтался.

Меламори на мои попытки заманить её в «Свет Саллари», Мохнатый дом или любой другой капкан, какой сама пожелает, сдержанно отвечала, что непременно придёт, как только ей удастся принять облик рогатого Гумбагского Песчаного Духа, очередного прекрасного существа из «Энциклопедии устрашающих созданий». Потому что превращаться в зелёного Муррийского Демона Гнева ей уже надоело, жизнь не стоит на месте и постоянно требует всё новых и новых смыслов, если уж так вышло, что с единственным подлинным пока не очень складывается.

Чем хороша Безмолвная речь – используя её, довольно затруднительно заорать на собеседника. И, тем более, швырнуть в него какой-нибудь тяжёлый предмет. Ну, то есть бывают, говорят, такие мастера, но я – не один из них. Поэтому приходится говорить: «Конечно, делай, как знаешь, удачи тебе с этим дурацким, в смысле, ужасным Песчаным Духом, ты его сделаешь, держись». А потом ругать себя последними словами за ангельское долготерпение. Потому что в некоторых случаях от него никакого толку, а один вред. Бывает и так.

Но не вламываться же к ней домой силой. Тем более, что ничего более конструктивного, чем очередное превращение в нелепое чудище из «Энциклопедии устрашающих созданий» я пока предложить не готов.

Просто не решусь.

А ещё я никак не мог решиться послать зов Шурфу. Вот просто послать зов, спросить, как дела, рассказать, что у меня в итоге вышло с урдерцами – если конечно ему будет интересно слушать. Что, положила руку на сердце, вряд ли, – думал я. Но так не хотел убеждаться в своей правоте, что малодушно откладывал разговор.

Похоже, все запасы моей решительности, храбрости и уверенности, что я смогу повернуть всё по-своему, израсходовались в Саллари. И теперь,

ничего не поделаешь, надо ждать, пока отрастут новые. Как перья, выщипанные из хвоста. Я из-за приступа нерешительности даже в «Злик-и-злак» дважды продул, сперва леди Лари, а потом Нумминориху, который вообще играл впервые в жизни. Несмываемый позор.

Поэтому когда в моей голове внезапно зазвучал голос Шурфа Лонли-Локли и, как ни в чём не бывало, сказал: «У тебя всё ещё есть шансы получить кружку камры от лучшего из моих поваров, но они уменьшаются с каждой минутой, учти», – я сперва обрадовался, что у меня появился легитимный повод сбежать подальше от игровой доски и не позориться третий раз кряду. И только потом осознал, что он говорит со мной в точности как в старые добрые времена. Неужели, пока я шатался по берегу Великого Крайнего Моря, Шурф успел благополучно решить доставшуюся ему задачку?

А собственно, чему тут удивляться. Он шустрый.

По крайней мере, выглядел мой друг отлично. Ну, то есть совершенно нормально. Как я привык. Хотя сорок-пятьдесят часов крепкого сна, несомненно, улучшили бы картину. Укоризненно покачал головой в ответ на мой встревоженный взгляд, налил полную кружку камры, спросил:

– Правильно ли я понимаю, что за истекшие сутки ты лишил меня формального повода стать крупнейшим в Соединённом Королевстве специалистом по вопросам секретных магических практик жителей прибрежного Урдера?

Я покаянно кивнул. И принялся подробно рассказывать, как именно провернул это подлое дело. В смысле закрыл столь занимавшую нас в последнее время тему.

Шурф слушал меня внимательно, порой едва заметно приподнимал бровь, отмечая наиболее заинтересовавшие его места повествования. И всего один раз отвернулся, чтобы не испепелить меня взглядом – когда я честно рассказал, как чуть было не дал себя усыпить. Но и это меня сейчас обрадовало. Старый добрый сэр Шурф, помешанный на моей безопасности до такой степени, что время от времени испытывает искушение убить меня своими руками, не дожидаясь, пока я погибну самостоятельно – как-нибудь нелепо, невовремя и неаккуратно, чего ещё от меня ждать.

– Интересный входной билет в магию ты придумал для этой леди, – сказал мой друг, дослушав меня до конца. – Остроумная идея, но, знаешь, далеко не каждому подобное задание покажется наказанием. Будь я на её месте, только порадовался бы, что мне подсказали идею интереснейшего исследования. Прожить несколько чужих жизней, умереть несколькими

чужими смертями... Грешные Магистры, да я ей, похоже, завидую! И втайне сожалею, что у меня самого нет необходимых навыков управления сновидениями. А то вполне мог бы посмотреть рекомендованные ей сны. Просто так, из сугубо научного любопытства.

– Это потому, что для тебя собственная жизнь почти невыносимый труд, – сказал я. – И умирать своей смертью тебе совсем не понравилось, я же помню, как ты рассказывал, ужасный опыт, хуже не придумаешь ^[38]. Какое там научное любопытство, просто тебе хочется в отпуск. На твоём месте я бы для начала почаще гулял по Тёмной Стороне. Вот буквально каждый день, хотя бы по полчаса. Впрочем, извини. Конечно, ты сам разберёшься, что тебе делать.

– Не факт, – неожиданно признался он. – Идея насчёт ежедневных прогулок по Тёмной Стороне очень хороша. Удивительно, что она не пришла в голову мне самому. Это же так очевидно! Похоже, в глубине души я просто не хочу облегчать себе жизнь. Как будто и правда чем хуже, тем лучше. Вопрос, кому именно лучше. Уж явно не мне.

– А может быть, это как раз и есть действие твоего проклятия? – предположил я. – Вдруг оно всё-таки легло не на твою Тень, а на тебя самого? Просто вот таким причудливым образом.

– Я так понимаю, одно другому совершенно не мешает, – невесело усмехнулся он. – На всех хватило. Удивительно честный я всё-таки был мальчишка. И несколько более могущественный, чем имело смысл в моём тогдашнем положении. Попал бы сразу в хорошие руки, цены бы мне не было, а так... Леди Сотофа всегда говорила, что мне не хватает чувства комического. Видимо, оно наконец проявилось. Смотрю на себя со стороны и думаю: смешная получилась судьба.

– Обхохочешься, – мрачно буркнул я.

Потому что на этом месте моё чувство комического немедленно испарилось. Видимо, для равновесия.

– Да ну, – отмахнулся мой друг, – действительно смешная. Взять хотя бы моё назначение Великим Магистром Ордена Семилистника. Сказал бы мне кто-нибудь в юности, что такое случится, я бы его, пожалуй, убил, причём не от обиды, а из милосердия: нельзя настолько безумным на свете жить... И слушай, прекращай смотреть на меня с такой скорбью. Всё уже хорошо. Леди Сотофа обещала мне помочь.

– Ну, хвала Магистрам!

Этого, конечно, следовало ожидать. Нет ничего в Море, с чем бы не справилась леди Сотофа Ханемер. Просто она далеко не всегда хочет справляться. Говорит: «Нет уж, давайте сами, а то Мир перестанет

понимать, зачем вы здесь вообще нужны. Кто не работает, того нет, неужели не знали?» А всё-таки Шурф, как ни крути, её любимчик, Сотофа с первого дня знакомства сокрушается, что он не девчонка – какую отличную ведьму можно было бы воспитать! Однако со временем научилась прощать ему даже это вопиющее несовершенство.

Но это я сейчас так разумно рассуждаю, а тогда от облегчения чуть в обморок не грохнулся. Услышал: «Сотофа обещала», – и это словосочетание ослепило меня, как вспышка яркого света. Дальше я слушал уже вполуха, улавливая отдельные, наиболее утешительные фрагменты: «её Тень», «отыщет», «присмотрит», «заранее предупредит», «я успею»...

Что-что?

– Так, погоди, – попросил я. – Похоже, у меня голова на радостях совсем отключилась. Слова, вроде бы, знакомые, а понять, что они означают все вместе, не получается. Что именно ты успеешь?

– Умереть прежде своей Тени, – повторил Шурф.

Бодро так повторил. Я бы сказал, оптимистично. Как будто умереть – это очень здорово. Именно то, чего любой нормальный человек готов добиваться любой ценой, а ему, счастливчику, практически даром досталось.

– Значит это у нас теперь называется «пообещала помочь», – сказал я.

Хотел сердито, а получилось жалобно. Словно мне всего пять лет, и я пытаюсь наябедничать на нехорошую взрослую тётю Сотофу, хотя заранее ясно, что слушать меня никто не станет.

– Просто ты сразу дал волю эмоциям вместо того, чтобы сопоставить услышанное с уже имеющейся у тебя информацией, – заметил Шурф. – Пережить свою Тень – самое страшное, что может случиться с человеком. Особенно с магом, потому что гибель Тени неизбежно влечёт утрату могущества. Впрочем, ставки, как я догадываюсь, ещё выше: без помощи Тени у человека почти нет шансов сохранить непрерывность сознания после смерти. А строго говоря, именно это и есть бессмертие. Ничего кроме сознания у нас, в любом случае, нет.

Что тут возразишь.

– Ясно, что самое разумное решение в моём положении – умереть, не дожидаясь наступления катастрофы, – сказал мой друг. – Хотя бы потому, что смерть станет окончательным осуществлением проклятия и отменит его дальнейшее действие. Иными словами, моя Тень уцелеет, если я вовремя умру. Не могу сказать, что физическая смерть совпадает с моими планами, но иногда планы приходится менять. Леди Сотофа любезно

избавила меня от досадной необходимости умирать второпях, твёрдо пообещав сообщить, когда дела моей Тени станут по-настоящему плохи. По её прогнозам, у меня ещё довольно много времени.

– Довольно много – это сколько?

– Не знаю. По крайней мере, ясно, что счёт идёт не на дни, а, как минимум, на годы. Мне очень повезло.

– Я как-то иначе представляю себе везение.

– Но даже ты вряд ли станешь спорить, что предложенный вариант – наименьшее из зол.

– Наименьшее, – согласился я. – Просто выбор одного из множества зол совершенно не в моём вкусе. Мне бы, ты знаешь, чего попроще: счастливый финал, победа всего надо всем и прочее торжество нестигаемой воли. Моей, конечно. В принципе можно ещё и твоей. Но не всегда! За тобой всё-таки глаз да глаз...

Он улыбнулся. Сказал:

– По крайней мере, ясно, откуда у меня вдруг взялось чувство комического. Нормальная защитная реакция психики на многолетнее знакомство с тобой. Тринкума Мантерик, возглавлявшая Гильдию Рассказчиков-Странников в период правления династии Менки, писала, что если слишком долго смотреть в бездну, она начинает казаться забавной. И была абсолютно права.

Чему мы оба действительно научились за прошедшие годы, так это говорить друг другу по-настоящему приятные вещи. Но легче от этого мне не стало. Скорее, наоборот.

Ну, то есть пока я сидел в кабинете Шурфа и наносил там невосполнимый экономический ущерб Ордену Семилистника, истребляя казённую камру, было ещё вполне ничего. А вот после того, как мой друг, деловито помрачнев, сообщил, что сейчас к нему заявятся Старшие Магистры на предмет получения не то очередной порции сакральных знаний, не то просто профилактического административного втыка, грядущие чёрные мысли обступили меня тесным кольцом, заранее демонстрируя ядовитые зубы, которые вонзятся в сердце, как только я переступлю порог. Однако я всё равно его переступил. А куда было деваться.

Шёл по ночному городу, не различая улиц, не чувствуя под ногами мелких камней мостовых, да и самих ног не чувствуя тоже. Вообще ничего не чувствуя, кроме темноты, которую почему-то ощущал кожей, словно она была морской водой, а я, давным-давно утонувший в этом сумрачном море,

шёл, не разбирая дороги, по его дну, смутно понимая, что останавливаться мне нельзя, остановившись, сразу лягу на дно, стану настоящим утопленником, мёртвым и смирным. А пока удаётся делать вид, будто это не так, жизнь продолжается. Ну или что-то вроде жизни. Почти жизнь.

Дело, конечно, вовсе не в том, что наша общая смертность стала для меня такой уж неожиданной новостью. Даже в Море, где некоторые могущественные колдуны запросто живут по несколько тысяч лет, каждый день кто-нибудь да умирает, и не то чтобы могущественных колдунов это правило вовсе не касалось. Со всяким может случиться всё что угодно, в любой момент. Шурф и прежде не ходил со светящейся надписью «бессмертный» на челе. И у меня самого такого гарантийного клейма не было. И вообще ни у кого.

Всё это я прекрасно понимал.

Но столь же ясно я понимал ещё кое-что: мне бросили вызов. Судьба и леди Сотофа выступили на этот раз одной командой. Испытующе смотрели сейчас на меня отовсюду – из тёмных оконных проёмов, из сияющей огненной глубины оранжевых фонарей, из-за туч, обложивших ночное небо, из самого дальнего, зимним ветром выстуженного угла моего собственного сердца, словно бы прикидывали: неужели пойдёт на попятную? Вот так возьмёт и позволит страху связать себя по рукам и ногам? Нарушит обещание, сдаст свой козырный туз?

И не то чтобы их радовала моя готовность – даже не проиграть эту партию, а сделать вид, будто она вообще не начиналась.

Хотя ясно, что игра не просто началась, а уже в самом разгаре. И теперь мой ход.

Я развернулся и пошёл назад, к Иафаху. А по дороге, чтобы отрезать себе все пути к отступлению, послал зов леди Сотофе Ханемер. И спросил: «Можно я ненадолго к вам зайду? У меня появился конкретный вопрос».

Конечно она сразу сказала: «Можно». А чего ещё я от неё ожидал? Предложения встретиться завтра, а ещё лучше – полдюжины дней спустя? Потому что вопрос совершенно не срочный?

Держи карман шире.

Получив разрешение, я не стал тянуть. Шагнул в её сад Тёмным путём, а к беседке потом бежал, не разбирая дороги. Очень спешил. Теоретически, у меня в запасе было ещё много лет. А на практике – всего несколько ближайших часов. Зная себя, я прекрасно понимал, что потом уже вряд ли на что-то решусь. Потому что стоит только перетерпеть эту невыносимую долгую ночь и дожить до утра, как всё станет понемногу налаживаться. Джуффин пришлёт зов ни свет, ни заря и предложит какую-

нибудь новую загадку, которая захватит меня целиком; Кофа позовёт обедать в очередной симпатичный трактир; Меламори превратится в жуткого песчаного духа и согласится отметить это грандиозное достижение в моём обществе, на крыше Мохнатого Дома; дружище Малдо заявится среди ночи с очередным ультимативным требованием срочно вспомнить для его Дворца Ста Чудес какую-нибудь экзотическую ерунду; Базилио будет вприпрыжку носиться по коридорам, громко распевая урдерские застольные песни, разученные в компании наших добрых соседей, потому что у её лучшего друга профессора наконец появилось свободное время, чтобы научиться играть в «Злик-и-злак»; умник Дримарондо произведёт семантический анализ невинных на первый взгляд песенных текстов и объявит, что воспитанной юной леди их не то что петь, а даже краем уха слушать нельзя. А виновник нынешней бури, блистательный сэр Шурф, снова пригласит меня на кружку камры и этак небрежно заметит, что ему, в случае чего, совершенно не составит труда стать после смерти призраком, поселиться в моей спальне, грохотать там забытыми в изголовье кружками, зверски будить меня по утрам, читать нотации по всякому поводу и вообще быть гораздо более невыносимым, чем при жизни; в конце концов, он добьётся своего, насмешит до слёз, и я уйду от него с лёгким сердцем, как самый распоследний дурак.

В общем, стоит дотянуть до утра, и жизнь моя станет вполне выносимой. Настолько выносимой, что я скажу себе: это и есть счастье – вернулось, ура, живи! Возможно даже поверю. И буду жить дальше, причём не то чтобы плохо, да что там, просто отлично буду я жить здесь, в Ехо, целых сто лет, пока не закончится мой контракт, а потом сбегу отсюда на другой край Вселенной – пусть моя счастливая жизнь рушится без меня.

Но пока до утра ещё далеко, и я, как положено настоящему безумцу, совершенно точно знаю, что всё уже рухнуло – на том конце невозможного Моста Времени, который упирается в будущее, несуществующее, разумеется, но какая разница – так вот, пока я настолько безумен, надо не думать, а действовать, в твёрдой уверенности, что будет или по-моему, или никак.

Причём второй вариант меня не устраивает. А значит, без вариантов.

Леди Сотофа стояла на пороге беседки и с умиленной улыбкой на устах наблюдала мой стремительный бег с препятствиями, роль которых исполняли цветочные клумбы. Потому что затоптать цветы леди Сотофы я не решился бы даже накануне конца Мира – вне зависимости от того, кто из нас двоих его бы устроил. Есть всё-таки на свете абсолютные,

непререкаемые табу.

– Что, припекло? – сочувственно спросила она, когда я затормозил буквально в нескольких миллиметрах от опорного столба. Чудом не расшиб об него лоб.

У меня было много ответов на этот вопрос. Начиная с жалобного: «Ещё как», – и заканчивая гневным: «Вы же сами всё можете, на кой ляд я вам сдался?!»

– Ты не поверишь, но сама я тут ничего не исправлю, – сказала леди Сотофа.

Надо же. Я рта ещё открыть не успел. Иногда очень удобно иметь дело с людьми, читающими твои мысли прежде, чем они успевают оформиться в голове. Никакая вежливость не спасёт их от твоего возмущения. И это отчасти утешает.

– Во-первых, единственная возможность уладить это дело, не нарушая равновесие Мира созданием неразрешимого противоречия, с самого начала пришла именно к тебе, – объяснила она. – Ты, а не я встретил единственного в Соединённом Королевстве серебристого лиса, всем сердцем желающего побыстрее умереть. И договор о посмертном убежище у него заключён тоже с тобой. Вмешательство постороннего в ваши дела неуместно.

Крыть было нечем. Она просто озвучила вслух мои собственные мысли, которые я всё это время безуспешно гнал прочь.

– А во-вторых, магия высоких ступеней требует неподдельной неистовости желания, – добавила она. – Нет ничего сложного в том, чтобы сварить камру, когда не хочешь её пить, или заколдовать замок дома, в охране которого лично не заинтересован. Но чем выше ступень, тем важнее становится подлинное устремление мага, которое не сымитируешь ради дела, оно или есть, или нет. Ты сам уже наверняка успел прийти к выводу, что не стоит отправляться Тёмным путём в то место, куда ни за что не пошёл бы по своей воле, если бы не вынужденная необходимость. Велика вероятность, что промахнёшься, и думай потом, как выбираться оттуда, куда тебя занесло.

– Сам не успел, но меня об этом не раз предупреждали, – кивнул я.

– Ну, хоть так. А по мере дальнейшего продвижения в магии, мы рано или поздно упираемся в стену, для преодоления которой обычного волеизъявления, помноженного на могущество и мастерство, недостаточно. На этом уровне работает только одержимость, граничащая с готовностью умереть на месте, если цели не удастся достичь. Поэтому в данном случае ты с твоим врождённым талантом впадать в отчаяние по всякому поводу –

гораздо более подходящий исполнитель. Я всё-таки слишком спокойно отношусь к подобным вещам. С моей точки зрения, смерть – ничуть не менее захватывающее приключение, чем жизнь. Я и ради собственного спасения вряд ли стала бы особо хлопотать. Впрочем, и не придётся никогда. Совсем другая судьба досталась. И задачи тоже другие. И на Мост Времени я чаще всего хожу с целью хоть немного от них отдохнуть.

Я смотрел на неё как громом поражённый. Идея, что леди Сотофа Ханемер может не всё, плохо укладывалась у меня в голове. А предположение, будто кое-что из того, что не может она, вполне под силу мне, не укладывалось в ней вовсе. До сих пор я всё-таки думал, это просто такой воспитательный процесс. Обучение невозможному в невозможных же условиях. Стрельба в яблоко, расположенное на собственной голове и прочая экстремальная педагогика.

– Вот так-то, – усмехнулась она, увлекая меня в беседку. – Пора бы тебе уже привыкнуть к тому, что есть в Мире вещи, которые можешь сделать только ты сам. Дальше их будет становиться больше. Поздравляю, это прекрасный этап, хоть и страшновато поначалу.

– «Страшновато»? Суффикс ваш мне особенно нравится, – проворчал я. – Считается, что он указывает на «неполноту качества». Даже подумать не решаюсь, какова должна быть полнота.

– Правильно делаешь, что не решаешься. В некоторых случаях лучше не торопиться. А теперь, пожалуйста, задай мне твой конкретный вопрос.

– А то вы сами не...

– Разумеется, знаю. Но когда отвечаешь на вопрос, заданный вслух, ответ приобретает большую силу.

Ничего не попишешь, пришлось говорить. А ведь так надеялся, что её понимание избавит меня хотя бы от этого.

– Как построить Мост Времени?

– Краткого пособия для начинающих, как ты сам догадываешься, не существует, – улыбнулась леди Сотофа. – Слов подходящих пока не изобрели. Поэтому мне придётся не говорить, а показывать. Стой смирно и ничего не бойся. Ну или хотя бы просто не забывай, что ты мне всегда доверял. И я ещё ни разу не дала тебе повода об этом пожалеть.

После столь обнадеживающего вступления мне захотелось с воем выскочить из беседки и убежать, куда глаза глядят. Но смутные представления о хороших манерах не позволили мне так поступить.

Когда она положила руки мне на солнечное сплетение, я внезапно вспомнил о любимом педагогическом приёме старых угуландских колдунов: держать собеседника за сердце, чтобы слушал внимательно и

никогда в жизни ни единого сказанного слова не смог забыть. Но это меня даже отчасти успокоило – по крайней мере, понятно, что со мной собираются делать и зачем. И все, с кем вели подобные разговоры, остались живы, здоровы и даже в своём уме – в смысле, не более безумны, чем были до начала беседы.

Но леди Сотофа обошлась без хирургического вмешательства. Только шепнула:

– Сейчас ты узнаешь, каково быть мной. Кому другому не рискнула бы предложить, но ты справишься.

Заставила меня немного наклониться, сама привстала на цыпочки, прижала свой лоб к моему, и в следующий миг я уже смотрел с непривычно маленькой высоты её роста, как падает на деревянный пол садовой беседки условно моё, а на самом деле чужое, конечно же, тело, слишком длинное и нескладное для такого полёта; впрочем, в последний момент я его подхватил. В смысле, себя. И помог улечься поудобнее.

Только подхватил я его не руками и даже не усилием воли, как происходит в известных мне магических практиках, а не то вовремя уплотнившимся воздухом, не то землёй, предупредительно поднявшейся навстречу падающему телу, не то кратковременным изменением законов тяготения – всеми этими факторами сразу и ещё множеством других. Наверное, правильно будет сказать, что это простое действие я совершил всем Миром, потому что весь Мир – это и был я. Неподвижный, пульсирующий в бешеном ритме, равнодушный к себе и одновременно страстно влюблённый в каждый атом составляющего его вещества, почти бесчувственный, остро наслаждающийся всяким своим движением – разнообразный, противоречивый, яркий и никакой. Впрочем, естественной частью этой живой бесконечности, стремительно мчащейся к собственному свету сквозь собственную тьму, был человеческий ум – несколько более ясный и быстрый, чем я привык, но, в общем, вполне похожий на мой собственный, так что он стал мне надёжной опорой, за которую бесконечность может уцепиться, когда хочет сказать себе: «Это – я».

Но на самом деле не я, конечно, а леди Сотофа. Вот так, надо понимать, она чувствует себя в тот момент, когда обнимает меня, радуясь встрече, разрезает пирог, поднимает на смех или сочувственно выслушивает, травит байки о старых временах – то есть, вообще всегда. Вот что такое, оказывается быть по-настоящему могущественной ведьмой: в какой-то момент оказывается, что ты – это целый Мир. Ну или Мир – это и есть ты. Никаких границ. И ясно теперь, почему она может всё что угодно, и почему почти никогда ничего не хочет, тоже понятно, я бы и

сам...

Впрочем, конечно же, нет. Я-то совсем другой. Не Мир, но проносившийся сквозь него вихрь, атмосферный поток, кажется, это называется «циклон»; Впрочем, неважно. Важно, что сознание я в ходе этой встряски всё-таки сохранил. И ощущал по этому поводу двойную радость – собственную, яркую, удивлённую, и Сотофину, почти не отличимую от невозмутимости, глубокую и спокойную как летнее море в штиль.

А потом я уселся – уселась – в плетёное кресло с высокой спинкой, сказала себе: «Только не вздумай подсунуть ребёнку свою самую первую попытку, ты же была тогда по уши влюблена в того, кто стоял по ту сторону, этот опыт ему сейчас ни к чему», – на этом месте понимающе рассмеялись мы оба, а потом я наконец принялся – она принялась вспоминать. Чётко, с предельной, испепеляющей разум ясностью, снова и снова повторяя каждую деталь.

И когда я открыл глаза, увидел над собой низкое деревянное небо, которое, конечно же, оказалось потолком садовой беседки, и принялся осторожно подниматься на ноги, зачем-то отряхивая совершенно чистое лоохи, я по-прежнему помнил, как строил – конечно же, строила – Мост Времени; кстати, совершенно непонятно, почему он именно так называется, я бы скорее назвал его лодкой, бесконечно длящимся челном от истока до устья никогда никуда не текущей реки. Ай, как ни назови, всё равно получится глупо, тут нужен какой-то другой язык, ну или просто внутреннее согласие с отсутствием нужного языка, потому что молчать про Мост Времени мне было вполне по силам; Впрочем, почему собственно «было», я прекрасно молчу о нём до сих пор.

– Теперь у тебя есть мой опыт, – сказала леди Сотофа. – Это гораздо лучше, чем просто инструкция, да?

– Я вообще идиот, – признался я. – Думал, существует какое-нибудь заклинание, определённый порядок ритуальных действий...

– Жертвоприношение, – подхватила она. – Обязательно нужно жертвоприношение! Три дюжины чёрных индюшек-девственниц, ещё не познавших тяжести оплодотворённого яйца...

– Чего?! – не веря своим ушам, переспросил я. И, не дожидаясь ответа, расхохотался.

– Вот ты смеёшься, а во времена первых Клакков доверенные придворные колдуны, вывезенные Королевской семьёй из глухой провинции, ещё и не такие номера выкидывали, а местные, говорят, всюю развлекались, глядя на их причуды. Про индюшек-девственниц – это, между прочим, исторический факт. Их выращивали на специальной

Королевской ферме, чтобы всегда иметь под рукой. Кровь этих индюшек считалась чуть ли не универсальным ключом к силе Сердца Мира; безумие продолжалось, пока Старший Придворный Магистр Тутана Махута Гургрой, отличавшийся изрядной рассеянностью, не забыл принести кровавую жертву перед началом очередного колдовства, которое, ко всеобщему удивлению, всё равно удалось. После тщательных проверок придворные маги убедились, что убийство несчастных птиц вообще ничего не меняет. Сердцу Мира всё равно, проливается их кровь или нет... Впрочем, всё это чепуха. Важно другое: как бы ты сейчас ни устал, не ложись спать, пока не сделаешь дело, вот тебе моя настоящая рекомендация. Чужой опыт – это всё-таки чужой опыт. Сейчас ты вполне способен воспользоваться им, как собственным, но после нескольких часов сна это может стать не так.

– Да я и не собирался, – сказал я. – Магистры знают, каким я проснусь завтра. Гораздо разумней положиться на того себя, с которым я знаком с самого утра. И уже примерно представляю, чего от него ожидать.

– Ладно, – улыбнулась леди Сотофа. – Тогда иди. Я рада, что оказалась тебе полезной. А ещё больше рада, что ты смог принять мою помощь. Объединение сознаний ради передачи опыта – самый простой способ учить. Но воспользоваться им мне удаётся, мягко говоря, нечасто.

«Ещё бы», – подумал я.

Подумал: «Это был невероятный подарок. Как же мне повезло».

Знал, что вслух говорить необязательно. Всё равно я со всеми своими мыслями, включая самые потаённые, у неё как на ладони. И не потому что леди Сотофе Ханемер так уж интересно знать мои секреты. Просто будучи фрагментом этого огромного Мира, я автоматически становлюсь неотъемлемой частью её самой.

Как и всё остальное.

– Если ты решил, будто я – какое-то неведомое небывалое существо, зачем-то прижившееся среди людей и смеху ради прикидывающееся одним из вас, имей в виду, это совсем не так, – вдруг сказала мне вслед леди Сотофа. – Я – просто девчонка, когда-то родившаяся в Кеттари, очень способная и очень везучая ведьма, но не более того. Рано или поздно подобная трансформация случается с каждым всерьёз практикующим магом. Постепенно и почти незаметно, шаг за шагом, а однажды оказывается, что ты уже таков, каков есть, сам себе и Космос, и Хаос, и только теоретически понимаешь, что прежде было не так.

– Вот оказывается почему мне так невыносимо думать, что он умрёт молодым, – откликнулся я. – Просто всегда откуда-то знал, что магу надо жить очень долго. Ну, то есть, всем конечно не помешало бы, но магу,

получается, особенно обидно умереть слишком рано. И профукать такой ослепительный шанс – стать всем Миром. Из Шурфа получится очень интересный весь Мир. Я бы на это посмотрел. И отменять такое развлечение никакой дурацкой судьбе не позволю.

«Ишь, раскомандовался», – с насмешливой нежностью подумала леди Сотофа.

Откуда-то я это знал.

Следующий час моей жизни был посвящён исключительно организационной работе, которая обычно довольно плохо мне удаётся, но ничего не поделаешь, в некоторых случаях её при всём желании не на кого свалить, и тогда приходится превращаться в кого-то другого, стремительного и собранного, очень чётко представляющего себе план предстоящих действий и способного не упустить ни единой детали. Удобно было бы оставаться таким всегда; с другой стороны, на меня самого этот тип совсем не похож, и говорить с ним особенно не о чем. Так что ладно, пусть будет как есть.

«Вот и всё», – думал я, сидя на крыше Мохнатого Дома, по здравому размышлению оказавшейся вполне подходящим местом для строительства Моста Времени: на открытом воздухе, гарантирующим уединение и не слишком удалённым от той точки пространства, куда я собирался попасть. Опыт, доставшийся мне, свидетельствовал, что абсолютная точность не обязательна, однако преодоление слишком большого расстояния потребует дополнительных сил, а их следует поберечь на возвращение. Поэтому в моём случае следовало оставаться в пределах Старого Города, а тут не так-то много возможностей уединиться на свежем воздухе – разве что закрытые дворы, вроде моего так называемого «поварского», ну или крыши.

А когда появляется повод лишний раз забраться на крышу, я его, будьте уверены, не упущу.

«Вот и всё», – думал я, подразумевая при этом, впрочем, не наступление рокового момента, а только удовлетворение результатом собственных приготовлений.

Во-первых, мне больше не было страшно, потому что мой дурацкий тревожный ум как миленький поверил Сотофиным воспоминаниям о приятных прогулках по Мосту Времени и теперь беспокоился только о технических аспектах предстоящей подмены – тоже не сахар, но к подобному волнению я давным-давно привык и почти научился его игнорировать.

Во-вторых, у меня на руках беспробудно спал старый серебристый лис

Йовка, сумевший таки обхитрить живучесть своего тела и наш со знахарем Иренсо беспомощный гуманизм, и приблизить встречу со смертью на пару-тройку дней, или сколько там ему оставалось.

В третьих, напротив меня сидел сонный Нумминорих, которого я безжалостно вытащил из гостиничной постели, ничего толком не объяснив. Только и сказал: «Есть совершенно неотложное дело, надеюсь, недолгое, максимум на полчаса», – я от всего сердца надеялся, что не очень его обманул.

– Сейчас будем ставить эксперимент, – объявил я.

Нумминорих встрепнулся и с любопытством уставился на меня. Для человека, жестоко разлучённого с подушкой в самом начале счастливого сближения, он отлично держался.

– Что за эксперимент?

– Проверим, правду ли сказал тебе Магистр Хонна. Если наврал, лишим его звания Правдивого Пророка и оштрафуем на восемь с половиной корон, как, согласно закону, положено поступать со всеми ярмарочными шарлатанами.

– Ты что, серьёзно?

– Вполне. Впрочем, оштрафовать Магистра Хонну – не основная задача. Просто так сложилось, что мне срочно нужно пройти по Мосту Времени.

– Да ты что! – восхищённо выдохнул Нумминорих. – А сам говорил – жуткая, невозможная штука...

– И с превеликим удовольствием ещё сто раз это повторю. Но ничего не поделаешь, придётся мне по этой жуткой невозможной штуке прогуляться. И, что самое главное, сразу же вернуться. Иначе затея не имеет смысла. Поэтому ты будешь тут меня ждать, ни на секунду не сомневаясь, что я очень скоро вернусь. Вроде бы, от тебя ничего больше и не требуется?

– Вроде бы нет, – согласился он. – По крайней мере, никаких других инструкций мне пророк не давал, а больше спросить как-то не у кого.

– Ладно, – кивнул я. – Вот и проверим. Заодно расскажешь мне потом, как это выглядит со стороны и, самое главное, чем пахнет. Даже не представляю, как должно пахнуть время, когда всякие проходимцы перекручивают его по своему вкусу. Я бы на его месте от возмущения страшно вонял!

С этими словами я спрятал спящего лиса в пригоршню и исчез. В смысле, стал невидимым. Мне самому это казалось каким-то до нелепости избыточным нагромождением колдовства, но ничего не поделаешь,

рисковать быть замеченным никак нельзя. Да и Йовке лучше оставаться до поры несуществующей величиной. Зачем ему лишние встряски.

– А для перехода через Мост Времени надо становиться невидимым? – оживился Нумминорих.

Нюхача не проведёшь, запах есть запах, он сразу выдаёт твоё присутствие, хоть обисчезайся.

– Для самого перехода не надо, – ответил я. – Но вообще полезная предосторожность – мало ли с кем нос к носу столкнёшься в каком-нибудь позавчера. Чем реже люди видят, как кто-то возникает из ниоткуда, тем спокойнее им живётся. Больше не отвлекай меня, ладно? Мне надо сосредоточиться.

«Сосредоточиться на отчаянии, в которое мне надо прийти», – добавил я про себя.

Это, конечно, просто остроумная формулировка, к которым я питаю слабость, но к правде она до смешного близка. Штука в том, что строительство Моста Времени начинается с отчаяния; есть и другие способы, но этот самый простой и эффективный, по крайней мере, для меня, потому что отчаяния у меня предостаточно – до краёв заполненная им бездна всегда в моём распоряжении. И даже в самые свои счастливые дни я неизменно балансирую на её краю.

Благодаря опыту леди Сотофы, я теперь точно знал, где внутри меня, в сияющей темноте, для удобства именуемой словом «я», расположен самый удобный подход к этой бездне, какие внутренние щеколды следует отодвинуть, какие тайные шнурки распустишь, какие кнопки нажать, чтобы её содержимое выплеснулось наружу. И за какие внутренние опоры следует держаться, чтобы поднимающаяся волна не сбила меня с ног, не увлекла за собой, не заставила разбиться о скалу собственного сердца. Обойдётся. Потому что эта невыносимая мука, эта чёрная боль, застилающая глаза, этот вой сдуру возмнившего себя уже почти мёртвым тела – просто строительный материал.

Но его, конечно, недостаточно.

Ещё нужно желание. Собственно, желание и есть основа этой магии, просто оно должно быть гораздо более сильным, чем самое страстное «хочу». Его исполнение должно казаться единственным спасением от отчаяния, выплеснувшегося мгновением раньше. Специально для этого следует выпустить из внутренней темницы наивного дурака – себя самого, такого, каким был в детстве, когда всякий цветной леденец мог стать единственным смыслом жизни, а воссоединение с ним – пришествием на обетованную землю. Этот бедный дурак, малолетний охотник за

разноцветными леденцами, совершенно не годится для жизни среди людей, зато в магии без него не обойтись. Потому что в хороших руках его воля несокрушима и способна на невозможное. А у меня хорошие руки – теперь, после того, как леди Сотофа Ханемер показала мне, как с ними управляться.

Я сидел на крыше, одну за другой развязывал незримые нити в своей темноте, зачарованный причудливой красотой их узлов, наблюдал, как отчаяние, желание и воля переполняют меня до краёв, выплёскиваются наружу, заполняют собой всё пространство вокруг, и оно явственно хохочет, довольное, что его взяли в игру, и вот сейчас...

А потом исчезло всё. Я ничего не видел, не слышал, не ощущал, ничего о себе не помнил, но при этом продолжал осознавать происходящее, фиксировать: «не вижу, не слышу, не ощущаю, не помню, не понимаю, я – есть». И это оказалось так неожиданно прекрасно, что было бы кому задохнуться от счастья и облегчения, задохнулся бы непременно, здесь и прямо сейчас, но огненная точка, которой я стал, вернее, был всегда, сам того не понимая, способностью задыхаться от чего бы то ни было не обладала. Она могла только пульсировать в определённом ритме – такой способ хохотать, сложившись пополам, специально для сияющих точек, больше никому не подойдёт.

Именно смех стал для моего сознания мостом ко всему остальному, в первую очередь, к памяти, потому что смеясь, я думал: «Теперь ясно, почему она говорила, что ходит на Мост Времени отдыхать», – и одновременно вспоминал, кто такая «она», что такое Мост Времени, почему я оказался здесь, и что это, собственно, за зверь такой – я. И чего мне надо. И где это взять.

Дело было за малым – создать себя заново. Когда и где пожелаю, потому что, как совершенно справедливо говорила леди Сотофа, небытию всё равно, оно спорить не станет. А иных оппонентов у меня сейчас нет.

...Я не знал ни точной даты, когда мне следовало оказаться в комнате моего друга в резиденции Ордена Дырявой Чаши, ни, тем более, момента, когда там не будет его самого. Но пока стоишь на Мосту Времени, стёртый с лица всех мыслимых земель, несуществующий, но по-прежнему обладающий сознанием, прицелиться, оказывается, очень легко. Потому что с такой немислимой дистанции всякая жизнь видится бесконечной подвижной сияющей нитью, где уже случившиеся события похожи на крупные узлы разной степени запутанности, а предстоящие – на бледные звёзды, то разгорающиеся, то гаснущие, постоянно меняющиеся местами,

вспыхивающие фейерверками, распадающиеся на множество других, таких же призрачных звёзд. Теперь я с уверенностью могу сказать, что всякое будущее гораздо красивее любого прошлого – с точки зрения стороннего наблюдателя, которого, разумеется, нет.

Однако сейчас меня интересовали не туманные звёзды, а туго затянутые узлы, вернее, только один, самый большой из них, выглядевший так, словно в этом месте на живую тонкую нить небрежно намотали какие-то дополнительные обрывки толстых, плохо гнущихся шнуров. Ясно, что мне надо осуществиться перед тем, как этот узел будет завязан, буквально в миллиметре от него; я почти ощутил, как тянусь и хватаюсь за этот участок нити ещё не осуществлённой, но уже очень цепкой рукой.

Теперь оставалось дожидаться, когда за мной придёт так называемый Первый Ужас Небытия. Термин этот придуман древними путешественниками по Мосту Времени; они, надо понимать, были очень крепкие ребята, если уж их выдержки хватало на то, чтобы пережить не один, а несколько таких Ужасов – моментов, когда до впавшего было в эйфорию сознания доходит, что существование в условиях абсолютного отсутствия всего остального невозможно, и его вот-вот поглотит, уже начало поглощать небытие.

Практическая польза этого Ужаса несомненна: дикий, ни с чем не сравнимый страх перед полным и окончательным угасанием заставляет сознание путешественника по Мосту Времени задействовать всю свою силу, включая тайные ресурсы, о которых он сам не подозревал, и вернуться наконец к жизни тогда и там, где было задумано. Вот и я обеими руками вцепился в сияющую нить чужой жизни, как в единственную, хоть и несуществующую возможность снова быть.

Почти теряя сознание и одновременно наконец приходя в него, я внёс в свой маршрут последнее необходимое уточнение, нарисовал перед внутренним взором простую, чёткую картину: комната, в которой нет ни одного человека, зато есть живой серебристый лис. Хотел представить его спящим; сперва так и получилось, но потом воображаемый зверь открыл глаза, зевнул, встряхнулся и вспрыгнул на низкий широкий подоконник. Ладно, как ему будет угодно, пусть.

Когда я оказался в просторной светлой комнате, практически погребённой под горами сваленных в кучи вещей, по большей части, совершенно непонятного мне назначения, серебристый лис действительно сидел на подоконнике среди баррикад из книг и тетрадей и настороженно косился на невидимого меня. Зверя, как и нюхача не проведёшь – уж если ты есть, он тебя унюхает, к пророку не ходи.

Зная своё короткое дыхание, я опасался, что действовать после всего пережитого мне будет очень трудно. Потому что обычно я и от гораздо меньших потрясений надолго выхожу из строя. Но оказалось наоборот – всё вдруг стало невообразимо легко.

Например, мне не пришлось оглядываться по сторонам, желая убедиться, что Шурфа в комнате нет. Я и так это знал. Более того, ощущал его присутствие на небольшом, но вполне достаточном расстоянии, и даже число разделявших нас каменных стен мог назвать, не задумываясь: три. Скорее всего, он был где-нибудь в ванной; впрочем, уточнять я не стал, потому что сделавшееся безошибочным чутьё подсказало мне главное: его воля пока удерживает тело в определённой точке пространства, намерение переместиться ещё не сформировано, а если оно возникнет, я почувствую и это. И успею себя предупредить.

Или вот, скажем, мне не пришлось делать специальное, годами отработанное движение кистью руки, чтобы вернуть лису Йовке его обычные размеры. Достаточно было вспомнить, что я принёс его сюда в пригоршне, и неподвижное тело спящего зверя тут же словно бы само появилось на полу. Я поднял его, погладил по голове – совершенно бессмысленный жест, когда имеешь дело с тем, на кого сам же наслал беспробудный сон, но здесь и сейчас это прикосновение оказалось магическим ритуалом, не так грубо подавляющим чужую волю, как Смертный Шар, скорее, просто позволяющем объединить наши с Йовкой желания и возможности, прийти к согласию, заключить последний договор.

Я знал это, когда шептал в мохнатое ухо: «Не просыпайся, что бы ни произошло, но пожалуйста, притворись бодрствующим, открой глаза, встань на ноги, ходи по комнате, если покормят, поешь, если погладят, отзовись на ласку. Тебе всё равно, чем занято тело, пока ты спишь, а для этих двоих, человека и лиса, твоё притворство станет спасением. Будь великодушен, сделай им этот подарок, потерпи немного, смерть уже совсем близко, рука её милосердна, Йорка и дивный туманный сад – твои навсегда».

Йовка послушно открыл глаза и неторопливо заковылял прочь, по направлению к хаотическому нагромождению подушек, покрывал и предметов гардероба, сумма которых, вероятно, являлась постелью.

Второй лис, всё это время наблюдавший за нами с подоконника, окончательно перестал понимать, что происходит, прижал уши, растопырил усы и угрожающе зарычал. Пришлось спешно хватать его в охапку – к счастью, и этот трюк дался мне на удивление легко, всего один шаг в сторону окна, и сердитый зверь уже у меня в руках. Очень повезло нам

обоим, потому что в обычном состоянии я бы безуспешно гонялся за ним по всей резиденции Ордена Дырявой Чаши до сегодняшнего дня. Все двести лет, не зная передышки.

Не могу сказать, что лиса обрадовали мои объятия. Бедняга решил дорого продать свою жизнь и для начала тяпнул меня за палец. Боли я в тот момент не почувствовал, только уважительное удивление – надо же, каков герой! А потом коснулся его лба, подумал: «Всё будет хорошо, я друг, я старший, я знаю, что делаю, успокойся», – и зверь сразу присмирел, так что прятать его в пригоршню оказалось легко и удобно, как неодушевлённый предмет.

Когда рассказываешь, получается долго, а на самом деле пробыл я в комнате Шурфа – ну, может быть, минуту. Даже не успел обрадоваться, что у меня всё получилось. Впрочем, тогда это казалось мне совершенно естественным – захотел и сделал, а как иначе? Вопрос закрыт.

Завершить путешествие по Мосту Времени, с одной стороны, гораздо проще, чем его начать. Для этого достаточно усмирить собственную волю, осуществившую этот немыслимый трюк. Призвать на помощь рассудок, напомнить себе: «Эй, путешествия во времени невозможны, никакого прошлого вообще давным-давно нет», – обычно достаточно для того, чтобы вернуться в тот момент, когда всё началось.

С другой стороны, далеко не всякое сознание оказывается способно согласиться считать произошедшее с ним невозможным. Нет уж, случилось – значит случилось, нечего тут отменять! Именно поэтому некоторые путешественники по Мосту Времени рискуют навсегда остаться на другом его конце. Ну, то есть, как – навсегда. Не застрять навек в одном бесконечном мгновении, а просто продолжать жить, начиная с того момента, в который их занесло, чем дальше, тем острее ощущая себя инородным телом и непрестанно испытывая яростное сопротивление Мира такому насильственному изменению порядка вещей. В этом, собственно, и заключается главная опасность: никаких сил не хватит, чтобы продержаться в чужом времени больше нескольких лет, единственный выход – заручиться поддержкой могущественных и сведущих современников; впрочем, всё это я пока знаю только со слов старших коллег и объяснить, как именно протекают описанные процессы, не могу даже самому себе.

И отдельно нелегко приходится тем, кто возвращается из путешествия с сувениром – ну вот как я с лисом. Причём если бы я уволок с собой не живое существо, а, скажем, старую скабу, проблема была бы ровно та же. Мост Времени не выносит подобной контрабанды. В прямом смысле не выносит, хрупкое подобие согласия Мира на невозможное событие, может

рухнуть под тяжестью любого количества дополнительной материи, не включённой в первоначальный договор. И тогда уж – как повезёт. Разные бывают варианты. Некоторые контрабандисты исчезают неведомо куда, некоторые обнаруживают себя в совершенно произвольно выбранном моменте времени, который, как нечистый на руку таможенник, пытается присвоить транспортируемую вещь, а некоторые благополучно возвращаются туда – в тогда – откуда ушли; причём это лишь отчасти вопрос опыта и могущества, обычно всё-таки главным фактором оказывается упрямство.

В этом смысле у меня были неплохие шансы, всё-таки я очень упрямый, это охотно подтвердят многочисленные стены, прошибленные моим твёрдым лбом; они до сих пор вспоминают наши встречи с содроганием, а я – с законной гордостью победителя.

А всё же, какое счастье, что на другом конце Моста Времени меня ждал Нумминорих. Вытаскивая беднягу из тёплой постели в Нумбанской гостинице, я смутно надеялся, что его присутствие хоть чем-нибудь да поможет, если уж сам Магистр Хонна рекомендовал, но даже вообразить не мог, насколько существенной и ощутимой окажется эта помощь. Мой обратный путь был неописуемо лёгок – ни смертного ужаса, ни предельного напряжения воли, я даже желание вернуться толком почувствовать не успел – его спокойное уверенное ожидание как магнит притянуло меня на крышу Мохнатого Дома, в ту самую зимнюю ночь, когда я оттуда исчез.

– Ура! – воскликнул Нумминорих. И, не дожидаясь, пока я спрошу, сообщил: – Тебя не было целый час. Но это, наверное, я сам виноват. Подумал, если ты обещал, что дело всего на полчаса, значит раньше, чем через час ни за что не закончится.

– Разве я действительно всегда так ужасно опаздываю? – удивился я.

– Нет, – честно признал Нумминорих. – Относительно редко. Но когда всё-таки опаздываешь, выглядишь ужасно довольным, хотя на словах извиняешься. Поэтому мне кажется, что на самом деле тебе очень нравится опаздывать. И в ситуациях, когда всё зависит только от твоей воли, следует ждать, что...

– Ты, конечно, наблюдательный, – улыбнулся я. – И логика у тебя железная. А вывод всё равно неправильный. На самом деле, я терпеть не могу опаздывать. Так получается только если я совершенно забываю о времени. А о времени я забываю когда мне очень хорошо. Поэтому и вид довольный, несмотря на муки совести. Вот и всё.

– Ой. Действительно. Глупо получилось.
– Да ладно. Ты мне лучше скажи, как всё это выглядело?
– А никак, – развёл руками Нумминорих. – Ты же невидимым уходил. И обратно пришёл тоже невидимый, я только по запаху понял, что тебя больше нет, а сейчас – что ты снова есть. И время, как оказалось, ничем не пахнет. Ну или пахнет, но только когда сам идёшь по Мосту.

– То есть, с твоей точки зрения вообще ничего не случилось? – разочарованно спросил я.

– Получается, ничего. Может, в следующий раз ты пойдёшь по Мосту Времени видимым? Всё-таки ужасно интересно!

«В следующий раз? – внутренне взвыл я. – в следующий раз?!»

С другой стороны, чего зарекаться.

Нумминорих отчаянно зевнул. Я спохватился:

– Идём, верну тебя в гостиницу. Небось с раннего утра начнут будить: «Пошли скорее, поищем палатку Пророка!» Кстати, если найдёте, имей в виду: штрафовать Магистра Хонну за шарлатанство мы всё-таки не будем. О тебе он сказал чистую правду. И главное, удивительно вовремя. Буквально за несколько дней до того, как мне припекло.

С другой стороны, если вспомнить, что припекло мне вследствие другого пророчества из тех же уст, удивляться совершенно нечему. Не самый хитроумный сценарий. Я бы и сам мог такой сочинить.

«Нет, – сказал я. – У тебя нет выбора. Ты даже не представляешь, до какой степени его у тебя нет. Где бы ты ни был и чем бы ни занимался, я всё равно свалюсь тебе на голову вот прямо сейчас, это решено».

«Даже если я сплю?» – недоверчиво спросил сэр Шурф.

«Ты? Спишь?! В два часа пополуночи? Не заливай».

«Тем не менее, бывает и так».

Зная меня, Шурф вполне мог рассчитывать, что такое признание пробудит во мне милосердие. Но я в кои-то веки был твёрд как скала. Разбудил? Тем лучше. Настолько хорошие новости следует узнавать спросонок, усталым и очень злым на весь Мир, когда организм физически не способен радоваться. Так проще их пережить.

Поэтому шагнув в кабинет своего друга из коридора Нумбанской гостиницы и действительно не застав его там, я с жизнерадостной настойчивостью сообщил Шурфу: «Девочка-девочка, Чёрная Рука уже сидит за твоим столом». Бедняга не имел ни единого шанса опознать цитату, но всё равно даже не стал спрашивать, с кем я его перепутал. И сообщать мне, где можно помыть руки тоже не стал. Только обречённо

ответил: «Ладно, сейчас».

Он появился почти четверть часа спустя, тщательно одетый, но с влажными волосами. Сказал:

– На самом деле ты вытащил меня со дна морского.

– Ты там топился, что ли? – восхитился я.

– Нет, просто спал. Понадобилось некоторое время, чтобы доплыть до берега, поэтому так задержался. Выкладывай, что у тебя случилось.

– Много чего, – сказал я. – Во-первых, у тебя в комнате страшный бардак.

– Что?!

– Невообразимый. Если бы своими глазами не увидел, ни за что не поверил бы. Никому, включая тебя самого. Поэтому только попробуй ещё хоть когда-нибудь придраться к обстановке в моей башне. Подумаешь, книги валяются где попало. По крайней мере, не вперемешку с грязными тарелками. И ни одного сапога на столе. Никогда! За этим я, хвала Магистрам, слежу строго.

– Ладно, – кивнул Шурф. – Договорились, ни одного сапога. И безумием от тебя не пахнет. Уже хорошая новость. Продолжай, пожалуйста. Возможно рано или поздно мне удастся обнаружить в твоих словах хоть какой-нибудь смысл.

– Даже не сомневайся. Будет тебе смысл. Вот прямо сейчас.

И встряхнул левой рукой, между большим и указательным пальцами которой всё это время пребывал уменьшенный лис. Всё-таки чудо что за фокус этот старинный грузинский приём. Исполнить его – пара пустяков, я когда-то буквально с первой попытки научился, а польза невообразимая. Ну и эффектно, конечно, получается. Для любителя выпендриваться вроде меня – именно то что надо.

Если бы судьба Шурфа Лонли-Локли интересовала меня не больше, чем прогноз погоды на завтрашний день, всё равно имело бы смысл прогуляться ради него по Мосту Времени – просто чтобы посмотреть на выражение его лица в тот момент, когда крупный лис с серебристой шерстью оказался у меня на коленях, огляделся, фыркнул, увидел своего хозяина и, растопырив усы, рванул к нему.

– Представляешь, этот гад меня укусил, – сказал я. – Правда, дело было двести лет назад, поэтому ладно, замнём. Но всё равно заberi его пожалуйста. Пусть теперь кусает тебя. Это честно.

– Он живой, – сказал Шурф целую вечность спустя, когда я уже утратил надежду снова услышать его голос. – По-настоящему живой. Как такое возможно?

– Просто ты его никогда не убивал, – объяснил я. – Произошла небольшая техническая накладка. Ты убил совсем другого лиса, по имени Йовка. Бедняга родился примерно полторы сотни лет спустя после своей смерти, прожил счастливую долгую жизнь с любимой подружкой, а потом она умерла от старости. Ну и он тоже захотел умереть, обычное дело, когда любишь кого-то несколько более сильно, чем позволяет здравый смысл. Добрый знахарь Иренсо Сумакей – знаешь такого? Ладно, неважно, если захочешь, наведёшь справки – так вот, даже знахарь просил меня убить беднягу из милосердия. Но мне, сам понимаешь, слабо. К счастью, я вовремя вспомнил, что ты у нас профессионал и подкинул тебе работёнку... Эй, не смотри на меня так. Йовка действительно хотел поскорей умереть, не веришь – спроси Иренсо. И теперь у них с подружкой всё замечательно, не веришь – спроси нашего общего друга Франка, в парке за его домом недавно поселились два призрака мёртвых лисиц, а я по итогам этой операции могу считаться специалистом по обустройству комфортабельной загробной жизни для несчастных влюблённых. Вернее, для счастливых, с несчастными-то как раз гораздо сложнее.

– Скажи всё это ещё раз, пожалуйста, – попросил мой друг. – Я только что понял, как это бывает – когда все слова знакомые, а смысл сказанного всё равно ускользает. Всегда думал, это обычное оправдание своей невнимательности к собеседнику. А оказывается, не совсем так. И начни с бардака в моей комнате. Ты что, там был?

– Ну а как ты думаешь?

– Но как могло случиться, что я тебя не видел? Эпизод внезапного появления незнакомца я бы не забыл. И несомненно узнал бы тебя потом, у меня отличная память на лица.

– Сам же научил меня становиться невидимым, – усмехнулся я. – Не зря, получается, кровь вёдрами пил. Ну или всё-таки зря. Я сумел угодить в тот самый момент, когда тебя не было в комнате. Так что вру, невидимость мне не особо пригодилась. И даже от ранения не спасла.

И продемонстрировал укушенный палец. Тот как раз запоздало осознал себя несчастной жертвой и начал жалобно ныть. Ничего особенного, но неприятно. Ровно настолько, чтобы отвлечься и не сойти с ума вот прямо сейчас, осознав, наконец, что я сделал. Если бы не этот серебристый злодей, пришлось бы кусать себя самостоятельно.

Сосредоточившись на успокоительной боли, я собрался с мыслями и рассказал всё ещё раз. Подробно, с самого начала. Только некоторые детали путешествия по Мосту Времени опустил. Сказал, нет таких слов в языке, пока не попробуешь, не узнаешь, точка. И, в общем, не соврал. Потому что

имевшиеся в моём распоряжении древние термины вроде «Первого Ужаса Небытия» звучат, на мой вкус, избыточно драматично. Окажись я на месте Шурфа, предпочёл бы думать, что человеку, ходившему ради меня по Мосту Времени, было там чертовски весело и интересно. Тем более, что это тоже правда. Просто не вся.

– И учти, – сказал я в завершение, – если твой изысканный утончённый ум отыщет способ не расставаться со своим прекрасным, честно выстраданным проклятием, я за себя не отвечаю. В смысле, сам тебя тогда проклянущу. Дополнительно. Как-нибудь на урдерский манер. Чтобы рожа всеми цветами радуги, дым из ушей и, к примеру, синие крылья за плечами. Истинно тебе говорю, я страшен в гневе. Лучше не связывайся.

– Ладно, – согласился сэр Шурф, рассеянно поглаживая притихшего на его коленях лиса, – не буду связываться. Тем более, мне для этого и делать ничего не придётся. Когда я увидел, что он живой... Не знаю, как описать то, что случилось. Как будто какой-то узел развязался. Сам, без моего сознательного участия. Я в тот момент ещё толком не понимал, что именно произошло.

– Кстати, узел и есть, – вспомнил я. – Именно так выглядело это событие на нити твоей жизни. Других узлов подобного масштаба там не было, и знал бы ты, как это меня утешает. Потому что не хотелось бы делать путешествия по Мосту Времени своим любимым хобби. Мне бы чего попроще, ты знаешь. Пирожки, сотворение новой Вселенной, партия в «Злик-и-злак»...

– Я вообще, хоть убей, не понимаю, как тебя угораздило во всё это сунуться, – сказал он. – Ты же даже думать о путешествиях во времени боялся. И леди Сотофа тоже хороша. Нашла кого на безумные выходки подстрекать. Своих учениц не хватает?

– Ну так она-то, в отличие от нас с тобой, с самого начала знала, что всё у меня распрекрасно получится. Сотофа молодец, помогла мне сохранить лицо. Сам же помнишь, как я расхвастался: «Будь тузом в моей колоде, я тебя не сдам!» – вот как, интересно, я себе это представлял?! После таких пафосных заявлений отползать в кусты, поджав хвост – жуткая безвкусица. Хотя вот прямо сейчас я бы в этих кустах с удовольствием полежал. Мне трудно долго быть героем, ты знаешь. Нервы сдают.

– Ну, с чем-чем, а с твоими нервами справиться совсем несложно.

– Да. Например, связать меня по рукам и ногам и хотя бы на сутки запереть в каком-нибудь погребе. И парой дюжин заклинаний запечатать

для надёжности, чтобы точно не сбежал на край Вселенной, сам себя испугавшись задним числом. И сидеть рядом, рассказывая сказки. Ты кстати много сказок знаешь? На сутки запаса хватит? Впрочем, ладно, можно просто влить в меня пол-литра Осского Аша, задвинуть моё бесчувственное тело куда-нибудь под диван и закрыть вопрос.

– «Под диван» – это просто образное выражение или какая-то неизвестная мне магическая техника успокоения нервов? – деловито спросил Шурф. – Я должен точно знать, где заканчивается инструкция и начинается просто болтовня.

Этого вопроса, в общем, было достаточно, чтобы окончательно вернуть меня к жизни. Можно даже Осский Аш зря не переводить.

Но экономить мы не стали.

Мы до такой степени не стали экономить, что проснувшись утром в собственной спальне, я совершенно не представлял, как туда попал. Переход через Мост Времени помнил во всех подробностях, а это мистическое путешествие – нет, хоть убей.

Впрочем, оглядевшись, я обнаружил доставившее меня сюда транспортное средство. Средство сидело в кресле и читало какую-то книгу. Вид оно при этом имело чрезвычайно довольный, как сбежавший с уроков школьник. Глядел бы на такую идиллию и глядел.

Но, будучи натурой противоречивой, я спросил:

– А свой Орден ты закрыл на переучёт, я правильно понимаю?

– Что-то вроде того, – не отрываясь от книги, согласился мой друг. – Ты не представляешь, на что, оказывается, соглашаются орденские девчонки в обмен на разрешение поиграть с лисом. Даже плановые занятия с Младшими Магистрами провести. И ежегодную ревизию архивов, не к ночи будь помянута, закончить.

– Как это – «не к ночи»? То есть, это не у меня в глазах темно, а за окном?

– Ну да. Ты проспал почти сутки. И совершенно правильно поступил. За это время я успел перечитать практически всё, что с начала года откладывал до лучших времён. Ещё бы часа полтора... Впрочем, ладно, и так неплохо вышло. Давно мне не удавалось получить столько удовольствия от обычного исполнения долга, который велел присматривать за твоим спящим телом, чтобы не сошло случайно с ума или, чего доброго, не решилось повторить трюк с Мостом Времени, не приходя в сознание. Зря, кстати, так недоверчиво ухмыляешься, я не сочиняю, подобные прецеденты действительно случались и подробно описаны в так

называемой «Тайной Истории Предельной Магии», безымянный автор которой явно был в курсе некоторых чрезвычайно интересных дел... Как, кстати, себя чувствуешь?

Я провёл ревизию своего внутреннего пространства и честно отчитался:

– Ненавижу всё живое. Ну, то есть, совершенно нормально. Как всегда по утрам, даже если они – вечера.

Шурф укоризненно покачал головой. Спросил:

– То есть тебя можно оставить одного? Не то чтобы я этого хотел, но в Иафахе, к сожалению, остались дела, которые переложить не на кого – кроме, разве что, леди Сотофы. Но её обычным шимарским лисом не подкупишь, она на это добро ещё в детстве в пригородах Кеттари нагляделась.

– Конечно, можно, – кивнул я. – Пожалуй, даже нужно. Я должен ещё кое-что уладить, и лучше бы – прямо сейчас. Не смотри на меня так, ни на какой Мост Времени я больше не попрусь. Максимум, на соседнюю улицу.

Ну, то есть не то чтобы на совсем уж соседнюю. До дома, где снимает квартиру Меламори, отсюда примерно четверть часа пешком. А если кружить по городу, собираясь с мыслями, снова и снова повторяя про себя всё, что твёрдо намерен сказать, удовольствие можно растянуть очень надолго, мне ли этого не знать.

Я мог бы послать Меламори зов и предупредить о визите. А мог бы и вовсе ввалиться без предупреждения Тёмным Путём. Но вместо этого, как последний дурак, принялся метать мелкие камешки в окно второго этажа, где горел свет. Для того, чтобы в полной мере оценить красоту этого жеста, следует иметь представление о моей меткости. Достаточно сказать, что в окно я попал только с седьмого раза. И, по моим меркам, это ещё очень неплохой результат.

Возможно, именно поэтому Меламори сразу открыла дверь и впустила меня в дом, даже не попытавшись отстоять своё священное право на полное уединение. Просто от растерянности.

– Ни получается у меня ни хрена с этим рогатым песчаным духом, – пожаловалась она, обнимая меня. – Одно из двух: или он выглядит как жалкая имитация, или честно состоит из песчинок, но тогда я сразу рассыпаюсь.

– Да плюнь ты на эту пакость, – посоветовал я. – Есть в Мире дела поинтересней.

– Чего?! – изумлённо переспросила Меламори.

Бедняга ушам своим не поверила. Потому что у нас же негласный договор: она занимается всякой ерундой, а я делаю вид, будто радуюсь её успехам и сопереживаю неудачам. И когда Меламори сама заводит очередной разговор о бессмысленности своих занятий, я неизменно выступаю оппонентом и убедительно доказываю, что магия есть магия, какая разница, чем именно заниматься, лишь бы ежедневно практиковать. До сих пор нам обоим казалось, что это вполне рабочий способ наполнить её жизнь смыслом. Ну или чем-то вроде него. И максимально отсрочить момент, когда придётся что-то менять.

Ну вот, до сегодняшнего дня как-то дотянули.

– Есть дела поинтересней, – повторил я. – Их очень много. Да почти все. Прости, что не сказал этого раньше.

– Ну, знаешь...

– Знаю, – кивнул я. – Я много чего знаю. Давай руку, пошли.

– Куда?

– На нашу крышу, конечно. Лучшее место в городе для лихих дел. В смысле, внезапных пикников, разговоров о смысле жизни, строительства Мостов Времени и бытовых убийств в состоянии аффекта. Если захочешь меня придушить, сделаешь это там. Желая погибнуть с видом на ночной город. Таков мой последний каприз.

Удивительно, но она всё-таки протянула мне руку. И только оказавшись на крыше Мохнатого Дома, сердито пробормотала:

– Что-то ты совсем раскомандовался.

– Да, – кивнул я, усаживаясь на одну из оставшихся со вчерашнего вечера подушек, на которых возлежал, дожидаясь меня Нумминорих. – Давно было пора.

Меламори села рядом. Спросила:

– Что случилось?

– До хрена всего. За последние два дня я успел уладить семейную жизнь старого прибрежного дерева, приговорить к пыткам прекрасную леди, организовать одно убийство и два чудесных спасения, побыть всем Миром сразу, прогуляться по Мосту Времени и напиться до потери памяти.

– Насколько я успела тебя изучить, более-менее удивительно только последнее, – вдохнула Меламори.

Ну, в общем, да.

– Но важно совсем не это, – сказал я. – А то, что по дороге к твоему дому я понял одну простую штуку.

Она адресовала мне вопросительный взгляд, заранее исполненный скорби. Как будто ничего жизнеутверждающего мне в голову прийти не

может, даже теоретически.

– Никакая ты не нерешительная, – сказал я. – И ни черта не боишься терять. И со мной надолго расстаться – ну да, не хочешь, но это такой нормальное человеческое «не хочу», которое легко преодолевается усилием воли, особенно, когда воля сильная, вроде твоей.

– В том-то и дело, что не... – начала было Меламори, но я не дал ей договорить.

– Воля у тебя что надо. И решимости хватит на целый Королевский гвардейский полк. Просто дело, к сожалению, не в тебе. А во мне. Это я хочу, чтобы ты оставалась в Ехо. И была у меня под рукой. Мне, видишь ли, нравится, что ты всегда где-нибудь рядом. И можно обнять тебя буквально в любой момент – в перерыве между какими-нибудь немыслимыми делами, от которых у меня самого волосы дыбом. Вот как сейчас.

И я обнял её – не то чтобы просто для наглядности, будем честны.

Сказал:

– Ты не можешь решиться продолжить учёбу у арварохских буривухов только потому, что я этого не хочу. Конечно, слова тебе поперёк не скажу, сама знаешь. На словах я – воплощение жертвенного благородства, главный борец за свободу чужой воли и вдохновенный её певец. А на деле держу тебя здесь, связав по рукам и ногам, просто верёвки невидимые. Но что это меняет.

Меламори уставилась на меня во все глаза, словно впервые увидела. Растерянно моргнула. Запинаясь, спросила:

– Слушай, так ты думаешь, это я не сама по себе такая трусиха?

– Да ты вообще герой, каких мало. Просто связалась с плохим парнем, чья воля меняет Мир, порой совершенно свинским образом. Но это как раз нормально. Девочки из хороших семей часто связываются с кем попало, сама знаешь.

Она тихо рассмеялась.

– Невыносимый ты всё-таки тип, сэр Макс. Всегда невовремя меня сметишь. Самое время на тебя рассердиться, а теперь не получится.

– Да не надо на меня сердиться. Какой в этом смысл? Лично я собираюсь жить рядом с тобой долго и счастливо – в перерывах между твоими уроками у буривухов, волшебными сновидениями, путешествиями между Мирами, превращениями в демонов, завоеваниями каких-нибудь призрачных городов и Магистры тебя знают, чем ты ещё займёшься. Желаю хвастаться в трактирах, что моя девушка – самая могущественная ведьма в Мире, круче самой леди Сотофы. И пусть рыдают от зависти, жалкие

любовники каких-нибудь никчемных императриц.

– Да где ж ты видел, чтобы любовники императриц по трактирам шлялись? – изумлённо спросила Меламори. – Где они вообще, эти императрицы? Ближайшая, по-моему, аж в Чангайе, и у неё одних только законных мужей больше сотни, какие уж там любовники. Их просто невозможно втиснуть в ежедневный график!

– Ничего. Не знаю, как императрицу, а меня это не остановит. Уж если мне понадобится похвастаться твоей крутостью, аудиторию как-нибудь соберу.

На этом серьёзный разговор, как несложно догадаться, завершился. Но не навсегда, а только до завтрашнего утра.

Утром Меламори прямо спросила:

– Так что, предлагаешь отвести меня в Арварох Тёмным Путём? Потому что попутного корабля придётся ждать долгие годы. Безнадёжных безумцев и так-то мало, а уж после того, как вы с Абилатом повадились тайно их лечить, вообще никакой надежды встретить капитана, собравшегося проложить такой оригинальный маршрут.

– Если надо, могу тебя отвести, – согласился я. – Хотя говорят, иногда попытки прийти Тёмным Путём туда, куда на самом деле не хочешь, приводят к непредсказуемым последствиям; впрочем, ерунда, надо будет – захочу как миленький. Но я думал, ты собираешься вернуться к буривушкам сама.

– Как это – сама?! – взвилась она.

– Да точно так же, как от них смылась. Птицей, в сновидении. Раз, и снова проснулась не там, где заснула. Насколько я успел изучить характер буривухов, они поворчат, что люди слишком долго делают уроки, гораздо дольше, чем самые несмышлёные птенцы. Но в целом, будут очень довольны, что у тебя всё получилось, а значит, перерыв в учёбе и перерывом-то не считается.

– Это правда, – невольно улыбнулась Меламори. И, помрачнев, добавила: – Только у меня не получается. Думаешь, я не пробовала? Столько раз!

– Не «не получается», а просто до сих пор не получалось. Это не ты тупица, просто я, даже отсутствуя, представлял себе, что ты живёшь именно в Ехо. Конечно, ты никуда отсюда не улетала, с такой-то гирей на ноге! Не знаю, кстати, зачем мне это было нужно. Просто чтобы утешаться привычной картиной мира? С меня бы стало. Но больше так не будет.

– А почему ты уверен? – спросила она. – Если до сих пор неосознанно

удерживал меня здесь своей волей, то и дальше может так продолжаться.

– Не может, – твёрдо сказал я. – Просто раньше я был дурак дураком. Ещё позавчера вечером был, представляешь? Но Мост Времени поставил мне голову на место. Невозможно всерьёз за что-то держаться после того, как совершенно добровольно отменил даже себя самого.

Она, конечно, не исчезла на следующую же ночь. И через одну никуда не делась. Мы жили вместе долго и счастливо до самого Конца года. То есть, ещё целых шесть дней.

А утром Последнего Дня года Меламори прислала мне зов и деловито сказала: «Я только что спросила, будут ли мне положены хоть какие-то каникулы. И знаешь, что мне ответили? «В любой момент, когда сумеешь увидеть их во сне». По-моему, смешно».

Я не стал говорить ей, что по-моему – не очень. Потому что это прозвучало бы как: «Я передумал», – и было бы совсем уж нечестно. Тем более, что я не передумал. А минута слабости бывает у всех, особенно спросонок.

Поэтому я только и сказал:

«Успела таки. Удивительные всё-таки психи вы, угуландцы. Ради своего дурацкого обычая улаживать все дела к Последнему Дню года Мир перевернёте. Такие молодцы».

Безмолвная речь плохо передаёт эмоции собеседника, но готов спорить, что мне удалось её насмешить. И это было прекрасно. В моих интересах поддерживать репутацию человека, в чьём обществе приятно проводить каникулы. А уж во сне это случится или наяву – дело десятое. Я – последний, кого это должно волновать.

Вот о чём я думал, спускаясь в гостиную, чтобы выпить там камры в обществе собак и, если очень повезёт, кошек. Потому что на Базилио надежды мало – за свою коротенькую, только нынешней осенью начавшуюся жизнь, она успела завести столько знакомств и раздать такое количество обещаний, которые теперь пришлось спешно выполнять, что дома я её видел исключительно по ночам – обычно спящей прямо в кресле. Впрочем, пока человек сохраняет способность улыбаться во сне, можно не слишком переживать, что у бедняги не остаётся сил добраться до спальни.

Ещё с лестницы я услышал залиvistый собачий лай. Но не придал этому особого значения. Это же только профессор Дримарондо у нас говорящий пёс, а Друппи, простая душа, вынужден довольствоваться голосовым аппаратом, выделенным ему скуповатой природой. При этом

поводов высказаться у него хоть отбавляй. И самый главный из них: «А-А-А-А-А-А! Какое счастье! Я есть!»

Поэтому лает Друппи довольно часто. А Дримарондо никогда не отказывается побеседовать с лучшим другом на собачьем языке. И, собственно, почему бы им не дискутировать вот прямо сейчас – примерно так я рассуждал, пока не оказался на пороге гостиной. Да так и застыл там столбом, распахнув рот, подавляя желание присоединиться к собакам и со всей ответственностью заявить: «Гав! Р-р-р-р-вау!» Это, пожалуй, был бы самый адекватный способ выразить чувства, охватившие меня, когда я обнаружил, что в центре гостиной, рядом с обеденным столом стоит маленький полосатый ярмарочный шатёр.

Не то чтобы я не привык к чудесам. Но к чудесам, которые происходят не где-нибудь в удивительном Море, начинающемся за порогом дома, а в моей гостиной, пожалуй, всё-таки не привык. Скажем так, не настолько привык, чтобы невозмутимо усаживаться за стол и пить камру, не обращая внимания на невесту откуда тут взявшуюся палатку Правдивого Пророка.

– Спокойно, – сказал я собакам, – сейчас разберёмся.

– Это полосатое сооружение совершенно неожиданно появилось из ниоткуда и чуть не свалилось прямо мне на голову, – наябедничал Дримарондо, вспомнивший на радостях человеческий язык. – Буквально в двух шагах от моего кресла! Я чрезвычайно взволнован!

– Безобразие, – согласился я.

И, осторожно приподняв полотняный край шатра, заглянул внутрь.

– Да заходи целиком, не стесняйся, – посоветовал мне загорелый темноглазый человек с длинной зелёной косой. – Я не буду исчезать, если ты этого опасаться.

– А тогда, на ярмарке, почему исчезли? – спросил я.

Хонна, бывший Великий Магистр ныне распущенного Ордена Потаённой Травы пожал плечами, как мне показалось, довольно смущённо.

– Рассердился, что столичный Тайный Сыск так беспардонно суёт нос в мои дела, – признался он. – Но потом, остыв, понял, что сердиться тут особо не на что. Рано или поздно вам должно было стать интересно, что за хрен с горы морочит головы людям в Нумбане. И лично мне от вашего любопытства никакого вреда. Несправедливо было лишать тебя твоей порции правды, чем ты хуже прочих клиентов? Поэтому я дал себе слово непременно исправить ошибку. Но, как видишь, дотянул до самого Конца года. Откладывать дальше уже некуда. Пришлось устроить сюрприз.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Здорово, если так. Потому что я же от любопытства совсем извёлся: что ж там за правда такая была, если вы

решили её не говорить?

– Да ничего особенного. Ты есть на самом деле – вот и вся правда о тебе, которую я тогда узнал. Наверняка есть и какая-нибудь другая, более содержательная, но до моей головы она пока, к сожалению, не добралась.

– Нет-нет-нет, никакой другой правды не надо, – поспешно сказал я. – Мне нужна именно эта. Даже не надеялся на такой подарок.

– Удивительное признание для человека, который имел великое множество возможностей убедиться, что жизнь сознания и есть подлинная жизнь, а остальное не имеет значения. Сказал бы я, предположим, будто на самом деле тебя нет – и что бы от этого изменилось? Ты перестал бы видеть, слышать, чувствовать, думать, осознавать?

– Да Магистры с ним, со мной, – отмахнулся я. – Просто если я есть, значит есть и все остальные. Люди и звери, которых я очень люблю. Не мерещатся, а объективно существуют. Вне зависимости от меня. И что бы со мной ни случилось, они всё равно останутся. Вот это действительно важно.

– А. С этой точки зрения я не смотрел, – неожиданно легко согласился Магистр Хонна. – Просто, понимаешь, мне в этом смысле гораздо проще живётся. Мир ни разу не давал мне повода усомниться в нашем с ним существовании. В чём угодно, но только не в этом.

– Повезло, – улыбнулся я.

И наконец уселся на тряпичный пол его палатки. Хотя, по идее, теперь мне следовало не расслаиваться, а выметаться. Всё сказано, чего занятого человека от дел отрывать.

Но Магистр Хонна, похоже, не очень-то рвался вернуться к делам. Смотрел на меня, как я обычно смотрю на своих кошек. Ну или на синюю птицу Скрыух. С заинтересованным умилением.

– Что, надеешься вызнать, зачем я затеял этот балаган с воодушевляющими пророчествами? – подмигнул мне он. – А спросить прямо неловко?

– Нннууу... Да.

– Так вот, лично я ничего не затевал. Мне и без ярмарочных выступлений совсем неплохо жилось. Я не заскучал. Не истосковался по ученикам, как вы все наверняка решили. И так есть, чем заняться.

– Но кто же тогда?..

– Мир, – усмехнулся он. – Хочешь верь, хочешь нет, а этот балаган затеял наш Мир. Взял меня за шиворот и погнал на ярмарочную площадь. Просто я оказался вполне подходящим инструментом, к тому же, достаточно чутким, чтобы не иметь возможности игнорировать явственно

высказанное желание Мира: «Сейчас надо действовать так». Никогда не умел его не слышать. И Орден свой распустил ровно по той же причине: Мир захотел, чтобы не стало магических Орденов. Просто все остальные Великие Магистры оказались редкостными тупицами. Кроме меня и Мабы Калоха никто не почувял, как сменился ветер. А если и почувяли, то не так остро, чтобы это стало руководством к действию. Бедные дураки. Жить в Мире и не выполнять его явно высказанную волю, конечно, можно. Но недолго. И, как правило, довольно невесело. Такой судьбе не позавидуешь.

Я согласно кивнул. Очень хорошо понимал, о чём он говорит.

Спросил:

– А сейчас? Что происходит с Миром сейчас? Чего он хочет?

– Изменений, чего же ещё, – пожал плечами Магистр Хонна. – Мир всегда хочет от людей одного и того же – изменений. Но не каких попало, а подобных тем, что происходят в данный момент с ним. Вот как ты думаешь, почему начались Смутные Времена?

Я надеялся, что вопрос риторический, но нет, похоже, он ждал ответа.

– Потому что адепты магических Орденов не справились с силой, которая стала им доступна? – неуверенно предположил я.

И неожиданно угадал.

– Совершенно верно. Но не только мы. В смысле не в одних Орденах дело. Вообще все не справились. Большинство жителей Угуланда так и не научились соответствовать возможностям, которые открывает магия. Магия, даже самых низких, общедоступных ступеней – это же не просто инструмент исполнения собственных прихотей, а способ взаимодействовать со всем Миром сразу, как с близким другом. То есть совместными усилиями делать всякие интересные вещи, осознавая, что сама возможность объединения гораздо важнее для обеих сторон, чем любой результат.

Я невольно улыбнулся.

– Какая хорошая формула дружбы!

– Не сомневался, что тебе понравится. Но всё равно рад лишний раз убедиться, что с приоритетами у тебя всё в порядке, а значит, доставшееся тебе могущество в хороших руках. Ты явно знаешь, как им распорядиться.

Я не стал говорить, что не знаю. Потому что и так ясно, он ответит, что в данном случае не знать – это и есть знать. И я, конечно, соглашусь, куда деваться.

– Но речь сейчас не о тебе, а о Смутных Временах. О том, что когда место, исполненное великой силы, оказывается населено по большей части простодушными корыстными существами, не способными

заинтересоваться ничем, кроме своего корыта с похлёбкой и ещё пары соседских, которые неплохо бы прибрать к рукам, взрыв неизбежен. Потому что магия и примитивный прагматизм несовместимы. Это, знаешь, всё равно что привести в свой дом Короля и заставить его мыть полы. Какое-то время он, вероятно, будет выполнять требования – просто из любопытства, потому что никогда прежде ничем подобным не занимался. Но в какой-то момент скажет: «Хватит с меня!» – стукнет кулаком по столу и призовет стражу.

– Да уж, – невольно улыбнулся я.

– Сейчас мы все стоим на пороге очень хороших времён, – сказал Магистр Хонна. – Мир, можно сказать, приходит в себя после долгой болезни – а как ещё назвать его сперва отсроченную, а потом и вовсе отменившуюся гибель? Он снова юн, как в первые дни творения, и не просто исполнен магии, но гораздо более щедр на неё, чем был прежде. Мне ли этого не знать. И это только начало, сэр Макс. Представляешь? Всё, что у нас с тобой есть уже сегодня, – это только начало.

Я слушал его, открыв рот, как ребёнок волшебную сказку, одним из героев которой по чудесному стечению обстоятельств оказался он сам. С ума сойти, какими добрыми оказывается бывают некоторые пророки. Даже именующие себя «правдивыми». А я-то, дурак, привык, что правда редко бывает приятной. По крайней мере, та её часть, которая выпадает на мою долю.

– Поэтому людям тоже надо меняться, – заключил Магистр Хонна. – И не как попало, а вместе с Миром, в котором они живут. Становиться по-детски готовыми к новым открытиям, сильными, щедрыми и достаточно храбрыми, чтобы принять все приготовленные для них подарки. Это вопрос не морали, как может показаться, но элементарного выживания в изменившейся среде. Как всем нам пришлось бы срочно учиться плавать и дышать под водой, если бы сушу собирался поглотить океан.

– Вот оно как, – наконец выговорил я. – И вам пришлось стать... тренером по плаванию?

– Если уж пользоваться твоей метафорой, скорее просто тем, кто разворачивает людей лицом к морю. Для начала, пусть вспомнят, что оно есть. А дальше – сами. Не так уж много надо, чтобы пойти в нужную сторону. Сойдёт любое напоминание о том, что такое настоящая жизнь – при условии, что адресата как следует проймёт. Но это, будем честны, не слишком сложно. Существование утомительно, зато жизнь бодрит и опьяняет – с первого же шага, совсем незначительного на сторонний взгляд.

– И вы подсказываете людям, что за шаг следует сделать первым?

– Первым или три тысячи первым, кому как. Только имей в виду, люди сами себе подсказывают. Человек всегда знает, что ему по-настоящему нужно. Но так забавно устроен, что с места не сдвинется, пока кто-то другой не произнесёт инструкцию вслух. Даже опытным, вроде бы, колдунам вроде тебя и твоих коллег оказалось полезно услышать от постороннего беглого Магистра то, что вы давным-давно знали о себе сами, какой тогда спрос с остальных? Так что скитаться мне по ярмаркам ещё пару сотен лет, как минимум. Мир довольно велик. И народу полно.

Я сочувственно покачал головой, оценив масштабы предстоящей ему работы.

– Да не то чтобы я против, – улыбнулся Магистр Хонна. – Когда заказчик – Мир, он расплачивается силой и радостью; впрочем, это ты знаешь и сам. К тому же, внезапно выяснилось, что мне нравятся мои клиенты. Этого я, положив руку на сердце, совершенно не ожидал. Прежде люди, не сформированные сколь-нибудь серьёзной магической традицией, представлялись мне существами скучными и бесполезными. Так и есть, но только до тех пор, пока не заглядываешь в самую их глубину. А там – свет и покой, и вечная буря, и ярость, и воля, и жажда, и смысл – всё, к чему мы привыкли, имея дело друг с другом и с самими собой. По большому счёту, вообще никакой разницы, а по малому – вывернуть бы всех наизнанку, сияющей глубиной наружу, то-то тогда заживём! В общем, есть ради чего стараться, сэр Макс. И я точно знаю: всё у нас на этот раз получится. Вернее, оно уже получилось, где-то там, в каком-нибудь далёком послезавтрашнем дне. Осталось только до него дожить. И задача вовсе не представляется мне непосильной, доживём, как миленькие, это я тебе как Правдивый Пророк говорю.

Умолк, подмигнул мне – дескать, смотри, не подведи, доживи – и исчез. Конечно же, вместе со своим полосатым шатром. А я остался сидеть на ковре, такой же ошеломлённый и взволнованный, как собаки, отметившие внезапное исчезновение Магистра Хонны звонким лаем. Нормальная реакция здорового организма, гав.

...У моего организма тоже есть своя нормальная реакция на все экстраординарные события: идти в Дом у Моста. Совсем не факт, что там можно будет обрести утраченное душевное равновесие, зато отвлечётся удастся на славу. Как минимум, созерцанием сэра Мелифаро, одетого в целую стопку тончайших коротких лоохи – зелёных и золотых, как велел выпрямляющий наши пути Правдивый Пророк. Очень жаль, что он не сообщил бедняге, что покрой одежды тоже имеет значение. Но наверное, не

всё сразу. Зря я так тороплюсь.

Два часа и примерно восемь кружек камры спустя, я понял, что иных развлечений мне сегодня в Доме у Моста не светит. И не то чтобы по-настоящему приуныл, но решил сменить обстановку. И, попрощавшись, пошёл было к выходу, но мне не дали. Джуффин возник на моём пути, натурально как чёртик из табакерки. Скрестил руки на груди, грозно спросил, приподняв бровь:

– Интересно, куда это ты собрался?

Я так удивился, что даже не нашёлся с ответом. Только руками развёл, как бы демонстрируя, что Мир велик, и никогда заранее не знаешь, в какую его часть тебя занесёт.

– Это ты только думаешь, будто свободен как ветер. А на самом деле у тебя ещё гора работы, – ухмыльнулся шеф Тайного Сыска. И распахнул дверь своего кабинета, чтобы наглядно продемонстрировать мне эту гору.

Гору простых нерасписанных тарелок, громоздящуюся на его рабочем столе.

Я хотел спросить, что это за идиотский розыгрыш в духе раннего сэра Мелифаро, но от изумления утратил дар речи. Поэтому просто открыл рот. Но очень возмущённо.

– Тарелки для чангайского посла, – объяснил Джуффин. – Мы обещали леди Мариенне придумать, как заколдовать посуду, чтобы магия продолжала работать у них в Чангайе.

– Мы?!

– Ну ладно, я обещал. Но ты мне всё равно нужен.

– Зачем?

– В качестве инструмента. Я, видишь ли, внезапно понял очень простую вещь. Если эти тарелки заколдуешь ты, они будут прыгать и ругаться хоть в Чангайе, хоть в Шиншийском Халифате. Да хоть в ином Мире. Ты же упрям, как сотня дюжин твердолобых арварохских вождей. И ни за что не допустишь, чтобы совершенное тобой колдовство позволило себе безответственно рассеиваться только потому, что Сердце Мира, видите ли, несколько далековато.

Я был вынужден признать, что в его словах есть некоторый смысл.

– У твоего плана всего один недостаток, – наконец сказал я. – Зато роковой. Я не умею заколдовывать тарелки, чтобы они прыгали и ругались. Потому что только притворяюсь великим магом, а на самом деле – обычный шарлатан.

– Да ерунда, я тебя научу, – отмахнулся Джуффин. И, поглядев на мою кислую физиономию, добавил: – По-моему, ты до сих пор не понял

главного. Если именно ты заколдуешь эти грешные тарелки, они будут ругаться, как ты сам пожелаешь. Скажут всё, что ты им велишь.

– Ого! – присвистнул я. – Это действительно меняет дело. Мне как раз есть, что сказать Миру.

– Я так и подумал, что ты оценишь возможность откровенно высказаться, – кивнул сэр Джуффин Халли. – Только учти, я буду бесцеремонно подслушивать. Лишняя порция новых устрашающих знаний никогда не повредит.

---

notes

Примечания

Вероятно, это был *уладас* – своеобразный гибрид паланкина и дивана, возлежа на котором состоятельные куманцы при помощи носильщиков перемещаются по городу и даже по собственному дому.

Фаффы – так называемые «невидимые люди». Отличаются удивительным свойством то и дело исчезать или просто сливаться с окружающим миром. В комнате их нередко принимают за предмет обстановки, в лесу – за дерево, а в пустом пространстве их вообще не разглядеть. Фаффам приходится прилагать специальные усилия, чтобы оставаться видимыми и выглядеть как люди. Но их потомки от смешанных браков с людьми или крэйями невидимость не наследуют. Считается, что и сами фаффы, и их потомки очень легко обучаются Очевидной магии. Общеизвестно, что основатель Соединенного Королевства Халла Махун Мохнатый был чистокровным фаффом. Собственно говоря, «Мохматым» его прозвали из-за шубы, с которой Халла Махун не расставался даже летом, заботясь о том, чтобы его всегда было видно.

Хлеххелы отличаются от обычных людей, в первую очередь, способностью и (зачастую, но не всегда) потребностью подолгу жить под водой. В Ехо живет несколько семейств чистокровных хлеххелов, и все они имеют по два дома – на суше и на дне Хурона. Городские власти отвели им под строительство специальный участок реки, там, где не ходят суда.

Жители Соединённого Королевства считают, что к последнему дню года должны быть выполнены все данные в течение этого периода обещания, розданы долги, оплачены счета, приняты приглашения и разосланы ответы на письма. Если учесть, что это ещё и время сдачи годовых отчётов во всех государственных учреждениях, становится понятно, почему конец года является очень непростым периодом для подавляющего большинства граждан.

То есть, строго говоря, после смерти. Харумба – город мёртвых в Уандуке; те немногие, кому удалось купить или иным образом заслужить право там поселиться, получают возможность вести после смерти привычный образ жизни, только в более комфортном варианте, без болезней и повседневных хлопот. Однако возможности покинуть Харумбу или каким-либо образом продолжать общение с оставшимися в живых у них нет; впрочем, известны прецеденты, когда некоторым особо настырным покойникам удавалось уговорить стражей Харумбы передавать живым их письма. Всё тот же Нуфлин Мони Мах, узнав, что место Великого Магистра Ордена Семилистника через несколько лет после его смерти занял Шурф Лонли-Локли, бомбардировал гневными посмертными письмами Короля, леди Сотофу Ханемер и вообще всех подряд, включая редакции газет. И бессмертные стражи Харумбы как миленькие мотались с почтой с континента на континент, потому что им самим было интересно, чем это дело закончится.

Подробно эти события изложены в повести «Белые камни Харумбы».

Кейифайи, или, как называют их люди, эльфы (термин не должен обманывать читателя, с эльфами, описанными в нашей мировой литературе, кейифайи имеют довольно мало сходства) изначально населяли материк Уандук, где до сих пор живут их потомки, по большей части, от смешанных браков, хотя чистокровные кейифайские семьи тоже до сих пор встречаются. Обо всех расах, населяющих Мир, очень подробно рассказывается в повести «Наследство для Лонли-Локли».

Крэйи – исконные обитатели материка Хонхона. Среди них есть оборотни, гномы, великаны, невидимые люди, амфибии, живые камни и другие удивительные существа.

Драххи – разновидность крэйев. На первый взгляд, они ничем не отличаются от обычных людей, но обладают множеством особенностей. Как и все крэйи, драххи понимают язык зверей, птиц, рыб, деревьев, камней и грибов. Собственная традиционная магия драххов основана на их тесной связи с природой Хонхоны, поэтому из них обычно получают отличные знахари, травники и лесные колдуны. При этом Очевидной магии чистокровные драххи практически не обучаются, а их потомки от браков с людьми – гораздо медленнее, чем прочие.

Сэр Цвахта Чиям, Магахонский лесничий, о знакомстве с которым рассказано в повести «Магахонские лисы», в корне не согласен с этим предположением и чрезвычайно им возмущён.

Городок в Гугланде, на берегу Гугландского залива.

Городок на границе Угуланда и Графства Шимаро.

То есть по нашим меркам, лет шестнадцати.

Меритократия – букв. «власть достойных», принцип управления, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального происхождения и финансового достатка.

Тимократия – форма правления, при которой государственная власть находится у привилегированного меньшинства, обладающего высоким имущественным цензом

Демархия – форма прямой демократии, когда случайно выбранные граждане принимают политические решения от имени всего населения.

Хальфагула (хальфагул) – высокое воинское звание в Куманском Халифате, примерно соответствующее генеральскому.

Подробности изложены в повести «Дорот, повелитель Манухов».

Подробности изложены в повести «Неуловимый Хабба Хэн».

Речь о событиях, изложенных в повести «Белые камни Харумбы».

Подробности изложены в финале повести «Наследство для Лонли-Локли».

Подробности изложены в повести «Возвращение Угурбадо».

Подробности изложены в повести «Камера № 5-хox-ay».

О причинах отсутствия в Море художественной литературы рассказывается в книге «Дар Шаванахолы».

Речь о событиях, описанных в повести «Тихий город».

О Мохи Фаа и его трактире «Джуффинова Дюжина» рассказывается в повести «Очки Бакки Бугвина».

Феномен, известный под названием «Ужас Магов» был описан в повести «Тёмные вассалы Гленке Тавала». Суть его в том, что когда какой-нибудь могущественный человек боится чего-то несуществующего, его страх в определённых обстоятельствах может овеществиться и причинить боящемуся совершенно реальный ущерб.

Персонаж повести «Возвращение Угурбадо», как-то ухитрявшийся существовать в двух отдельных телах – великана и карлика.

Речь о событиях, описанных в повести «Тень Гугимагона».

Пэпэо – чрезвычайно популярное в Уандуке лакомство растительного происхождения, возможно обладающее психотропными свойствами. Но доподлинно это никому не известно, поскольку единственное пока путешествие сэра Макса в Куманский Халифат драматически не совпало с сезоном урожая пэпэо.

Более подробно эта история изложена в повести «Ворона на мосту».

Речь о событиях, описанных в повести «Дорот, повелитель Манухов».

Хохенгрон – тайный язык тубурских горцев, на который они переходят, когда хотят поговорить о сновидениях, смерти и погоде. Считается, что повседневная речь не подходит для разговоров на столь непростые темы, причем дело даже не в недостатке нужных слов – в таких случаях требуется совсем иная логика и соответствующая ей структура речи. Например, в хохенгрене всякая фраза, даже аналог наших «да» и «нет», начинается со слова «клёххх», в примерном переводе – «как будто». Пока ты говоришь на этом языке, об определенности лучше забыть. Другая особенность: в хохенгрене нет существительных, только глаголы, прилагательные, наречия и причастия, поскольку, как полагают жители Тубурских гор, всякое живое существо и любой предмет – недолговечная иллюзия, зато действия, качества, обстоятельства и состояния – объективная, хоть и чрезвычайно изменчивая реальность. Более подробно о хохенгрене рассказывается в повести «Тубурская игра».

Этот эпизод, который мы все предпочли бы забыть, описан в повести «Тень Гугимагона».

Столица государства Изамон.

Городок в Тубуре.

О происхождении нынешнего заместителя начальника Городской Полиции Трикки Лая рассказывается в повести «Туланский детектив».

Подробный рассказ в повести «Ворона на мосту».